

OCR: Ихтик (г. Уфа)
http://ihtik.da.ru
Ihtik@ufacom.ru

Новейший философский словарь
Минск – 1999 г.
Научное издание

Главный научный редактор и составитель – ГРИЦАНОВ А.А.
Научные редакторы: АБУШЕНКО В.Л., МОЖЕЙКО М.А., РУМЯНЦЕВА Т.Г.
Ответственный секретарь и редактор – МЕРЦАЛОВА А.И.

Рецензенты:
АЛПЕЕВА Т.М., доктор философских наук
ВОДОПЬЯНОВ П.А., доктор философских наук
СИНЯКОВ С.В., доктор философских наук
СМИРНОВА Р.А., доктор философских наук
ТОРОСЯН В.Г., доктор философских наук

Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.

ISBN 985-6235-17-0

"Новейший философский словарь" включает в себя около 1400 аналитических статей, охватывающих как всю полноту классического философского канона (в его Западном, Восточном и восточно-славянском вариантах), так и новейшие тенденции развития философии в контексте культуры постмодерна. Более 400 феноменов и персоналий впервые введены в энциклопедический оборот. Словарь предназначен для специалистов в области философии, культурологии, социологии, психологии, а также для аспирантов и магистрантов гуманитарных специальностей. Может быть использован учащимися лицеев и колледжей с углубленной гуманитарной подготовкой.

Тираж 10 000 экз.
Издатель В.М. Скакун. Лицензия ЛВ № 293 от 06.05.98. 220040 г. Минск, ул. Л.Беды, 3.

Абсолютное и Относительное.....	1
Абстрактное и Конкретное	2
Абстракция.....	2
Абсурд.....	3
Абулия.....	3
Автономия.....	6
Аддитивность.....	9
Адекватный	9
Адиафора.....	10
Аксиология.....	15
Аксиоматический метод	17
Аксиометрия	18
Актуализация	18
Акциденция	18
Акция	19
Алгоритм.....	19
Альтруизм	21
Амбивалентность	22
Анализ и Синтез.....	24

Аналитика.....	24
Аналитическая философия.....	24
Аналогия.....	26
Анамнесис.....	26
Анархия.....	27
Анимизм.....	28
Аномия.....	29
Антиутопия.....	31
Антропный принцип.....	38
Антропоанализ.....	38
Антропологизм.....	38
Антропология.....	39
Антропология культурная.....	39
Антропотехника.....	41
Апория.....	44
Апостериори.....	44
Апофатическая теология.....	44
Аргументация.....	45
Барт.....	56
Белл.....	62
Бурдье.....	102
Бюрократия.....	105
Верификация.....	114
Вероятность.....	115
Власть.....	124
Тендер.....	155
Генезис.....	156
Генерализация.....	156
Геополитика.....	157
Герменевтика.....	160
Гипотеза.....	170
Гипотетико-дедуктивный метод.....	171
Гносеология.....	174
Госпитализм.....	178
Государство.....	178
Гуманизм.....	185
Девиантная наука.....	198
Дедукция.....	198
Деконструкция.....	203
Денотат.....	207
Деонтология.....	207
Деррида.....	207
Десигнат.....	208
Деструдо.....	208
Деструкция.....	208
Дефиниция.....	209
Дилемма.....	218
Дискурс.....	222
Доказательство.....	225
Закон.....	243
Знак.....	246
Игра.....	252
Идеальный тип.....	255
Идеальных типов метод.....	255
Идентификация.....	256
Идеология.....	256
Идиографический метод.....	257
Измерение.....	258
Индукция.....	265
Иновация.....	268
Институт социальный.....	269
Инструментализм.....	269
Интроекция.....	272
Интроспекция.....	272
Исихазм.....	283
Ислам.....	286
Категория.....	310
Катексис.....	311
Каузальность.....	311
Класс.....	316
Классификация.....	316

Коммунизм	322
Коммуникация	322
Комплекс	323
Конвенционализм	323
Коннотация	325
Консерватизм	325
Конструкт	327
Конструктивный тип	327
Контекст	329
Конфигурирование	330
Концепт	331
Концептуализация	331
Концептуализм	332
Кун	348
Леви-Стросс	358
Легитимность	360
Либерализм	365
Лингвистический поворот	367
Лингвистической относительности концепция	367
Логика	371
Маргинальность	397
Метод	420
Метод свободных ассоциаций	420
Методология	420
Моделирование	435
Модель	435
Модернизации концепция	435
Модернизм	438
Мотив	445
Мотивация	445
Мысленный эксперимент	448
Наблюдение	452
Нарратив	453
Наука	457
Научная картина мира	459
Национализм	459
Нация	460
Неопозитивизм	463
Номинализм	471
Номотетический метод	471
Ноосфера	471
Норма	472
Обоснование	476
Образ жизни	476
Объяснение	484
Операционализация	487
Операционализм	488
Операциональное определение понятий	489
Описание	490
Опровержение	492
Опыт	492
Оценка	502
Парадигма	504
Плюрализм	525
Подтверждение	526
Подход	526
Позитивизм	527
Познание	527
Понимание	531
Понимающая социология	532
Понятие	533
Постмодернизм	536
Постпозитивизм	537
Постструктурализм	537
Постулат	537
Прагматизм	541
Праксеология	541
Практика	542
Представление	543
Принцип	544
Проблема	546

Проблематизация.....	547
Прогноз.....	548
Прогнозирование.....	549
Программа.....	549
Программирование.....	550
Проект.....	552
Проектирование.....	553
Противоречие.....	558
Ритуал.....	574
Семиотика.....	608
Силлогизм.....	612
Симулякр.....	617
Система.....	619
Смысл и значение.....	629
Сопrotивление.....	641
Сосcюр.....	643
Социальный институт.....	660
Социограмма.....	664
Социоматрица.....	670
Социометрический тест.....	671
Социометрия.....	671
Структура.....	686
Структурализм.....	686
Суждение.....	689
Суфизм.....	689
Схема.....	692
Текст.....	704
Теория.....	709
Термин.....	709
Терминизм.....	710
Тест.....	712
Типологизация.....	715
Токвиль.....	717
Топика.....	720
Традиция.....	724
Умозаключение.....	739
Универсалии.....	741
Фальсификация.....	745
Феминизм.....	749
Формализация.....	772
Фуко.....	782
Функция.....	783
Ценностные ориентации.....	798
Ценность.....	798
Эвдемонизм.....	829
Экзегетика.....	832
Эксперимент.....	838
Экспликация.....	838
Экстраполяция.....	839
Экстремальная ситуация.....	839
Эманация.....	843
Эмпиризм.....	845
Эмпирическое и Теоретическое.....	845
Энциклопедия.....	846-847
Этнометодология.....	854
Этнос.....	856
Этноцентризм.....	856-857
Язык.....	863-868
Языковые игры.....	869-870

АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ— философские категории, обозначающие ступени познания действительности, выраженные в гносеологическом законе восхождения от А. к К. А. (лат. abstractio — отвлечение, удаление) — мысленный образ, полученный путем отвлечения (абстрагирования) от тех или иных несущественных свойств или отношений предмета с целью выделения его существенных признаков; теоретическое обобщение, позволяющее отразить основные закономерности исследуемых явлений, изучать и прогнозировать новые, неизвестные закономерности. В качестве абстрактных объектов выступают целостные образования, составляющие непосредственное содержание человеческого мышления (понятия, суждения, умозаключения, законы, математические структуры и др.). Специфика абстрактного объекта определяется спецификой абстракции. Различают несколько типов абстракции: 1) абстракция отождествления, или обобщающая абстракция, в результате

которой выделяется общее свойство исследуемых объектов. Данный вид абстракции считается основным в математике и математической логике. Например, взаимно однозначное соответствие между множествами характеризуется тремя важнейшими свойствами: симметричностью, транзитивностью и рефлексивностью. Если между определенными объектами существуют отношения с данными свойствами, то с помощью такого отношения, аналогичного равенству, выделяется некоторое общее свойство, присущее всем этим объектам; 2) абстракция аналитическая, или изолирующая, в результате которой четко фиксируются свойства объектов, обозначаемые определенным именем ("теплоемкость", "растворимость", "непрерывность", "четность", "наследственность" и др.); 3) абстракция идеализирующая, или идеализация, в результате которой образуются понятия идеализированных (идеальных) объектов ("идеальный газ", "абсолютно черное тело", "прямая" и др.); 4) абстракция актуальной бесконечности (отвлечение от принципиальной невозможности зафиксировать каждый элемент бесконечного множества, т.е. бесконечные множества рассматриваются как конечные); 5) абстракция потенциальной осуществимости (отвлечение от реальных границ наших возможностей, нашей ограниченности собственной конечностью, т.е. предполагается, что может быть осуществлено любое, но конечное число операций в процессе деятельности). Иногда как особый тип выделяют абстракцию конструктивизации (отвлечение от неопределенности границ реальных объектов, их "огрубление" с целью схватывания в "первом приближении". Пределами или интервалами А. как обобщенного образа являются интерпретации (например, понятие мнимого числа) и информационная полнота (наличие семантической интерпретации и осмысление на материальных моделях). К. (лат. *coppositio* – густой, твердый, сросшийся) – реально существующее, вполне определенное, точное, предметное, вещественное, рассматриваемое во всем многообразии свойств и отношений (в отличие от А.). К. в мышлении – это содержание понятий, отражающих предметы или явления в их существенных признаках, деление понятий на К. и А. в логике есть следствие различения отображения предмета и его свойства.

С.В. Воробьева

АБСТРАКЦИЯ (лат. *abstractio* – отвлечение, удаление – введено Воэцием как перевод греческого термина, употреблявшегося Аристотелем) – одна из важнейших операций мышления. Мысль человека отвлекает нечто от непосредственно данного воспринимаемого представления и сохраняет этот фрагмент для осуществления последующих фазисов мыслительного процесса. Из соответствующего представления элиминируется несущественное и таким образом выявляются определенные основания его подлинной сущности. Результаты А. – образы реальности – традиционно обозначаются тем же термином. Для различения результата А. и самого процесса А. последний называют иногда абстрагированием. А. предполагает отказ от фиксации единичного, случайного в пользу вычленения общего, необходимого в целях обеспечения истинного познания мира. Потребность в А. задается исследовательской ситуацией, когда становятся явными отличия между характером интеллектуальной проблемы и бытием объекта в его конкретности (возможность восприятия и описания горы как геометрической формы, а движущегося человека – в качестве некоей совокупности механических рычагов). В европейской философии и логике А. трактуется, как правило, как способ поэтапного мысленного членения объекта, продуцирующий понятия, которые, в свою очередь, образуют все более общие изображения реальности. (Важной в границах методологии науки является проблема взаимосвязей А. "первого", "второго" и т.д. порядков, а также о возможностях их редукции). В процедуре А. очевидны две ипостаси процесса познания: первая отражает направленность внимания на то, что именно вычленяется; вторая – на то, от чего именно осуществляется отвлечение. Акцент на той или другой стороне указанного процесса (при их взаимодополнительности) часто приводит к полярным выводам относительно роли А.: либо их рассматривают как значимый источник поступления данных о мире, либо как процедуру, приводящую к их искажению и обеднению. (Уяснение того, какие именно из свойств предмета или явления являются для них "посторонними" – по сути главный вопрос оперирования с А.). Понятие "интервал А." выражает наличие степеней свободы в процедурах отвлечения от тех или иных свойств объектов. Наиболее развитой системой А. обладает математика. В целях более успешной реализации человеком своих проектов А. также используются для выделения таких специфических особенностей объектов, без учета которых эффективная преобразующая деятельность людей невозможна. (Экологические программы и все случаи взаимодействия человека с самоорганизующимися системами, когда рефлексия над объектом изменяет сам объект).

А.А. Грицанов

АБСУРД (лат. *ad absurdum* – исходящий от глухого) – термин интеллектуальной традиции, обозначающий нелепость, бессмысленность феномена или явления. В истории философии понятие "А." стало использоваться экзистенциализмом как атрибутивная характеристика отношений человека с миром, лишенным "смысла" и враждебным человеческой индивидуальности. Осознание отчуждения человека от мира и самоотчуждения индивида порождает "абсурдное сознание" (Камю, "Миф о Сизифе. Эссе об абсурде"). Понятие А. нередко использовалось и для критики претензий научного разума, бессильного перед

непостижимостью мира, которую можно постичь лишь через художественное сознание. Тема А. была присуща творчеству С.Беккета, Э.Ионеско, С.Дали, А.Тарковского и мн. др.). В традиционной логике "доведение до А." предполагает доказательство внутренней противоречивости утверждения. В повседневной жизни понятием "А." принято обозначать утрату субъектом действия его смысла. При условии недостаточности инструментария и информации для адекватной оценки ситуации и принятия сбалансированного решения, как "абсурдную" оценивают саму ситуацию.

А.А. Грицанов

АБУЛИЯ (греч. а – отрицательная частица, bule – воля) – совокупность определенных патологических нарушений психической регуляции поступков и действий человека, сопровождающихся нерешительностью; слабоволие (не смешивать с одноименной чертой человеческого характера). Сопряжена с проявлениями ипохондрии, меланхолии и неврастении. Нередко обусловлена конфликтом между различными чувствами и представлениями. Во внешне безвыходных ситуациях А. может выявиться как побочное следствие вывода о бессмысленности любых позитивных действий.

А. А.Грицанов

АВТОКРАТИЯ – (греч. autos – сам и cratos – власть) форма государства, где высшая государственная власть принадлежит одному субъекту. Данный субъект – глава государства – является источником и носителем суверенитета государственной власти. Суверенный субъект обладает высшей законодательной, исполнительной и судебной властью. Население, в том числе экономически господствующий социальный класс, прямого правового участия в образовании государственных органов не принимает, либо это участие носит формальный характер и не оказывает существенного влияния на функционирование государственных институтов. Автократические формы государства характеризуются также жесткой централизованной властью, при которых местные органы являются лишь исполнителями воли высших органов. А. по способу замещения главы государства можно классифицировать следующим образом: наследственную А. (абсолютную монархию); легальную А., возникающую в результате выборов лиц (институций), которым придаются неограниченные полномочия; нелегальную А., возникающую вследствие насильственного захвата власти. В зависимости от объема функций управления общественной жизнью (в том числе ее экономической областью), принимаемых на себя государственными органами, А. делятся на тоталитарные и авторитарные формы государства. Если первая из них основана на моральной поддержке большинства населения, предполагает его формально-демонстрационное участие в формировании органов государственной власти и активное вмешательство государства во все сферы общественной жизни, то вторая – проявление относительной самостоятельности государства и его аппарата, независимости последних от определенных социальных сил. Круг вмешательства авторитарного государства в общественную жизнь ограничен, как правило, лишь политической сферой.

С.Ю. Солодовников

АВТОНОМИЯ (греч. autos – сам и nomos – закон) – наличие у объекта или явления имманентных собственных закономерностей существования и развития. Можно говорить об А. органической жизни по отношению к неорганической, об этической А., т.е. этическом самоопределении человека на основе собственных разума и сил в соответствии со своей природой. По Канту, только такое самоопределение соотнобразуется с достоинством морально зрелой личности. Противоположность А. – гетерономия.

С.Ю. Солодовников

АДДИТИВНОСТЬ (лат. addere – добавлять) – понятие, посредством которого обозначается нечто суммативное, не образующее органической цельности.

С.Ю. Солодовников

АДЕКВАТНЫЙ (лат. adaequatus – приравненный) – соразмерный, соответствующий, согласующийся, равный, эквивалентный. Представление, образ, знание считаются А., если они соответствуют вещи, оригиналу, объекту, к которому относятся, если они "правильны", несут характер объективных истин. В этом контексте истина есть адекватность мышления бытию. (Фома Аквинский: "Истина есть соответствие предмета и представления"). Противоположность А. – неадекватный, инадекватный.

А. А. Грищанов

АДИАФОРА (греч. *adiaphora* – безразличное, малозначительное) – термин для фиксации индифферентного. Согласно учению киников и стоиков, А. – расположенное между Добром и Злом, добродетелью и пороком, не имеющее значения с позиции морали. Зенон-стоик учил: "Во всем том, что существует, одна часть составляет благо, другая зло, а третья есть адиафора... это суть жизнь и смерть, честь и бесчестье, удовольствие и боль, бедность и богатство, здоровье и болезнь...". Эту точку зрения, разделенную впоследствии идеологами ордена иезуитов, жестко отвергал Фихте, утверждавший, что в сфере этического нет и не может быть А.
С.Ю. Солодовников

АДОРНО (Adorno), Визенгрунд-Адорно (Wiesengrund-Adorno) Теодор (1903-1969) – немецкий философ, социолог, музыковед, композитор. Один из ведущих представителей Франкфуртской школы, внес крупный вклад в эстетику модернизма. Творческую деятельность А. начал уже в 17-летнем возрасте с опубликования первой критической статьи "Экспрессионизм и художественная правдивость" (1920), в которой речь шла об экспрессионистской драме. Следом появляются полемические и критические статьи преимущественно о музыке. В них предметом рассмотрения А. становятся музыкальные направления, формирующие образ "музыкального ландшафта" 1920-х. При этом метод анализа А. феноменов передачи музыкального содержания характеризуется акцентированием не художественной выразительности, а когнитивного потенциала музыки, что свидетельствует о рациональном осмыслении музыкального материала. С начала 1920-х вовлечен в интеллектуальную орбиту Франкфуртского института социальных исследований, вокруг которого стала складываться т.н. Франкфуртская школа. Философия А. строилась на исходном мотиве о необходимости подвергать критике любые теории общества по мере исторического изменения последнего. Ранние философские работы А. были посвящены критическому разбору философских систем Кьеркегора и Гуссерля, которые критиковались им за пренебрежение факторами социальной реальности и приоритетную трактовку субъекта. В этот же период ярче всего сказались симпатии А. по отношению к марксизму, – марксизму неортодоксальному, разработанному Лукачем и Коршем, некоторые установки которого А. будет разделять в течение всей жизни. Наиболее значимой для философии А. была марксистская концепция товарного фетишизма, интегрированная с идеей Лукача об "овеществлении". В 1934 А. эмигрировал из фашистской Германии в Великобританию, с 1938 жил в США. В эмиграции связи А. с институтом особенно укрепились, обернувшись интенсивным интеллектуальным сотрудничеством. Результатом стала одна из важнейших работ А. "Диалектика просвещения" (1947), написанная им совместно с Хоркхаймером. В ней авторы бросили вызов вере в исторический прогресс, которая составляла незыблемый потенциал марксистской традиции. История общества интерпретирована в книге как универсальная история просвещения. Показано, что в ходе борьбы за выживание человек вынужден постоянно совершенствоваться в управлении миром в своих собственных субъективных целях. Эта постоянная ориентация на господство изменяет сущность человеческого мышления, делая его несостоятельным в осуществлении своей собственной саморефлексии, низводя разум до значения неизменного во всех ситуациях инструмента. Так процесс просвещения оборачивается последовательной рационализацией мира в субъективно-инструментальном смысле. В ходе ее человеческий разум опускается до слепой процедуры формального автоматизма, осуществляемой им исключительно в поле действия самого себя. Логическая и техническая "аппаратура подавления" внешней природы, созданная человеком с помощью науки и техники, через господство и разделение труда подавляет и природу самого человека. Он все меньше распоряжается созданной аппаратурой, которая все более обособляется от него. Опасность медленного дрейфа человеческого миропонимания в сторону укрепления пустого автоматизма сложившихся стереотипов, действующих по правилам, узаконенным лишь силой привычки, еще острее будет обозначена в следующей совместной работе А. и Хоркхаймера "Авторитарная личность" (1950). Люди, считают авторы, сплывшая в ходе рационализации в "узловые пункты установившихся реакций и укрепившихся представлений", обнаруживают завуалированные склонности к авторитаризму. На основе проведенных в 1940-е социологических исследований А. выявил весьма симптоматичное для антидемократической структуры сочетание таких личностных черт как конвенциональность, покорность власти, деструктивность и цинизм. В "авторитарной личности" А. усматривал проявление недуга позитивистской цивилизации, результат действия ее тоталитарных тенденций. Вместе с тем франкфуртские теоретики не утверждали, что просвещение было полностью репрессивным или что инструментальный разум будет полностью отвергнут. Своей критикой прогрессивного историзма они надеялись подготовить в интеллектуальной сфере почву для поиска концепции справедливого общества. В 1950-1960-е А. продолжал входить в число ведущих мыслителей Франкфуртской школы. Это был наиболее плодотворный период творческой деятельности А. Были написаны, в частности, весьма значительные философские произведения: "К метакритике эпистемологии" (1956), "Негативная диалектика" (1966), "Эстетическая теория" (1970). В них получила дальнейшее развитие развернутая им ранее

совместно с Хоркхаймером теория рациональности. В этих же работах А. разрабатывает свою негативную диалектику как диалектический способ противоречиво мыслить о противоречиях. Недовлетворенность А. формально-логическим мышлением была вызвана его глубокой убежденностью в том, что между вещами и их понятиями имеет место конфронтация, в условиях которой угнетается "нетождественное", т.е. "то, что не уступает себя понятию, дезавуирует в-себе-бытие этого понятия". Высказываясь против систематизации, детерминированности, категориального аппарата как инструментов формально-логического мышления, А. основным принципом своей "негативной диалектики" делает принцип отрицания "тождества". В ее рамках А. отклоняет категорию диалектического снятия, которая вмещалась Гегелем в качестве неперменного условия осуществления философской системы. А. переосмысливает гегелевскую категорию "определенного" (bestimmte) отрицания, придавая отрицанию другое значение. Если по Гегелю оно являлось движущим моментом, в соответствии с которым диалектика подводила к развертыванию и снятию, то А. поворачивает его как "твердое", "непоколебимое" (unbeirrte) отрицание, которое более не должно приступать к снятию. Принимая во внимание руководящую для Франкфуртской школы идею о социальной обусловленности всех форм духовной жизни, которая и сообщает социальный подтекст адорновской интерпретации логики движения мышления, возможно подчеркнуть, что и в негативной диалектике А. выражается реакция на бесчеловечную общественно-историческую реальность. А. не удовлетворяет позитивное гегелевское отрицание, поскольку он рассматривает его как санкционирующее существующий порядок вещей. Последний, по мнению А., оказывается "недостаточно отрицаемым". В таком истолковании отрицания содержится решающий момент, отделяющий негативную диалектику А. от диалектики Гегеля. Важнейшую часть теоретического наследия А. составляет философская критика культуры, в сферу которой входят все его многочисленные музыкально-критические работы. Среди них "Философия новой музыки" (1949), "Опыт о Вагнере" (1952), "Призмы. Критика культуры и общество" (1955), "Диссонансы. Музыка в управляемом мире" (1956), "Введение в социологию музыки" (1962). Ключевое значение в этих работах получила критика "массового" коммерческого искусства, искажающего, по А., сознание людей до уровня, на котором критическое мышление оказалось под угрозой искоренения. Стандартизация и псевдоиндивидуализация опровергали притязания массовой культуры угодить индивидуальным вкусам. Критическому сознанию и счастью отдельной личности, по А., могло бы способствовать только "аутентичное" искусство, под которым у него подразумевалось искусство стиля "модерн". Искусство, которое сознательно разоблачает собственные притязания на целостность и самодостаточность, по мнению А., более способно к продуктивному отрицанию общественной реальности, нежели то, которое продолжает держаться своей претенциозности. А. разработал философско-эстетическую концепцию "новой музыки", отстаивая позиции эстетического модернизма и протестуя против призывов вернуться к классической или реалистической альтернативам искусства. Труды А. оказали влияние на современную западную философию, социологию, эстетику, музыковедение, а также на идеологию леворадикального студенческого движения 1960-х. С.Н. Александрова

АЙЕР (Ауег) Алфред Джулс (1910-1989) – британский философ и логик, представитель неопозитивизма. Профессор Лондонского (1946-1959) и Оксфордского (1959-1978) университетов. Философские взгляды А. сформировались под воздействием Рассела, Мура и Венского кружка, членом которого он был. В работе "Язык, истина и логика" (1936) А. дал классическое изложение доктрины логического позитивизма, которую стремился приспособить к традиции британского эмпиризма. Предложения логики и математики считал аналитическими (априорными) и отделял от синтетических (эмпирических) предложений естествознания. Главную задачу видел в элиминации "метафизики", т.е. традиционных философских проблем и мировоззренческих вопросов. Предложил вероятностную (косвенную) модель верификации, основанную на двух утверждениях: 1) предложение в конъюнкции с некоторыми другими посылками должно быть верифицируемо хотя бы в одном утверждении, не дедуцируемом непосредственно из одной из посылок; 2) эти посылки не должны включать в себя какое-либо утверждение, которое не было бы ни аналитическим, ни непосредственно проверяемым, ни способным к независимому его установлению в качестве непосредственно верифицируемого. Фактически эта "поправка" А. была равнозначна отказу от классической редукционистской схемы верификации и переходу к гипотези-ко-дедуктивной концепции построения научного знания. Последняя предполагала выдвижение гипотез с последующим подтверждением их через эмпирически проверяемые следствия (т.е. было снято требование возможности сведения теории к эмпирическому базису науки). Вопросы философии науки А. сводил к логическому анализу и реконструкции языка последней вкуче с переводом соответствующих понятий в систему логически ясной и непротиворечивой терминологии. Предложения "метафизики" для А. "научно-неосмысленны", поскольку не являются ни логическими тавтологиями, ни эмпирическими гипотезами, представляя собой следствия логических и лингвистических ошибок. В центре внимания раннего А. – концепция "сильной" и "слабой" (вероятностной) верификации, однако в 1940-1950 под воздействием критики он стал трактовать принцип верификации как чисто методологическое требование установления осмысленности

предложений. А. поддержал введение семантического определения истины в принцип верификации (утверждение истинности положения в метафизике эквивалентно факту принятия этого предложения в предметном языке). Тем самым верификация выступала как допустимость операции написания предложения, заменяющей чувственную верификацию операциями фиксации предложения. А. активно использует метод лингвистического анализа выражений естественного языка. В работе "Проблема познания" (1956) рассматривал особенности восприятия, памяти, тождества личности, возможности познания "других сознаний", а физические объекты понимал как логические конструкции из "чувственных данных". В работе "Центральные вопросы философии" (1973), А. квалифицирует свою философию как "усовершенствованный реализм", причем приверженность последнему он объясняет как результат выбора с точки зрения "удобства". Обращая внимание на разнообразие феноменов языка и их способов употребления, А. отвергал идею о необходимости логической формализации и унификации языковых выражений. А. также известен как один из основателей доктрины эмоти-визма, отрицающей научную значимость утверждений теоретической и нормативной этики. Осмысленность признавалась им только за утверждениями описательной этики (фиксация фактов реального поведения в конкретных социокультурных операциях). Теоретическая же этика, по А., конвенциональна, а нормативная этика есть дедукция из нее. Однако, согласно А., главное в нормативной этике то, что она служит средством воздействия на поведение людей через навязывание им соответствующих воззрений.

А. А. Грицанов

АКСИОЛОГИЯ (греч. *axia* – ценность, *logos* – слово, учение) – философская дисциплина, занимающаяся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам. Выделение и конституирование предметной проблематики А. как самостоятельной области философской рефлексии было связано: 1) с пересмотром обоснования этики (в которой бытие отождествлялось с благом) Кантом, противопоставившим сферу нравственности, т.е. свободы, сфере природы, т.е. необходимости, что требовало четкого разграничения должного и сущего; 2) с расщеплением понятия бытия в постгегелевской философии, которое разделяется на "актуализированное реальное" и "желаемое и должное", рефлексией над теми теоретико-методическими и практически-деятельностными следствиями, которые следовали из тезиса о тождестве бытия и мышления; 3) с осознанием необходимости ограничения интеллектуалистских притязаний философии и науки, того, что познание не является областью их монополии и доминирования, а также того, что оно также связано сложными отношениями с направленностью человеческой воли (для которой критериальное различие истины и неистины является далеко не единственным и не всегда определяющим среди иных критериев: добро-зло, прекрасное-безобразное, полезное-вредное и т.д.); 4) с обнаружением неустранимости из познания оценочного момента, разных модальностей и (позднее) типов организации мыслительной деятельности (логика, антропология, лингвистика, семантика и т.д., с которыми окажется связан новый поворот в развитии А.); 5) с постановкой под сомнение самых основополагающих ценностей христианской цивилизации в концепциях Шопенгауэра, Кьеркегора, Дильтея и др., но прежде всего с "открытым вызовом" им, брошенным Ницше; 6) с осознанием, с другой стороны, невозможности редукции понятия ценности к "благу" (традиция, идущая от Платона) или ее понимания как "стоимости", экономической ценности (традиция утвердившаяся в классической политэкономии, существенно переосмысленная Марксом в "Капитале" и положенная затем в основу марксистской аксиологии, будучи соединена с разработками раннего Маркса и др. аксиологическими теориями). Таким образом, А. конституируется как философская дисциплина в специфических конкретно-исторических условиях философско-интеллектуальной жизни Европы, характеризующихся исчерпыванием импульсов, заданных Просвещением, осознанием (скорее, предчувствием) переломности эпохи и необходимости смены вектора развития. В философии это вылилось в стремлении подвести черту под классическим этапом ее развития, что в частности стало фиксироваться и терминологически в определении направлений и школ как "нео" философий (неокантианство, неогегельянство и т.д.), а содержательно (кроме всего остального – смены проблематики, стилистики и т.д.) выразилось в том числе в плюрализации способов философствования, порождении многих разноаксиологически ориентированных традиций. Обращение к проблемам А. оказалось в этой ситуации одновременно и симптомом кризиса просвещенческого рационализма и способом его преодоления, свидетельством завершения одной фазы философского развития и в то же время основой переструктуриации философского знания. Более того, "аксиологизация" познания обнаружила принципиальную различность иноорганизованность и иноупорядоченность) и взаимодополнительность и взаимопроникновение друг в друга разных возможных систем знания (сама идея построения и анализа различных "возможных миров", столь популярная в 20 в., предзадавалась аксиологическими изысканиями второй половины 19 в.). Именно в А. и благодаря ей была осознана со всей очевидностью неоднородность самого научного знания, наряду с естественнонаучным, математическим, техническим знанием было конституировано как особое социальное и гуманитарное научное знание. Антропологический и экзистенциальный поворот в философствовании также предопределен во многом произошедшим ранее

аксиологическим поворотом. Основной вопрос, который изначально поставила А., и который потом внутри нее неоднократно переформулировался, – это вопрос об условиях возможности оценок, имеющих "абсолютное значение", их критериях и соотносимости разных систем ценностей между собой. Тогда основную задачу А. можно видеть в анализе того, как возможна ценность в общей структуре бытия и как она соотносится с миром наличного бытия, с данностями социума и культуры (как ценности, будучи обращены к человеку, реализуются в действительности). Последнее выводит А. за рамки чисто философской дисциплинарности и требует ее переформулирования в терминах социогуманитарной науки (социологии, психологии, культурологии и т.д., выступая основанием попыток построения отдельной научной дисциплины – аксиометрии). Решение названной задачи породило в А. изначально различные ответы в зависимости от понимания самой природы ценности, способа ее существования, источника ее возникновения (продуцирования). Одна из основных версий (в нескольких вариантах) А. была предложена в неокантианстве, и квалифицируется в А. как трансценденталистская. Традиционно начало дисциплины связывается с именем Р.Г. Лотце (1817–1881), введшем в своем анализе логических и математических истин понятие "значимости" как специфической характеристики мыслительного содержания, а в эстетических и этических контекстах использовавшем в аналогичном смысле понятие "ценности". Взгляды Лотце развил Коген. Согласно Когену, ценности связаны с порождающей их "чистой волей" трансцендентального субъекта, при этом само трансцендентальное понимается как основополагающее, постоянно зановосовершаемое мышлением (в частности, в этике постоянно "перепологается" идея свободы человеческой личности как абсолютный идеал, т.е. ценность). Основной же вариант трансцендентальной версии А. был предложен Баденской школой неокантианства (Виндельбанд и Риккерт). Виндельбанд обосновывал через теорию ценностей общезначимость не только нравственного действия, но и теоретического (философского) познания в целом. Утверждая "абсолютность оценки" как "коренного факта" философии, Виндельбанд видел в А. способ преодоления релятивизма, отождествляемого им со "смертью" философии. Ни от чего и ни от кого не зависящая и в этом смысле абсолютная значимость (ценности истины, добра и красоты), к которой стремятся ради нее самой, обнаруживается в ценностях-благах культуры (наука, право, искусство, религия, "нормирующие" ценностные содержания) и обращаются к познающему, созерцающему и действующему индивиду, выступая как требования должностования. Носитель ценностей и источник нормотворчества – трансцендентальный субъект. Как принципы бытия, познания и деятельности трактовал ценности Риккерт, считая, что единство "Я" и мира возможно только как единство действительности и ценности. Трансцендентные ценности обнаруживаются в имманентном мире как "смыслы", зафиксированные в культуре как "значимости" (нормативные требования должностования). Изучаются ценности в науках о культуре с помощью особых идиографических методов, отличных от генерализирующих методов естествознания (наук о природе). Тем самым А. оборачивается и специальной методологией (одной из основных тем, в частности, социологии 20 в.). В целом же трансцендентальная версия неокантианства может быть охарактеризована как нормативистская (нормативизм), ведущая либо к "субъективизации" (плурализации) проблематики А., либо к ее "спиритуализации" через постулирование сверхчеловеческого логоса. Поэтому наряду с трансценденталистской версией возникают разные варианты онтологизации и субъективизации ценностей. Онтологизацию А. можно проследить по работам Шелера, Н. Гартмана, Brentano и др. Так, Brentano, различая акты представления, суждения и "любви и ненависти", источником ценностей считает последние, как более фундаментальные феномены, чем акты выбора (суждения) на основе рациональной воли в неокантианстве, ведущие к неоправданной интеллектуализации понятия ценностей. В основе объективности ценности лежит объективность всеохватывающего чувства "любви-ненависти" (предпочтений и отвержений). Для Гартмана, с точки зрения его имманентно-трансцендентного отношения субъекта и объекта, предмет познания постулируется за пределами самого познавательного акта и наделяется онтологическим статусом, модально (ценностно) по-разному "смоделированным". В свою очередь он различает познание и эмоционально-трансцендентные акты, позволяющие схватывать действительность непосредственно и прямо, а действительности "навязываться" субъекту. Кроме того, она обнаруживается в предвосхищениях субъекта (таких, как надежда, страх, беспокойство), а также фиксируется в спонтанных ориентационно-поисковых актах субъекта (вожделении, желании, воле). Таким образом, в ценностном отношении один полюс постулируется эмоционально-трансцендентными актами, а другой их интенциональными предметами, т.е. ценностями (они даны в интуиции, возникающей в актах любви-ненависти, как безоговорочное принятие-отвержение). Тем самым Гартман попытался обосновать А. вне религиозной проблематики и не прибегая к авторитету Бога (возможность высокой нравственности при атеистическом посыле, необходимом для обеспечения свободы человеческого деяния, ориентированного на ценность, обоснованная в его "Этике"). Иной, ставший классическим, вариант онтологизации проблематики А. предложил Шелер, у которого реальность ценностного мира гарантируется "вневременной аксиологической серией в Боге", лишь отражаемой и воплощаемой на индивидуальном уровне, на котором типология личностей задается типологией их иерархизированных систем ценностей, задающих личностную онтологичность. Такой подход потребовал "переворачивания" ценностного отношения: не от целей к ценностям, а наоборот, от ценностей через волю к целям, в котором акт предпочтения (основанный на чувстве любви-

ненависти) и есть суть познания ценностей. Структура ценностей априорна, они вечно тождественны сами себе, но в актах предпочтения устанавливаются их "ранги", на основе трех критериев: долговечности, "неделимости", способности к вызыванию у человека чувства удовлетворенности. Таким образом, Шелер ввел в А. проблематику типологии ценностей. Противоположной "онтологизму" в А. является версия субъективизации и психологизации понятия ценности. Вариантом такой версии является прагматизм, прежде всего инструментализм Дьюи, связавший понятие ценности со стандартизируемыми и типологизируемыми (социологически) представлениями о прагматически и утилитаристски понимаемой "полезности". Иной вариант "субъективизации" проблематики А. предложен в экзистенциализме, редуцирующем, в конечном итоге, ценности к выражению индивидуальной воли человека. "Моя свобода – единственное основание ценностей, и ничто, абсолютно ничто не может оправдать меня в принятии той или другой ценности, той или другой определенной шкалы ценностей, как бытие, посредством которого существуют ценности. Моя свобода вызывает у меня тревогу потому, что она лежит в основе ценностей, а сама лишена основания" (Сартр). Отождествлением ценности с "благом" отличалась позиция позитивизма, социологически редуцирующего их или к норме, задающей ценность, но получающей легитимизацию от стоящей за ней "санкции", или к операционным определениям, сводящим ценность (в конечном итоге) к верифицируемым фактам непосредственного опыта. В этой версии А. ценностью могли выступить любые предметы, обладающие поддающимся определению содержанием и значением для членов социальной группы, или "правила поведения", с помощью которых социальная группа сохраняет, регулирует и распространяет собственные типы действия среди своих членов (Знанецкий и У. Томас). Психологизированный вариант "субъективистских" версий задается в бихевиоризме, теории обмена, частично в символическом интеракционизме, в трактовках ценности как возникающей в процессах межсубъектных социокультурных обменов и взаимодействий в интерсубъективном пространстве. Все эти версии (за исключением экзистенциалистской) отличает сведение ценности к факту, неразличение ценности и ее носителя, смешение ценностной и предметной реальностей. Крайняя позиция в подходе к А. выражена Ф. Адлером, отказывающем понятию ценности в какой-либо содержательной наполненности, а следовательно и значимости, а А. – в возможности существования как дисциплины, занимающейся реальными проблемами (наблюдаемы факты поведения, но не ценности). Противоположную крайность презентует натуралистическое понимание ценностей как атрибутов самих предметов действительности, не зависящих от наличия или отсутствия отношения к этим предметам субъектов. Особый круг версий А., получивших широкое распространение в 20 в. продуцирует культурно-исторический релятивизм, истоки которого видят в идее аксиологического плюрализма Дильтея, вводившей в научный оборот представление о множественности равноправных ценностных си/стем, опознаваемых с помощью исторического метода. Фактически им была впервые сформулирована нашедшая впоследствии многочисленных продолжателей программа критики самой возможности общей А. внутри А. (а не как негативная критика Ф. Адлера) как необоснованного абстрагирования от конкретно-исторических контекстов и произвольной абсолютизации некоей одной "подлинной" системы ценностей. Эта версия была поддержана Шпенглером, Тойнби, Сорокиным и др. "Выведение" А. за рамки чисто философской дисциплины и открывающиеся при этом эвристические возможности со всей очевидностью продемонстрировала социология, прежде всего культур-ориентированная. Первым ввел проблематику А. в социологию М. Вебер, исходивший из неокантианской методологии и резко выступавший против позитивизма и психологизма в подходе к пониманию ценностей, избегая крайностей "чистой значимости" (ценности, взятой самой по себе) и "растворения ценности" в имманентном бытии. Вебер сделал предмет своего рассмотрения и отправным пунктом своей социологии анализ "имманентного смысла" переживаний и действий людей, т.е. субъективно подразумеваемый смысл". Поведение становится действием (целерациональным или ценностнорациональным, а не остается традиционным и не является аффективным) только тогда, когда и поскольку оно связывается действующим индивидом с конкретным субъективным смыслом. Смысл же задается через соотнесение с ценностью, позволяющее артикулировать индивидуальные цели и нормативировать сами ценности. Постигаются ценности в понимающе-объясняющих процедурах (отсюда программа понимающей социологии). В целом "социологизация" А. шла в русле общей тенденции сдвига в А. от проблем нормирования и значения к проблемам смысла и анализу коммуникативно-языковых практик (как "мест бытования" ценностей). Другая линия внедрения аксиологических идей в социологию прослеживается от первой развернутой социологической теории Знанецкого через Сорокина к Парсонсу, считавшему ценности высшими принципами, обеспечивающими согласие (консенсус) в обществе и придающими значимость проявлениям конкретной эмпирической данности. Выделенные пять основных версий (со множеством вариантов внутри них) совместно с марксистской А. (шестая версия) и задают в своих продолжениях пересекающиеся исследовательские поля современной А. (определяемые ответами на вопросы: "что такое ценности?", "каким образом они существуют?" и "откуда возникают?"). В традициях русской философии наиболее развитыми аксиологическими подходами оказались неокантианский нормативизм (Новгородцев, Кистяковский и др.), фе-номенолого-герменевтический смысло-анализ Шпета, совершенно оригинальная (не имеющая прямых "западных" аналогов) концепция теории ценностей как "теории творчества" или "теории символизма" Белого, но прежде всего религиозно-ориентированная версия А., предложенная в различных вариантах В.С.

Соловьевым, Бердяевым, Франком, Флоренским, Н.О. Лосским и др. мыслителями "русского религиозного ренессанса", которая может быть рассмотрена наряду с шестью уже обозначенными выше (основные ее концепты: "боготворчество", "софийность", "соборность" и т.д.). Советская философия долгое время игнорировала ценностную проблематику и не признавала за А. статуса особой философской дисциплины. Возрождение интереса к А. связано с пионерскими работами В.П. Тугаринова (в философии), О.Г. Дроб-ницкого (в этике), А.А. Ивина (в логике) и др. В 1966 вышла работа "Проблемы ценности в философии", в 1978 – "Философия и ценностные формы сознания", ставшие "программными" в советской А. Работами ряда авторов (Бакрад-зе, П.П. Гайдено, Б.Т. Григорьян, Ю.Н. Давыдов, М.А. Кис-сель, Н.В. Мотрошилова, И.С. Нарский, Э.Ю. Соловьев и мн. др.) в научный оборот была введена основная проблематика европейской А. (под этикеткой ее "критики"). Особая область аксиологических разработок – "реконструкция" марксистской А., давшая начало многим оригинальным концепциям (но уже в польской, венгерской, чехословацкой А. того времени). А. возвращалась и через культурологические анализы (Аверинцев, А.Я. Гуревич, Г.С. Кнабе, В.Л. Рабинович, А.М. Пятигорский, Померанц и др.), психологию (Узнадзе и его школа), социологию (В.А. Ядов и его школа). Такм образом, и в условиях монополии на философскую истину А. оказалась тем "троянским конем", который подтачивал устои официального философствования, вводил принципы методологического плюрализма (хотя формально обсуждение шло в рамках марксистской философии). Более того, обнаруживается, что А. позволила сохранить определенную преемственность в развитии, например, грузинской философии (Нуцубидзе, Бакрадзе, Узнадзе, Какабадзе, Чавчавадзе и др.). Таким образом, можно констатировать, что к настоящему времени А. утвердилась как особая область знания не только в западной, но и постсоветской традиции. Более того, современная А. выходит на новый этап своего развития (ценностный релятивизм постмодернизма, компаративистская философия, герменевтические теории, философия и социология знания, философия и социология образования и т.д.), связанный, во многом, с трактовкой философии как самосознания культуры, как рефлексии над ее предельными (смысловыми и ценностными) основаниями, как средства конструирования и освоения новых "возможных человеческих миров" (см.: Возможные миры) (в этом отношении соотносимой с искусством, религией и наукой), как задающей не только теоретическое, но и практически-духовное отношение к миру и человеку (в этом плане соотносимой с этикой, правом и наукой), в том числе на основе "ценностного причинения" (механизмы целеполагания и долженствования). А. поворачивает философское и социогуманитарное познание к анализу феноменов личности и индивидуальности, "человеческого в человеке", смыслом и оправданию человеческого бытия, его идеалам и императивам. В настоящее время А. как теория дополняется феноменологией ценностей (история как генетическое "дедуцирование" ценностей, социология как репрезентация типов и иерархий ценностных систем, культурология как конкретный целостный анализ автономных культурных образований). В качестве особого уровня научного изучения ценностей предлагаются различные программы аксиометрии. В.Л. Абушенко

АКСИОМАТИЧЕСКИЙ МЕТОД (греч. *axioma* – значимое, принятое положение) – способ построения теории, при котором некоторые истинные утверждения избираются в качестве исходных положений (аксиом), из которых затем логическим путем выводятся и доказываются остальные истинные утверждения (теоремы) этой теории. Научная значимость А.М. была обоснована еще Аристотелем, который первым разделил все множество истинных высказываний на основные ("принципы") и требующие доказательства ("доказываемые"). В своем развитии А.М. прошел три этапа. На первом этапе А.М. был содержательным, аксиомы принимались на основании их очевидности. Примером такого дедуктивного построения теории служат "Начала" Евклида. На втором этапе Д. Гильберт внес формальный критерий применения А.М. – требование непротиворечивости, независимости и полноты системы аксиом. На третьем этапе А.М. становится формализованным. Соответственно, изменилось и понятие "аксиома". Если на первом этапе развития А.М. она понималась не только как отправной пункт доказательств, но и как истинное положение, не нуждающееся в силу своей очевидности в доказательстве, то в настоящее время аксиома обосновывается в качестве необходимого элемента теории, когда подтверждение последней рассматривается одновременно как подтверждение ее аксиоматических оснований как исходного пункта построения. Помимо основных и вводимых утверждений в А.М. стал выделяться также уровень специальных правил вывода. Таким образом наравне с аксиомами и теоремами как множеством всех истинных утверждений данной теории формулируются аксиомы и теоремы для правил вывода – метааксиомы и метатеоремы. К. Геделем в 1931 была доказана теорема о принципиальной неполноте любой формальной системы, ибо в ней содержатся неразрешимые предложения, которые одновременно недоказуемы и непроверяемы. Учитывая накладываемые на него ограничения, А. М. рассматривается как один из основных методов построения развитой формализованной (а не только содержательной) теории наряду с гипотетико-дедуктивным методом (который иногда трактуется как "полуаксиоматический") и методом математической гипотезы. Гипотетико-дедуктивный метод, в отличие от А.М., предполагает построение иерархии гипотез, в которой более слабые гипотезы выводятся из более сильных в рамках единой дедуктивной системы, где сила гипотезы увеличивается по

мере удаления от эмпирического базиса науки. Это позволяет ослабить силу ограничений А.М.: преодолеть замкнутость аксиоматической системы за счет возможности введения дополнительных гипотез, жестко не связанных исходными положениями теории; вводить абстрактные объекты разных уровней организации реальности, т.е. снять ограничение на справедливость аксиоматики "во всех мирах"; снять требование равноправности аксиом. С другой стороны, А.М., в отличие от метода математической гипотезы, акцентирующего внимание на самих правилах построения математических гипотез, относящихся к неисследованным явлениям, позволяет апеллировать к определенным содержательным предметным областям.

В.Л. Абушенко

АКСИОМЕТРИЯ – формирующаяся комплексная научная дисциплина, ставящая своими целями выявление: актуально и потенциально презентированных в конкретных социокультурных средах и ситуациях "наборов" ценностей и ценностных систем (феноменология); соотносительной значимости ценностей между собой и у разных социальных субъектов (измерения и статистики); существующих механизмов "ценностного причинения", т.е. целеполагания и долженствования (социальная психология); реально существующих типологий ценностей и их носителей-субъектов (социология); генезиса и развития ценностных представлений и самих ценностей (историческая социология и культурология). Основанием А. выступает аксиология как философская дисциплина, взятая в одной из своих методологических обосновываемых для аксиометрического анализа версий. А. претендует на развитие подходов, ранее развивавшихся в социологии и психологии как исследование ценностных ориентации, социальных установок и аттитюдов ("внутрикультурные" исследования), в социологии и антропологии как кросс-культурные исследования. Особый упор в А. делается на изучение ценностей в целостных социокультурных и исторических контекстах и на новых методолого-методических основаниях. В качестве методов работы в А. называются: тесты (направленные на изучение мотиваций и личностных выборов); проективные методики (предполагающие "проигрывание" аксиологической проблематики в условно-задаваемых ситуациях и режимах); аксиобиографические методики (ориентированные на выявление личностных смыслов респондентов и наиболее значимых, аксиологически окрашенных событий их жизни); методы со-циопсихолингвистики или семиосоциопсихологии (позволяющие фиксировать смысловую воспринимаемость речи, текстов и сообщений); контент-анализ (измерение "встречаемости" и частотности аксиологически значимых единиц-сигналов) и информационно-целевой (смысловой, содержательный) анализ текстов и любых иных знаково-закрепленных продуктов человеческой деятельности; социометрия (фиксация и анализ предпочтений в социальных группах); метод семантического дифференциала (основанный на шкальном измерении ценности через характеризующие ее антагонистические пары прилагательных); работу в фокус-группах (основанную на срежиссированном по сценарию "представлении", "разыгрывании", обсуждении интересующей проблематики в режиме групповой работы); методы статистической обработки и качественного анализа получаемых результатов. Насущная потребность конституирования А. как особой научной области очевидна, в этом направлении сделан ряд шагов, однако в целом А. остается пока "наукой будущего".

В.Л. Абушенко

АКТУАЛИЗАЦИЯ (лат. actualis – деятельный, действенный): 1) действие, направленное на приспособление чего-либо к условиям данной ситуации; 2) в субъективно-идеалистическом учении – абсолютизация принципа деятельности и отождествление реальности с активностью субъекта; 3) в методологии науки – использование актуалистического метода (сравнительно-исторического), согласно которому на основе изучения современных процессов можно судить об аналогичных процессах прошлого; в палеонтологии актуалистический метод дополняется данными экологии современного органического мира; 4) в математической логике – построение бесконечности, мыслимой как завершенная, целостная совокупность объектов, актуальная бесконечность (например, множество действительных чисел, заключенных в интервале между числами 0 и 1) в отличие от неактуализируемой потенциальной бесконечности (например, множество натуральных чисел); 5) в политике, дипломатии – реализация, приведение в исполнение идеи, плана; придание степени важности (находящейся в зависимости от степени подтверждения, освещения в средствах массовой коммуникации) явлению или действию.

С.В. Воробьева, Ю.А. Коршунов

АЛГОРИТМ (лат. algoritmi, algoritmus; первоначально – транслитерация имени среднеазиатского ученого 9 в. – Мухамеда бен Мусы аль-Хорезми) – одно из основных понятий логики и математики. Термин А. был введен в математику Лейбницем в связи с разработкой им вопросов дифференциального исчисления. Под А. понимают последовательность точно описанных операций, выполняемых в определенном порядке. Примерами А. могут служить точно установленные предписания решения математических, логических, физических и всяких других задач, когда эти задачи являются заведомо решаемыми. Массовость А. понимается как то обстоятельство, что исходные данные задач

изменяются лишь в определенных пределах. Детерминированность А. состоит в том, что путь решения задач предопределен однозначно. Результативность А. означает, что на каждом шаге процесса решения задачи известно, что считать его результатом. Алгоритмической называют проблему отыскания для ряда конкретных задач как самого А., так и его массовости.

Г,В. Беляев

АЛЛЕГОРИЯ (греч. *allegoria* – иносказание) – один из способов эстетического освоения действительности, прием изображения предметов и явлений посредством образа, основой которого является иносказание. В А. чаще всего используются отвлеченные понятия (добродетель, совесть, истина), типичные явления, характеры, мифологические персонажи – носители определенного, закрепленного за ними аллегорического содержания (Минерва – богиня мудрости), А. может выступать и как целый ряд образов, связанных единым сюжетом. В то же время для А. характерно однозначное иносказание и прямая оценочность, закрепленная культурной традицией: смысл А. может быть истолкован достаточно прямолинейно в этических категориях "добра" и "зла". А. близка к символу, а в определенных случаях совпадает с ним. Однако символ более многозначен, содержателен и органично связан со структурой чаще всего простого образа. Нередко в процессе культурно-исторического развития А. утрачивала свое первоначальное значение и нуждалась в ином истолковании, создавая т. обр. новые смысловые и художественные оттенки (притча о сеятеле в "Евангелии"). В истории философии первые попытки вычленить А. предпринимаются в эпоху эллинизма и связаны со стремлением истолковать древние тексты (например, "Илиаду" и "Одиссею" Гомера) как следующие друг за другом А. При этом содержание не отделялось от формы высказывания, и А. смешивалась с символом. Наиболее широко А. используется в средние века как иносказательное выражение всех ценностей бытия; в эпоху Возрождения А. распространена в таких направлениях искусства, как маньеризм, барокко, классицизм. А. чужда рационалистической философской традиции 19–20 вв. Однако аллегорическая образность характерна для творчества П.Б. Шелли, М.Е. Салтыкова-Щедрина, П. Верхарна, Г. Ибсена, А. Франса. И до сих пор А. традиционно используется в различных литературных жанрах, в том числе и философского характера (например, "Чума" Камю).

И.К. Игнатьева

АЛЬТРУИЗМ (фр. *altruisme*, лат. *alter* – другой) – моральный принцип, основанный на признании естественной связанности людей через врожденное чувство симпатии. При этом в другом, наделяемом статусом этической доминанты всего моего существования, видится воплощение общечеловеческого. А. отказывается от внутренней самооценки субъекта в попытке выйти за пределы эгоизма, безусловным этическим абсолютом которого являлся "единственно я сам". Нравственность обеспечивается оценкой извне, а потому А. вынуждает человека смотреть на собственные действия с точки зрения беспристрастного очевидца, что приравнивается суду совести. С позиции А. понятие долга естественно следует из чувств врожденной симпатии между людьми. Понятие А. введено Контом, как обобщение принципа "жить ради других", существенного для морали буддизма и христианства, позднее развитого английской этикой 18 в. (А. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, Смит) и идеями французского Просвещения (Руссо). Идея особой самооценки, направленности на другого через сопереживание полнее всего была развита Шопенгауэром. С точки зрения самого Конта, следует различать инстинктивный А., объединяющий животных в род, и человеческий А., зарождающийся в условиях цивилизации и переходящий в спонтанное врожденное чувство. Ницше ставил вопрос о преодолении А. как уравнивающего чувства стада. Фрейд трактовал А. как невротическую компенсацию вытесненного первоначального эгоизма. Позднее возникают попытки устранить этическую оппозицию "А. – эгоизм" через рассмотрение другого как уникального Я, подобного моему.

Д.В. Майборода

АЛЬТЮССЕР (Althusser) Луи (1918–1990) – французский философ, крупнейший представитель неомарксизма. Член ФКП с 1948, участник войны в Испании и Движения Сопротивления. А. стремился трактовать Маркса с позиций структурализма, рассматривая его как первого философа, предложившего концепцию, могущую быть оцененной как "смерть субъекта". Поэтому он, в отличие от предшественников, не обращается к ранним работам Маркса, содержащим элементы гуманизма, а делает акцент на поздних произведениях. А. усматривает радикальный разрыв между гегельянской антропологией Маркса и структурным анализом социальной реальности, предлагаемом в "Капитале". В работах "За Маркса" (1965) и "Читать "Капитал" (в соавторстве с Э. Балиба-ром и Р. Этабле, 1965) подчеркивается новизна метода Маркса по сравнению с диалектикой Гегеля. Эта новизна заключается в отказе от гегелевского сведения философских проблем к субъекту как единому центру антропологической каузальности. А. стремится к обоснованию марксизма в качестве строгой научной теории, направленной на выявление структур социальной реальности с помощью исторического материализма (учение о социальных формациях) и

диалектического материализма (теория научной практики). Для этого он использует принцип "теоретического антигуманизма", который направлен против любых попыток привести в марксизм антропологическую тематику. В 1967 А. выступает с курсом лекций, критикующих так называемый "шардено-марксизм", соединяющий в себе космологизм Тейяра де Шардена, религию и некоторые марксистские принципы. В 70-е, в эпоху спада популярности марксизма, А. пересматривает ряд своих взглядов. В работах "Ленин и философия" (1969), "Элементы самокритики" (1974), "Позиции" (1976) он переносит акцент с трактовки марксизма как научной теории на его интерпретацию в качестве теории политической борьбы. Жизнь самого А. была омрачена шизофренией, которой он страдал многие годы. Несмотря на длительные курсы лечения, эта болезнь в конечном счете привела к преждевременному завершению его философской карьеры. В 1980, в состоянии шизофренического расстройства, он убил свою жену и был помещен в психиатрическую клинику, где находился до 1988. Немногочисленные работы А. оказали сильное влияние на леворадикальные течения шестидесятых, и, в частности, на маоистские группы французских интеллектуалов, вокруг которых начиналось формирование постструктурализма. Его влияние определяется также многолетней работой в качестве преподавателя в Высшей нормальной школе. Среди его учеников следует выделить Фуко и Дерриду.

А.В. Филиппович

АНАЛИЗ и СИНТЕЗ – термины, обозначающие: 1) методы научного познания, которые являются этапами гносеологического процесса формирования понятий (А., С., сравнение, абстрагирование, обобщение); 2) начальный и конечный этапы научного исследования. А. (греч. analysis – разложение, расчленение) – мысленное структурирование исследуемого объекта на составные части, экстрагирование (выделение) их отдельных свойств, отношений с целью их изучения. Специфика А. зависит от природы исследуемого объекта. В рамках каждого научного направления существует целый ряд особых познавательных задач и соответствующих им линий А. В логике А. рассуждения предполагает отвлечение от содержания рассуждения и выявление его логической формы (схемы), воспроизведение схемы дедукции (запись или мысленное представление логической формы рассуждения), установление правильности или неправильности вывода. В теории коммуникации разработаны несколько видов А.: автоматический – извлечение данных, выражающих в однозначной и явной форме смысл текста; грамматический – определение грамматической категории и функциональной роли слова в предложении; независимый – анализ текста, осуществляемый в терминах языка – посредника и др. В рамках специальной теории относительности существуют теоретические конструкции, у которых наличие объективных референтов (денотатов) далеко не очевидно и требует специального А. По способу осуществления различают: 1) возвратный (регрессивный) А., предполагающий при исследовании фактов переход к А. возможных причин, породивших эти факты. Например, особый характер рентгеновского излучения, поступающего из созвездия Лебедя, позволяет предположить, что источником данного излучения является черная дыра; 2) поступательный (прогрессивный) – предполагающий исследование следствий, вызванные интересующими нас причинами. Например, мысленный А. последствий сжатия Солнца до радиуса 3 км, при котором скорость света на его поверхности обратится в ноль; 3) прямой А. – расчленение непосредственного содержания какой-либо мысли: переход от родовых понятий к видовым, от видовых к подвидовым и т.д. (дедуктивное ограничение). С. (греч. synthesis – соединение, составление) – мысленное соединение частей объекта, структурированного в процессе А., установление связей и взаимодействий отдельных его частей. В процессе С. происходит восстановление первоначальной целостности исследуемого объекта и одновременная верификация (проверка) полученных знаний о неизвестных ранее свойствах и отношениях данного объекта в научной теории, в пределах которой осуществлялся А. Различают несколько видов С.: 1) возвратный (регрессивный), при котором ход исследования направлен от данных фактов, полученных в ходе предварительного А., к предполагаемым или первоначальным условиям, причинам. Например, проведенный А. характера рентгеновского излучения, поступающего из созвездия Лебедя, позволяет сделать вывод о том, что в данном созвездии можно наблюдать двойную звезду, один из компонентов которой – огромная, излучающая свет звезда, а второй, как предположили, – невидимая глазу черная дыра; 2) поступательный (прогрессивный), при котором ход исследования направлен от причинных оснований к следствиям. Например, А. гипотетически предполагаемого сжатия Солнца позволяет сделать вывод о том, что ничто не сможет покинуть это сжатое Солнце, так как скорость любых объектов, начиная со света, станет равной нулю. Такой объект называется черной дырой; 3) прямой, связанный с переходом мысли от видовых понятий к родовым, от родовых к типологическим и т.д. (индуктивное обобщение).

С.В. Воробьева

АНАЛИТИКА (греч. analytike – искусство анализа) – искусство расчленения понятий, начал, элементарных принципов, с помощью которых рассуждения приобретают доказательный характер. Понятием А. Аристотель обозначил раздел логической науки, посвященный строгим силлогистическим рассуждениям. Трансцендентальная А., по И. Канту, суть

расчленение самой способности рассудка – выделяет "элементы чистого рассудочного познания, без которых вообще немислим ни один предмет".
С.Ю. Солодовников

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ – в узком смысле доминирующее направление в англо-американской философии 20 в., прежде всего в послевоенный период. В широком плане – А.Ф. – это определенный стиль философского мышления, подразумевающий строгость и точность используемой терминологии наряду с осторожным отношением к широким философским обобщениям и спекулятивным рассуждениям. Респектабельность процессов аргументации в границах А.Ф. не менее важна, чем достигаемый с их помощью результат. Язык формирования философских идей выступает в А.Ф. не только как важное средство исследования, но и как самостоятельный объект изучения. Для достижения этих целей А.Ф. широко использует исследовательский потенциал формальной логики, эмпирическую эпистемологию, данные сопряженных наук. В определенном смысле правомерна трактовка А.Ф. не столько как некоей "школы", сколько как особого интеллектуального "движения" в границах философской мысли 20 в. в ранге специфической метафилософской дисциплины. Традиционно А.Ф. ассоциировалась с неопозитивизмом, одним из этапов философии позитивизма. Термином "неопозитивизм" нередко обозначалось любое строгое и самоосознающее философское учение, уделявшее заметное внимание логико-лингвистическим аспектам анализа рассматриваемых и реконструируемых явлений и процессов. Обозначение "позитивизм-неопозитивизм" допустимо лишь для отдельных разновидностей А.Ф. и лишь на некоторых этапах ее развития (например, Венский кружок). Многие ведущие представители А.Ф. были акцентированно антипозитивистски ориентированы. Гипотеза истории науки о том, что А.Ф. (тождественная неопозитивизму) постепенно вытесняется из массива философской мысли Запада постпозитивизмом, в известном смысле соответствует реалиям только такой дисциплины как философия науки. К теоретическим и концептуальным предпосылкам А.Ф. традиционно относят: сократические индуктивные схемы; платоновскую диалектику; аристотелевские аналитики, эксплицирующие формальные структуры мышления и рассуждения; семантические изыскания софистов и стоиков; логико-семантические открытия Оккама и Иоанна Дунса Скота; идеи Ф. Бэкона об "идолах рынка", препятствующих движению к истине вследствие хаоса и беспорядка в речевой коммуникации из-за различных смыслов употребляемых людьми словосочетаний; концепцию образования понятий Локка; понимание Юмом сферы перцептуального опыта как сложной комбинации представлений и идей на основе ассоциативного принципа единственной реальности в контексте особенной значимости сигнальной функции слова; философию мышления Декарта; гипотезу о процедурах концептуализации опыта и конструирования объектов научного познания Канта. А.Ф. очевидно являет собой аккумулированную совокупность высших достижений классического философствования. К реальным и подлинно новаторским достижениям и наработкам в рамках А.Ф., обусловившим ее подлинный философский облик и придавшим ей высокий профессиональный статус, принято относить творчество ряда мыслителей англо-саксонских государств. Работы Фреге, а также "Principia Mathematica" Рассела и Уайт-хеда продемонстрировали эффективность аппарата математической логики для реконструкции оснований математики, в развитие этого подхода Фреге в статье "О смысле и значении" ("Смысл и денотат") (1892) положил начало стремлениям использовать подходы математической логики для разрешения уже собственно философских вопросов. Фреге сформулировал базовые проблемы и ввел главные понятия А.Ф. Сравнивая познавательный потенциал "синтетических" ($A=B$) (согласно Канту) и аналитических ($A=A$) суждений, Фреге отметил, что новое знание порождается благодаря первым, но при этом остается открытым вопрос о том, на чем реально фундируется их истинность, т.е. каковы именно основания отождествления разнящихся между собой выражения А. и выражения Б. По Фреге, "имена собственные" (выражения, слова и обозначения) – элементы синтетических суждений – отождествляются тогда, когда они имеют общий референт (совпадающий внешний объект, на который они направлены). Значение этих "имен" и сводимо к указанию на некий объект (к "референции"). Обозначение значения именами собственными необходимо дополняется и тем, что они также выражают и определенный смысл. Экстраполируя подход на совокупность повествовательных предложений, Фреге сделал вывод, что мысль, заключенная в них являет собой смысл наряду с тем, что их подлинная значимость (истинность либо ложность) суть их значение. Традиционалистская редукция таких предложений к субъект-предикатным суждениям не обеспечивает постижения их значения, вследствие чего Фреге и разработал (с помощью так называемой "логики кванторов") подходы для консти-туирования логически безупречного языка, в рамках которого любое имя собственное указывает на соответствующий референт, а истинная ценность предложений не корректируется включением в их строй любых новых имен. Следующий шаг в эволюции идей и концепций А.Ф., одновременно явившийся поворотным пунктом в ее истории (именно этот этап трактуют как исходный большинство ее адептов) связан с творчеством Рассела и Мура. Рассел, отстаивая идею о плюралистической Вселенной (т.е. таковой, когда действительность существует вне сознания), предположил, что иное видение ее может быть объяснено только изначальной порочностью приема редукции предложений к суждениям субъектно-предикатной организации. Переосмыслив референциальную теорию значения Фреге, Рассел стал рассматривать язык как "картину", отражающую атомарные факты. Он, а затем и

Витгенштейн разработали следующие типовые процедуры логико-философского анализа: противопоставление "глубинного" логического анализа языка традиционалистскому и "поверхностному", придание математической логике статуса универсального средства для решения многих философских и научных проблем с использованием грамматического анализа. Мур разработал концептуальные подходы для процедур перефразировки неясных высказываний в синонимичные и более ясные. С Мура начинается постепенный переход от анализа математических и логических структур к исследованию реального функционирования обыденного языка. С середины 1930-х позитивистская программа редукции языка постепенно утрачивает свои позиции, т.к. ее ограниченность выявляется ключевыми авторитетами неопозитивизма – представителями Венского кружка и Витгенштейном. В 40-е-50-е 20 в. позитивистские методы в А.Ф. сменяются методами лингвистического исследования, которые отказываются от использования математической логики и принципов эмпирического атомизма. Начиная с этого момента, А.Ф. начинает вновь обращаться к традиционным философским проблемам и включать в поле собственных интересов принципы других течений, сближаясь с установками прагматизма, герменевтики и структурализма. Сохраняя критический пафос по отношению к метафизике, проблемы которой должны быть разрешены с помощью терапевтических процедур лингвистического анализа, А.Ф., в тоже время, отказывается от идеи устранения метафизических предпосылок из языка философии и науки. Уточняя статус и функции метафизических рассуждений, представители этого этапа А.Ф. пришли к выводам о том, что метафизика – не бессмыслица, она не является информативной дисциплиной, но задает некое специфически-парадоксальное видение мира ("как в первое утро его рождения"), призывает к нетрадиционному взгляду на мироздание, постоянно динамично генерируя в границах этого процесса оригинальные научные гипотезы; метафизика пронизывает религию, и мораль, психологию и религию. Метафизическое видение мира организуется на таких же основаниях как и остальное знание людей, поэтому постижение "глубинной грамматики" ее – вовсе не бесполезный процесс. В случае невозможности фальсифицировать те или иные метафизические системы, необходимо помнить о потенциальной возможности их взаимной конвертации в рамках научно-интеллектуальных сообществ. Этико-юридические изыски представителей А.Ф. оказались сконцентрированы в русле трех доминирующих парадигм: интуитионизма (Мур, В. Росс, Г. Причард), отрицавшего объективную ипостась ценностей; эмотивизма (Ч. Стивенсон и др.), постулировавшего наличие двойного смысла – дескриптивного (намерение дать другому некое знание) и эмотивного (обобщенные стимулы для соответствующего диалога) – в этических суждениях и терминах; прескриптивизма (Р. Хеар и др.), обращавшего особое внимание на императивную нагруженность высказываний подобного характера. Работы позднего Витгенштейна, П. Стросона, Ку-айна, М. Даммита, Д. Дэвидсона и др. подчеркивают неустранимую двусмысленность и историчность языка, который рассматривается как совокупность "языковых игр", "схем", "парадигм", задающих множественные стандарты интерпретации. Логический анализ сменяется анализом "грамматики", которая меняется в зависимости от конкретных ситуаций или "языковых игр". Постпозитивизм и лингвистический анализ отказываются от референциальной теории значения, различения аналитических и синтетических суждений, трактовки опыта как чего-то трансцендентного языку. А.Ф. второй половины 20 в. активно использует принципы лингвистики и психологии, а также многих течений континентальной философии. Центральными темами становятся проблемы понимания, смысла, коммуникации, которые рассматриваются с различных точек зрения. Таким образом, современная А.Ф. представляет собой крайне неоднородное явление, которое объединяет совершенно разные концепции, зачастую представляющие взаимопротиворечащие подходы. При этом, несмотря на сравнительно небольшое количество общих базовых предпосылок, разделяемых представителями А.Ф. в 1990-х, эта философская школа (или группа философских школ) сохраняет мощный обновленческий потенциал и эвристическую значимость. Приверженцы А.Ф. в конце 20 в. вновь сочли необходимым сохранять верность исходным теоретическим основаниям данной интеллектуальной традиции (интерес к проблемам метафизического порядка, поиск все новых и новых подходов к общей теории языка). С другой стороны, осуществили (например, П. Хакер и Г. Бейкер) ряд удачных модернизаций традиционалистских парадигм А.Ф. (преодоление жесткого водораздела между подходом "истории идей" и подходом "истории философии", результативное признание продуктивности учета историко-культурного контекста для адекватной реконструкции взглядов мыслителей прошлых эпох). (См. также: Позитивизм, Фреге, Рассел, Мур, Куайн, Уайтхед, Витгенштейн и др.).

А.А. Грицанов, А.В. Филиппович

АНАЛОГИЯ (греч. analogia – соответствие, сходство) – 1) подобие предметов или явлений в каких-либо свойствах, признаках или отношениях; 2) умозаключение по А. – индуктивный вывод о принадлежности определенных признаков объекту на основании знания сходства данного объекта с другими объектами. При рассуждении по А. знание, полученное при изучении одного объекта, переносится на другой менее изученный объект, принадлежащий к тому же роду. Умозаключение по А. делают по разным основаниям. По характеру соотносимых объектов различают два вида: 1) А. свойств предметов, при которой сравниваются два единичных предмета, а переносимыми признаками являются

качества или свойства этих предметов. Например, сравнение таких физических объектов, как жидкость и звук, позволило перенести признак волнового способа распространения с первого на второй; 2) А. отношений, при которой сравниваются два отношения между предметами, а переносимыми признаками являются качества или свойства этих отношений. Сущность предметов, между которыми имеют место данные отношения, может быть игнорирована с помощью данной А., освобожденной от "предметности", можно устанавливать сходство между объектами разной природы, поэтому выводы по А. отношений должны сопровождаться рассудительностью. Например, в 17 в. ученые любили сопоставлять части человеческого тела с частями земного шара: кожа человека – это поверхность земли, вены – водные потоки и т.д. Из данного употребления никаких выводов не последовало. Лейбниц уподобил процесс логического доказательства вычислительным операциям в математике. Вычислительные операции с числами осуществляются на основе простых правил, принимающих во внимание только формы чисел, но не их смысл. По А. Лейбниц попытался преобразовать умозаключение в вычисление по заданным строгим правилам. В 19 в. А. между математическими и логическими операциями произвела переворот в аристотелевской формальной логике и привела к современному этапу в развитии этой науки – математической логике, начиная с создания Дж. Булем алгебры логики. По характеру переносимых признаков различают следующие виды умозаключений по А.: 1) простая А. – вывод, в процессе которого на основании сходства двух предметов в одних признаках заключают о сходстве этих предметов в других признаках данная разновидность А. используется при отнесении предметов к виду или роду, т.е. при классификации); 2) распространенная А. – вывод, в процессе которого на основании сходства явлений заключают о сходстве причин; 3) трогая А. – вывод, основанный на знании того, что признаки сравниваемых предметов находятся в зависимости и, исходя из сходства двух предметов в одном признаке делается заключение о сходстве их в другом признаке, который зависит от первого; 4) нестрогая А. – вывод, в процессе которого на основании сходства двух предметов в известных признаках делается заключение о сходстве их в другом признаке, о котором неизвестно, находится он в зависимости от первых или нет. А. следует отличать от популярной индукции. В умозаключении по А. от знания об отдельных объектах совершается переход к знанию еще об одном индивидуальном объекте. Например, И. Кеплер установил, что Марс описывает вокруг Солнца траекторию в форме эллипса. На основании попарного сходства Марса с Меркурием, Венерой, Землей, Юпитером и Сатурном Кеплер заключил, каждая из этих планет имеет такую же траекторию движения. Популярная индукция есть обобщение, при котором на основании знания о принадлежности определенных признаков части предметов какого-то класса делается вывод о принадлежности данных признаков всем предметам класса. Например, Кеплер распространил установленный им признак движения на все планеты Солнечной системы. А. является основой научного моделирования. При невозможности изучать объект в оригинале, строят его модель, исследуют ее и полученные результаты переносят на оригинал. Модель и оригинал в одних отношениях сходны, в других различны. Модели делятся на предметные, воспроизводящие геометрические, физические и функциональные характеристики оригинала, и знаковые, представляющие собой схемы, чертежи, формулы.

С.В. Воробьева

АНАНКЕ (АНАНКА) (греч. *ananke* – судьба, принуждение, неизбежность) – в древнегреческой мифологии богиня необходимости, неизбежности. По оси мирового веретена, вращающегося на ее коленях, проходит Мировая ось. По одной из версий, дочери Ананке – три сестры Мойры (богини человеческой судьбы): Клото (прядущая нить человеческой жизни), Лахесис (назначающая человеческий жребий), Атропос (неотвратимо обрезающая нить жизни в назначенный час). Отождествление персонифицированной судьбы с пряжей восходит к периоду доминирования в культуре именного типа социализации, механизм которого предполагает наречение (как определяющее статус, права, обязанности и всю судьбу индивида) посредством начертания специального знака (символа имени) на пеленах, которые прялись, а затем ткались старейшими женщинами рода – носительницами и олицетворением родовой мудрости с ее ригоризмом (ср. типовой сценарий общеевропейского сказочного сюжета о судьбоносном уколе веретеном). Мифологема А., как и другие персонификации судьбы, сыграла значительную роль в формировании представлений о логосе как объективной закономерности Космоса; по оценке Рассела, "идея Судьбы, возможно, была одним из источников, из которых наука извлекла свою веру в естественный закон" (см. также: Античная философия, раздел "Социоморфная модель космического процесса"). В учении Фрейда, А. – реальная Нужда, природная необходимость.

М.А. Можейко, В.И. Овчаренко

АНАРХИЯ (греч. *anarchia* – безвластие) – понятие, посредством которого обозначается состояние общества, достижимое как результат упразднения государственной власти. Анархизм – общественно-политическое учение, ставящее своей целью освобождение личности от давления всяких авторитетов и любых форм экономической, политической и духовной власти. Стремление к А. как образ мышления встречается у киников и в раннем христианстве, а также в хилиастических сектах средневековья. Цельная теория А. и

анархизма возникла в трудах английского писателя У. Годвина, сформулировавшего концепцию "общества без государства" в книге "Исследование о политической справедливости" (1793). Немецкий мыслитель М. Штирнер (сочинение "Единственный и его собственность", 1845) отстаивал индивидуалистическую версию экономического анархизма, сводя социальную организацию общества к "союзу эгоистов", целью которого явился бы обмен товарами между независимыми производителями на основе взаимного уважения "уникальности" личности каждого. Французский философ П. Ж. Прудон, стремясь теоретически обосновать анархистское движение ("Что такое собственность?", 1840), выдвинул тезис "Собственность есть кража". Исходя из того, что источником несправедливости в обществе выступает "неэквивалентный обмен" ("Система экономических противоречий, или философия нищеты", 1846), Прудон видел необходимой организацию (без революционистского насилия) безденежного, эквивалентного обмена продуктами труда (товарами) между всеми членами общества (одновременно автономными частными производителями) при финансировании их деятельности при помощи "народного" (а не государственного) банка под минимальный ссудный процент. Это обеспечило бы, согласно Прудону, достижение реальной независимости личности от государства и постепенное отмирание последнего. "Коллективистский" анархизм Бакунина ("Государственность и анархия", 1873) постулировал идею о том, что любое государство есть орудие угнетения масс и должно уничтожаться революционным путем. Социальный идеал Бакунина сводился к обустройству общества как "свободной федерации" крестьянских и рабочих ассоциаций, коллективно владеющих землей и орудиями труда. Производство и распределение, по Бакунину, должно было носить коллективный характер в контексте учета индивидуального трудового вклада каждого человека. В коммунистической версии анархизма русский князь П.А. Кропоткин ("Современная наука и анархия", 1920), опиравшийся на сформулированный им гипотетический "биосоциологический закон взаимной помощи" ("Взаимная помощь, как фактор эволюции", 1907), предполагал переход к федерации свободных коммун с предварительным уничтожением факторов разведения людей: государства и института частной собственности. Последние по времени вспьшки анархистских устремлений можно отнести к некоторым разновидностям движения "новых левых" на Западе.

А. А. Грицанов

АНИМИЗМ (лат. anima, animus – душа, дух) – система представлений о якобы реально существующих особых духовных, невидимых существах (чаще всего двойниках), которые управляют телесной сущностью человека и всеми явлениями и силами природы. При этом душа обычно связывается с конкретным отдельным ее носителем: человеком, животным, предметом, растением, а дух представляется самостоятельным, оторванным от конкретного носителя существом, способным влиять на различные предметы. Сам термин А. впервые ввел немецкий ученый Г. Шталь (1708), назвав А. свое учение о безличном жизненном начале – душе, которая, по его мнению, является основой всех жизненных процессов, "взательницей тела". В 1871 термин А. был использован в этнографической науке Тайлором, который трактовал его не только как веру в души и духов, но и как теорию происхождения религии, считая веру в отделимых от тела духов основой, "минимумом" религии, созданной размышляющим "дикарем-философом" над причинами сновидений, смерти и т. п. Другие ученые (Р. Маретт, Фрезер, Л. Штернберг) считали, что предшественниками А. были представления о материальной "телесной душе", магической силе человека, о животворении всей природы (аниматизм). Первоначально в сознании первобытного человека души и души были связаны с материальными вещами и даже разделяли с ними свою судьбу. Есть все доказательства того, что до заселения дикарем мира душами и духами, он наделил сверхъестественными свойствами сами предметы и явления, двойниками которых и стали позже эти души и духи. В наши дни, будучи одной из форм ранних верований и пройдя сложный путь эволюции, А. в той или иной форме сохраняется во всех современных религиях, а также проповедуется представителями теософии, оккультизма, спиритизма и т. д.

А.А. Круглое

АНОМИЯ (франц. anomie – отсутствие закона, организации) – философско-социологическое понятие, используемое для обозначения состояния общества, при котором отсутствие или неустойчивость регулирующих отношения между индивидами и обществом императивов и правил приводит к тому, что большинство населения оказывается "вне" общества, вступая в конфронтацию с ним. Проблема А. был поставлена Дюркгеймом в книге "О разделении общественного труда", где в ходе анализа "ненормальных" форм этого разделения, была выделена А. Согласно Дюркгейму, состояние А. возникает тогда, когда разделение труда противостоит отношениям солидарности, в результате чего сопряженная стихийно-установившаяся совокупность правил оказывается не в состоянии регламентировать отношения общественных структур. Состояние А. может характеризовать и отдельного индивида, находящегося в состоянии конфликта с обществом. В "Самоубийстве" Дюркгейм выделил три типа самоубийств: "эгоистические", "альтруистические" и "анемические". Последние имеют тенденцию к росту во время общественно-экономических кризисов и катаклизмов, когда индивиды не могут приспособиться к быстро изменяющейся

социальной ситуации. Дюркгейм считал А. одним из факторов общественного здоровья или нездоровья. А., по его мнению, порождая систематические отклонения от социальных норм, подготавливает и ускоряет перемены в обществе. То обстоятельство, что "А." начала являть собой термин академической теоретической социологии, явилось, в частности, свидетельством того, что в обществе 20 века граница между нормой и патологией постепенно стирается. Дюркгеймовская трактовка А. была развита Мертоном, который ввел систему понятий, описывающих феномен "отклоняющегося" (девиантного) поведения. В ряду элементов системы целей и интересов, задаваемых, по Мертону, данной культурой, важную роль исполняют общественные институты, определяющие и контролируемые общепринятые способы достижения этих целей. Согласно Мертону, девиантное поведение может быть охарактеризовано как симптом несогласованности между избираемыми субъектами средствами реализации целей и общественно организованными способами их достижения. Мертон выделял две мыслимых разновидности несогласованности между элементами социокультурной структуры: а) ситуация, когда выбор альтернативных способов достижения целей ничем не ограничивается, разрешены любые средства и способы достижения этих целей; б) ситуация, когда деятельность по достижению целей становится самоцелью. В этом случае, по Мертону, "первоначальные цели забыты и ритуалистическая приверженность к институционально предписанному поведению принимает характер подлинной одержимости". Мертон считал, что А. "взывается к жизни" именно принятыми в обществе общепризнанными культурными ценностями, и, в свою очередь, сопряжена с различным доступом к возможностям институционально допустимых средств достижения обусловленных культурой целей. Высокая степень дезинтеграции между этими средствами и целями в купе с водоразделами социально-классовой структуры (что оставляет индивида в неопределенном, "деклассированном" состоянии, без чувства солидарности с конкретной группой) способствуют более частым проявлениям А.

А.А. Грицинов

АНТИНОМИЯ (греч. *antinomia* – противоречие в законе) – форма существования и развития противоречия в познании: противоречие, образуемое двумя суждениями (умозаключениями, законами), каждое из которых признается истинным. Использование термина А. первоначально имело место в юридических документах. Этим термином обозначалось противоречие между двумя юридическими законами или двумя положениями (тезисами) одного и того же закона (Квинтилиан в 1 в.; позднее – Плутарх, Августин и др.). Так, в кодексе императора Юстиниана (534) термином А. обозначалась ситуация, когда юридический закон вступает в противоречие с самим собой. Близким к А. понятием является понятие апория, особенно в аристотелевском истолковании. Апория, по Аристотелю, есть равенство (равнозначность) противоположных заключений. Так, в известных апориях Зенона из Элеи вскрываются противоречия единого (непрерывного) и множественного (разделенного) движения и покоя. Философский статус термин А. приобретает в работах Канта, который обозначил им глубоко противоречивое состояние человеческого разума ("спор разума с самим собой"), стремящегося преодолеть ограниченность рассудочных определений мира. Гегель, сопоставив А. Канта с апориями Зенона, пришел к выводу, что кантовские А. являют собой не более, чем то, что уже сделал Зенон. Гегель был убежден, что если следовать диалектике, которая хотя и содержит в себе предшествующую логику и метафизику, но развивает их дальше, то можно показать, что на деле каждое понятие, каждая категория также антономична. Противоречия, представленные в форме многообразных А., Гегель считал свидетельством диалектического характера познания. Гегель называл предвзвешенность прежней логики и обыденного сознания мнение, будто противоречие не такое существенное и имманентное определение, как тождество. Противоречие, подчеркивал Гегель, "есть корень всякого движения и жизненности". С точки зрения диалектического материализма, условие познания всех процессов мира есть познание их как единства противоположностей, а диалектика, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения. Появление А. в системе научного знания – момент этого прорыва, этап в осознании противоречий объективной реальности. Формулировка А., вместе с тем, – это всегда постановка конкретной научной проблемы, решение которой служит основанием для формулирования (когда имеет место сознательно диалектический подход) диалектических по форме выводов. В этом случае А. "сжимается" в суждение, и так появляется бесконечное логическое. Часто эти проблемы обнаруживают себя как парадоксы (апории). Таковы, например, парадоксы теории множеств, апории движения, некоторые т. наз. "космологические парадоксы". Как А. следует также рассматривать учения о корпускулярной и волновой природе вещества и поля, о "траекторном" характере движения в теории относительности и отрицание траекторий в квантовой физике. Примерами преобразования А. в диалектические выводы являются афоризмы (высказывания) выдающихся мыслителей прошлого. Таков афоризм Сократа: "Я знаю, что я ничего не знаю". Таков вывод Гегеля, характеризующий противоречие механистического движения: "Движущееся тело одновременно находится и не находится в одном и том же месте". Этот вывод "сжимает" в одно суждение известные апории Зенона, выдвинутые им против движения. Таков вывод К. Маркса, характеризующий процесс возникновения капитала: "Капитал не может возникнуть

из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении". Важнейшим моментом научного понимания природы А. является признание неравноценности тезиса и антитезиса, из которых она складывается. Одна сторона А. всегда превалирует (доминирует) над другой, включает в себя другую. Так, концепцию развития следует трактовать в плане единства прогресса (тезис) и регресса (антитезис) с преобладанием (в данном контексте) первого над вторым. Бесконечное включает конечное, необходимость – свободу, целое – часть, содержание – форму, причина – следствие и т. п.

Г.В. Беляев

АНТИУТОПИЯ – самоосознающее течение в литературе, представляющее собой критическое описание общества утопического типа. А. выделяет наиболее опасные, с точки зрения авторов, общественные тенденции. (В аналогичном смысле в западной социологической литературе употребляются также понятия "дистопия", т.е. "искаженная, перевернутая" утопия, и "какотопия", т.е. "страна зла"). А. можно представить в качестве своеобразной саморефлексии жанра социальной утопии. А. существенно меняет ракурс рассмотрения идеального социума: подвергается сомнению сама возможность позитивного воплощения какого бы то ни было преобразовательного интеллектуального проекта. При этом, если в жанре традиционной утопии происходит воображаемое обращение авторов в прошлое и настоящее, то в стилистике А. доминирует обращенность в будущее. Конституирование А. как особого интеллектуального жанра совпало по времени (20 в.) с установлением достаточно жестких общепринятых дисциплинарных границ в сфере гуманитарного знания, поэтому А. почти всецело представляет собой литературное явление. (Исторически А. ведет свое происхождение от сатирической традиции Дж. Свифта, Вольтера, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.К. Честертона и др., а также от жанра романов-предостережений, к которому обращались в своем творчестве А. Франс, Дж. Лондон, Г. Уэллс, К. Чапек и др.). 20 в. породил ситуацию, когда некоторые проекты утопических обществ с различной степенью адекватности стали реальностью. Разочарование в прогрессе, кризис идеалов европоцентризма, негативные эффекты функциональной дифференциации общества актуализировали жанр А., которая постоянно обращалась к репрессированным пластам общественной жизни. (Согласно мысли Оруэлла, А. становится возможной лишь после того, как "утопия была дискредитирована"). Переход от абстрактного интереса по поводу проектов преобразования общества к опасениям, связанным с перспективой их претворения в жизнь, был сформулирован Бердяевым: "Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе: как избежать их окончательного осуществления?" Главными темами А. выступают, как проблемы невозможности непосредственного межличностного общения вкупе с потерей личности своего духовного мира (Е. Замятин), так и абсолютизированные до крайности негативные тенденции современного общества: нивелирующее людей потребление (О. Хаксли), тотальный контроль бесчеловечной государственной власти (Оруэлл), прогрессирующий индивидуализм (Р. Шекли) и т.д.

А. А. Грицанов

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП (греч. anthropos – человек) – один из принципов современной космологии, устанавливающий зависимость существования человека как сложной системы и космического существа от физических параметров Вселенной (в частности, от фундаментальных физических постоянных – постоянной Планка, скорости света, массы протона и электрона и др.). Физические расчеты показывают, что если бы изменилась хотя бы одна из имеющихся фундаментальных постоянных (при неизменности остальных параметров и сохранении всех физических законов), то стало бы невозможным существование тех или иных физических объектов – ядер, атомов и т. д. (например, если уменьшить массу протона всего на 30%, то в нашем физическом мире отсутствовали бы любые атомы, кроме атомов водорода, и жизнь стала бы невозможной). Осмысление этих зависимостей и привело к выдвиганию в науке и философии А.П. Существуют различные формулировки А.П., но чаще всего он используется в форме двух утверждений (слабого и сильного), выдвинутых в 1973 специалистом по теории гравитации Б. Картером. "Слабый" А.П. гласит: "То, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей". "Сильный" А.П. говорит о том, что "Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей". Иными словами, наш мир оказался "устроенным" так удачно, что в нем возникли условия, при которых человек мог появиться. Очевидно, что в мировоззренческом плане А.П. во-шлощает в себе философскую идею взаимосвязи человека и Универсума, выдвинутую еще в античности и развиваемую целой плеядой философов и естествоиспытателей (Протагор, Анаксагор, Бруно, Циолковский, Вернадский, Чижевский, Тейяр де Шарден, Ф. Крик, Ф. Дайсон, Ф. Хойл и др.). А.П. допускает как религиозную, так и научную интерпретацию. Согласно первой, антропные характеристики Вселенной выглядят как "подтверждение веры в Творца,

спроектировавшего мир так, чтобы удовлетворить в точности нашим требованиям" (Хойл). Научная позиция основана на тезисе о принципиальной возможности естественного существования множества миров, в которых воплощаются самые различные комбинации физических параметров и законов. При этом в одних мирах реализуются самые простые стационарные физические состояния, в других же возможно формирование сложных физических систем – в том числе и жизни в ее многообразных формах. Значение А.П. возрастает в наше время, для которого характерны космическая активность человека и все более серьезный поворот современной науки к гуманистической проблематике.

В.С. Вязовкин

АНТРОПОЛОГИЗМ – философское течение, которое рассматривает понятие "человек" в качестве базисной категории, лежащей в основании системы представлений о бытии, природе, обществе, культуре, истине, добре, благе, долге, свободе, Боге и т. д. В концепциях А. человек – исходный пункт и конечная цель философии. А. отправным пунктом анализа считает биологическую (а не социальную) природу человека. Концепции А. могут носить как материалистический, так и идеалистический характер. Крупнейшие представители материалистического А. Нового времени – Гельвеции и Фейербах, который и разработал А. как методологический философский принцип. Принцип А. ориентировал исследователей на изучение единства человеческой сущности и постулировал относительность деления человека на "тело" и "душу". Начиная со второй половины 19 в. разрабатываются идеалистические варианты А. (Ницше, Дильтей, Зиммель). А. испытал на себе значительное влияние философии жизни, феноменологии Гуссерля, психоанализа Фрейда. В современной западной философии А. (Ше-лер, Плеснер, Гелен, Э. Ротхакер, А. Портман и др.) стремится утвердить единство философского и конкретно-научного подхода и освободить понимание человека от крайностей как экзистенциалистского антисциентизма, так и сциентистски-рационалистического толкования человека. Человек начинает рассматриваться на широком фоне наук о духе и наук о культуре (этнографии, языкознания, социологии, истории религии и искусства и т. д.). Однако А., несмотря на некоторые научные и теоретические положения, сформулированные в его русле, не смог стать целостным учением о человеке. Односторонность А. проявляется в его абстрагированности от социальной сущности человека, от особенностей его жизнедеятельности как общественно-исторического существа. Как методологический принцип А. получил распространение в социологии, этике, эстетике.

Е.В. Петушкова

АНТРОПОЛОГИЯ (anthropology), реже – общая А. (general Anthropology) – преимущественно в англоязычных странах – совокупность научных дисциплин, изучающих человечество на всех исторических этапах его развития. А. фокусирует свое внимание, с одной стороны, на биологической и культурной дифференциации различных групп людей, с другой стороны – на тех интегративных чертах, которые позволяют представить человечество как единое целое. Антропологические дисциплины объединены рядом общих научных принципов и методологических подходов, среди которых особо выделяется "принцип холизма", ориентирующий на многоаспектный анализ изучаемых явлений. Как правило, к А. относят физическую А., археологию, антропологическую лингвистику и культурную А. Физическая (или биологическая) А. исследует биологические аспекты человеческого существования. В ее рамках выделяется палеонтология человека (палеоантропология), изучающая проблемы происхождения и эволюции человека как биологического вида. Ответвлением этого направления считается приматология, ориентированная на исследование социальных форм поведения человекообразных обезьян. Другое направление, с которым чаще всего ассоциируется название физическая А., исследует расовую дифференциацию человечества. Археология занимается анализом ископаемых материальных культурных объектов и реконструкцией на этой основе культуры и образа жизни древних народов. С достаточной степенью условности выделяют классическую археологию, изучающую древние цивилизации Средиземноморья, доисторическую археологию, ориентированную на исследование культур бесписьменных народов, и историческую археологию, верхний временной предел исследований которой доходит до сер. 19 в. Существует также представление об антропологической археологии как о субдисциплине, решающей такие сложные комплексные проблемы, как этногенез народов, доместификация животных или возникновение земледелия в различных регионах планеты. Антропологическая лингвистика исследует различные формы человеческой коммуникации, включая язык. В ее состав входит историческая лингвистика, изучающая происхождение языка как универсального феномена человеческой культуры, а также – генезис и историческое развитие отдельных языков; дискриптивная лингвистика – наука о фонетической и грамматической структуре языков; этнолингвистика, акцентирующая свое внимание на взаимодействии языка и конкретной культуры; и социолингвистика, исследующая социальную обусловленность речевого поведения различных групп людей. Культурная А. (реже – социальная А., социально-культурная А.) ориентирована на изучение культур отдельных народов и человечества в целом. При этом выделяется этнография – описание культур конкретных современных

народов и этнология – сравнительный анализ и обобщение данных, собранных во время этнографических экспедиций. Сама же культурная А. выступает в виде высшей формы генерализации представлений об институтах культуры человечества, представленной в универсальной интерэтнической форме. В структуре антропологических дисциплин культурная А. занимает центральное место, так как, глав. обр., именно в ее рамках и ее представителями вырабатывались базовые теоретические положения, характерные для А. в целом. В отдельных случаях в качестве самостоятельной антропологической дисциплины выделяют прикладную А., ориентированную на решение конкретных проблем (например, здравоохранения, образования, национальных меньшинств и т.д.). Институциональное единство антропологических дисциплин в ряде случаев (например в США) достигается на уровне университетского образования в рамках общих факультетов, а также – на уровне профессиональных ассоциаций. В российской традиции термин А. изначально закрепился за физической А., а за культурной А. – этнография (последние годы – этнология).
П.В. Терешкович

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНАЯ (cultural anthropology), реже – социальная или социально-культурная А. – преимущественно в англоязычных странах, в последние десятилетия – во Франции и других странах континентальной Европы – наука о культуре во всех формах ее проявления и на всех исторических этапах ее развития. При этом культура понимается в предельно широком смысле как совокупность материальных объектов, идей, ценностей, представлений и моделей поведения. Для современной культурной А. характерны холистский подход (см.: Холизм) к изучению культурных явлений, понимание культуры как формы биосоциальной адаптации, а также – этический и методологический принцип культурного релятивизма, постулирующий универсальную ценность каждой культуры вне зависимости от стадийного уровня ее развития. В качестве субдисциплин, отражающих уровень генерализации знаний, выделяют этнографию – описание культуры конкретного современного народа и этнологию – сравнительный анализ культур. Сама же культурная А. выступает как обобщенное знание об основных институтах культуры, представленных в универсальной интерэтнической форме. Кроме этого существует большое количество сфер специализации, в том числе: экологическая, экономическая, политическая, урбанистическая, аграрная, медицинская А., А. труда, А. образования и т.д. От других социальных наук культурную А. традиционно отличала преимущественная ориентация на изучение культур бесписьменных народов, а также – специфический метод непосредственного наблюдения, используемый для сбора информации при проведении "полевых исследований" (экспедиций). Как самостоятельная наука культурная А., первоначально под названием этнология, оформляется в конце 30-начале 40-х 19 в. Термин А. закрепляется с начала 70-х 19 ст. Преподавание А. как учебной дисциплины начинается в 1879 в США (Рочестерский университет) и в 1884 в Великобритании (Оксфордский университет). Формированию современной А. предшествовал длительный период развития антропологической мысли, истоки которого могут быть прослежены с эпохи античности. Так, Демокритом и Титом Лукрецием Каром были сформулированы оригинальные концепции антропо- и социогенеза, Гиппократ предложил идею о природно-географической обусловленности социально-психологических и политических явлений, Корнелий Тацит противопоставил цивилизованность дикости, отметив моральные преимущества последней. Активизация развития антропологических идей в Европе 16-18 вв. была обусловлена резким увеличением объема этнографической информации в результате Великих географических открытий. Значительную популярность в это время приобрела концепция "счастливого дикаря", развита в трудах П. Мортира, М. Монтеня, Руссо и Дидро. На формирование А. 19 века большое влияние оказали идеи исторического прогресса, сформулированные А. Фергюсоном, Кондорсе и Тюрго. Значительным было и влияние немецкой классической философии, в первую очередь, работ Гердера, а также так называемой "мифологической школы" – компаративистского направления в европейской фольклористике и этнографии конца 18-начала 19 вв. Исторически первым чисто антропологическим направлением стал сформировавшийся во второй половине 19 в. в Великобритании и США эволюционизм. Его наиболее известные представители Тайлор и Морган полагали, что все народы и отдельные институты культуры (например, семья, религия и т.д.) проходят определенные эволюционные стадии развития. Именно этим объяснялось культурное разнообразие человечества. В отличие от эволюционистов представители так называемого диффузионизма объясняли культурную дифференциацию явлениями межкультурных контактов. Так, лидеры Германско-Австрийской школы диффузионизма Ф. Греб-нер и В. Шмидт утверждали, что все значимые элементы культуры были изобретены однажды в пределах нескольких "культурных кругов" и потом распространились (диффузировали) между другими народами. Представители Английской школы диффузионизма У. Смит и Э. Пери полагали, что центром происхождения важнейших элементов цивилизации является древний Египет. В начале 20 в. с критикой эволюционизма выступил основоположник школы культурного партикуляризма в США Боас, который отвергал возможность генерализации в сфере культурных явлений, подчеркивал уникальность каждой культуры и постулировал принцип культурного релятивизма. Боас подчеркивал необходимость собирания как можно большего количества полевых материалов, противопоставляя его схоластическому теоретизированию. Другие критики эволюционизма и диффузионизма британские функционалисты Малиновский и Радклиф-Браун (также как Боас)

были сторонниками кропотливого собирания эмпирического материала как базы для создания антропологических теорий. Малиновский полагал, что культура является целостным явлением, каждый элемент которой выполняет определенную функцию по удовлетворению базовых или производных потребностей человека в обществе. В то же время Радклиф-Браун акцентировал внимание на том, что отдельные элементы культуры служат поддержанию социальной структуры общества, понимаемой как глобальная сеть социальных отношений. В США в 1920-х сложилось еще одно теоретическое направление, получившее название "культура и личность" (реже, психологическое направление). Его создателями стали ученицы Боаса Р. Бенедикт и М. Мид. Отталкиваясь от антиэволюционистских положений Боаса и концепций З. Фрейда, они утверждали, что основополагающую роль в культурной дифференциации играют вариации форм детского воспитания. Одновременно во Франции в это же время сложилась школа учеников Э. Дюркгейма, известного своим интересом к проблемам этнологии. Лидером этого направления стал Мосс – автор оригинальных исследований по традиционным формам обмена, этнической психологии. К школе Дюркгейма был близок Леви-Брюль, разработавший концепцию о принципиальном отличии первобытного мышления от современного на уровне коллективных представлений. С именами Мосса и Леви-Брюля связано создание института этнологии в Парижском университете в 1926. В послевоенный период во Франции ведущим направлением в А. становится структурализм, лидером которого является Леви-Стросс – один из наиболее известных антропологов современности. Опираясь на приемы, разработанные в лингвистике и когнитивной психологии, Леви-Стросс пришел к выводу о существовании ментальных структур, определяющих культурное и социальное поведение. Краеугольным камнем концепции Леви-Стросса стало положение о бинарных оппозициях как о базовой модели, позволяющей людям классифицировать элементы культуры и вырабатывать свое отношение к ним. В британской послевоенной А. ведущее место занимали продолжатели линии Радклифа-Брауна Эванс-Прит-чард и Глакман. Последний приобрел известность благодаря исследованию феномена конфликта как составного элемента структуры общества. Для американской послевоенной А. характерным стала реабилитация эволюционизма, что стало заслугой Л. Уайта, автора оригинальной концепции о зависимости прогресса человечества от объема потребляемой энергии (получившей название "закон Уайта"). Другим представителем неэволюционизма стал Д. Стюарт, предложивший концепцию полилинейной эволюции, учитывавшей специфику развития каждой культуры. Особый интерес Стюарта к проблемам взаимодействия культуры и окружающей среды позволяет считать его основоположником экологической А. Особое место в современной американской А. занимает личность К. Герца, известного своим подходом к изучению традиционной культуры (например, петушиных боев у балийцев) как интерпретации текста. Развитие культурной А. (этнографии) в России и, позже, СССР было отмечено значительным своеобразием. В последней трети 19-начале 20 вв. большинство этнографов-практиков – Н. Миклухо-Маклай, В. Богораз, Л. Штеренберг, М. Довнар-Запольский занимались интерпретацией идеи эволюционизма. Наибольший интерес в теоретическом плане представляли работы М. Ковалевского, посвященные общине и общинному землевладению как универсальным стадияльным формам развития социальных отношений. В послереволюционный период канонизация раннего эволюционизма в его марксистской (точнее, энгельсовской трактовке) на долгие годы застопорила развитие теоретической мысли. Этому же содействовала изоляция и, часто, агрессивное отношение к новым тенденциям в "буржуазной" этнологии. На рубеже 60-70-х сформировалось несколько оригинальных концепций в области теории этноса. Их создатели в разной степени отталкивались от концепции, разработанной в 1920-х русским ученым-эмигрантом А. Широкогоровым. Наибольшую известность приобрели работы Ю. Бромлея, попытавшегося соединить концепцию этноса с марксистским учением об общественно-экономических формациях и построить на этой основе модель эволюции этно-социальных общностей. В меньшей степени замеченной оказалась идея А. Арутюнова и Н. Чебоксарова о передаче информации как о механизме существования этносоциальных и биологических групп человечества. Наибольшей оригинальностью отличались, приобретшие впоследствии широкую известность концепции Гумилева, открыто порвавшего с марксистской традицией и рассматривавшего этносы как биосоциальные феномены, развивающиеся согласно своим уникальным законам.

П.В. Терешкович

АНТРОПОТЕХНИКА – совокупность прикладных технических знаний для работы с человеком. Идея А. возникает в 20 в. как философский ответ на вызов тоталитарных идеологий, продемонстрировавших столь же эффективные, сколь и антигуманные технологии процесса воспитания "нового человека". Первые попытки формулировок технического отношения к человеку возникали в рамках объяснительных, дескриптивных философских теорий (философская антропология Шелера, антропософия Р. Штайнера). Для философского отношения к А. характерно формальное употребление категорий "человек" и "человеческое", направленное на формулировку принципов мышления об этом и решение проблемы принципиальной подверженности человека искусственным воздействиям и их ограничениям. Одним из ведущих мотивов для этих философских размышлений выступает расширение человеческих возможностей и границ. После Первой мировой войны А.

эмансипируется от философии и начинает складываться как синтез воспитательных, психотерапевтических, а иногда и эзотерических практик. В А. входят методы работы с сознанием, психическими процессами, телесностью из христианства с его практиками медитации и аскезы, а также из восточных религий и культов. Разрабатываются и изобретаются различные формы тренингов: от аутотренинга начала века до заимствования методов и элементов у-шу, Йоги и т.д. По мере накопления знаний, методического оснащения и опыта происходит институцио-нализация отдельных антропотехнических подходов. Иногда они институционализируются в традиционной деятельности, например в педагогике (вальдорфская педагогика), в психотерапии, иногда за пределами традиционной деятельности (в эзотерических, харизматических сектах, молодежных сообществах, маргинальных группах, авангардистских течениях искусства). В своих крайних формах антропотех-нические практики могут приходиться в столкновение с законом и требуют правового регулирования. Речь идет не только о концептуальном обосновании употребления наркотиков в маргинальных группах (С. Гроф, Кастанеда), но и явлениях Кашпировского, Чумака, Джуны и др. на экранах массовых телевизионных программ. В последние годы 20 в. А. начинает рассматриваться как философско-концептуаль-ная рефлексия многочисленных форм воздействия на сознание, психическую организацию и телесность человека, по большей части неконтролируемых в самих этих практиках. С появлением А. существенно расширяются представления о человеке: человеческий феномен перестает рассматриваться как натуральный, природный, биологический и все больше выступает как принципиальная возможность, потенциальность. Человек снова начинает рассматриваться в категориях "замысла", "проекта", "цели", "образа и подобия".

В.В. Мацкевич

АПРИОРИ (лат. a priori, букв. – из предшествующего) – философский термин, имеющий важное значение в теории познания, в частности, в философии И. Канта. Означает знание, полученное независимо от опыта, присущее сознанию изначально. Априорное знание противоположно апостериорному. Уже Аристотель различал познание вещей из их причин – из тех, которые составляют их предпосылку (целевая, формальная причина) – это познание А. и познание причины из ее действия – апостериорное познание. Лейбниц изменил смысл термина "априорное", предположив, что познание вещей из их причин полно только тогда, когда оно восходит к последним и высшим причинам, которые он называл "вечными истинами", и приравнивал познание А. к умозрительному, беспредпосылочному, самоочевидному для разума знанию. Благодаря Вольфу, понятие А. вошло в немецкую философию и было принято Кантом. Так, уже во введении к "Критике чистого разума", говоря о сущностном происхождении наших знаний, Кант писал: "...хотя все наше познание и начинается с опыта, вместе с опытом, отсюда не следует, что оно целиком происходит из опыта". Кант считал, что аффицируя нашу чувственность, вещи пробуждают одновременно и некую внутреннюю активность человеческого познания, поэтому даже опытное знание "складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой...". Проявлением этой активности познания и является человеческая способность совершать не только опытное, но и внеопытное познание. Такое познание Кант и называет априорным. В дальнейшем, Кант будет считать априорными только те знания, которые безусловно не зависят от всякого опыта, а не от того или иного конкретного опыта. И, наконец, из всех априорных знаний Кант выделит "чистые априорные" – те, к которым совершенно не примешивается ничто эмпирическое; более того – те, которые имеют всеобщий и необходимый характер. Кант относил к ним сравнительно большую совокупность главным образом научных знаний, получение которых стало высшей целью и задачей человеческого познания вообще – законы, принципы и т.п. Чаще всего, по Канту, они начинаются со слов: "все", "вся" и т.д., утверждая некоторые положения и принципы относительно определенных целостных классов вещей. Эти априорные, всеобщие и необходимые знания, согласно Канту, нельзя получить эмпирическим путем, они формулируются каким-то иным – доопытным или внеопытным образом. Но априорны эти знания лишь по своей форме, их же содержание проистекает из опыта. Суть кантовского априоризма заключалась таким образом в акцентировании того факта, что каждый человек, начиная процесс познания, как бы заранее обладает некими существовавшими уже до него формами, которые и придают его знанию характер искомого идеала – необходимости и всеобщности. Кант различал априорные формы чувственности – пространство и время и априорные формы рассудка – чистые рассудочные понятия или категории, разделенные им на 4 класса: количества, качества, модальности и отношения. Априорные формы чувственности и рассудка организуют, придают связность и упорядоченность хаотическому знанию, полученному из опыта с помощью чувств. В современной методологии науки, к априорным формам знания относятся исходные постулаты науки, хотя при этом признается в их выборе момент условности и конвенциональности.

Т.Г. Румянцева

АРГУМЕНТАЦИЯ (лат. *argumentatio*) – понятие, обозначающее логико-коммуникативный процесс, служащий обоснованию определенной точки зрения с целью ее восприятия, понимания и (или) принятия индивидуальным или коллективным реципиентом. С этой точки зрения, А, выступает как цельный, сложный, многоуровневый феномен, который регулируется логическими нормами и законами. Как речевая коммуникативная деятельность А. включает в себя нелингвистические компоненты, мировоззренческо-этические, психологические параметры, обеспечивающие вписывание того или иного научного знания в культуру. Структурно-функциональный анализ научной аргументации позволяет проводить необходимое четкое разграничение понятий "А.", "обоснование", "доказательство", которые часто используются как синонимы. Как всякий языковой феномен, процедура А. связана с соответствующими логическими формами. Подобно тому, как слову (словосочетанию) соответствует понятие, предложению – суждение, А. соответствует обоснование. Обоснование, таким образом, является логическим каркасом А. Разведение понятий обоснования и А. следует проводить по двум линиям – логической и языковой. А. не сводится лишь к логическому обоснованию, это не только логический, но и коммуникативный процесс, направленный на адекватное восприятие отстаиваемой точки зрения, ее субъект-но-смысловую идентификацию, понимание и вписывание в культуру. В зависимости от специфики изучаемой предметной области в процессе научной А. используются различные виды обоснования. Исходя из специфики тезиса, привлекаемых аргументов и способа связи между ними, можно выделить такие виды обоснования, как доказательство, опровержение, подтверждение, объяснение, интерпретация, определение, оправдание и др. В строгом смысле слова доказательство представляет собой логический процесс, заключающийся в обосновании истинности того или иного положения с помощью других положений, истинность которых уже установлена. В соответствии с этим использование понятия доказательства в широком смысле слова (как всякое обоснование) является неточным. Всякое доказательство есть обоснование, но далеко не всякое обоснование есть доказательство. Различие между указанными видами обоснования заключается не только в логической структуре, включающей тезис, аргументы и способ связи между ними, но и в содержательном наполнении этой структуры. Как только логическая структура А. погружается в коммуникативно-прагматическое измерение, все ее компоненты, все виды обоснования приобретают дополнительные характеристики. Всякий коммуникативный процесс предполагает субъект-субъектные отношения, однако в качестве адресата в А. не всегда выступает конкретный человек, чаще всего он предстает как обобщенный представитель того или иного сообщества, которому адресован текст, концепция и т.п. А. как коммуникативно-прагматический процесс, включает следующие основные этапы и соответственно компоненты: идентификация выдвигаемых концепций с идеально-смысловыми структурами реципиента (или их восприятие), понимание, принятие (непринятие), убеждение (его отсутствие). Обосновываемая концепция для определенного реципиента первоначально выступает как соответствующая информация, изложенная в научном тексте или в иной форме. Она еще не понята, не идентифицирована с идеально-смысловыми структурами реципиента, и тем более не принята им, она пока еще только воспринимается адресатом. До тех пор, пока субъект не включился в процесс "сотворчества" понимающих, в деятельно-стный процесс "по-знания", т.е. "приобщения к знанию", к смыслам используемых терминов, А. не стала действенной и знание существует только в виде определенной информации, не наполненной смыслами. Когда информация благодаря А. пропускается через интеллектуальные, социокультурные и этико-мировоззренческие установки познающего субъекта, это и создает предпосылки для ее расшифровки, т.е. идеально-смысловая идентификация предъявленной реципиенту концепции есть своего рода "предпонимание". Приобретая в рамках коммуникативной системы новые содержательные характеристики, различные виды А. обеспечивают не только восприятие, но и понимание выдвигаемой концепции. Гуманитаризация современной науки, с одной стороны, а также постоянно возрастающий уровень абстрактности теоретических и математических моделей А. обусловили трансляцию проблемы понимания из традиции герменевтики и гуманитарных наук в анализ естественнонаучного знания и науки в целом. Становится ясно, что не только уникальные объекты гуманитарного знания, с их неповторимостью, "непрозрачностью", "человеческим миром", но и объекты современного естествознания и математики с их сложным содержанием, высокоабстрактной конструктивностью, со снятой в их содержании "сделанностью", математическими формализмами нуждаются в расшифровке научных смыслов, распределении и реконструкции познавательной деятельности. Понимание той или иной концепции является предпосылкой ее принятия и вписывания в культуру. Термин "принятие" используется, как правило, без достаточно четкой его экспликации. Как определенный компонент научной А. и коммуникативной связи субъектов творческой деятельности принятие предполагает понимание той или иной концепции, признание ее истинности или приемлемости, преломление через теоретические, интеллектуальные и этические установки познающего субъекта (реципиента), соотносимость с господствующими в научном сообществе философско-мировоззренческими и теоретическими представлениями и в результате всего этого приобретение прагматических характеристик и параметров, алгоритмических измерений, позволяющих экспериментировать, действовать, поступать в соответствии с данной концепцией. Логические и коммуникативно-прагматические средства А. создают предпосылки не только для принятия тех или иных положений, концепций, но и для формирования соответствующих убеждений

рационального характера. Смена устоявшихся убеждений осуществляется именно через механизмы аргументационных конструкций. Используемые логико-коммуникативные приемы и способы А. работают на реализацию ее цели – формирование новых убеждений в том или ином сообществе.

Я.С. Яскевич

БАКУНИН Михаил Александрович (1814–1876) – русский мыслитель, революционер, идеолог и теоретик анархической версии народничества. В 1828–1833 учился в Петербургском военном училище. В 1836 вышел в отставку и поселился в Москве. Вошел в кружок Станкевича. Увлёкся философией Гегеля, которую определял как синтетическую систему, преодолевшую крайности идеализма и эмпиризма, разрыв бесконечного и конечного, духа и материи, а также примирявшую человека с действительностью. Б. истолковывал действительность как вечную божественную жизнь, волю и деятельность духа. Всеобщее должно быть реализовано в жизни личности, проникнутой любовью. Соответственно, познание призвано объяснить "тайну" этой реализации. В свою очередь, единичное самосознание, по мнению В., движется "всеобщей сущностью". Мысль должна перейти из теории в "действительность". В 1840 выехал в Берлин для продолжения образования. Познакомился с А.Руге, В. Вейтлингом, Марксом, что способствовало переходу Б. в лагерь левых гегельянцев и увлечению политической проблематикой, а затем и революционизации его мышления. Б. становится профессиональным революционером – эмигрантом. Принял активное участие в революционных событиях 1848–1849 в Париже, Праге, Дрездене. В 1849 арестован и приговорен к смертной казни. В 1851 Б. выдают в Россию как опасного государственного преступника. Отбывал наказание в Петропавловской, затем (с 1854) – в Шлиссельбургской крепости. После смерти Николая I выслан в Сибирь на вечное поселение. В 1861 бежал из ссылки через Японию в Америку, затем перебрался в Лондон, где сотрудничал с Герценом. С середины 1860-х занялся разработкой анархической доктрины. С 1868 – член I Интернационала, из которого исключен в 1872 на Гаагском конгрессе. В эти годы Б. являлся одним из основных оппонентов Маркса. После поражения Парижской коммуны отошел от активной политической деятельности. Основные сочинения: "Гимназические речи Гегеля. Предисловие переводчика" (1838), "О философии" (1840), "Реакция в Германии" (1842), "Кнута-Германская империя и социальная революция" (1871), "Государственность и анархия" (1873), "Федерализм, социализм и антитеологизм" (не закончена), "Бог и государство" (не закончена), "Исповедь" (написана в заключении) и др. Во второй период своего творчества Б. предложил анархическую версию философии действия, построенную на отрицании всего существующего порядка. В марксизме Б. видел главным образом "материализм экономический", игнорирующий социальные инстинкты человека. Разумная трудовая деятельность людей переводит их, по Б., из сферы биологического в сферу общественного. Как часть природы, человек должен повиноваться ее законам, но социальную действительность люди творят сами. Цель прогресса и его критерий – постоянное приращение свободы личности. Главный угнетатель человечества – государство, созданное меньшинством для господства над большинством. Государство, по мнению Б., – антипод гражданского общества. Власть опирается на фикцию Бога. В своей идейной эволюции Б. проделал путь от имманентной "новой религии" (религии жизни и деятельности, иначе – "дела"), в которой борются откровение и рассудок, между которыми действует мысль, преобразующая рассудок в разум, – до полного отрицания религии и дискредитации ее как социального института и культурного феномена. "Если Бог существует, то у человека нет свободы, он – раб; но если человек может и должен быть свободен, то, значит, Бога нет". Отсюда, религия – второе основное препятствие в движении человека к свободе. В конечном итоге, Б. стал трактовать религию как вид "коллективного сумасшествия", а церковь – как разновидность "небесного кабака". Для обретения счастья необходима ликвидация религии и государства как института и принципа власти как такового. По Б., власть обладает уникальным свойством развращать всех независимо от классовой принадлежности. Любые правительство и парламент, сформированные из рабочих, трансформируются в угнетателей и эксплуататоров. Всякая форма легитимного политического поведения, по мнению Б., лишь укрепляет государственную власть. Уничтожить ее может лишь стихийный бунт. Революция, согласно Б., "закроет кабаки и церкви, развращающие душу и тело призрачными радостями". Разум преодолеет религию, а бунт разрушит государство, как главные препятствия на пути свободы. Антиавторитарные формы жизни Б. трактовал как неизбежное будущее человечества. Идеал Б. – созданная исключительно "снизу вверх" свободная федерация земледельческих и ремесленно-фабричных ассоциаций – был явно утопичен. В России Б. абсолютизировал социальный потенциал общинной артели с ее идеей "права на землю" и "социалистическим инстинктом". Полагал, что русскому народу присущи "наивное чувство братства" и "любовь к огню". Пожар из России призван, по В., уничтожить мировую цивилизацию буржуазного типа и заменить ее свободным союзом народов на основаниях автономии и федерализма.

В.Л. Абушенко, А.А. Грицанов

БАХАЙ – одна из наиболее молодых мировых религий. Зарождение Б. – 1844, Иран. В основе Б. лежат подвергнувшиеся беспрецедентной ревизии доктрины ислама. Численность верующих в Б. – более 6 млн. человек (1994). Согласно учению Б., основатель религии Бахаулла продолжает ряд посланников Бога (Кришна, Авраам, Зороастр, Моисей, Будда, Иисус, Магомет). Авторству Бахауллы приписывают свыше 100 произведений (основное – "Китаб-и-Агдас" или "Самая Священная Книга", 1872). Канонизированы также тексты сына и внука основателя Б. и послания Всемирного Дома Справедливости в административном центре Б., г. Хайфа, Израиль. Согласно Б., Бог един, эволюция мира – последовательный ряд осуществлений Его воли через посланников – основателей различных религиозных систем. Человечество едино. Достижение этого состояния возможно как результат воплощения "принципа единства различий" (именуется в Б. как доктрина "прогрессивного Откровения"). Являющийся миру каждые 500–1000 лет Божий посланник привносит в жизнь человечества качественно новый духовный потенциал. Высшим состоянием единства для еще не воссоединенного человечества выступает нация, основанная на идее и ценностях патриотизма. Генезис этого духовного феномена Б. связывает с деятельностью пророка Магомета. Следующая потенциальная ступень этого процесса – человечество как целостный субъект перед лицом Космоса. Любовь индивида к человечеству, согласно учению Б., в будущем выступит высшим типом любви на Земле. Б. формулирует цели конституирования Всемирной Администрации, необходимость разработки универсального вспомогательного языка, стремление к преодолению реальной разобщенности людей. Возможность предотвращения угрозы мирового господства со стороны какой-либо обособившейся и эгоистичной военно-политической силы Б. видит в установлении предельно жестких демократических процедур при решении глобальных вопросов. В качестве этического фундамента данного процесса должен выступить императив: "Возлюби ближнего больше самого себя!" К ведущим социальным постулатам Б. правомерно отнести идеи отказа от любых предрассудков; единства и относительности отдельно взятых религиозных учений; равенства мужчин и женщин; предельно допустимого смягчения имущественного неравенства людей; всеобщего образования; поиска истины как смыслообразующего начала жизни каждого человека; всемирной федерации; утверждения гармонии между религией, рассудком и пафосом науки. Душа каждого человека в Б. бессмертна и уникальна. Приверженцы Б. не должны участвовать в политических партиях. Они должны стремиться к достижению целей движения исключительно легальными, мирными средствами. Организация Б. не знала расколов с 1863. Отличительной особенностью Б. также являются широко трактуемое право любого верующего на собственную интерпретацию религиозных догматов, отсутствие профессиональных священников, высочайший моральный дух преодоления всех мыслимых форм разобщенности людей.

А. А. Грицанов

БАХТИН Михаил Михайлович (1895–1975) – известный русский ученый: философ, филолог, литературовед, теоретик культуры. Определяющее влияние на формирование философских взглядов Б. оказали философские учения Канта, Кьеркегора, Марбургской школы неокантианства, феноменологии. К собственно философским трактатам у Б. можно отнести только раннюю неоконченную работу "К философии поступка" (предположительно нач. 1920-ых), где Б. выступает с программой построения "первой философии" нового типа, которая через обращение к "единой и единственной нравственной ответственности" призвана преодолеть "дурную неслиянность культуры и жизни". Онтология человеческого бытия рассматривается в данной работе как онтология поступка, как учение о "единственном событии свершаемого бытия". Одно из центральных бахтинских понятий, задающих онтологическое определение человека, – понятие "неалиби в бытии", также подчеркивающее ответственный характер человеческого бытия. Б. исходит из осознания активной причастности бытию со "своего единственного места в бытии". Соответственно онтология человека определяется у Б. взаимоотношением между "единственностью наличного бытия" и "целым бытия". Сложную диалектику этого взаимоотношения Бахтин пытается прояснить с помощью понятий "нераздельно и неслиянно", а также с помощью различения "данного и заданного" в онтологии человека. Указанное взаимоотношение реализуется, согласно Б., в изначальном акте "утверждения своего не-алиби в бытии". Этим актом, по мнению Б., полагается "ответственный центр исхождения поступка", – в результате чего место быть получает необходимую конкретность и "инкарнированность", онтологическую укорененность. В свете заданной таким образом онтологии на смену homo sapiens приходит человек поступающий, выявляется онтологическая неслучайность всякого поступка, – нравственная философия обретает онтологические корни. Философия поступка Б. включает развернутую критику "эстетического и теоретического миров" за характерное для них отвлечение от "нуди-тельной действительности" "единого и единственного ответственного бытия" и противопоставляет им "ответственное единство" мышления и поступка. При этом указанное отвлечение приводит не только к теоретической, но и к онтологической несостоятельности. Как показывает Б., эстетический мир способен породить "двойника-самозванца", чье бытие определяется Б. как "бытие лжи или ложь бытия", "ложь самим собой себе самому" ("Автор и герой в эстетической деятельности"), коренящаяся в том, что человек отвлекается (отступает) от "центра исхождения поступка", которым отмечено конкретное место человека в бытии. Отступление, которое в религиозном

(христоцентрическом) контексте осмысливается Б. как "имманентное бытие грехопадение". Заявляя, что эстетический и теоретический разум должны быть моментом практического разума, Б. вводит понятия "поступающего мышления" и "участного мышления" и классифицирует философию на ту, в которой участие мышления преобладает "осознанно и отчетливо" и на ту, где это имеет место "бессознательно и маскированно". В работе "Автор и герой в эстетической деятельности" Б. предлагает позитивное обоснование эстетического события. Б. показывает, что эстетическое созерцание, которое отвлекается от этического смысла и заданности конкретного человеческого бытия, остается внутренне оправданным по отношению к другому человеку. Обозначение проблемы "я – другой", лежащей в основании диалогической концепции Б., можно найти уже в трактате "К философии поступка". В работе об авторе и герое эта проблема получает детальное рассмотрение и опирается на такие понятия как "внезаходимость", "кругозор" и "окружение", "я-для-себя" и "я-для-другого", "другой-для-меня" и др. Согласно Б., моя внезаходимость другому делает эстетическое отношение творчески-продуктивным, поскольку я обладаю "избытком видения" по отношению к другому: мне есть чем его одарить и это дар, в котором другой, по словам Б., испытывает абсолютную нужду. Как подчеркивает Б., результатом эстетической деятельности, эстетического события, становится рождение другого в новом плане бытия, определенном новыми, "трансгредиентными" другому ценностями. Но, как уже отмечалось, это онтологическое приращение, будучи недоступным другому, требует в качестве залога мое собственное бытие. Чтобы сохранить позитивность эстетического, необходимо вести одновременно смысловую и ценностную интерпретацию отношения "я – другой", определять эстетическое видение "помимо смысла", но тем не менее удерживать его "вместе" с ним. Б. удерживает это место единого и единственного бытия, когда специально подчеркивает, что речь идет о "конкретной внезаходимости меня единственного". Таким образом именно по отношению к другому обнаруживается единственность и "не-заместимость" моего места в мире: мой дар другому исходит из моей точки зрения, укоренен в моем месте в бытии. "Эстетическое созерцание и этический поступок, – пишет Б., – не могут отвлечься от конкретной единственности места в бытии". Эстетическая концепция Б. развивалась в полемике с "формальным методом" в искусствоведении, с одной стороны, и с концепцией "вчувствования" в эстетике к. 19–нач. 20 в., с другой. Если первое направление вело, по мнению Б., к потере героя, то второе – к потере автора, разрушая таким образом художественное событие, понимаемое как событие диалогическое. Позднее свойственный эстетическому созерцанию момент завершенности был оценен Б. как насилие, несовместимое с идеей диалогизма как живого отношения двух сознаний. В этой связи "новая художественная модель мира", созданная, по мнению Б., в романах Достоевского, преодолевает завершающую авторскую активность, монологическое сознание автора. Полифонический роман Достоевского предстает как "сочетание неслиянных голосов" в неза-вершимом диалоге. Анализируя воплощенное в романах Достоевского художественное видение жизни человеческого сознания, Б. делает вывод, что "само бытие человека есть глубочайшее общение. Быть значит общаться", быть на границе. Диалогический характер человеческого бытия, из которого исходит Б., определяет и его подход к разработке философских основ гуманитарных наук и в частности к анализу проблемы текста в гуманитарных науках. Гуманитарные науки, поскольку они имеют дело с личностью, предполагают диалогическую активность познающего, диалогическое движение понимания, которое, в свою очередь, основывается на диалогическом контакте между текстами и на сложном взаимоотношении текста и контекста. Признание нескончаемого обновления смыслов в новых контекстах приводит Б. к различению малого времени и большого времени, трактуемого как бесконечный и незавершимый диалог. В культурологическом аспекте наибольшую известность получила книга Б. "Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса" (1940), в которой Б. развивает концепцию народной смеховой культуры (в противоположность культуре официальной) и идею карнавала, разнообразные проявления которого Б. анализирует, основываясь на принципе амбивалентности. Если в литературоведении влияние Б. очень велико, то философское осмысление его идей и концепций только начинается, причиной чему стала как биография самого Б., так и судьба его наследия. Очевидна глубокая созвучность его идей западным диалогистам (Бу-бер и др.). Вместе с тем разносторонность затронутой им проблематики не только оставляет открытым вопрос о единстве бахтинской мысли, но и делает ее способной к диалогу с самыми разнообразными подходами в современной философской мысли: феноменологическими, герменевтическими, постмодернистскими. Основные публикации работ Б.: "Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса" (1965, 1990); "Эстетика словесного творчества" (1979, 1986); "Работы 1920-х годов" (1994); "Проблемы творчества и поэтики Достоевского" (1994) и др.

Т.В. Щитцова

БЕЛЛ (Bell) Даниел (р. 1919) – американский философ и социолог, профессор Гарвардского университета. Основные сочинения: "Новое американское право" (1955), "Конец идеологии. Истощение политических идей в 50-х годах" (1960), "Марксистский социализм в Соединенных Штатах" (второе издание, 1967), "Грядущее пост-индустриальное

общество. "Опыт социального прогнозирования" (1973), "Культурные противоречия капитализма" (1976), "Социальные науки после Второй мировой войны" (1982) и др. В конце 30-х и в 40-е принимал участие в леворадикальном движении, а затем, в начале 50-х, эволюционировал к либеральному реформизму, и, наконец, в 60-е перешел на позиции неоконсерватизма. В 1955 Б. вместе с И. Кристолом и Д. Мойнихеном основал журнал "The Public Interest". Б. – один из наиболее выдающихся представителей сциентистско-технократического направления социальной философии. В 1960 Б. выступил одним из основных авторов (одновременно с Ароном) концепции деидеологизации, ставшей истоком теории индустриального общества. Согласно Б., центральными переменными, обуславливающими тенденции, динамику и направленность развития индустриального общества, являются труд и капитал, а противоречия между ними составляют основной источник его развития. Основным инструментом оптимизации такого общества, а также управления существующими в нем организациями и предприятиями выступает машинная технология. Технологии как инструментальные способы рационального действия являются главным детерминантом общественного развития. Само же развитие технологии происходит рывками. Более того, можно выделить целые эпохи в ее автономном саморазвитии, в рамках которых происходят разнообразные социальные трансформации. Хотя технологические революции идеальны в своих теоретических основаниях, их символами и одновременно носителями выступают вполне реальные материально-вещные формы, например, для постиндустриального общества эта "вещь" – компьютер. В. вводит в свою философско-социологическую концепцию в качестве теоретико-методологического основания т.наз. "осевой принцип". Суть его заключается в том, что различные типы общества развиваются в контексте определенной стержневой линии, обуславливающей социальный, экономический, культурный и политический облик их осмысления. В зависимости от выбора основной оси, согласно Б., исторический процесс можно, например, рассматривать как смену форм собственности и соответствующих им общественных формаций. И тогда правомерна его интерпретация в терминах "феодализм", "капитализм", "социализм". Если же вместо данного измерения использовать иной "осевой принцип", где "главная стержневая линия" – статус и историческая роль человеческих знаний, то социальная эволюция выглядит совершенно иначе: доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное общество. В отличие от индустриального общества, в постиндустриальную эпоху именно знание выступает по Б., основным источником богатства и власти, поэтому решающим средством управления выступают уже не машинные, а интеллектуальные технологии. В наступающем столетии определяющее значение будет иметь становление системы телекоммуникаций. Для понимания сущности и характера "телекоммуникационной революции", играющей решающую роль в организации и обработке информации и знаний, особенно важны три аспекта: 1) переход от индустриального к "сервисному обществу"; 2) первостепенное значение кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических нововведений; 3) превращение новой интеллектуальной технологии в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений. Взаимодействие этих трех аспектов предопределяет громадное значение теоретического знания в качестве "осевого принципа" постиндустриального общества. Одновременно в контексте проблемы "направляющей и определяющей" силы социальных изменений этого общества возрастает значение того, что оно становится все более открытым и индетерминированным, а также увеличивается его "социальная плотность". Признавая, что знания и информация становятся стратегическими ресурсами и агентами трансформации постиндустриального общества, Б. вместе с тем стремится избежать упреков в приверженности технологическому детерминизму. Поэтому он формулирует концепцию многоаспектности социального организма. В этой концепции каждая из сфер – экономика, социальная жизнь, культура, политика – развивается по особым, только ей присущим законам. Поэтому эти сферы способны не только взаимодействовать, но и противостоять друг другу. В частности, "информационное общество" в силу нарастающих культурных противоречий может оказаться перед опасностью еще более глубокого разрыва между культурной и социальной жизнью. Возрастает противоречие между весьма нежелательной и опасной для развития общества "революцией растущих притязаний", и, вытесняемой ею, но действовавшей прежде десятилетия "революцией растущих ожиданий". Самые существенные причины этих нежелательных революций, считает Б., заключаются как в непомерном уровне требований, предъявляемых их поборниками, так и в том, что они носят всеобщий характер. Это нарушает установленный в обществе порядок, расшатывает социальную устойчивость, порождает многочисленные межгрупповые конфликты. Следствием такой ситуации становится политическая нестабильность, дополняемая нестабильностью экономической. Лучшими средствами для искоренения этих нестабильностей выступают рыночная система организации экономики и основанные на философии неоконсерватизма принципы порядка и устойчивости, активно внедряемые в жизнь современного общества.

Е.М. Бабосов

БЕСКОНЕЧНОЕ ЛОГИЧЕСКОЕ – понятие диалектической логики, введенное грузинским философом С.Б. Церетели (1907–1966). Б. Л., по определению Церетели, "есть то, отрицание чего утверждает его же. Точнее: это есть утверждение чего-либо отрицанием его же". Так, говоря, что нет убеждений, мы высказываем убеждение, т.е. подтверждаем существование убеждений. Б.Л. противоположно конечному логическому. Согласно Церетели,

на категорию конечного логического опираются и ее выражают аристотелевы положения о законе тождества, противоречия и исключенном третьем. К широко известным аристотелевым законам формальной логики помимо закона достаточного основания Церетели добавляет закон различия, также открытый (лучше сказать: переоткрытый) Лейбницем в форме утверждения: "Все различно". Например, по словам Лейбница, нет даже двух одинаковых листьев. Субстанциальный плюрализм Лейбница – положение о бесконечном многообразии субстанций (монад) и их сугубой индивидуальности, – является онтологической проекцией закона тождества неразличимых (последний как раз и трактуется как закон различия), согласно которому не может быть двух вещей, даже двух капель воды, в точности похожих друг на друга. Конечное логическое есть всякая мысль, которая полагает (или отрицает) другие мысли (в соответствии с законом тождества или только с законом различия). Природу конечного (вообще конечного, а не только логического конечного) хорошо выражает понятие модуса у Спинозы. Конечное, говоря словами Спинозы, есть то, что существует в другом, что имеет причиной другое и для осмысления чего необходимо осмысление другого. По Церетели, конечное есть также то, отрицание чего утверждает "просто иное", но не "свое иное". Например, истлевшее (сгнившее, измельченное и т.п.) зерно превращается во что-то другое (в "просто другое"), а не в растение ("свое иное"), т.е. выпадает из естественной цепи саморазвития. Точно также и отношение мыслей в их подчиненности (соответствии) законам формальной логики образует систему конечных образований (конечное логическое), когда каждая мысль выпадает из цепи саморазвития, а сама эта цепь не имеет внутренней логики развития: исключает противоречия, диалектические скачки и отрицание. Как и конечное логическое, Б.Л. существует в форме суждений и умозаключений. Диалектическое понимание проблемы суждения (как и других форм мышления) означает умение различать суждение как идеальное образование от его языкового (материального) воплощения в виде грамматического предложения. Суждение логически рефлексивно, т.к. отрицание суждения само есть суждение. Рефлексивность суждения (и вообще логическая рефлексивность) непонятна для формальной логики, тем более для такой логики, которая сводит логическое к грамматическому. Согласно Церетели, диалектический подход к проблеме субъекта суждения, в качестве которого формальная логика называет заранее сформированное понятие, заключается в том, что ни понятие не предшествует суждению, ни, наоборот, суждение не предшествует понятию. Они подразумевают и требуют друг друга, но так, что оба имеют одно начало. Субъект есть понятие в начале его полагания. С диалектической точки зрения предикат суждения в отношении субъекта является и тождественным и различным. Вследствие этого не может быть только аналитического или только синтетического суждения (как это было у Локка и Канта). Одно и то же суждение является и аналитическим и синтетическим. Связка "есть" (копула) имеет двойственную природу, она диалектична, т.к. показывает, что единичное, субъект, есть также не единичное, а общее. Диалектический подход трактует суждение как мысленное высказывание, заключающееся в утверждении – отрицании. Отсюда – понятие "бесконечного" суждения, согласно которому наряду с формально-логическими видами только положительных или только отрицательных суждений ("третьего не дано"), существует третий вид как определенное единство первых двух видов. Примером такого суждения может служить гегелевское высказывание, характеризующее противоречие механического движения: "Движущееся тело одновременно находится и не находится в одном и том же месте, т.е. одновременно находится в другом". Бесконечное суждение может быть понято как вывод умозаключения, в котором снимается (разрешается) антиномия, представленная посылками этого умозаключения. Например, афоризм Сократа: "Я знаю, что я ничего не знаю". Таким образом, формами существования Б.Л. является особое вида суждения (умозаключения), из которых могут быть построены законы, теории, концепции, гипотезы и т.п., и которые выступают в качестве логических способов прорыва горизонта формальной логики.

Г.В. Беляев

БЮРОКРАТИЯ (фр. *bureaucratie*, буквально – господство канцелярии, от фр. *bureau* – бюро, канцелярия и греч.: *kratos* – сила, власть, господство) – способ осуществления публичных властных функций, специфическая форма устройства социальных организаций в обществе, сущность которой заключается в отрыве центров исполнительной власти от воли большинства членов этой организации, в подчинении правил и задач функционирования организаций целям ее сохранения и укрепления. Б. – разновидность человеческой деятельности, превращающая функцию управления социальными системами в прямую или скрытую власть индивидов или социальных групп как самодостаточных, замкнутых на себя социальных сил (субъектов) в общественных взаимодействиях. Ход социально-экономического развития в 20 в. привел к выработке общих моделей работы организаций, которые описывали принципиальную структуру управления, стандартную иерархию должностей и постов, разделение функций, правила информации руководства на различных ступенях, ответственность. Бюрократическая рационализация управления и организации власти в обществе были специально исследованы М. Вебером, выделившим признаки идеального типа бюрократических систем: эффективность, достигаемую через фиксированное четкое

разделение обязанностей между членами организации; строгую иерархизацию власти по принципу "сверху вниз"; формализованную нормативную систему, обеспечивающую единообразие деятельности и стандартность (а также предсказуемость) схем принципиальных решений; обезличенность деятельности и нейтральность отношений между функционерами организации, в которой индивид выступает как частичная функция – носитель определенного должностного статуса. Все эти признаки необходимы для успешной работы любой организации и сами по себе еще не означают Б.Б. – это обязательное подавление инициативы нижестоящих уровней организации как условие усиления собственных позиций и самосохранения как социальной группы. В этом ракурсе Б. исследовалась как особым образом организованный социальный слой ("как бы класс") и как носитель определенного "статусного сознания", обладающие специфической системой ценностей. В центре последней находится комплекс представлений о карьере как иерархическом перемещении в управленческо-властном социальном пространстве благодаря личным усилиям и комплекс представлений о корпоративном этосе, предполагающем самоотжествление служащего с организацией, его целей с общими целями организации как условий личного успеха. Конечное основание подобной корпоративной культуры – ценность порядка как такового. Условия бюрократической организации формируют специфический тип личности, главными психологическими и моральными чертами которой являются политический, идейный и моральный конформизм, ориентация на выполнение нормативных формальных обязанностей, стандартизация потребностей и интересов. Б., как способ специализации и кооперации управленческого труда, – продукт многомерности человеческой деятельности. Б., как внутренний принцип организации отношений, "укорачивает" эту деятельность до непосредственных, жестких зависимостей, а затененные ее структуры использует в качестве источника собственной власти и привилегий. Узурпировав функции распределения первоочередных жизненных средств при социализме, Б. присвоила возможность распоряжаться не только ими (т.е. продуктами деятельности людей), но и самими жизнями граждан общества. Для описания такого положения вещей Г. Поповым был предложен термин "административно-командная система". Б. стала трактоваться как такая ее историческая разновидность, которая не может быть рассмотрена только в рамках отношений власти и управления, но обязательно предполагает анализ отношений собственности. Последняя в данном случае формально фиксировалась как "общественная" или "общенародная", будучи выраженной через категорию "всеобщего". На уровне повседневной практики ото оборачивалось "ничейностью" собственности, что предоставляло Б. реальную возможность монополистически распоряжаться ею от лица общества как такового. Второй отличительной чертой бюрократического аппарата такого типа стала его максимальная идеологизированность в отличие от классической Б., что позволяло представить любое сопротивление системе как идейно-нравственное (а не только политическое и уголовное) преступление. Третья черта такой Б. – сращивание ее интересов (при всей ее выделенности и отделенности от остальных слоев общества) с нивелированным массовым интересом основной части населения по принципу "негативной дополненности" – принятие обезличенных компромиссных правил игры внутри системы. Важные стороны этого процесса (в нескольких иных терминах) также охарактеризовали Авторханов, Джилал и Вселенский.

В.Л. Абушенко, А.А. Грицанов

ВЕБЕР (Weber) Макс (Карл Эмиль Максимилиан) (1864-1920) – немецкий социолог, философ и историк конца 19 – начала 20 вв. Приват-доцент, экстраординарный профессор в Берлине (с 1892), профессор национальной экономики во Фрейбурге (с 1894) и Гейдельберге (с 1896). Почетный профессор Гейдельбергского университета (1903). Издатель (совместно с Э. Яффе и В. Зомбартом) "Архива социальных наук и социальной политики" (с 1904). Основатель (1909) Немецкого социологического общества. Профессор национальной экономики в Вене (с 1918) и Мюнхене (с 1919). Основные сочинения: "К истории торговых обществ в средние века" (1889), "Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права" (1891), "Национальное государство и народно-хозяйственная политика" (1895), "Объективность социально-научного и социально-политического познания" (1904), "Рошер и Книс и логические проблемы исторической политэкономии. Серия статей" (1903-1905), "Протестантская этика и дух капитализма" (1904-1905), "Критические исследования в области логики наук о культуре" (1906), "К положению буржуазной демократии в России" (1906), "О категориях понимающей социологии" (1913), "Хозяйственная этика мировых религий" (1916-1919), "Политика как профессия" (1919), "Наука как профессия" (1920), "Хозяйство и общество" (1921) и др. Диапазон научных интересов В. был чрезвычайно широк и охватывал проблемы социологической теории и методологии социального познания, теории капитализма и экономической истории, религиоведения и политико-юридических наук. В каждой из этих областей труды В. стали классикой. Для творчества В. было характерно сочетание серьезного научного интереса к истории с озабоченностью острыми политическими проблемами современности, а лейтмотивом его исследований является тема рациональности как исторической судьбы западного общества и организующего принципа познания. Констатируя в духе неокантианства методологическое своеобразие "наук о культуре", В. настаивает на том, что социальное и историческое познание, так же, как и

естественные науки, должно быть свободно от субъективных оценок, основным средством достижения его научной объективности у В. является методологическая концепция "идеальных типов". Элементарной единицей социологического анализа В. считает социальное действие, предполагающее а) осмысленность, субъективную мотивацию и б) "ориентацию на других", придающую индивидуальному действию социальное значение. Индивиды, а не формы коллективности или общественные институты выступают в этой концепции реальными субъектами социального действия. Типология социального действия, разработанная В. включает: 1) целерациональное действие (цели и средства их достижения сознательно избираются индивидом, а критерием их адекватности является успех), 2) ценностно-рациональное (осмысленное действие организуется системой ценностей, определяющих человеческое поведение независимо от успеха), 3) аффективное (определяемое непосредственными эмоциональными реакциями) и 4) традиционное (определяемое привычкой). Типология социального действия лежит в основе веберовской концепции типов легитимного господства (власти, которая признана управляемыми индивидами). В основе легального типа господства (к которому относятся современные западные государства) лежит целерациональное действие и мотивом признания власти служит соображение интереса; для этого типа характерен примат формально-правового начала и развитие бюрократии. Харизматический тип господства (харизма - экстраординарные личные способности лидера - героя, полководца, основателя религии и т.п.) основан на аффективном типе социального действия. Базой традиционного типа господства, для которого характерны вера в священность существующих властных порядков и патриархальность внутригосударственных связей, является привычка к определенному поведению. Западное общество последних трех-четырёх столетий, по В., характеризуется радикальной рационализацией его основных сфер, охватывающем хозяйственную деятельность, политико-правовые отношения и образ мышления. Именно универсальное господство рационального начала отличает современное общество от всех существовавших ранее (квалифицируемых В. как "традиционные"). При этом сам разум в трактовке В. деэтизируется и сводится к "формальной рациональности" - чисто технической квалифицирующей способности. В работе "Протестантская этика и дух капитализма" В. предложил новаторское решение вопроса о генезисе капиталистического общества, связав его с европейской Реформацией. Именно протестантизм, придавший религиозное значение расчетливо организованной и нацеленной на умножение богатств мирской деятельности человека, заложил основы трудовой этики и рационализма, составивших ядро новоевропейского типа личности. Проблема связи религиозных установок и образа жизни (прежде всего - хозяйственной деятельности) занимает центральное место и в более поздних работах В. по социологии религии. (См. также: Историзм).

В.Н. Фуре

ВЕБЛЕН (Veblen) Торстейн Бунд (1857-1929) - американский социолог, экономист, публицист. Основоположник институционального направления в политической экономии. Доктор философии (1884). Преподавал в Корнельском (1890-1892), Чикагском (1892-1906), Стэнфордском (1906-1909) университетах, в университете штата Миссури (1910-1917). Основные сочинения: "Теория праздного класса" (1899), "Инстинкт квалификации и состояние ремесел" (1914), "Инженеры и система цен" (1921) и др. Основным мотивом творчества В. являлась критика современной социальной элиты Америки. В. сформулировал ряд положений общетеоретического плана, в которых отчетливо проявилось влияние распространенных в то время течений общественной мысли: марксизма, теории инстинктов, социал-дарвинизма и др. По В., эволюция социальных институтов - закрепленных обычаями способов регулирования общественной жизни - происходит под воздействием внешней среды путем естественного отбора. Основными факторами, вызывающими потребность в институциональных изменениях, считал прогресс техники и технологии, увеличение численности населения. Основным консервативным фактором - сложившиеся стереотипы мышления. Существующие институты всегда являются, согласно В., результатом прошлых процессов и никогда не находятся в соответствии с требованиями настоящего времени. Эволюционирующая институциональная структура взаимодействует с биологической природой человека, присущими ему инстинктами, среди которых В. выделял: инстинкт мастерства, предопределяющий стремление человека к созидательной деятельности и материальному благосостоянию; родительское чувство, обуславливающее продолжение рода, заботу о семье и, в дальнейшем развитии, об общественном благе; праздное любопытство, выражающееся в стремлении к познанию окружающего мира и имеющее в своей основе более глубокий игровой инстинкт. Наряду с перечисленными, В. указывал на наличие у человека инстинктов к самоутверждению, стяжательству и себялюбию, порождающих стремление к улучшению собственного положения за счет других. Следуя Моргану, В. выделял в истории периоды дикости, варварства и цивилизации. Для первого из них, по В., были характерны общинная собственность, уравнилельное распределение и соответствующие институты, основывающиеся на инстинкте мастерства и родительском чувстве. По мере совершенствования технологии производство начинает превышать уровень, достаточный лишь для поддержания жизни, что создает возможность для эксплуатации. Во все возрастающей степени начинают проявляться инстинкты стяжательства и себялюбия. Вожди и жрецы присваивают избыток продукта сверх минимума средств существования. В результате разлагаются коллективистские институты,

распространяется частная собственность. Высшей доблестью человека становится военный успех, а не трудовая деятельность. На смену дикости приходит варварство, возникает фундаментальный антагонизм между производительным трудом (статус которого резко снижается) и праздностью, получающей высокую оценку. Однажды возникнув, праздный класс продолжает существование и на стадии цивилизации, с успехом навязывая всему обществу собственные мировоззренческие установки. Основным конфликтом своего времени В. считал противостояние "мира бизнеса" (современной ему разновидности праздного класса) и "мира индустрии" (всех занятых производственной деятельностью, среди которых ведущая роль принадлежит инженерно-техническому персоналу). Возможность позитивного социального переустройства В. связывал с переходом власти от "бизнеса" к "индустрии", переходом, который произошел бы, по мнению В., в результате всеобщей забастовки инженерно-технических работников. Паралич экономики, неизбежный в таком случае, вынудил бы "мир бизнеса" к отступлению. Концепция противостояния "бизнеса" и "индустрии" стала после В. весьма популярной в западной общественной мысли. В. также явился одним из создателей социологической теории потребления, рассматривая в качестве цели приобретения какой-либо вещи не столько удовлетворение естественных потребностей человека, сколько демонстрацию принадлежности индивида к тому или иному общественному классу.

М.Г. Баканова

ВЕРИФИКАЦИЯ (позднелат. *verificatio* - подтверждение; лат. *verus* - истинный, *facio* - делаю) - логико-методологическая процедура установления истинности научной гипотезы (равно как и частного, конкретно-научного утверждения) на основе их соответствия эмпирическим данным (прямая или непосредственная В.) или теоретическим положениям, соответствующим эмпирическим данным (косвенная В.). В рамках логического позитивизма принцип вери-фицируемости мыслится критериально исчерпывающим способом апробации научных утверждений, понятых в качестве "протокольных предположений" как фиксации данных непосредственного опыта: утверждения, выходящие за рамки "протокольных предположений" трактуются как неверифицируемые, в случае чего в действие вступает принцип фальсифицируемости. (См. также: Гипотеза, Истина, Опыт, Теория, Фальсификация).

Ю.В. Баранчик

ВЕРОЯТНОСТЬ - количественная мера возможности осуществления события при наличии неопределенности, т.е. в ситуации, когда это событие характеризуется как возможное. Вкладывание того или иного содержания в каждое из понятий триады "количество - событие - неопределенность" порождает различное понимание В. Например, в случае так называемой классической, или элементарной, В. неопределенность порождается экспериментом (возможно, мысленным), имеющим конечное число несовместимых равновозможных исходов, событие - в осуществлении какого-либо из определенной группы исходов (называемых благоприятствующими событию), а В. события определяется как отношение числа благоприятствующих исходов к числу всевозможных исходов. Источником возникновения частотной В. является реальный эксперимент, частоты исходов которого обладают так называемой статистической устойчивостью. Индуктивная В. возникает при рассмотрении суждений как количественная оценка правильности заключения при условии правильности посылок. Субъективная В. характеризует степень уверенности субъекта в осуществлении события. Неопределенность типа той, которая приводит к классической и частотной В., называется случайностью, а событие - случайным. Если классическая и частотная В. представляет собой определенное число, то об индуктивных и субъективных В. чаще говорят на уровне "больше - меньше". Здесь усматривается определенная параллель с числовыми и порядковыми шкалами, рассматриваемыми в теории измерений. Формализация понятия В. (в основном В. случайного события) и связанных с ним, развитие соответствующего аналитического аппарата и методики решения прикладных задач составляют содержание раздела математики - теории вероятностей и родственных ей дисциплин: математической статистики, метода случайных испытаний ("метод Монте-Карло"), теории стохастического управления и др. При этом надо отметить, с одной стороны, широкое применение вероятностных методов, с другой - серьезные трудности, возникающие при этом. В частности, известно большое число так называемых парадоксов теории вероятностей - правильных на первый взгляд рассуждений, приводящих к выводам, которые противоречат либо опыту, либо другим, столь же правдоподобным, рассуждениям. Эти трудности породили оживленные дискуссии, доходившие порой до отрицания правомерности применения некоторых традиционных вероятностных методов (Ю.И. Алимов). Причины указанных затруднений - как проблема построения соответствующей математической модели, так и проблема правомерности применения той или иной модели к данной задаче. Первая из этих проблем решается созданием строгой (как правило, аксиоматической) базы математической теории. Наиболее известной и широко применяемой является аксиоматика,

предложенная в начале 30-х 20 в. А.Н. Колмогоровым. В настоящее время развиваются и другие подходы: частотный (использующий, в частности, ряд идей Р. Мизеса), сложностный, алгебраический, квантовый, так называемый нестандартный и др. Проблема применимости вероятностных методов решается на путях развития математической теории, углубления знания в соответствующих прикладных областях и осмысления накапливаемого опыта. Задача развития теории вероятностей и ее применений содержит определенный философский аспект, что привело к формированию направления философских исследований, изучающего понятия В., случайности и т.п. В 1960-е Л. Заде ввел и другое, отличное от В., понятие для количественной характеристики неопределенности, а именно нечеткость (или размытость).

Н.Н. Леонов

ВИТГЕНШТЕЙН (Wittgenstein) Людвиг (1889-1951) – австрийский философ, профессор Кембриджского университета (1939-1947). Основоположник двух этапов становления аналитической философии в 20 в. – логического (совместно с Расселом) и лингвистического. Автор ряда широко известных философских произведений, из которых наибольшее влияние на формирование современного ландшафта философской мысли оказали такие книги, как "Логико-философский трактат" (1921), "Философские исследования" (опубликованы посмертно, 1953), "Заметки по основаниям математики" (1953), "О достоверности" (1969) и др. Формирование личности В. проходило в тот период (конец 19 – начало 20 вв.), когда венская культура достигла значительных высот в области музыки, литературы, психологии. Знакомство с творчеством Брамса, Малера, Казельса, с публицистикой основателя авангардного журнала "Факел" Крауса, несомненно, оказало влияние на становление богатой творческой индивидуальности В. Философия также рано вошла в круг его интересов. В юности В. читал работы Лихтенберга и Кьеркегора, Спинозы и Августина. Одной из первых философских книг В. была книга Шопенгауэра "Мир как воля и представление". Большое влияние на В. оказало знакомство с идеями немецкого математика и логика Фреге, у которого он некоторое время учился, и английского философа, логика и математика Рассела, с которым он долгое время поддерживал дружеские отношения. В творчестве В. выделяют два периода. Первый из них связан с написанием "Логико-философского трактата", первое издание которого было осуществлено в Германии (1921), а второе в Англии (1922). Основной замысел книги В. видел не в построении развитой теории предложения как образа мира, а в создании особой этической позиции, целью которой является демонстрация того тезиса, что решение научных проблем мало что дает для решения экзистенциальных проблем человека. Тот, кто осознал это, должен преодолеть язык "Трактата", подняться с его помощью еще выше. Что касается логической стороны, то в основе данного произведения лежало стремление В. дать точное и однозначное описание реальности в определенным образом построенном языке, а также при помощи правил логики установить в языке границу выражения мыслей и, тем самым, границу мира. Несмотря на то, что в "Логико-философском трактате" В. говорит о том, что "Я" есть мой мир и границы моего языка определяют границы моего мира, его позицию нельзя назвать позицией солипсизма, потому что В. не отрицал как возможности познания мира, что зафиксировано в его теории отображения, так и существования других Я, о чем свидетельствуют последние этические афоризмы "Трактата". На логическую составляющую "Трактата" большое влияние оказала логика Фреге, из которой В. позаимствовал также понятия, как "смысл", "пропозициональная функция", "истинное значение", а также некоторые из идей Рассела: идею создания идеального логического языка; идею о том, что логика составляет сущность философии; гипотезу бессмысленности предложений традиционной метафизики. После опубликования "Логико-философского трактата" В. на целых восемь лет покидает философское сообщество. Одной из причин этого ухода послужило написанное Расселом предисловие к "Трактату", в котором он остановился исключительно на логических достижениях книги, а ее этическую сторону оставил без должного внимания, что дало повод В. для резкой критики Рассела. С началом 30-х связано начало второго этапа философской эволюции В., который характеризуется переходом от языка логического атомизма (объект, имя, факт) к новой "языковой игре", целью которой является устранение ловушек естественного языка путем терапии языковых заблуждений, перевод непонятных предложений в более совершенные, ясные и отчетливые. По словам В., весь туман философии конденсируется в каплю грамматики. В первоначальном виде концепция В. была представлена в двух курсах лекций, которые он прочитал в 1933-1935. Позднее, при опубликовании, они получили название "Голубой и коричневой книги". Свой наиболее законченный вид программа В. принимает в "Философских исследованиях", основной работе позднего периода. В этом произведении главными выступают понятия "языковые игры" и "семейное подобие". Языковая игра – это определенная модель коммуникации или конституция текста, в которой слова употребляются в строго определенном смысле, что позволяет строить непротиворечивый контекст. Языковая игра дает возможность произвольно, но строго описать факт, явление, построить модель поведения человека или группы, задать самим построением текста способ его прочтения. При этом на первый план выступает то, что можно было бы назвать "анатомией чтения" – ситуация, когда одна возможная языковая игра прочитывается принципиально различными

стратегиями. Интересно отметить, что в такой ситуации происходит превращение и изменение языковой игры из того, что уже создано и написано как текст, в то, что создается различными стратегиями чтения. Большое значение для В. имел вопрос о том, как возможна коммуникация различных языковых игр. Этот вопрос решался В. при помощи введения в свою систему концепта "семейное подобие". В. утверждает и доказывает с помощью идеи "семейного подобия", что в основе коммуникации лежит не некая сущность языка или мира, а реальное многообразие способов описания. Идея "семейного сходства" используется В. для прояснения пути образования абстракций. В "Философских исследованиях" В. показывает, что тому, что в языке обозначается с помощью определенного слова или понятия, в реальности соответствует огромное множество сходных, но не тождественных между собой явлений, процессов, включающих в себя многочисленные случаи взаимопереходов. Такое понимание происхождения абстракций говорит о том, что метод "семейного сходства" является сугубо номиналистической идеей и служит для развенчания представлений о том, что в основе какого-либо понятия (например, "сознание") лежит конкретная сущность. Кроме указанных выше, особое внимание В. привлекали проблемы природы сознания, механизмов его функционирования и их выражения в языке, проблема индивидуального языка его понимания, вопросы достоверности, веры, истины, преодоления скептицизма и многое др. Несмотря на то, что в творчестве В. выделяют два периода, его взгляды представляют органичное целое по ключевому вопросу – что такое философия. Согласно взглядам В. как раннего, так и позднего периодов, философия – не теория, а деятельность, целью которой является прояснение языка, а, следовательно, и мира. Результатом этой деятельности должно явиться более четкое и ясное понимание предложенный языка и его структуры. Только если на первом этапе целью интеллектуальных усилий В. выступал сконструированный по логическим законам язык, то на втором – естественный язык человеческого общения.

Ю.В. Баранчик

ВЛАСТЬ – в классических философских концепциях – особое отношение между людьми, способность осуществлять свою волю. Традиция интерпретации В. в терминах воли (субъективной или коллективной) и дихотомии "господин – раб" восходит к Платону и Аристотелю. Преодолевая доминировавшие в средневековье сакральные представления о В., Макиавелли выдвинул идею о светском характере В., необходимой для сдерживания эгоистической природы человека и определяемой тактическими соображениями в отношениях "государь – поданные". В доктрине европейского либерализма (Локк, Гоббс и др.) нашли свое развитие рационалистические взгляды на природу, источники и функции В. Работы Маркса и Энгельса сместили акценты на исследование политической В., основанной на классовых антагонизмах и определяемой в конечном счете материально-производственными отношениями. Проблема В. была систематически проанализирована в социологии М. Вебера, который ввел понятие легитимности господства (признания В. управляемыми индивидами), выделил легальный, традиционный, харизматический виды, а также личный и формально-рациональный типы В. В настоящее время при анализе В. принято рассматривать в качестве видов политическую, экономическую, государственную, семейную В., учитывать различные ее формы (господство, руководство, управление, организация, контроль) и методы (авторитет, право, насилие). Неклассические философские версии В. связаны со снятием оппозиции "правитель – подчиненный", пересмотром понимания В. как чисто идеологического, подконтрольного разуму феномена и рассмотрением ее в более широких философских контекстах. С первым наброском такого подхода выступил Ницше. Он дезавуировал деятеля-субъекта как "присочиненного" к волевому акту. Безличная сила "воли к В." лежит, по Ницше, в основании существования; познание мира, будучи "волей к истине", оказывается формой проявления иррационального полифункционала "воли к В.". Идеи генеалогического исследования В. (по Ницше) были восприняты современной французской философией от структурализма до "новых левых". Фуко, исследуя комплексы "В. – знания", рассматривал "структуры В." как принципиально децентрированные (лишенные иерархически привилегированной точки – Суверена) образования, специфика которых в том, что они – "езде". Эта "ездесущность" В. задает ее новое видение как лишнего теологического измерения самоорганизующегося процесса взаимоориентации, конфликтующих отношений, пронизывающего силовыми полями весь социум. Природа В., по Фуко, обращена к сфере бессознательного, существуя в модусе самосокртия, она обнаруживает свои подлинные "намерения" на микроуровне социальной жизни (классификация удовольствия, ритуал исповеди, локализация секса и т.п.), на поверхности кристаллизуясь в государственные институты и социальные гегемонии. Барт развивает и перерабатывает в русле "политической семиологии" ницшеанские интуиции об укорененности В. в "самом начале языка". Он демонстрирует, что язык, считающийся нейтральным средством коммуникации, на самом деле пропущен через механизмы вторичного означивания (идиоматические смыслы, жанровые конвенции и т.п.), имеющего идеологическую природу и обеспечивающего языку социальную действенность и статус дискурса. Таким образом, В., по Барту, осуществляется в форме дискурсивных стратегий, на службе у которых оказывается индивид в силу самого факта употребления языка, и которые в совокупности образуют первичный уровень принуждения. Более радикальные трактовки В. содержатся в

работах Делеза и Гваттари (В. как субпродукт "производства желания"), проясняющих бытийные аспекты В. через образы "В. ткани", "В. организма" и т.д. Общая направленность неклассических концепций В. заключается в выявлении форм и методов принуждения, осуществляемых помимо сознания индивидов, что определяет переход от попыток дефиниции В. к ее систематизированному описанию.

А.А. Горных

ВНИМАНИЕ – сосредоточенность познавательной и практической деятельности субъекта в данный момент времени на определенном объекте или действии. Физиологической основой В. является возникновение в коре головного мозга очага оптимальной возбудимости, вызывающее более или менее глубокое торможение окружающих участков. По активности субъекта в организации В. различают три вида В.: произвольное, непроизвольное и постпроизвольное. Непроизвольное В. – это сосредоточение субъекта на объекте в силу его особенностей как раздражителя. Непроизвольное В. – наиболее простой и генетически исходный вид В., вызываемый яркой эмоциональной окраской, силой и новизной раздражителя. Произвольное В., в отличие от непроизвольного, представляет сознательно регулируемое сосредоточение на объекте, определяемое поставленной задачей. Постпроизвольное В. возникает на основе интереса как проявление направленности личности и представляет собой сосредоточение на объекте в силу его ценности для личности. Выделяют также внешне-направленное (перцептивное) и внутреннее В. Внешне-направленное В. включено в перцептивную деятельность человека, внутренне связано с осознанием личностью своего внутреннего мира, с самосознанием. Его объектами являются чувства, мысли, воспоминания. Основные свойства В., определяемые путем экспериментального исследования: объем, избирательность, устойчивость, распределение и переключение. Объем В. измеряется тем количеством объектов, которое может быть одновременно охвачено В. (у взрослого человека объем В. равен 4-6 предметам). Распределение В. выражается в возможности удержания в центре В. одновременно нескольких объектов. Переключение В. состоит в намеренном переносе В. с одного объекта на другой. Устойчивость В. проявляется в длительности сосредоточения его на объекте. Концентрация В. состоит в поглощении его одним объектом.

Т.В. Самушик

ВОЛЯ – феномен саморегуляции субъектом своего поведения и деятельности, обеспечивающий векторную ориентацию имманентных состояний сознания на объективированную экстернорную цель и концентрацию усилий на достижении последней. Будучи несводимым ни к предметной деятельности, ни ко внепрактическому сознанию, феномен В. является связующим звеном деятельностного акта, обеспечивающим единство субъектной его составляющей (желающий и целепо-лагающий субъект) и составляющей объективно-предметной (субъект целеполагающий и водящий), транслируя импульс потребности в импульс к действию. В акте В. субъект объективирует (средством осознания потребности), легитимирует (на основе осуществления выбора) и санкционирует в качестве цели субъективное желание, конституирующееся в данном процессе как объективно реализуемая цель деятельности, выступающая, с одной стороны, результатом рефлексии над потребностью, с другой – прогностическим образом будущего продукта деятельности. В сфере В. происходит синтез идущего от желания "я хочу" и выводящего на операциональные шаги "я должен", что является актуальным как в случае концентрации усилий на достижении цели, так и в ситуации отказа от нее ради альтернативных ценностей (доминирование другой цели). Ядром волевого акта, таким образом, является осознание ценностного содержания и личной значимости сформулированной цели, ее соответствия или не соответствия личностным ценностным шкалам. В реальном функционировании сознания В. обеспечивает определенный баланс побудительных и тормозных функций, стимулируя одни и блокируя другие действия в зависимости от артикулированной субъектом цели. В структуру волевого акта входят принятие решения, предполагающее осуществление выбора в контексте борьбы мотивов и содержательно совпадающее с формулировкой цели, и мобилизация усилий на его реализации (по формулировке Джеймса, воплощением волевого акта является созидательное усилие "fiat" – "да будет"). Феномен В. фундирован индивидуальным когнитивным тезаурусом субъекта, артикулирующим объективную по содержанию информацию в свете ее субъективного смысла, и тесно связан с феноменом установки, т.е. предрасположенности субъекта к тому или иному комплексу действий, обуславливающей скорость реагирования на предъявляемую ситуацию (Л. Ланге), формирующей психологическое состояние готовности, детерминирующее степень и направленность активности различных психических процессов (Н. Ах), конституирующую комплексную "модификацию субъекта" как основу его целесообразной избирательной активности (Узнадзе) или задающую субъективную ориентацию индивидов на те или иные социальные ценности (социальная психология и социология после У. Томаса и Знанецкого). Психологические концепции В. дифференцируются на автогенетические, трактуемые В. как автохтонный феномен (Вундт, И. Линдворски), и гетерогенетические, возводящие В. в качестве вторичного продукта к чувственной сфере (Г. Эббин-гауз и др.) или в сфере

мышления (Герbart). Аналогично в историко-философской традиции отчетливо проявляются две тенденции трактовки феномена В.: с одной стороны В. интерпретируется как продукт внешней детерминации, природа которой понимается как физиологическая, психологическая, социальная или трансцендентная (в зависимости от общей направленности концепции); феномен В. в рамках данных философских теорий, как правило, не акцентируется и практически не выступает предметом специального философского рассмотрения. Второй вектор философской традиции связан в этом контексте с интерпретацией В. как финально автохтонного феномена, атрибутивной характеристикой которого выступает самодостаточная свобода (см. Свобода воли) и который определяет сущность бытия и формирует его, что задает в истории философии такую самостоятельную традицию, как волюнтаризм. В концепциях постмодерна понятие В. используется для обозначения принципиально свободной и не ограниченной дискурсивными правилами субъективности, не конституируемой, однако, в качестве субъекта как такового и противостоящей традиционной интерпретации последнего ("номадические сингулярности" Делеза, например). В качестве универсалии культуры В. аксиологически акцентируется в ряде национальных традиций, будучи осмысленной в качестве апофеоза свободы (см. традиционная русская "воля вольная", как снятие любых посторонних и нормативных границ - в отличие от понятий как результат рационально обоснованных ограничений свободы, либо в качестве не совпадающего со свободой феномена). В данном случае В. трактуется как имманентное человеку состояние в отличие от свободы как результата сознательного преодоления несвободы в сознательном целеполагающем усилии: русск. "отпустить на В." в значении "вернуть к исходному, временно нарушенному внешним вмешательством состоянию".
М.А. Можейко

"ВОЛЯ К ВЛАСТИ" (der Wille zur Macht) - центральное понятие философии жизни Ницше, оказавшее и до сих пор оказывающее значимое влияние на философскую мысль 20 ст. Подверглось беспрецедентной вульгаризации, фальсификации и идеологизации. Ницше принципиально отказался от систематического изложения своей философии. В "Сумерках идолов" он писал: "Я не доверяю всем систематикам и сторонюсь их. Воля к системе есть недостаток честности". Ницше считал, что есть более высокое единство мысли и понимания, чем то, что полагается разумом в тотальности системы: это единство озарения и жеста в "танце мысли", разворачивающемся на сцене афористического письма. Лишь в этом единстве жеста могут быть схвачены и поняты все основные движения мысли философа: "В. к В.", жизнь, становление, переоценка всех ценностей, телесность, "вечное возвращение" того же самого. Последнее сочинение Ницше "Воля к власти" изначально асистемно, поскольку собрано и составлено из афоризмов уже после того, как в 1889 Ницше не смог (или не захотел, как его Заратустра?) спуститься с высот своего духовного восхождения и в крошечном одиночестве своего безумия стал недоступен нашему пониманию. Всякое начинание начинается с критики. Воспитанный на почве западной метафизической, а потому критической по существу традиции, Ницше заявляет свой критицизм как требование "переоценки всех ценностей". Ницше ставит под вопрос не только "ложные" ценности "большого", декадентст-вующего мира, но и само бытийное основание этого мира "последних людей", "ложно" понятие, или, скорее, преднамеренно "перевернутое" из "духа мщениа" по отношению к жизни, как ratio, трансцендентное, сверх-естественное. Так. обр. он расчищает место для того, чтобы выдвинуть собственное, действительное основание того, что есть. Таковым для Ницше как раз и выступает "В. к В." как "живое", т.е. иррациональное, имманентное, естественное начало всего того, что есть в мире. Саму жизнь Ницше постигает в образе "жизненного потока" благодаря понятию становления, которое выступает как основная черта всего сущего. Становление жизни есть непрерывное и постоянное вставание и выстаивание. Чтобы быть, необходимо еще всякий раз стать. Становление требует всегда усилия. Потому все, что хочет жить, должно иметь еще некое стремление, усилие, энергию для того, чтобы подняться, встать и выстоять. Это усилие есть рыбок из потенции в актуальность. Это усилие Ницше понимает как неразрывное единство "сохранения и возрастания" жизни. Все, что живет, хочет сохранить себя, но это возможно лишь благодаря неустанному возрастанию. Именно тяга к росту является условием сохранения жизни, т.е. постоянного стояния сущего во времени, но не наоборот. Жизнь в философии Ницше не есть живая предпосылка, (как скажем, для биолога, или дарвиниста), но и не результат; она суть становление. Именно единство "сохранения - возрастания" как усилие становления задает вектор жизненного потока и составляет основную тягу, основную черту жизни. Вот это усилие становления, "жажду жизни" всего того, что тянется жить, Ницше схватывает в понятии "В. к В.". И если Ницше отмечает, что В. к В. - это "самая внутренняя сущность бытия" ("Воля к власти", афоризм 693), то это значит, что он понимает ее не психологически, биологически или только социально-политически, но прежде всего - онтологически. (Ибо со времен Аристотеля сущностью называют собственную суть бытия вещи). Итак, В. к В. - это глубочайшая, основополагающая суть сущего в целом, всего того, что действительно есть, т.е. тянется к жизни. Выдвигая волю как основоположение мира сущего, Ницше, не смотря на весь свой критический пафос, движется в поле метафизической традиции: уже у Иоана Дунса Скота мы встречаем тезис: "Voluntas superior est intellectu" (Воля превьше разума), который восходит к мысли Августина о

том, что любовь к Богу важнее, чем познание Бога. В метафизике Нового времени Лейбниц первым почувствовал односторонность картезианского рационализма. В работе "Начала природы и благодати, основанные на разуме" он пишет, что монады, как простые субстанции, т.е. первоначальные единства в мире, могут отличаться лишь внутренними качествами и действиями, а именно "...восприятиями, или перцепциями (perceptions) (т.е. представлениями (representations) в простом сложного или внешнего), и стремлениями (appetitions) (т.е. влечениями от одного представления к другому), составляющими принципы изменений". Вот этот "аппетитус" и есть простейший конституирующий момент воли уже для Лейбница, когда он говорит о монадах более высокого порядка: энтелехиях, душах, духах, жизнях. У Ницше более радикальный взгляд на вещи: в его языке и восприятия, и апперцепции выступают как ценности, положенные "В. к В.", а потому единственно "аппетит воли" является основополагающим моментом, составляющим принцип изменений, т.е. становления жизни. У Канта эта интенция выступает как приоритет практического разума над теоретическим. Но уже Шеллинг в работе "Философия исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах" прямо заявляет: "В последней высшей инстанции нет иного бытия, кроме воления (Wollen). Воление есть пра-бытие, и только к волею приложимы все предикаты этого бытия: безосновность, вечность, независимость от времени, самоутверждение". Итог такому мировидению, основанному, к примеру, у Фихте на свободном волеполагании "Я", или у Шеллинга - на "эстетическом созерцании", т.е. опять же творческом, спонтанном, свободном акте Я-художника, подводит Шопенгауэр, озаглавив свой основной труд: "Мир как воля и представление". Ницше называл Шопенгауэра среди немногих своих учителей, но в то же время критиковал последнего за "пессимизм" его "мировой воли". Ницше полагал, что Шопенгауэр, как и многие другие, лишь перенял и усилил предрассудок обыденного мышления, состоящий в том, во-первых, что словом "воля" обозначают нечто простое, самопонятное, некую "непосредственную достоверность" "я хочу" по аналогии с "я мыслю", а во-вторых, в том, что хотящий полагает, будто воли достаточно для действия, по аналогии с причиной и следствием, по грамматической привычке подставляя под акт воли еще и "Я" субъекта действия; т.е. как говорит Ницше, "вопящее самопротиворечие - causa sui". В работе "По ту сторону добра и зла" (аф. 19) Ницше показывал, что воля, каждое хотение состоит по крайней мере из семи важнейших моментов: 1) "чувство состояния, от которого мы стремимся избавиться и... которого мы стремимся достигнуть..."; и сопутствующее "мускульное чувство"; 2) "в каждом волевом акте есть командующая (ведущая) мысль; однако нечего и думать, что можно отделить эту мысль от "хотения" и что "будто тогда останется еще воля!"; 3) воля есть "аффект команды"; 4) в воле есть "собранность в кулак", "тот прямой взгляд, фиксирующий исключительно одно, та безусловная оценка положения "теперь нужно это и ничто другое"; 5) "человек, который хочет, - приказывает чему-то в себе, что повинуется или о чем он думает, что оно повинуется"; 6) "поскольку мы являемся одновременно приказывающими и повинующимися, то... при помощи синтетического понятия Я... хотящий полагает, что воля и действие каким-то образом составляют одно"; 7) "хотящий" приписывает самой воле еще и успех, исполнение хотения и наслаждается при этом проростом того чувства мощи, которое несет с собою всяческий успех. "Свобода воли" - вот слово для этого многообразного состояния удовольствия хотящего... ". Итак, во всяком волении присутствует неразрывное единство "повелевания и повиновения", ибо "ведь наше тело есть только общественный строй многих душ", т.е. как поясняет Ницше, "служебных "поволь" или "по-душ". Как оркестр (вспомним, хотя бы, Феллини) есть единство дирижера и музыкантов: ведь дирижер без исполнителей немощен и смешон, но и оркестр без его палочки своеволен и какофоничен, разрушитель и дисгармоничен. Воля никоим образом не может быть сведена к простому, спонтанному, "амебному" хотению, к инстинкту желания. Понятно, что за всякой волей, за всяким желанием лежит воление, ибо всякий глагол изначально субстантивна. Потому, критикуя прежнее нигилистическое мышление, Ницше вскрывает предпосылки субстантивированных форм метафизической мысли, вершиной и "опорной точкой" которой вступает Его, т.е. "яйность Я", как сказал бы Хайдеггер. Ницше пишет в "Воле к власти" (аф. 675): "Вообще водить - то же самое, что хотеть стать сильнее, хотеть расти - а для всего этого еще и хотеть средств". Итак, единство воли в качестве основной черты всего живого выступает как единство трех модусов: я хочу, я могу, я должен. Это единство задается как раз тем, что Ницше называет властью, поэтому сутью бытия вещей является именно "В. к В.". При этом, власть здесь никоим образом не может быть понята как акциденция воли; напротив, как раз власть является сущностью воли. И если Ницше пишет "В. к В.", то это значит, что власть как целевая причина "оформляет" (в Аристотелевском смысле) волю, "закрывает" ее на саму себя и, тем самым, "делает" субстанциально-сущей. Так. обр., Ницше, полагаящий в качестве сущности воли ее устремленность к власти, а В. к В. понимающий как основополагающую тягу жизни всего сущего, похоже возвращается в своей мысли к истоку метафизики и мыслит тоже самое, что еще Аристотель называл энтелехией, которая как некая сила (energia) придает завершенность и, тем самым, определенное совершенство вещи, состоящее в возможности быть собой; ведь еще Лейбниц указывал на перевод Аристотелевской "энтелехии" у Ермолая Варвара как perfectiōnē. И когда Хайдеггер называет Ницше "последним метафизиком", то он совершенно прав не только в том смысле, что Ницше зависим и завершает собой давнишнюю традицию западной метафизики как "метафизики воли", но и в том смысле он

"последний", что выдает тайну такого истолкования бытия сущего, разрабатывая фактически "метафизику власти". Ибо именно власть, или "В. к В." выступают как простейшие, первичные единства в мире, как своего рода "монады" жизненного потока, замыкающиеся как тела. Отсюда уже один шаг до понятия "центров власти", а так же процессов рассеивания и концентрации власти, как это представлено в "метафизике власти" Фуко; и еще один шаг до "машин желания" в "Анти-Эдипе" Делеза и Гватта-ри; но эти шаги, пожалуй, все в том же, возделанном Ницше, поле "метафизики власти". Власть, именно она, как некий "зуд", захватывает многих; и как раз по поводу "властвования воли" возникало больше всего шума, обвинений и недоразумений вокруг имени Ницше. Удивительным образом не попадает в цель как то поверхностное, вульгарное, "узколобое" истолкование В. к В., которое понимает ее чуть ли не как "культ силы", распушенность насилия, подставляя Ницше под мифологемы "белокурой бестии" либо массо-идного "жвачного супер-менства", так и то "кликушество сырых и убогих", кто заранее опустив руки, повторяет: "у сильного всегда бессильный виноват". Те и другие забывают, что грубая, внешняя сила всегда растрачивается, "умирает" в том, на что она направлена, если она не возвращается к себе самой, если нет принципа "сохранения и возрастания". Внешняя сила - лишь следствие власти, но не предшествует ей. Таким образом, В. к В. не может быть понята и сведена лишь к внешнему господству. Потому Ницше выдвигает императив: "Прежде, чем господствовать над другими, научись властвовать над собой". Это не значит, что невозможно или отсутствует социально-политическое измерение и прочтение В. к В., но это значит, что у Ницше тайна "политической воли" и власти как господства заключена во власти как са-мо-властвовании; потому, кстати, "метафизика В. к В." предшествует как социальной онтологии, так и всяческой политической. Ведь Ницше не говорит "Wille zur Herrschaft", но именно "Wille zur Macht". В немецком языке власть как господство, правление, царство обозначается словом "Herrschaft". "Macht" также имеет значение власти, в том числе и в политическом смысле, но исконное значение этого слова - прежде всего сила, мощь, могущество. "Macht" производно от глагола "machen" - делать, производить, изготавливать, поступать. "Macht" - это сила про-из-водящего, это могущество делающего, это мощь поступка, это власть дела. "Macht" - это способность нечто сделать, произвести, поступить; как потенция, она предшествует акту. Говоря о "Wille zur Macht" Ницше дает нам понять, что в единстве трех модусов воли: хочу, могу и должен, основополагающим является как раз "я могу". Могущество власти, сила воли заключается не в хаосе произвола, но растет из потаенной возможности "могу". Потому-то воля не может быть сведена просто к "слепому желанию" или только к "тупому должест-вованию". Ибо ведь мы можем не хотеть, укрощать желания (принцип аскезы, нирваны); мы можем также не подчиниться повелению, отказаться от всякого "должен", безвольно не исполнить долг (принцип анархии, "праздник непослушания"). Но мы не можем хотеть не мочь; мы не можем и не должны желать немощи, бессилия, слабости. Иначе, мы не исполним долг жизни, мы предадим собственную "волю к жизни" и не отдадим долга. В этом смысле власть как простейший конституирующий момент жизненного потока, выступает для Ницше синонимом жизни; поэтому он зачастую вместо "В. к В." пишет "воля к жизни". Смысл слова "власть" у Ницше проясляется из синонимического ряда, написанного через запятую: "Сама жизнь ценится мною, как инстинкт роста, устойчивости, накопления сил, власти: где недостает воли к власти, там упадок. Я утверждаю, что всем высшим ценностям человечества недостает этой воли, что под самыми святыми именами господствуют ценности упадка, нигилистические ценности". Лишь онтологическое прочтение принципов автаркии и автономии воли позволяет понять, почему для Ницше В. к В. выступает также и принципом полага-ния ценностей. Сама истина (как и ложь, и все другие "высшие идеалы") оказывается у Ницше такой ценностью, т.е. условием возрастания или ослабления В. к В., положенным вовне. В "Сумерках идолов" он запускает такую стрелу-изречение (аф. 18) в "плоть" рационализма: "Кто не умеет влагать в вещи своей воли, тот, по крайней мере, все же влагает в них смысл: т.е. он полагает, что в них уже есть воля (Принцип "веры")". Такой "принцип веры" есть предпосылка не только "религиозного сознания", но и всего новоевропейского естественно-научного познания, основанного на картезианском рационализме. И Ницше ехидно замечает в работе "По ту сторону добра и зла": "Быть может, в пяти-шести головах и брезжит ныне мысль, что физика тоже есть лишь толкование и упорядочение мира (по нашей мерке! - с позволения сказать), а не объяснение мира...". Обратим внимание: не "Книга природы", не Текст, но ис-толкование. Результат познания будет всегда зависеть от того, из чего исходит ис-толкование, т.е. от предпосылок. В случае с "позитивно" настроенной наукой это - "Его cogito" Декарта. Возражая Декарту, Ницше пишет: "... мысль приходит, когда "она" хочет, а не когда "я" хочу; так что будет искажением сущности дела говорить: субъект "я" есть условие предиката "мысля". Мыслится (Es denkt): но что это "ся" есть как раз старое знаменитое Я, это, выражаясь мягко, только предположение...". Отнюдь не мышление, тем более понятое как ratio, определяет, т.е. полагает границы жизни; напротив, по Ницше, само cogito как представление положено волей к жизни. В. к В. фундаментальнее, чем воля к истине. Сам разум, по Ницше, есть лишь "модус", одна из форм проявления В. к В. Но когда истины разума как "высшие ценности, идеалы, нормы" служат не возрастанию В. к В., но "отравлению" и упадку жизни, тогда они должны быть сметены; и не потому что они ложны, а потому что они - ценности, положенные слабеющей, немощной, мстительной волей. Отсюда становится ясно, почему Ницше, как никто другой,

столь яростно обрушивается на картезианский рационализм. В противовес основоположению системы Декарта: "Ego cogito, ergo sum", - он мог бы сказать: "Ego volo, ergo sum", но этот тезис уже до него был выдвинут Мен де Бираном. Поскольку у Ницше воля изначально не разума, то его мысль движется так: "Ego volo, ergo cogito, ergo sum", только для него Ego - уже не трансцендентальная субъективность Декарта, по волящий субъект, т.е. трансцендентальная телесность. Недостаточно сказать, что Ницше реабилитирует тело. Он просто смотрит глубже, как бы "сквозь" разум: за бесплотным трансцендентальным Ego он видит "страдающее тело"; за осмотрительным рассудком он видит трусливую, немощную волю; за решимость разума он видит "танец" утверждения жизни. Поскольку сущностью воли к жизни является власть, основополагающий тезис Ницше мог бы звучать так: "Ego impero, ergo sum". Иными словами, "диктатуре разума" Ницше противопоставляет "империю воли"; вернее, тотальность разума, как она представлена у Декарта или у Гегеля, он вписывает в границы "империи воли". Отсюда понятно, почему Хайдеггер в "Европейском нигилизме" парадоксальным образом сближает позиции Декарта и Ницше в рамках одной метафизической установки. Весь радикализм Ницше выливается в то, что вместо одной человеческой определенности - "я мысль", он полагает другую определенность - "я волю", в качестве основания бытия сущего, т.е. как *subjectum*. Проблемы как для Декарта, так и для Ницше начинаются там, где встает вопрос о границах как разума, так и воли. Но если Декарт начинает, то Ницше завершает. Он ведь еще до Хайдеггера заговорил о "преодолении метафизики". Ницше выходит на границы "империи воли", когда касается тайны метафизики, вводя символ круга. В работе "Так говорил Заратустра" карлик, воплощающий "дух тяжести" прежней метафизической мысли, говорит: "Все прямое лжет... Всякая истина крива, само время есть круг". Тайна В. к В. таится в проблеме "круга воли" и Ницше почувствовал проблему границы, а тем самым и преодоления метафизики, когда от "В. к В." с необходимостью подошел к своей идее "вечного возвращения того же самого". Вот как Ницше "философствует молотом" в конце работы "Сумерки идолов": "Подтверждение жизни даже в самых непостижимых и суровых ее проблемах; воля к жизни, ликующая в жертве своими высшими типами собственной неисчерпаемости, - вот что назвал я дионисическим... Не для того, чтобы освободиться от ужаса и сострадания..., а для того, чтобы, наперекор ужасу и состраданию, быть самому вечной радостью становления, - той радостью, которая заключает в себе также и радость уничтожения... тут я снова возвращаюсь на ту почву, из которой растет мое хотение, моя мощь, - я, последний ученик философа Диониса, - я, учитель вечного возвращения...". Но и сегодня, спустя сто лет после сумасшествия Ницше и почти век со дня его кончины, когда безумие рационализированного и технократического мира давно захлестнуло безумство мысли "последнего ученика Диониса"; когда извращения жизни стали чуть-ли не "перверсивной нормой" не только массовой культуры, но также искусства и мысли; когда в потоке деконструктивизма и симулякров сама жизнь становится симуляцией; когда появилось слишком много "сверх-чело-вечков", которые "облизнулись" по поводу В. к В. (как раз в том смысле, о котором предупреждал Достоевский: "Если Бога нет, то все дозволено"); сегодня мы вновь возвращаемся к Ницше, который вседозволенности, распушенности, "плебейству" разума противопоставил решимость, мужественность, "аристократизм" мысли. И ныне мы должны, хотим и можем спрашивать: Что есть сущее по способу "В. к В."; что значит, что оно есть; и каковы границы такого понимания бытия сущего? Ведь Ницше учил нас: "Хочешь ты сопутствовать? или предшествовать? или идти сам по себе?... Надо знать, чего хочешь и хочешь ли. Четвертый вопрос совести".

И.В. Жук

ВОПРОС - тип суждения, предполагающий недостаток информации о соответствующем объекте и требующий ответа, объяснения. Логическая структура любого В. включает: 1) базисную информацию - то, что уже известно; 2) неизвестное - то, на что направлен В.; 3) требование перехода от данного к искомому, выраженное в местоименных языковых формах и (или) вопросительной интонации. Логические значения В. как особой формы мысли отличаются от логических значений высказываний (истина или ложь), так как в В. отсутствует утверждение или отрицание, а выражается лишь запрос, поиск, направленный на устранение незнания. В., с точки зрения присущего ему логического значения, можно характеризовать как своевременный или несвоевременный, корректный или некорректный, осмысленный или неосмысленный, понятный или непонятный, содержательный или несодержательный. Любой В. должен быть определенным, т.е. на него можно ответить утвердительно или отрицательно и существует эффективная процедура (т.е. предписание, намекающее последовательность преобразований, которые необходимо применить к каждому элементу какой-то операции, чтобы прийти к единственно правильному решению) для нахождения такого ответа. При отсутствии данной эффективной процедуры возникает проблемная ситуация. Проблемой называется такая разновидность В., ответ на который не содержится в накопленном знании и алгоритм решения которой неизвестен. Ответом на проблему выступают гипотезы. В интерактивной логике (логике В. и ответов) по способу формирования неизвестного В. принято делить на два типа: 1) В. к решению (неместоименный), выражающий стремление к уточнению или к подтверждению суждения, находящегося под вопросительным знаком, либо стремление найти истинный ответ среди суждений, находящихся под вопросительным знаком; 2) В. к дополнению (местоименный),

намечающий лишь схему ответа в виде пропозициональной функции, которую необходимо превратить в истинное высказывание. В. к решению и В. к дополнению делятся на простые, которые невозможно разбить на два самостоятельных В., и сложные, разбиваемые на два или более простых В. Простые В. к решению делятся на условные ("Если телу придать третью космическую скорость, оно покинет пределы Солнечной системы?") и безусловные ("Все ли цвета радуги содержит белый свет?"). Сложные В. к решению делятся на конъюнктивные ("Верно ли, что число 47256 делится на 2 и на 3?") и дизъюнктивные в исключительном смысле ("Данный вулкан действующий или потухший?") или неисключающем смысле ("Хотите чаю или кофе?"). В В. к решению часто имеется или подразумевается частица "ли" в словосочетаниях "действительно ли", "верно ли", "надо ли", "справедливо ли" и т.д., что позволяет выделить подмножество "ли" - В. Простые и сложные В. к дополнению делятся на открытые, предусматривающие ответ в свободной форме ("По каким признакам из множества чисел выделяется подмножество рациональных чисел?"), и закрытые, требующие точного и определенного ответа в виде одного простого или сложного суждения ("Кто является автором романа "Вевер-лей"?", "Кто, где, когда убил Гая Юлия Цезаря?"). Неопределенность, содержащаяся в В., устраняется в ответе. Ответы по разным основаниям делят на: 1) прямые и косвенные; 2) полные и частичные; 3) исчерпывающие и неисчерпывающие; 4) допустимые и недопустимые.

С.В. Воробьева

ГЕНДЕР (англ. gender - род, чаще всего грамматический) - понятие, используемое в социальных науках для отображения социокультурного аспекта половой принадлежности человека. В отличие от русского языка, в котором есть одно слово, связанное с данным вопросом: пол, - английский язык имеет два понятия: секс (sex) - пол - и гендер (gender) - "социопол". Оба понятия используются для проведения так называемой горизонтальной социо-поло-вой стратификации общества в отличие от вертикальных классовых, сословной и т.п. стратификации. Sex обозначает биологический пол и относится к "нативистским" конструкциям, суммирующим биологические различия между мужчиной и женщиной. Gender, в свою очередь, является социальной конструкцией, обозначающей особенности поведения, социальных стратегий. Sex и gender находятся на разных полюсах в жизни человека. Sex является стартовой позицией, с ним человек рождается. Sex детерминирован биологическими факторами: гормональным статусом, особенностями протекания биохимических процессов, генетическими различиями, анатомией. Gender - конструкция иного полюса. Это своеобразный итог социализации человека в обществе в соответствии с его половой принадлежностью. Человек в свое!! эволюции, как в фило-, так и в онтогенезе, движется от sex к gender. "Сексуально-гендерное поле" человека возникает еще в преднатальный период: современные средства медицины позволяют уже задолго до рождения ребенка определить его пол. Родители по-разному могут реагировать на рождение мальчика или девочки. Рождение мальчика или девочки может также по-разному восприниматься и в культурах. Так, в архаических обществах с производящей экономикой, особенно с охотнически-собираТЕЛЬСКИМ укладом, рождение девочки приветствовалось в меньшей степени, чем в земледельческих культурах, где уже появляется моногамная семья и женский труд (воспроизводство рода, выхаживание, воспитание и т.п.) получает более высокую оценку. Известны случаи, когда детей в соответствии с полом просто уничтожали. Например, в Японии в селах вплоть до начала 20 в. сохранялась традиция умерщвления новорожденных мальчиков, так как их нельзя было, в отличие от девочек, выгодно продать в город или выдать замуж. Бедуины же и эскимосы (канадские), например, избавлялись от девочек (умерщвляли, относили в горы, подкидывали), так как считалось, что мужчин в роду должно быть больше. Причем материнский инстинкт в этих и многочисленных подобных случаях грубо подавлялся групповыми интересами и мифологическими представлениями. Через игры и игровые структуры, одежду и т.п. ребенок уже с малолетства начинает себя идентифицировать либо с мужским, либо с женским началом. Хорошо известны игры девочек в "дочки-матери", "учителя", "доктора" и вообще "в куклы", а также увлечения мальчиков машинами, конструкторами, оружием и т.п. В этих ранних актах социализации большую роль играет культурная среда. Именно она определяет "сферу должного", которая в разных культурах различна. Но есть и некоторые универсалии. Так, мужское ассоциируется с инициативностью в отношениях, агрессивностью, установкой на господство, напористостью, авантюризмом, авторитаризмом, стремлением к лидерству, рациональностью в мыслях и действиях, монизмом в поведении, стремлением к монологу, вызову и утверждению собственного "Я", эгоцентризмом и эгоизмом. Эти и подобные качества, проявляемые женщиной, скорее вызовут критическую оценку и даже негативную реакцию со стороны окружающих, находящихся, строго говоря, под влиянием известных стереотипов. Женская линия в поведении, как правило, связана с мягкостью, милосердием, заботой, ответственностью, ненасилием, терпимостью, альтруизмом, эмоциональностью, диалогичностью, стремлением к поиску согласия, компромисса, ценностью равенства, справедливости и свободы и т.п. Обе эти конструкции можно различать в плане общего и особенного. Sex является проявлением общего и относится к так называемым "итиче-ским" (etic) характеристикам. Gender связан с проявлением особенного в поведении и является

"имической" (emic) характеристикой. Для ее понимания необходимо учитывать социокультурный фон, во многом обуславливающий формирование gender. В частности, представления о мужественности и женственности сильно различаются в культурах, что накладывает серьезный отпечаток на нормы коммуникативного поведения и характер взаимоотношений мужчин и женщин. Так, в странах с развитой экономикой и протестантизмом женщины высокообразованны и активно вовлечены в общественную жизнь. В таких странах (скандинавские страны, например) тендерная идеология склоняется к равенству в отношениях между мужчинами и женщинами. Напротив, в традиционных культурах и особенно с мусульманской религией (Пакистан, а также Нигерия, Индия и многие другие страны Востока) статус женщины далек от равноправия, и поведение женщины в обществе строго регламентировано. Тендерные различия достаточно сложно изучать через сравнение в силу их имической природы. Сравнить можно только итическое, в частности, мужчин и женщин как биологические объекты. А уникальное, строго говоря, сравнению не подлежит. В зависимости от характера общества тендерные различия будут иметь различную силу. Этнографы устанавливают усиление тендерного неравенства от охотничьи-со-бирательских к аграрным культурам и существенное его снижение далее к индустриальной культуре и особенно к информационному обществу. Кривая, отвечающая этому движению, будет иметь вид перевернутой заглавной буквы U латинского алфавита.

Е.И. Янчук.

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ (лат. generalis - общий, главный) - 1) логический прием, предусматривающий обобщение, переход от частного к общему, подчинение частных явлений общему принципу; 2) метод познания, позволяющий на основании выделения множества элементов, имеющих однотипную характеристику (генеральной совокупности) и выбора единицы анализа изучать массивы (системы) этих элементов. Генеральная совокупность включает в себя элементы, соответствующие рабочему определению данного элемента. Признаки и свойства, придающие неповторимость и исключительность элементу совокупности, элиминируются. Происходит формализация объекта (генеральной совокупности) и единицы анализа системы. Например, в социологии разработан анализ социального благополучия (единица анализа) городской семьи (элемент генеральной совокупности - "городская семья"). Метод Г. противостоит выборочному методу исследования, позволяющему делать заключения о характере распределения изучаемых признаков генеральной совокупности на основании изучения некоторой ее части.

С.В. Воробьева

ГЕОПОЛИТИКА - понятие, введенное в западно-европейскую интеллектуальную традицию шведским ученым и парламентским деятелем Р. Челленом (1846-1922) в контексте его попытки определить основные характеристики оптимальной системы управления для формирования "сильного государства". Новацией явилось стремление Челлена вычлнить Г. в качестве одного из ведущих элементов политики как многоуровневого, многоаспектного, направляемого процесса. Концептуальную разработку Г. как специфического термина осуществил немецкий исследователь Ф. Ратцель (1844-1904). Он продемонстрировал актуальность разработки теоретических оснований новой социальной дисциплины, которая бы реконструировала взаимосвязь и взаимообусловленность государственной политики и географического положения страны. В концепции Ратцеля, изначально наделенной высоким идеологическим потенциалом, особое историческое значение придавалось народам, обладающим "особым чувством пространства" и, следовательно, стремящимся к динамическому изменению (расширению) собственных границ. К. Хаусхофер (1869-1946), продолжая данную традицию трактовки содержания понятия Г., развил и акцентировал экспансионистские, империалистические аспекты его понимания, сформулировав агрессивную по сути гипотезу о потенциально необходимом "жизненном пространстве германской нации". Взятая на вооружение лидерами третьего Рейха, данная разновидность теорий Г. на долгие годы дискредитировала академические разработки немецкой геополитической школы. В интеллектуальных схемах американского адмирала А.Т. Мэхэна (1840-1914) постулировалось существование извечного антагонизма между морскими и сухопутными державами, а также подчеркивалось то обстоятельство, что лишь глобальный контроль над океанскими и морскими коммуникациями и портами может обеспечить долговременное геополитическое доминирование государства в мире. Очевидная эрозия "биполярного" геополитического устройства мира в конце 80-х 20 ст. вкпе с нарастающими тенденциями его "многовекторности", результировались, в частности, в принципиально новых подходах к идее Г. Французский генерал П. Галлуа, в книге "Геополитика. Истоки могущества" (1990), обратив внимание прежде всего на то обстоятельство, что Г. отнюдь не тождественна географическому детерминизму и политической географии, подчеркивал, что потенциал государства задается его территорией, населением, географическим расположением, протяженностью и конфигурацией границ, состоянием недр и т.п. (с учетом наличия или отсутствия новейших средств оружия массового уничтожения). Отличия современных трактовок Г. от ее "классических" версий обусловлены тем, что в настоящее время постулируется решающая значимость тех материальных, социальных и моральных ресурсов государства (или его "геополитического потенциала"), не только активное

использование, но и само по себе наличие которого достаточно для успешной реализации тех или иных внешнеполитических приоритетов. Военное поражение Германии во второй мировой войне не должно вуалировать то, что с точки зрения геополитического контекста идеи мирового господства, 20 в. явился ареной борьбы трех основных субъектов, ориентированных на его достижение. Фашистская Германия, стремившаяся осуществить ранжирование наций и народов по степени приближенности к "арийскому эталону" с сопряженной идеей ликвидации недоразвитых этносов. Коммунистический СССР с догмой о мессианизме и избранности одних общественных слоев (пролетариата и беднейшего крестьянства), вылившейся в геноцид классово "чуждых" социальных групп, а также в лозунги "мировой революции" и "всемирной Республики Советов". "Англо-саксонский" блок государств с (непровозглашаемой явно) теорией ранжирования стран мира по степени приобщенности к ценностям "открытого" общества под планетарной эгидой США. Крушение гитлеровского фашизма и СССР лишь сделали более наглядным и очевидным процесс стремительной "американизации" мира на рубеже третьего тысячелетия (вне каких-либо ангажированных мировоззренческих оценок). Несмотря на нередкую характеристику Г. лишь как удачного междисциплинарного термина социальных дисциплин либо как околонатурного, идеологизированного неологизма западно-европейского интеллектуализма, ее статус как специфического политолого-социологического подхода к изучению корреляций между географическим положением государств и их внешней политикой' вряд ли подлежит сомнению. А.А. Грицанов

ГЕРМЕНЕВТИКА (греч. *hermeneia* – толкование) – направление в философии и гуманитарных науках, в котором понимание рассматривается как условие (осмысления) социального бытия. В узком смысле – совокупность правил и техник истолкования текста в ряде областей знания – филологии, юриспруденции, богословии и др. Философская Г. видит процесс понимания как бесконечный, что воплощается в принципе герменевтического круга (целое понимается из частей, части – из целого). Исторические разновидности Г.: перевод (опыт иного и перенос смысла в свой язык), реконструкция (воспроизведение истинного смысла или ситуации возникновения смысла) и диалог (формирование нового смысла (и субъективности) в соотношении с существующим). Первый этап исторической эволюции Г. – искусство толкования воли богов или божественного намерения – античность (толкование знамений) и средние века (экзегетика как толкование Священного Писания). Понимание как реконструкция преобладает, начиная с эпохи Возрождения, в виде филологической Г. В протестантской культуре накладывается на религиозную Г. – проекты отделения в Писании божественного от привнесенного человеком. Техники реконструкции наиболее развиты Шлейермахером. Целью работы герменевта, согласно Шлейермахеру, является вживание во внутренний мир автора – через процедуры фиксации содержательного и грамматического плана текста необходимо создать условия для эмпатии – вчувствования в субъективность автора и воспроизведения его творческой мысли. В традиции историцизма Дильтей настаивает на дополнении этого метода исторической реконструкцией ситуации возникновения текста (как выражения события жизни). Кроме того, Дильтей выдвигает идею понимания как метода наук о духе, в отличие от присущего наукам о природе объяснения. Он рассматривает как базис Г. описательную психологию, а приоритетной наукой, в которой раскрывается Г., – историю. До Дильтея Г. рассматривалась как вспомогательная дисциплина, набор техник оперирования с текстом, после – как философская, цель которой – задать возможность гуманитарного исследования. Совершенно оригинален подход Хайдеггера, который рассматривает понимание (себя) как характеристику бытия, без которой оно скатывается в позицию неподлинности. Такое понимание служит основой всякого последующего истолкования и того что есть, и возможностей. Понимание Г. как порождения новых смыслов в диалоге традиций (Рикер); с традицией (Гадамер, Хабермас) преобладает в философии двадцатого века (вероятно, именно такой образ Г. привел к "герменевтическому буму"). Гадамер, интерпретируя Хайдеггера, говорит о том, что бытие само себя понимает через конкретных людей и события – такое бытие есть язык, традиция. Цель работы герменевта – наиболее полно выявить механизмы формирования своего опыта (предрассудки), которыми наделяет его традиция. Выявление происходит через практику работы с текстами – через соотнесение их содержания с опытом "современности". Это – диалог, посредством которого рождается новый смысл – этап жизни традиции и самого текста. Хабермас видит Г. как рефлексивное средство критики и преодоления традиционной "извращенной коммуникации", приводящей к современному уродливому сознанию. Рикер рассматривает гносеологическую сторону Г. – в семантическом, рефлексивном и экзистенциальном аспектах. Семантика – изучение смысла, скрытого за очевидным – коррелирует с психоанализом, структурализмом и аналитической философией, а также экзегезой. Рефлексия как самопознание должна опровергнуть иллюзию "чистоты" рефлексивного и обосновать необходимость познания рефлексивного через его объективацию. Экзистенциальный план подразумевает распознавание за различными образами интерпретации разные способы бытия – при проблематичности нахождения единства. Г. для Рикера необходимо связана с философией. Она должна ограничить сферы применимости каждого из этих методов. В противоположность этому Э. Бегги выступает за сохранение Г. как независимого от философии метода гуманитарных наук. В то же время Г. в 20 в. стала большим, чем просто конкретной теорией или наукой, – она стала принципом

философского подхода к действительности.
Д.В. Майборода

ГИПОТЕЗА (греч. hypothesis - основание, предположение) - форма организации научного знания, обеспечивающая движение к новому знанию, выводящая за рамки наличного (имеющегося) знания и способствующая (в отдельных случаях) реализации новой идеи (концептуальная схема как экспликация идеи, как "общая Г." теории). Функционально оформляется как предварительное объяснение некоторого явления или группы явлений. Строится, исходя из предположения об имплицитном существовании некоторого отношения порядка, реализуемого как последовательность чередования явлений, позволяющих (при соблюдении норм и правил процедуры) делать заключения (выводы, предположения) о структуре объектов, характере и тесноте (существенности) фиксируемых связей объектов, признаков, параметров и т.д., детерминированности одних явлений другими. Логически формулируется по схеме условно-категорического умозаключения, в котором нужно подтвердить или опровергнуть определенную посылку. В этом смысле Г. выглядит как положение, которое с логической необходимостью следует из имеющегося знания, но выходит за его пределы (границы), и является переформулировкой обнаруженной и разрешаемой проблемы. Процессуально Г. (как переход от неизвестного, проблемного - к известному, гипотетически предполагаемому) строится как алгоритм реализации исследовательской цели с возможным выходом на практическое решение. Тем самым Г. предзадает внутреннюю логику развертывания знания. В большинстве случаев это логика обоснования какого-либо положения, иногда - логика открытия (предположение о существовании некоторого явления). Г. - такая форма нормативно-процессуальной организации знания, которая не может быть непосредственно оценена с точки зрения ее истинности или ложности. Она задает некоторое поле неопределенности. Снятие этой неопределенности и происходит в ходе теоретического (логического) обоснования (доказательства) Г. и (или) ее опытного подтверждения или опровержения, т.е. эмпирического обоснования. Предположения, оформленные как Г., всегда вероятны (и в этом отношении в той или иной мере неопределенны); процедуры обоснования (проверки) исходных исследовательских Г. всегда есть шаги по уменьшению этой неопределенности, в пределе - по ее снятию вообще, что позволило бы изменить статус знания вероятностного на статус знания достоверного (теоретического), а тем самым преодолеть нормативно-процессуальные ограничения гипотетического знания (т.е. "ликвидировать" Г. как форму знания в данном конкретном исследовании и (или) теории). Однако в современной методологии науки данная установка все больше рассматривается как принципиально полностью не реализуемая ни в одной научной теории, которая сама трактуется как совокупность (структурность и организованность) гипотетических конструкторов, связанных в идеале) отношениями выводимости. В этом контексте в научном знании (теории, программе) различают инвариантное ядро и ее периферийный "защитный пояс", открытый вовне, зависимый от вновь появляющихся данных и нуждающийся в постоянном переформулировании своих положений, их постоянном переобосновании. Таким образом, "периферия" принципиально оформляется как проблемно-гипотетическое знание, граница которого с "ядром" всегда достаточно условна, конвенциональна. В то же время акцент на обоснование соответственных гипотетических положений внутри теории все больше заменяется акцентом на дискредитацию конкурирующих теорий, а сами теории начинают пониматься как принимаемые на веру паттерны, как возможные точки зрения на определенные предметные области, т.е. само научное знание начинает трактоваться как принципиально гипотетическое (содержащее в себе неустранимый момент неопределенности, разрешаемый конвенционально и (или) процессуально). "Гипотетизация" знания приводит к актуализации его деятельностно-технологических аспектов за счет работы с его содержанием. Тем самым можно утверждать (с известной долей условности), что научное знание имеет дело скорее не с реальными событиями, а с анализом объективных возможностей тех или иных событий. Оно способно снимать (преодолевать) собственную проблемность, но не собственную вероятностность, что неизбежно ведет к его новой проблематизации. Поворотной точкой к такому подходу можно считать перенесение акцентов с процедур верификации на процедуры фальсификации знания (см.: Верификация, Фальсификация), со схем вывода, ориентированных на подтверждение Г., на схемы вывода, ориентированные на опровержение Г. Подтверждение следствия из Г. способствует лишь увеличению правдоподобности суждения, отрицание же следствия способно поставить под сомнение само основание Г. Опровержение обладает большим эвристическим потенциалом, чем подтверждение, которое всегда проблематично, - любое научное положение, пока оно не опровергнуто, может быть рассмотрено как Г. (оно всегда есть "вопросание", сформулированное по определенным правилам и нормам в соответствии с тем или иным идеалом знания и "простроенное" как адекватная исследовательской ситуации процедура). Необходимо различать Г.-основания и выводимые из них Г.-следствия, которые, собственно, и подвергаются процедурам обоснования. При этом неподтверждение одного из следствий есть достаточное условие для опровержения Г.-основания. Хотя она и ставится под сомнение, речь идет, скорее, о проблема-тизации процедуры построения системы Г. с параллельными повторной экспликацией содержания (вплоть до его переформулирования-

переинтерпретации) и проверкой формальной правильности организации собственно процедуры. (В той или иной мере справедливо, что работа с гипотетическим по статусу знанием есть работа со знанием в процедурном режиме). Теоретическое обоснование Г. предполагает ее проверку на непротиворечивость, установление ее принципиальной проверяемости, выявление ее приложимости к исследуемому классу явлений, исследование ее выводимости из более общих теоретических положений, оценку ее вписываемости в теорию через возможную перестройку последней. Эмпирическое обоснование Г. предполагает или наблюдение явлений, описываемых Г. (что редко возможно), или работу по соотносению следствий из Г. с наличными и обнаруживаемыми данными опыта. Работа с процедурами обоснования Г. выработала в научной практике установки на продуцирование возможно большего числа взаимосвязанных Г., с одной стороны, и на установление возможно большего числа референтов (эмпирических индикаторов) для каждой Г. – с другой. В методологии науки наработан ряд качественных параметров, которым должна удовлетворять правильно сформулированная Г. Среди них можно назвать параметры: общности (более предпочтительными полагаются Г. с охватом большего количества объектов); сложности (определение оптимально включаемых в структуру Г. факторов); специфицируемости (установление различимых значений для каждого из факторов, включенных в структуру Г.); детерминированности (фактор тем более детерминирован, чем большее количество наблюдений учтено); фальсифицируемости и проверяемости (установление границ неопределенности Г.); коммуникативности (содержательная и процессуальная согласованность Г. внутри знания с установленными – уже обоснованными – положениями); предсказуемости (на основе имеющихся данных и знания); воспроизводимости и устойчивости (меры объективности и достоверности Г.). Особо оговариваются процедурные требования к Г. – ее принципиальная реализуемость на данном уровне знания и данными средствами, избегание в ней оценочных суждений, отсутствие в ней непроинтерпретированных понятий, минимизация в ней различных ограничений и допущений. Процедуры специфицируются для различных классов (типов) Г.: основных и несобственных (ориентирующихся на разные исследовательские задачи), первичных и вторичных (возникающих на базе или взамен первых), а главное – структурных (ориентированных на выявление структур, свойств, характера связей объекта), функциональных (ориентированных на определение степени тесноты связей и взаимодействий внутри определенной целостности), объяснительных (причинно-следственных). В ряде типологий к объяснительным относят и функциональные Г., в других типологиях их объединяют вместе со структурными в тип (класс) описательных Г. (в обеих типологиях структурные Г. квалифицируются как описательные). См. также: Гипотетико-дедуктивный метод, Наука, Теория.

В.Л. Абушенко

ГИПОТЕТИКО-ДЕДУКТИВНЫЙ метод – метод получения нового знания и метод развертывания теории, сущность которого заключается в создании дедуктивно-связанных между собой гипотез, из которых выводятся (дедукцируются) в конечном итоге утверждения об эмпирических фактах. В основе метода лежит постулат о том, что развитое теоретическое знание строится не за счет процедур индуктивного обобщения данных и фактов, т.е. "снизу", а развертывается как бы "сверху" по отношению к последним. Можно выделить три этапа в реализации этого метода: 1) построения связной, целостной, дедуктивно-соподчиненной системы гипотез; 2) процедуры верификации или фальсификации этой системы; 3) уточнение и конкретизация исходной конструкции. В любой дедуктивно-развернутой системе выделяют два яруса гипотез – верхний и нижний. Гипотезы последнего выступают как следствия к гипотезе (-ам) верхнего яруса и именно они подлежат эмпирическому обоснованию (в свою очередь, гипотезы нижнего яруса могут быть иерархизированы), но при этом проверку проходит вся гипотетико-дедуктивная система как целостность, что делает процесс переформулировки гипотез весьма сложной исследовательской процедурой. Рассогласование конструкции с опытом еще не означает, что в ней неверны все гипотетические положения. Однако опыт свидетельствует против всей системы гипотез одновременно, не позволяя, как правило, выявить, какой именно ее элемент ставится под сомнение. Как правило, "давление" фактов не распространяется на гипотезы верхнего яруса ("ядро системы"), а относятся к периферии системы – промежуточному между данными и ядром слою гипотез. Появление новых фактов приводит, чаще всего, к формулированию дополнительных гипотез ad hoc с тем, чтобы ассимилировать то, что необъяснимо из изначальной системы гипотез. Однако чрезмерное возрастание гипотез ad hoc свидетельствует о серьезных изъянах в ядре теории. В конечном итоге это выливается в необходимость формулировки новой гипотетико-дедуктивной "конструкции", способной объяснить изучаемые факты без введения дополнительных гипотез и, кроме того, предсказать новые факты (как правило, выдвигается сразу несколько конкурирующих теорий). В современной методологии науки конкуренция гипотетико-дедуктивных систем рассматривается как борьба различных исследовательских программ. Победившая система получает статус "более эвристически сильной". Г.-Д. м. может выступать в двух разновидностях: 1) он может быть способом построения системы содержательных гипотез с последующим (возможным) их выражением в языке математики (изначально вводится система содержательных понятий); 2) он может быть способом создания формальной системы с

последующей ее содержательной интерпретацией (изначально вводится математический аппарат). Последний путь развертывания гипотетико-дедуктивной системы получил название метода математической гипотезы (или математической экстраполяции).
В.Л. Абушенко

ГОСУДАРСТВО – основной институт политической системы, наделенный высшей законодательной властью, т.е. правом устанавливать и регламентировать социальные нормы и правила общественной жизни в пределах определенной территориальной целостности и использовать легитимные методы принуждения для их соблюдения по отношению ко всем членам общества. Г. является основным источником политической власти и использует ее от имени всего общества. Основное отличие Г. от других политических институтов заключается в том, что, обладая верховным правом на законодательную власть, оно подчиняет своим политическим интересам деятельность всех государственных политических учреждений и проводит через них свою политику. Деление власти на законодательную, исполнительную и судебную является основным принципом организации политической власти в большинстве современных демократических Г. Этот принцип, сформулированный Монтескье, был реализован в "Декларации прав человека и гражданина 1789": "В любом обществе, где не гарантированы права личности и не определены принципы разделения властей, нет конституции" (статья 16). Каждая ветвь власти действует в строго определенном правовом поле, не допуская превышения полномочий и вторжения в сферу деятельности другой. При этом, каждая ветвь государственной власти обладает самостоятельностью и не допускает какого бы то ни было прямого или косвенного вмешательства со стороны высокопоставленных государственных чиновников. Правительство является важнейшим элементом государственной системы власти и обладает полнотой исполнительной власти. Оно выступает от имени Г., а его решения обязательны для исполнения всеми государственными политическими институтами, учреждениями и людьми. Однако власть правительства далеко не безгранична, оно несет ответственность за свою деятельность перед главой исполнительной власти (Президент или Премьер-Министр), который в свою очередь действует на основании Конституции и законов, принятых к исполнению высшим органом законодательной власти (Парламент, Национальная Ассамблея или Дума). Другим важным элементом Г. является административная система, в которую входят различные организации (министерства, ведомства, госкомитеты, государственные учреждения и др.), а также государственные организации, обладающие относительной независимостью: государственные предприятия, центральные банки, органы контроля, главной задачей которых является управление экономической, социальной и культурной сферами деятельности. Возрастание роли управленческих структур характерно в настоящее время для различных типов Г., а отношения, которые складываются между их руководителями и правительством или обществом, чрезвычайно важны для понимания роли Г. Руководители управленческих структур играют важную роль в политическом процессе, их мнение по ряду социально-экономических и политических проблем едва ли может быть проигнорировано правительством. Для сохранения государственного строя, поддержания общественного порядка, защиты прав граждан, разрешения трудовых споров, охраны внешних границ и т.д. Г. необходимы соответствующие органы: армия, полиция, службы государственной безопасности и разведки, а так же органы правосудия: суды, прокуратура и юстиция. Не случайно в различных теориях основным проявлением государственной власти является право принятия законов и использование легитимного принуждения как средства для их соблюдения. Г. незримо присутствует повсюду, а его влияние на гражданскую жизнь общества проявляется в различных формах. Г. может разрешать (индивидуальное строительство, застройку территории, охоту и т.д.), регламентировать обязанности (учреждая правила дорожного движения, хранения и использования оружия), запрещать деятельность (экстремистских, фашистских и иных организаций, преследующих цели разжигания национальной розни, распространение наркотиков, порнографии и т.д.), выступать арбитром последней инстанции при разрешении различных споров вплоть до права на помилование, наконец, наказывать (за несоблюдение правил общественного движения штрафом или же заключением в тюрьму – за различные виды уголовных преступлений). Важнейшим элементом Г. являются местные органы государственной власти, функции и полномочия которых варьируются в различных социальных системах. В современных Г. местные органы власти не просто реализуют государственную политику на местах, а обладают известной самостоятельностью в решении социально-политических проблем, формируют местные бюджеты, принимают решения о благоустройстве территории, занимаются проблемами образования, переобучения и трудоустройства населения, финансируют развитие социальной и культурной сферы, оказывают различные виды социальной помощи и т.д. Итак, правительство, органы государственного управления, правоохранительные и судебные учреждения, армия, местные органы власти, депутаты различных уровней в совокупности представляют Г. Взаимоотношения между ними в системе политической власти определяют форму государственной системы. Эти государственные структуры являются носителями государственной власти, через их деятельность президенты, премьер-министры, высшие государственные должностные лица, судьи, руководители местных органов власти и др. осуществляют политическую власть. Система государственной власти не является синонимом политической системы. Политическая система включает в себя различные учреждения,

политические партии, общественные и религиозные организации, профсоюзы, группы давления и т.д., которые играют важную роль в политическом процессе и влияют на функционирование государственной системы. Многие из этих учреждений формально не являются политическими, например, Церковь, средства массовой информации. Между тем, возглавляющие эти учреждения лица обладают достаточной степенью властью, чтобы оказывать влияние на политическую власть. Традиционно важнейшими функциями Г. власти являются функции охраны общественно-политического строя, поддержания правопорядка, соблюдения законов. Однако в настоящее время в индустриально развитых странах функции Г. существенно увеличились в связи с возрастанием его роли в экономике и в социальной сфере. Увеличение государственных функций связано со стремлением обеспечить стабильное развитие экономики и избежать социальных конфликтов, способных дестабилизировать социально-экономическую систему (рост безработицы, увеличение государственных расходов, инфляционные процессы и т.д.). Г. активно действует в социальной сфере, финансирует образование, здравоохранение, науку и культуру, проводит политику по сокращению уровня безработицы, оказывает помощь малообеспеченным слоям населения, определяет характер взаимоотношений между работодателями и наемными работниками и т.д. Вмешательство Г. в экономику может быть как прямым, например, - в качестве разработчика стратегических целей развития, контролирующего их осуществление, так и косвенным, в качестве координатора, определяющего основные направления развития, но оставляющего за частными предприятиями право самим разрабатывать стратегию экономического развития и методы для ее реализации. Г. непосредственно влияет на развитие экономики путем определения налогов, контроля финансовой сферы и введения таможенных пошлин. Такое вмешательство Г. в экономику позволяет не допустить высоких темпов инфляции, избежать дефицита бюджета и отрицательного сальдо торговли с другими странами. Успешное выполнение этих задач позволяет Г. обеспечить стабильное развитие экономики и общества и эффективно решать социальные проблемы. Г. появилось из определенного типа общества и, поднявшись над ним как самостоятельная сила, отразило в себе стремление людей к созданию такого органа публичной власти, который ограничил бы единоличную власть вождя и способствовал бы примирению интересов всех слоев общества. С разложением родового строя для охраны прав собственности, регулирования взаимоотношений между людьми и защиты от внешних врагов потребовалось создать такой орган, который с добровольного согласия всех вершил правосудие и защищал права каждого человека. Такой силой стало Г. Поскольку Г. является продуктом исторического развития общества, то на нем, естественно, лежит отпечаток характерных национальных и культурных черт народа, его традиций, обычаев и гражданских норм, отражающихся в морали, праве, политических взглядах. "Государство является таким, каким мы его заслуживаем" (Бурдьё). В зависимости от механизма обретения власти ее субъектом, выделяют такие типы государственного правления как монархия и республика, основанные - соответственно - на механизме наследования власти и механизме легитимных избирательных процедур. В зависимости от способа решения национального вопроса выделяют такие формы государственного устройства как унитарную и федеративную (конфедеративную). По критерию политического режима Г. могут быть либо демократическими, либо авторитарными. При демократической форме политического устройства формирование органов государственной власти происходит на основе всеобщего избирательного права. Участие граждан в политической жизни может быть прямым, например, участие в референдуме, когда государственное решение принимается с учетом мнения граждан страны, или косвенным - выборы Президента, представителей в высшие и местные органы власти. Демократическое Г. обеспечивает реальное равенство граждан перед законом, которые несут ответственность за свои действия не зависимо от социального положения. Граждане пользуются полностью гражданских прав и свобод, которые конституционно закреплены и гарантированы Г.. Важнейшими из них являются право на свободное выражение политических взглядов, право на объединение в политические партии, право выбора места жительства, свобода слова, печати и вероисповедания и т.д. Основным принципом осуществления власти является разделение властей, который препятствует злоупотреблениями властью одной из них. В авторитарном Г., несмотря на формальное признание за индивидом гражданских прав и свобод, они по существу не соблюдаются и ущемляются Г., которое не обеспечивает реального равенства людей перед законом. Вся система государственной власти находится под контролем политической партии или главы Г., деятельность которых выведена за рамки права. Сконцентрированная в их руках государственная власть настолько велика, что все государственные структуры действуют в соответствии с принимаемыми ими решениями, даже если эти решения противоречат логике права. Авторитарное Г. подавляет инакомыслие, свободу слова, печати, ограничивает права личности на выбор места жительства, преследует за политические убеждения, запрещает деятельность оппозиционных партий и т.д. В 20 в. появляются новые формы авторитарной власти, такие как фашизм и тоталитаризм. Впервые феномен тоталитарной власти был исследован Х. Арндт в ее фундаментальном труде "Происхождение тоталитаризма". Основное отличие авторитарного Г. от тоталитарного заключается в том, что первое существенно ограничивает свободу личности, тогда как последнее не допускает ее вообще. Арндт полагает, что тоталитарными явились нацистский режим в Германии и Советский Союз эпохи сталинизма. В последнее время понятие тоталитаризм широко используется по отношению к бывшим коммунистическим режимам, существовавшим в странах Восточной Европы, а

посттоталитаризм – к Г., в которых эти режимы существовали раньше. (См. также: Политика, Право).
В.С. Тарасов

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО – понятие ряда гуманитарных дисциплин, содержание которого охватывает целостную совокупность неполитических и неполитизированных духовных и экономических отношений в обществе. Г.О. – область спонтанной самореализации людей (либо в ипостаси свободных индивидов, либо в виде добровольных их объединений в качестве граждан), защищенная соответствующими правовыми нормами от любых проявлений произвольной односторонней регламентации их деятельности со стороны государства и его органов. По-видимому, впервые на европейских языках термин Г.О. был употреблен в 16 веке в одном из французских комментариев к "Политике" Аристотеля. Появление понятия Г.О. практически синхронно формированию основ европейской политической науки обусловило его смысловую многовариантность: термин Г.О. – продукт интеллектуальных усилий (зачастую противоречивых) главных фигур западной политической традиции. Постулированное Августином Блаженным противопоставление "града божьего" и "града земного" (двух видов человеческой общности) являло собой отражение идеи о существовании между людьми водораздела онтологически-мистического порядка. "Град земной" – следствие первородного греха – вместилище "граждан" "града божьего", удостоившихся избирательной милости Бога. Г.О. или "град дьявола" обречен на гибель в результате пришествия божьего града. Символизировавшее в рамках схоластики идею приятия даже несправедливого общественного устройства учение о Г.О. трансформировалось у Гоббса в принцип социального идеала – результата преодоления нечеловеческого первобытного "естественного состояния войны всех против всех". (Руссо, правда, настаивал на том, что переход от дикого состояния к цивилизации, от "естественного состояния" к государственному устройству – нельзя мыслить иначе, чем нисхождение). Гегель видел в эпохе торжества Г.О. такое положение вещей, при котором люди благодаря участию государства собственным трудом приносят пользу себе и другим. Маркс, не избежавший соблазна осуждения государства-паразита эпохи Наполеона III во Франции, трактовал Парижскую Коммуну как восстание пролетариата от имени Г.О. против бюрократической государственной машины. (На немецком языке Г.О. допустимо переводить и как "общество буржуазии" с акцентом именно на этой характеристике). 70-е 20 века реабилитировали понятие Г.О. в ряде значимых течений европейского интеллектуализма. Понятие Г.О., концептуально значимое и для либералов, и для ортодоксальных марксистов, по-прежнему активно используется противниками иницируемого современными политическими элитами Европы процесса перманентного нивелирования социальных различий в обществе.
А.А. Грицанов

ГУМАНИЗМ (лат. humanitas – человечность) – мировоззрение антропоцентризма (характерного еще для мышления и социальной практики античности в версиях Цицерона, именовавшего "гуманистическим" состояние эстетически завершенной культурной и нравственной эволюции "подлинно человеческого" индивида, и Гая Юлия Цезаря, осуществлявшего политику "милосердия"), перманентно подвергающегося осмыслению и рефлексии в канонах ценностных подходов Ренессанса и более поздних философских систем. (В узком смысле может трактоваться как определенное культурное движение Ренессанса). Термин "Г." был введен в научно-просветительский оборот немецким педагогом Ф. Нитхаммером в 1808. Постулирует высшую, самодостаточную и самоосознающую значимость человека; провозглашает вне-и античеловеческим все, что способствует его отчуждению и самоотчуждению; отвергает идею приоритета идей и истин "сверхчеловеческого" происхождения в ряду феноменов посястороннего мира. Теоретики Г. в эпоху средневековья противостояли схоластам по вопросам содержания и направленности "чисто человеческого" образования, опираясь на авторитет мыслителей Древней Греции и Древнего Рима. К представителям данного течения эпохи Возрождения и Нового времени традиционно относят Данте, Петрарку, Вокаччо, Леонардо да Винчи, Балла, Эразма Роттердамского, Бруно, Бодена, Монтеня, Рабле, Ф. Бэкона, Мора, Агриколу, фон Гуттена, Цвингли и др. Церковная реформация в Западной Европе положила конец Г. (особенно в Германии) как особому направлению философствования и сопряженной интеллектуальной традиции. В дальнейшем усилиями представителей школы романтизма, а также таких самодостаточных философских фигур как Шиллер, Гете, Лессинг, Гердер – Г. был вновь легитимизирован в контексте реконструкции идеалов античного миропредставления. По Канту, человек может быть для другого человека только целью, но никогда не средством. Г., исповедуемый идеологами индустриализма и Просвещения, основывался на идее естественного прогресса общества в контексте линейных представлений о развитии и истории. Кризис этой разновидности Г., связанный с экономическими кризисами и античеловеческой общественной практикой большевизма и фашизма в 20 в., был в ряде случаев интерпретирован как крушение ценностей европейской цивилизации и культуры, да и самой Европы в целом (Ницше, Шпенглер, Фромм и др.). Вступление авангардных либеральных государств 20 в. в стадию развития, близкую канонам "постиндустриального", "информационного" общества, актуализировала проблему оптимизации функционирования человеческого фактора в

социальной жизни. Г. приобрел прак-сеологический срез "очеловечивания" и сопряженной социализации всей совокупности общекультурных, образовательных, просветительских и "социализаторских" стандартов (идеи и гипотезы "общечеловеческих ценностей", "человеческих качеств" и т.д.). Наряду с этим, в 20 в. идеология и теория прагматизма, центрируясь в конечном счете на идее многомерной (по целям, мотивам, потенциально достижимому объему и процедурам интерпретации) обусловленности нашего познания природой человека, также выступает как одна из версий философского (в данном случае – методологического) Г. В концепции экзистенциализма Сартра Г. трактуется как "обреченность человека на свободу". Люди, будучи заброшенными однажды в мир, всегда отвечают за все свои действия. Высокогуманистичную абсолютность свободы Сартр дополняет тотальностью ответственности. Г., по Сартру, – это интенция человека на уяснение, своеобразную декодиров-ку своего подлинного потенциала и, тем самым, воссоздание самого себя.

А.А. Грицанов

ДЕКОНСТРУКЦИЯ – направление постструктуралистского критицизма, связываемое с работами французского философа Дерриды. Являясь попыткой радикализации хайдеггеровской деструкции западноевропейской метафизики, Д. имеет целью не прояснение фундаментального опыта бытия, но всеобъемлющую негацию понятия бытия как такового. Критика основополагающих концептов традиционной философии (в границах которой – несмотря на непосредственное влияние на становление деконструктивизма – для Дерриды остаются и Ницше, и Фрейд, и Гуссерль, и Хайдеггер) – "действительности", "тождества", "истины" – исходит из посылки, что статус рационального в культуре не самовоспроизводится на собственном материале, но поддерживается постоянным усилием по вытеснению из его сферы элементов, оказывающихся не-мыслью, не-мыслимым. Эта репрессивная интенция, лежащая в основании западно-европейской культуры, обозначается Дерридой как логоцентризм (значимы обе составляющие слова: указание на центрированность и помещение в центр логоса, звучащего слова), почву для которого он видит в появлении фонетического письма как предпосылки любых трансцендентальных означаемых. В совокупности своих аспектов – фоноцентризма, фаллоцентризма, теоцентризма – логоцентризм конструирует идеал непосредственной самодостаточности или присутствия, задающего, по Дерриде, парадигму всей западной метафизики. Метафизика присутствия, полагая рядом с человеком трансцендентальную реальность, подлинный мир и стремясь подключить сферу существования к бытию, служит основанием логоцентрической тотализации в гуманитарной области. Ее кризис ясно обнаруживает себя уже у Ницше, тексты которого представляют собой образцы разрушения гомогенной среды проводника идей "мобильной армии метафор". Адекватным способом постановки проблемы смысла, по Дерриде, является не поиск сокрытых в интуитивной неразличенности онтологизированных абсолютов или трансцендентальных означаемых, но аналитика на уровне означающих, вскрывающая исток смыслопорождения в игре языковой формы, записанного слова, граммы ("О грамматологии" – так называется одна из программных работ Дерриды). Процедура вслушивания в трансцендентальный, мужской голос Бытия, Бога, представленная, по мысли Дерриды, как принцип философствования в работах Гуссерля и, в особенности, Хайдеггера, зачеркивается стратегией *differance* (неографизм Дерриды, удерживающий, путем подстановки "а" во французское *difference*, оба значения глагола *differer*. 1) различать; 2) отсрочивать). Одновременно этот неографизм указывает как на принципиальное предпочтение зрительного начертания звуку (при произношении все нюансы неологизма исчезают), так и аконцептуальный характер *differance*, слова, различающегося от себя самого. *Differance* стирает все дуальные позитивности европейских идеологий – метафизик: оппозиции Бога и мира, духа и материи, души и тела, сущности и явления – оставляя феноменалистское поле непредставимого движения чистого различия, запредельная негативная энергия которого сковывалась абстрактно-логическими структурами для обеспечения "нормальной", "культурной" коммуникации. В этом своем качестве, условия возможности движения означения, *differance* есть результат расширенной философской интерпретации лингвистической концепции чистого различия Соссюра. Другой своей ипостасью *differance* отсылает к немислимому опыту не-присутствия, вечно отсроченного настоящего, запечатленному в выявляемых деконструктивной работой разрывах смыслового единства текста. *Differance* репрезентирует следы некоего "первописьма", предшествующего самому языку и культуре, отпечаток которого несет на себе "письмо" – то есть та динамика не-данного, гетерогенного, которое обнажается при разборке идеологического каркаса, тотализирующего текст. В письме центризму традиции, свертыванию игр означения в некоторую незыблемую точку присутствия (гаранта смысла и подлинности) противопоставляется центробежное движение "рассеяния" (одноименное название носит одна из работ Дерриды "Рассеяние", 1972) значения в бесконечной сети генеалогии и цитации. Отслеживая элементы письма, работу *differance*, Д. рассматривает совокупность текстов культуры в качестве сплошного поля переноса значения, не останавливающегося ни в каком месте в виде застывшей структуры, она подрывает изнутри фундаментальные понятия западной культуры, указывая на их нетождественность самим себе, освобождая репрессированную метафорику философских произведений, приходящую в

столкновение с их идеологическим строем. Тем самым демонстрируется сопротивление языка любому философскому (метафизическому) проекту. Внепочвенная текстуальная позиция классического интерпретатора в Д. элиминируется. Задается констатация факта "инвагинации", внедренности, привитости одного текста другому, бесконечного истолкования одного текста посредством другого (рафинированно такой подход реализован в "Похоронном звоне", 1974, где Деррида сталкивает гегелевскую "Эстетику" и "Философию религии" с размышлениями о романе "Чудо" Жене, передавая функцию комментария и интерпретации белому просвету между столбцами двух текстов). Практика Д. носит вне-методологический характер и не предлагает ограниченного набора строгих правил "разборки". Деррида доказывает, что для нее уязвимо практически любое философское произведение – от сочинений Платона до работ Хайдеггера. В то же время концепция "письма", по сути, ориентирована на модернистские произведения от Малларме до Батая, (само понятие "письма" имеет аналогии со стилем авторов "высокого модерна") и, т.обр., деструктивный пафос по отношению ко всей предшествующей традиции оборачивается конструктивными намерениями по выработке своеобразной герменевтической модели, теоретического обеспечения литературного авангарда. К Д., выступающей одновременно и философской позицией, и литературно-критическим течением, пытающейся сблизить, в пределе – слить Философию и Литературу, непосредственно примыкают направления франко-американской "новой критики" в лице П. де Мала, Х. Блума, Ф. Соллерса, Кристевой и др.

А.А. Горных

ДЕЛЕЗ (Deleuze) Жиль (1925-1995) – один из крупнейших представителей французского постструктурализма. Основные работы – "Ницше и философия" (1962), "Пруст и знаки" (1964), "Различие и повторение" (1968), "Логика смысла" (1969), "Критическая философия Канта", "Кино-1" (1983), "Кино-2" (1985), "Фуко" (1986); совместно с Ф. Гваттари – двухтомник «Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип» (1972), "Тысячи Плато" (1980); "Кафка" (1975). В основе философствования Д. лежит, с одной стороны, обращение к классической философии от стоицизма до Канта, а с другой – использование принципов литературно-философского авангарда и леворадикальных политических течений шестидесятых. Его философия представляет собой основную альтернативу другому варианту постструктурализма – деконструкции Дерриды. В отличие от последнего, Д. уделяет гораздо меньше внимания лингвистике и вводит понятие доиндивидуальных "номадических сингулярностей" (кочующих единичностей), которые призваны заменить как классические теории субъекта, так и структуралистские теории, связанные с анализом означаемого. Подробно изучая историю философии, Д. стремится найти философов, противостоящих основной линии метафизики от Платона до Гегеля. Это Лукреций, Юм, Спиноза, Ницше и Бергсон, которые закладывают основы критики господствующих в западной философии теорий репрезентации и субъекта. Они, как представляющие "номадическое мышление", противопоставляются "государственной философии", которая объединяет репрезентационные теории западной метафизики. Теория "номадических сингулярностей", предлагаемая Д. уже в "Логике смысла" (1968), направлена против классической субъектно-репрезентативной схемы метафизики. Используя идеи стоицизма, анализируя тексты Кэррола, А. Арто и историю западной метафизики, Д. указывает, что последняя стремится свести свободное движение доиндивидуальных и безличностных единичностей к идеям Субъекта, Бога, Бытия, формирующих неизменные субстанциальные структуры. В силу этого, единичности оказываются ограниченными рамками индивидуальных и личностных "полей", которые накладывают отпечаток психологизма и антропологизма на производство смысла. Д. обвиняет трансцендентальную философию от Канта до Гуссерля в неспособности уйти от антропоморфных схем при описании процесса возникновения смысла. Последний не обладает характеристиками универсального, личностного, индивидуального и общего, а является результатом действия "номадических сингулярностей", для характеристики которых наиболее подходит понятие "воли к власти" Ницше. "Воля к власти" (как нерепрезентируемая свободная и неограниченная энергия дионисийского начала) противопоставляется жесткой репрезентационной структуре субъекта. Таким образом, стремясь освободить единичности от любых концептуализации, предлагаемых классической философией, Д. описывает их в духе апофатической теологии, как лишенные всех характеристик, накладываемых бинарными понятиями метафизики, таких как "общее – индивидуальное", "трансцендентальное – эмпирическое" и т.д. В топологии Д., которая распределяет понятия между "бездной" эмпиризма и "небесами" рационализма, единичности занимают промежуточное место – на поверхности, что позволяет им избежать детерминации как со стороны идей, так и со стороны тел. В то же время, говоря об опасности коллапса языка в шизофреническую бездну тел, Д. подчеркивает привилегированность тел в формировании смысла перед сферой нематериальных идей. Таким образом, хаос шизофренической бездны тел призван противостоять параноидальному единству сферы идей. Эта оппозиция, являющаяся фундаментальной для всего его творчества, получает развитие в двухтомнике "Капитализм и шизофрения", в котором философия Д. приобретает характер социально-политической критики. Д. распределяет все понятия культуры между двумя полюсами – шизофренией и паранойей, которые образуют два противостоящих способа мышления, причем первый рассматривается как однозначно позитивный, а второй, соответственно, воплощает в себе все негативные черты культуры. Подобная трактовка

шизофрени воплощает в себе идеал революционной борьбы левоанархических течений 60-70-х. Понятия "машин желаний" и производства противопоставляются теориям субъекта и репрезентации как воспроизводства. В современной культуре свободные потоки единичностей, производимые "машинами желаний", постоянно оказываются структурированными и ограниченными, "территориализированными" в рамках поля субъекта. Задачей "шизоанализа" является "детерриториализация" потоков сингулярностей и освобождение их из под власти "государственного мышления" метафизики субъекта. "Государственная философия" основана на понятиях паранойи, идентичности, сходства, истины, справедливости и отрицания, которые позволяют иерархически структурировать внутренние области репрезентационного мышления - субъект, понятие, объект. Задача подобного мышления - установить сходство, симметрию между этими тремя областями и четко разграничить их с помощью легации от всего, что приносит инаковость и различие. Репрезентативной модели государственной философии Д. противопоставляет "номадическое мышление", которое основано на шизофрении, различии, а не идентичности и существует во "внешности", противостоящей "внутренности" этих трех структурированных областей. "Номадическое мышление" стремится сохранить различие и разнородность понятий там, где "государственное мышление" выстраивает иерархию и сводит все к единому центру-субъекту. Понятие, освобожденное от структуры репрезентации, представляет собой точку воздействия различных сил, которые противопоставляются Д. власти. Последняя является продуктом репрезентации и направлена на создание иерархии, в то время как свободная игра сил разрушает любой централизованный порядок. Понятия "номадического мышления" не являются негативными, а призваны выполнять функцию позитивного утверждения в противовес нигилистической негативности государственной теории репрезентации. Понятие, согласно Д., не должно соотноситься ни с субъектом, ни с объектом, т.к. оно представляет собой совокупность обстоятельств, вектор взаимодействия сил. Рассматривая противостояние двух видов мышления на уровне топологии, Д. указывает, что пространство номадических потоков представляет собой гладкую поверхность с возможностью движения в различных направлениях, означающей наличие множества вариантов развития. В свою очередь, пространство государственного мышления является неровным, с четко выраженным рельефом, который ограничивает движение и задает единый путь для потоков желаний. В силу этого, Д. видит свою задачу в создании гладкого пространства мысли, которое и называется "шизоанализом" и отнюдь не ограничивается полем философии, а обнаруживает себя в направлениях литературы, искусства, музыки, стремящихся сойти с проторенных путей западной культуры. Шизоанализ направлен на высвобождение потоков желаний из строя представляющего субъекта, целостность которого обеспечивается наличием тела, обладающего органами. Для этого Д. предлагает понятие "тела без органов", воплощающее в себе идеал гладкого пространства мысли. Используя аппарат современного неофрейдизма, он критикует классический психоанализ, который рассматривается как один из основных институтов буржуазного общества, осуществляющих "территориализацию" желаний. Эдипов треугольник, по мнению Д., является еще одной попыткой редуцировать имперсональные потоки желаний к жизни индивида или рода. Традиционные трактовки бессознательного заменяются своеобразной шизоаналитической физикой, описывающей функционирование либидо в обществе. Здесь опять же используется противопоставление шизофренического и параноидального: "машины желаний", которые производят желание на микроуровне в виде молекулярных микромножеств, противостоят большим социальным агрегатам, или молярным структурам на макроуровне, которые стремятся подавить сингулярности, направить их по определенным каналам и интегрировать в единства. Основной задачей шизоанализа является освобождение потоков желаний из под власти параноидального структурирования. Революционные тенденции шизофрении Д. усматривает прежде всего в искусстве, которое осуществляется силами "больных", разрушающих устоявшиеся структуры. Леворадикальный постструктурализм Д., получивший признание в 60-70-е годы, сегодня во многом утратил свое влияние и значимость. Многие его идеи оказались исторически связанными с революционной обстановкой шестидесятых, а политический характер его философствования привел к серьезным противоречиям внутри "шизоанализа". (См. также: Шизоанализ). А.В. Филиппович

ДЕНОТАТ (лат. de-notation - обозначение) - множество предметов, обозначаемых данным именем. Термин введен А. Черчем: "Денотат есть функция смысла имени., т.е. если дан смысл, то этим определяется существование и единственность денотата". Не всякому Д. можно поставить в соответствие объект внеязыковой реальности. Среди эмпирических объектов внешнего мира отсутствуют Д. выражений типа "круглый квадрат", "женатый холостяк", "несжимаемая жидкость" и др. Количество репрезентируемых именем объектов находится в зависимости от смысла имени - от одного до бесконечности ("первый космонавт", "космонавт", "число 7", "целое число", и др.). В зависимости от количества десигнатов имени делятся на: 1) нулевые - не имеющие ни одного Д. ("чемпион мира по шахматам 1814 г.", "Король Республики Беларусь" и др.); 2) единичные - имеющие один Д. (Ньютон, "создатель периодической системы химических элементов" и др.); 3) общие - имеющие более одного десигната ("студент", "доцент") и др. С.В. Воробьева

ДЕОНТОЛОГИЯ (греч. deon – должное и logos – учение, слово) – концепция, раздел этической теории, в котором рассматриваются вопросы, связанные с понятием долга. Термин и концепция Д. введен и разработан Вентамом. Вопрос об исходной роли долга в этической теории до сих пор не разрешен, хотя решение весьма актуально, поскольку оно детерминирует возможность адекватного видения роли целостного и деятельностного смыслового поля культуры в формировании личности. Радикализм социального насилия и самопожертвования в период французской (18 ст.) и российских революций показал, насколько пагубно может проявить себя отрицание нравственных ценностей. Теоретическое обоснование Д. предпринималось многими философскими и этическими традициями (интуитивизм, феноменология, утилитаризм и др.). Непосредственная преемственность идей Вентама наиболее очевидна в работе Милля "Утилитаризм". Милль, как и Бентам, был сторонником построения общества на определенных принципах справедливого распределения богатств (принцип счастья наибольшего числа людей). Принцип долженствования неявно присутствовал и в марксистской традиции, концентрирующей внимание на революционных преобразованиях общества. Оправданность последних обосновывалась предположением, что любая система ценностей исторична и служит интересам отдельных социальных групп. В борьбе, связываемой с достижением основной цели – коммунизма, массовое самопожертвование трактовалось как высшая форма долга и особым образом переживаемое удовлетворение, усиливаемое общественным мнением или же оценкой круга людей, разделяющих подобный образ жизни (профессиональные революционеры) и т.п. Долженствование как действие в этих условиях заменило вечные ценности в отношении человеческой жизни, которая практически превратилась в средство воплощения идеологизированного общественного долга. Д. использует определенный понятийный аппарат. В числе основных и требующих истолкования – понятия долга, удовольствия, практического интереса, самопожертвования и т.п. Как концепция, Д. разрабатывает "идеальный тип" долга, в той или иной степени соотносённый с реально присутствующим в культуре феноменом долженствования и долга.

А.И. Лойко

ДЕРРИДА (Derrida) Жак (р. 1930) – французский философ и культуролог. Преподавал в Сорбонне (1960-1964), Высшей Нормальной школе, Высшей школе исследований в социальных науках (Париж), организатор "Группы исследований в области философского образования", один из инициаторов создания Международного философского колледжа (1983). Основные сочинения: "О грамматологии" (1967), "Голос и явление" (1967), "Письмо и различие" (1967), "Поля философии" (1972), "Рассеяние" (1972), "Позиции" (1972), "Похоронный звон" (1974), "Шпоры. Стили Ницше" (1978), "Почтовая открытка. От Сократа к Фрейду и далее" (1980), "Психея: изобретения другого" (1987), "И подписано: Понж" (1988), "Призраки Маркса" (1993) и др. В оригинальной концепции, обозначаемой как деконструктивизм, Д. использует мотивы философствования Гегеля, Ницше, Гуссерля, Фрейда, Хайдеггера и др. Объектом ревизии для Д. становится вся западноевропейская философская традиция. Деконструктивизм выступает в качестве радикализации хайдеггеровского проекта деструкции метафизики, проясняющей фундаментальный опыт бытия, и ставит целью показать предпосылки бытия как такового. Как показывает Д., в западноевропейской философии бытие изначально определяется из времени, из момента настоящего – как присутствие. Но сама временность отсылает к пространственным характеристикам (линейности, точечно-сти), а мгновенность настоящего мыслится через отсутствие, через интервал во времени. Опространствливание (времени) (в других контекстах – письмо, артикуляция, тело, смерть и т.д.) – вскрываемый и реабилитируемый Д. принцип смыс-лоозначения, который вытесняется на периферию самосознания культуры противоположным, условно маркируемым как овременение (пространства), голос, акцентуация, дух, жизнь и т.д. Такое иерархическое состояние культуры, воспроизводимое метафизикой присутствия, у Д. получает наименование логоцентризма. В действительности, по мысли Д., язык и социум конституируются во взаимодополнительности этих двух "серий сигнификаций". Для описания принципа данной дополнительности Д. вводит неографизм "differance" – своеобразную модификацию соскрианского понятия "различие", включающую в себя: 1) пересмотр самой схемы метафизического мышления, замену бинарной оппозиции (терминов, понятий) парадоксальной структурой самостирающегося знака, граммы, "следа следа"; 2) определения способа существования такого знака в бесконечных соотношениях с себе подобными ("цепях означающих"). Differance есть немислимый переход от одного термина оппозиции к другому, чистое различие и отсрочка как условие мышления. Д. последовательно критикует поиск идентификаций языка и реальности, признанный обеспечить обнаружение тождеств в самом языке (имен) и формирование фундамента знания за счет раскрывающейся в своей непосредственной данности эмпирии, мысли (трансцендентальных означаемых). Язык в своих текстуальных манифестациях демонстрирует как коренную несобственность имени, метафорические механизмы референции и коммуникации, так и собственную гетерогенность, принадлежность к регионам с различным онтологическим статусом (бытию и не-бытию). Постольку же, поскольку все трансцендентальное заключено на "поверхности" (совокупности означающих) языка – "нет ничего вне текста". В эту игру присутствия/отсутствия вписан сам познающий субъект.

Владение метафорой составляет для Д. горизонт гуманитарного знания, захватывающего и субъект и объект познания. За этим горизонтом – качественно отличное от простой полисемии, не контролируемое человеком "рассеяние" смысла, запредельная энергия *differance*. Деконструктивный пафос Д., являющийся реакцией на чрезмерную нормативность метафизического канона, вместе с тем не направлен на прорыв к новой выразительности или к чему-либо подобному "эстетике молчания". Объявляя нерешаемой проблему происхождения в системе *differance* повторения повтора, ставя, таким образом, под сомнение существование метафизики как учения о первоначалах, Д. считает, что желание "нового начала" и возвращения к истокам является неизбежным эффектом игр означения. В общем виде деконструктивизм пробле-матизирует границы и возможности западноевропейской рациональности, оставаясь в ее пределах, и одновременно пытается подключить к ней новые ресурсы смыслопорождения, связанные с тематикой телесности, иероглифических культур, литературного авангардизма. Будучи одной из самых заметных фигур современной философии, Д. оказывает значительное воздействие на различные направления культурологии, литературоведения, искусствознания.

А.А. Горных

ДЕСИГНАТ (лат. *designatio* – обозначение) – идеальный объект, обозначаемый данным именем, в отличие от денотата – предметной области, референтной данному имени (см., например, т.наз. "пустые понятия", имеющие Д., но не имеющие денотата ("кентавр", "русалка" и др.).

С.В. Воробьева

ДЕФИНИЦИЯ (лат. *definitio* – определение) – логическая операция: 1) раскрывающая содержание (смысл) имени посредством описания существенных и отличительных признаков предметов или явлений, обозначаемых данным именем (денотата имени); 2) эксплицирующая значение термина. В процессе дефинирования термину должен быть непосредственно прописан в качестве его значения либо экстенционал (объект), либо интенционал (признак). Если термин явно не соотнесен ни с объектами, ни с признаками, он остается символом, не имеющим семантического значения. Определить термин, значит установить границы его применения. Строгая его дефиниция состоит из двух частей: дефиниендума (*dfd*) – определяемого имени, и дефиниенса (*dfn*) – определяющего выражения, раскрывающего смысл определяемого имени либо устанавливающего значение термина. Дефиниендум и дефиниенс должны находиться в отношении тождества, т.е. иметь один и тот же денотат, и быть взаимозаменяемыми. Дефиниции делят по разным основаниям: 1) по выполняемой функции – на реальные (определение предметов, явлений) и номинальные (введение новых языковых форм – терминов); 2) по способу раскрытия содержания – на явные (указываются признаки, присущие предмету или явлению) и неявные (выявляются отношения, в которых находится определяемый предмет, явление с другими предметами, явлениями). Явные дефиниции могут быть представлены в виде равенства, в котором определяемая часть эквивалентна по объему определяющей части. Различают следующие виды явных дефиниций: 1) атрибутивно-реляционные, в которых указывается ближайшее родовое отличие и видовой признак, присущий только данному виду (например, "квадрат – ромб с прямыми углами"); 2) генетические, в которых указывается происхождение или способ конструирования объекта, обозначаемого определяемым именем (например, "сфера – пространственная поверхность, которую описывает полукруговость при вращении ее вокруг диаметра"); 3) операциональные, в которых, в качестве видовой характеристики объектов выступает указание на некоторую операцию, посредством которой эти объекты могут быть обнаружены и обозначено их отличие от других предметов (например, "кислота – вещество, окрашивающее лакмус в красный цвет"). Неявные дефиниции не имеют четко выраженной структуры, вследствие чего отсутствует способ элиминации дефиниендума из того или иного контекста (например, матричное определение логических операций в исчислении высказываний и др.). К числу неявных дефиниций относятся: 1) аксиоматические (например, в математической логике – определение формулы в исчислении высказываний); 2) контекстуальные (например, возможность выяснить содержание понятия, не прибегая к толковому словарю, а через предлагаемый контекст); 3) рекурсивные (например, определение математического ряда чисел Фибоначчи посредством рекурсивной (возвратной) функции, в котором каждое последующее число равно сумме двух предыдущих чисел: 1, 1, 2, 3, 5, 8 и т.д.); 4) индуктивные (например, в математике определение понятия "натуральное число").

С.В. Воробьева

ДИАХРОННОСТЬ и СИНХРОННОСТЬ – специфические языковедческие и литературоведческие понятия, ставшие позже универсальными понятиями (и методом) гуманитарного исследования и задавшие основу специальному диахронно-синхронному методу гуманитарного познания. Термины происходят от древнегреческих приставок – "через" и "сейчас" и слова "время". Означают: 1) Д. – подход к предмету через "временные ряды" (или исторический); 2) С. –

рассмотрение предмета в "остановленном мгновении", сейчас, в абстагиро-вании от генезиса, истории и т.п. Понятийная разработка понятий принадлежит структурализму и Бахтину. Данный метод предполагает рассмотрение предмета исследования в единстве истории и современности, поиск механизма их взаимодополнительности и взаимодействия. Таким "механизмом" выступает диалог, реже - полилог. Одним из выражений этого синтеза является хронотоп, выражающий воображаемое или творимое синтезирование времени и пространства или генезиса предмета из иного его бытия. С. или синхрония не обязательно означает сиюминутность, современно-локальное бытие-сейчас. Она может означать срез диахрон-ного (условно остановленное мгновение по сути превращенное в место, пространство). Диахронный и синхронный анализы могут применяться отдельно, но, как правило, интересен именно их синтез, единство, описывающие развивающуюся, открытую систему.

В.Л. Абушенко, Э.К. Дорошевич

ДИЛЕММА - (греч. di - дважды, лат. - lemma - предположение - двойное предположение) - суждение, в котором предмету приписываются два противоречащих признака, исключающих возможность третьего. Дилеммой называется также особый случай условно-разделительного силлогизма, в котором одна посылка - условное, а другая - разделительное суждение. В логике различают два вида дилемм: конструктивную и деструктивную, каждая из которых делится на простую и сложную дилемму
М.Р. Дисько

ДИСКУРС (франц. discours - речь) - в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения. Традиционно Д. имел значение упорядоченного письменного, но чаще всего речевого сообщения отдельного субъекта. В последние десятилетия термин получил широкое распространение в гуманитаристике и приобрел новые оттенки значения. Частое отождествление текста и Д. связано, во-первых, с отсутствием в некоторых европейских языках термина, эквивалентного фр. - англ. discours (e), а во-вторых, с тем, что ранее в объем понятия Д. включалась лишь языковая практика. По мере становления дискурсного анализа как специальной области исследований, выяснилось, что значение Д. не ограничивается письменной и устной речью, но обозначает, кроме того, и внеязыковые семиотические процессы. Акцент в интерпретации Д. ставится на его интеракциональной природе. Д. - прежде всего, это речь, погруженная в жизнь, в социальный контекст (по этой причине понятие Д. редко употребляется по отношению к древним текстам). Д. не является изолированной текстовой или диалогической структурой, ибо гораздо большее значение в его рамках приобретает паралингвистическое сопровождение речи, выполняющее ряд функций (ритмическую, референтную, семантическую, эмоционально-оценочную и др.). Д. - это "существенная составляющая социокультурного взаимодействия" (ван Дейк). Философское звучание термин приобрел благодаря работам Фуко. "Дискурсия" понимается им как сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают. В "археологических" и "генеалогических" поисках Фуко "дискурсия" оказывается своеобразным инструментом познания, репрезентирующим весьма нетрадиционный подход к анализу культуры. Фуко интересуется не денотативное значение высказывания, а, наоборот, вычитывание в Д. тех значений, которые подразумеваются, но остаются невысказанными, невыраженными, притаившись за фасадом "уже сказанного". В связи с этим возникает проблема анализа "дискурсивного события" в контексте внеязыковых условий возникновения дискурсии - экономических, политических я др., которые способствовали, хотя и не гарантировали его появление. Пространство "дискурсивных практик" обусловлено возможностью сопрягать в речи разновременные, ускользающие из-под власти культурной идентификации события, воспроизводя динамику реального. В дискурсии Фуко обнаруживает специфическую власть произнесения, наделенную силой нечто утверждать. Говорить - значит обладать властью говорить. В этом отношении Д. подобен всему остальному в обществе - это такой же объект борьбы за власть. Во многом благодаря работам Фуко, Альтюссера, Дерриды, Лакана французская школа дискурсного анализа отличается большей философской направленностью, вниманием к идеологическим, историческим, психоаналитическим аспектам Д. Сегодня анализ Д. представляет собой междисциплинарную область знания; теория Д. развивается в лингвистике текста, психолингвистике, семиотике, риторике. (См. также: Философия техники, Хабермас).
А.Р. Усманова

ДИСКУРСИВНЫЙ (позднелат. discursus - рассуждение, довод) - рассудочный,

понятийный, логический. Согласно Канту, опосредованное через понятия Д. сознание находится в оппозиции интуитивному, непосредственному сознанию так же, как рассуждение противостоит созерцанию.

А.Р. Усманова

ДИФФУЗИОНИЗМ – направление в культурной антропологии, сформировавшееся на рубеже 19–20 вв. как одна из форм реакции на несовершенство концепций раннего эволюционизма. Согласно адептам Д., основным источником культурной дифференциации и единства человечества является не способность человеческого сознания к изобретениям, а напротив – свойственная человеку склонность к имитации поведения другого. Многие элементы культуры первоначально были созданы в одном или нескольких регионах мира и затем распространились посредством диффузии. Для диффузионистов культуры представлялись в виде разнородного набора элементов, возникшего в результате большого количества случайных заимствований от соседних и далеко расположенных народов. В отличие от многих других направлений в культурной антропологии, Д. не представлял целостной школы. Отнесение тех или иных ученых к этому направлению достаточно условно. Вместе с тем в его рамках выделяются т. наз. Британская, Австро-Германская и Американская школы. Наиболее известными представителями Британской школы Д. являлись Г. Смит (1871–1937) и У. Перри (1887–1949), чьи во многом схожие концепции получили название "гипер-Д." или "пан-египтизма". Они отрицали возможность параллельной эволюции отдельных культур в различных частях света и утверждали, что все важнейшие элементы культуры, обусловившие развитие современной цивилизации первоначально были изобретены в древнем Египте и потом распространились по всему свету. Г. Смит и У. Перри не были профессиональными антропологами, и достаточно некритично относились к собиранию эмпирических данных. Вместе с тем, благодаря экстравагантности, их идеи приобрели большую популярность. Более умеренную позицию занимал такой представитель британской школы как У. Риверс (1864–1922), который интерпретировал с диффузионистских позиций собственные полевые материалы по социальным отношениям в Меланезии. Признанные лидеры Австро-Германской школы Ф. Гребнер (1877–1934) и В. Шмидт (1868–1954) также, как их британские коллеги, исходили из того, что люди скорее предпочитают заимствовать что-либо, чем изобретать. Они полагали, что элементы культуры могут распространяться как группой людей, так и самостоятельно. При этом допускалась возможность реконструировать древнейшую культуру путем сравнительного изучения и выделения общих черт у "этнологически наиболее древних народов" – т.е. тех, чей образ жизни понимался как наиболее "примитивный". Представители Австро-Германской школы считали, что культурные изобретения происходили не в одном регионе планеты, а в нескольких – в пределах так называемых "культурных кругов" (Kulturkreis), понимаемых как комплексы взаимосвязанных элементов культуры. Для их исследования была разработана методика картографирования, впоследствии получившая большое распространение в этнографической практике. Представители Американской школы К. Уисслер (1870–1947) и А. Кребер (1876–1960), ученики Боаса, отличались наибольшей сдержанностью в демонстрации своих диффузионистских убеждений. Они полагали, что характерные черты культурного ареала происходят из единого географического "культурного центра". Исходя из этого, Уисслер сформулировал свой пространственно-временной принцип, согласно которому из всех культурных элементов, происходящих из одного центра, древнейшими являются те, которые имеют наиболее широкое распространение. Как самостоятельное научное направление, Д. исчерпал себя к сер. 1920-х. Среди позднейших адептов Д. следует упомянуть норвежского исследователя Т. Хейердала, автора ряда работ по проблемам миграции народов Тихого океана, приобретшего мировую известность в 1940–70-х благодаря экстравагантной форме доказательства возможностей контактов народов в древности (плавание на плоту "Кон-Тики", папирусной лодке "Ра", и т.д.).

П.В. Терешкович

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО – обоснование истинности какого-либо положения. Д. (в логике) – рассуждение, устанавливающее истинность некоторого положения на основе истинности других положений в рамках конкретной области знания или теории. В структуре Д. различают тезис (положение, истинность которого требуется установить), аргументы, или основания (положения, обосновывающие истинность тезиса) и демонстрацию (способ логической связи тезиса с аргументами). Д. может быть либо прямым – когда тезис непосредственно вытекает из найденных аргументов, либо косвенным – когда истинность тезиса устанавливается тем, что вскрывается ложность антитезиса, т.е. положения, противоречащего тезису. Частным случаем Д. является опровержение – рассуждение, направленное против выдвинутого тезиса и имеющее своей целью установление его ложности. По своей структуре опровержение не отличается от Д. Различают опровержение, состоящее в Д. антитезиса, и опровержение, состоящее в выведении ложных следствий из обоснованного тезиса ("сведение к абсурду"). Чтобы отличать правильные Д. от неправильных, выработаны особые требования, выявлены основные ошибки при их нарушении. В частности, тезис должен быть ясным и точным; должен оставаться одним и тем же на протяжении всего Д. (нарушение этого правила называется "подмена тезиса"). Аргументы

должны быть истинными суждениями (если хотя бы один из аргументов ложен, то возникает ошибка "основное заблуждение", а если не доказан - "предвосхищение основания"); аргументы должны быть суждениями, истинность которых доказана независимо от тезиса (нарушение этого называется "кругом в Д."); аргументы должны быть достаточными для признания истинности тезиса (связанные с нарушением этого правила ошибки: "аргумент к личности", "аргумент к публике", "аргумент к авторитету", "аргумент к тщеславию" и др.). Демонстрация должна соответствовать логическим правилам вывода, т.е. тезис должен логически вытекать из приводимых аргументов (при нарушении этого правила возможны ошибки: "мнимое следование", "учетверение терминов", "от сказанного в относительном смысле к сказанному в абсолютном смысле" и др.). Логическая процедура Д. подверглась основательному анализу уже в произведениях Аристотеля, и в силу своего фундаментального характера оставалась предметом исследовательского интереса на протяжении всей истории философии и методологии науки. В рамках математической логики исследуются возможности формальных Д. и устанавливается существование в некоторой формальной системе положений, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть средствами данной системы. В настоящее время создается теория поиска Д., призванная сыграть важную роль в изучении и оптимизации творческой деятельности людей.

В.Ф. Берков

ИДЕОЛОГИЯ - понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций; не являясь религиозной по сути, И. исходит из определенным образом познанной или "сконструированной" реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание. В рамках И. (в контексте осознания людьми собственного отношения к действительности, а также существа социальных проблем и конфликтов) содержатся цели и программы активной деятельности, направленной на закрепление или изменение данных общественных отношений. Ядром И. выступает круг идей, связанных с вопросами захвата, удержания и использования политической власти субъектами политики. В 1795 М.-Дж. Дежерандо получил приз на конкурсе Национального института Франции за предложенное исследование идей в их связи со знаками, а в 1796 - Д. де Траси ("Элементы идеологии", 1801-1815) впервые употребил термин И. ("Ideologie") для обозначения новой эмпирической науки об идеях. И. следовала в его системе наук после зоологии. Траси, Дежерандо, Кабанис и др. разрабатывали новую дисциплину, опираясь на идеи французских просветителей и энциклопедистов. Их критический пафос стал предметом жестких оценок со стороны Наполеона, назвавшего их "ветрогонями и идеологами, которые всегда боролись против существующих авторитетов". В 1808 Наполеон писал: "Ваши идеологи разрушают все иллюзии, а время иллюзий для отдельных людей, как для народов, - время счастья". Маркс и Энгельс в "Немецкой идеологии" (1845-1846) и позднейших работах понимали под И.: а) идеалистическую концепцию, согласно которой мир представляет собой воплощение идей, мыслей и принципов; б) тип мыслительного процесса, когда его субъекты - идеологи, не сознавая связи своих построений с материальными интересами определенных классов и объективных побудительных сил своей деятельности, постоянно воспроизводят иллюзию абсолютной самостоятельности общественных идей; в) сопряженный метод подхода к действительности, состоящий в конструировании мнимой реальности, которая выдается за саму действительность. Согласно Марксу, "не в идеологии и пустых гипотезах нуждается наша жизнь, а в том, чтобы мы могли бы жить, не зная смятения". Действительность, по Марксу, предстает в зеркале И. в искаженном, перевернутом виде. И. оказывается иллюзорным сознанием. Марксово понимание И. трансформировалось благодаря Энгельсу, разделившему критический анализ иллюзий совпадения идей и интересов людей, осуществленный Ш. Фурье. Фурье критиковал "философов-идеологов" за их избыточный интерес к идеям, за ориентацию на изменение одного лишь сознания. В сложившемся марксизме И. понималась как "ложное сознание", порождаемое "классовым интересом" господствующих классов, стремящихся представить его "интересом всего общества". В дальнейшем в марксистской традиции негативное восприятие И. "эксплуататорских классов" образовывало оппозицию с И. "социалистической", воспринимаемой сугубо позитивно. И. обществ нетоталитарного (западного) типа характеризуется наличием самого мощного в истории идеологического аппарата, определенным "рамочным" плюрализмом (запрет на И. национал-социализма и расизма, "не поощрение" коммунистических взглядов), религиозной терпимостью, "рассеянностью" во всем объеме внеидеологических феноменов и т.п. Появление принципиально новых средств и способов описания и объяснения социальной реальности в середине 20 века обусловило формирование оригинальных концепций сути и функций И. Бахтин в своем истолковании И. попытался снять классово-политические контексты. "Идеологическое" для Бахтина - синоним семиотического, знакового вообще: "Ко всякому знаку приложимы критерии идеологической оценки (ложь, истина, справедливость, добро и пр.). Область И. совпадает с областью знаков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак - там и И.". Бахтин противопоставлял И. - психологии как области "внутреннего знака" и "внутренней речи". Бахтин постулировал диалектический характер этого

пропивоустановления, так как "внутренний знак" тоже знак, а значит, и И. "индивидуальна", а в ряду социально-психологических явлений – выступает как "жизненная И.". Все психологическое, по мнению Бахтина, имеет свои семиотические основания: "Вне объективации, вне воплощения в определенном материале (материале жеста, внутреннего слова, крика) сознание – фикция. Это плохая идеологическая конструкция, созданная путем абстракции от конкретных фактов социального выражения". Психологии Бахтин противопоставлял не И. вообще, а только ее социальные объективации в форме этических и правовых норм, религиозных символов и т.д. Для обозначения объективно существующих форм И. Бахтин использовал термин "идеологема". Трактовка И. как универсального свойства всего семиотического препятствовала спецификации конкретных механизмов ее функционирования, хотя и элиминировала идеологические предпочтения ее исследователей, трансформируя их подход в объективно-семиотический (в отличие от политической ангажированности представителей марксизма). Спецификация семиотических механизмов И. явилось одной из вершин философского творчества Барта. В "Мифологиях" (1957) Барт объединил миф и И., называя их "метаязыком". Барт не считал целесообразным проводить между И. и мифом семиотическое разграничение, определяя И. как введенное в рамки общей истории и отвечающее тем или иным социальным интересам мифическое построение. Следуя традиции определения знака как ассоциации означаемого и означающего, а языка – как системы знаков, Барт определил миф и И. как "вторичные семиотические системы", "вторичные языки". Смысл знаков первичной знаковой системы, исходного "языка" "опустошается", согласно Барту, метаязыком до полой формы (сохраняясь и в обескровленном состоянии), которая становится означающим как мифа, так и И. Мерцающее существование первичных смыслов исполняет функции алиби для концептов метаязыка, т.е. для означаемых мифа и И. Это алиби мотивирует идеологический знак, представляя связь формы с концептом как что-то "естественное" и "природное". Критическое отношение к мифу и И. приводит Барта к их описанию в образе вурдалака: "Миф же – это язык, не желающий умирать; из смыслов, которыми он питается, он извлекает ложное, деградированное бытие, он искусственно отсрочивает смерть смыслов и располагает в них со всеми удобствами, превращая их в горячие трупы". Миф и И. звучат голосом языка-объекта, оживляя его для потребителя, чередуя его выпотрошенную форму с его исходным смыслом. Значение же самого метаязыка "натурализируется" в И. В "Основах семиологии" (1965) Барт отмечал, что И. – это постоянный поиск ценностей и их тематизация. В случае же фигуративизации, по Барту, идеологический дискурс становится мифологическим. Кри-стева использовала для исследования И. термин Бахтина "идеологема". Последняя определялась ею в качестве "интертекстуальной" функции, придающей тексту социальные и исторические координаты, а также связывающей текст с прочими практиками означивания, составляющими его культурное пространство. И., по Кристевой, присутствует также и в семиотических коннотациях самого исследователя И., санкционирующих использование им тех или иных моделей и формализации. Избавиться от данных предпосылок невозможно, но возможно их пряснение в акте саморефлексии. Эко рассматривал коммуникативные функции И., которая "предохраняет нас от рассмотрения семантических систем в целокупности их внутренних взаимоотношений", благодаря ограничению области возможных коннотаций. Идеологический субкод исключает нежелательные подраумевания семантической системы. И. выступает означаемым данного риторического субкода и идеологические контексты формируются "склеротически отвердевшими сообщениями". Позже Эко описал И. как перекодирование первичного кода, придающее сообщениям вторичные смыслы. Перекодирование у Эко суть интерпретативная модификация первичного кода, приводящая к нестандартному употреблению прежнего правила и создающая новое правило. Например, риторические и ико-нологические правила наделяют макроскопические фрагменты первичных сообщений некоторым значением, перекодируют их. Статус И. как воплощение связи дискурса с некоторой социальной топикой описывается в современной философии как ряд отношений правдоподобия. ("Референци-ального" – в контексте отношения с реальностями мира, "логического" – в плане соответствия жанровым и игровым закономерностям и т.д.).

А.А. Грицанов

ИНДУКЦИЯ (лат. *inductio* – наведение) – метод познания, связанный с обобщением наблюдений и экспериментов. В логическом плане И. представляет собой умозаключение, при котором общее суждение по особым правилам получается на основе единичных или частных посылок. В науке и повседневной жизни многие положения общего характера появляются в результате освоения отдельных фактов. Происходит мысленный переход от единичного и частного к общему. Например, в начале 17 в. И. Кеплер сформулировал утверждение: "Каждая планета движется по эллипсу, в одном из фокусов которого находится Солнце" (позже оно получило известность под названием первого закона Кеплера). Это обобщение было получено на основе изучения движения отдельных планет – Земли, Марса, Венеры и др. Затем было выяснено, что и другие небесные тела под воздействием притяжения Солнца могут описывать вокруг него конические сечения: окружности, эллипсы, параболы и гиперболы. Вследствие этого первоначальная формулировка первого закона Кеплера была изменена и получила следующий вид: "Всякое

тело, движущееся вокруг Солнца, описывает коническое сечение, в одном из фокусов которого находится Солнце". Объективной основой для получения общих положений с помощью И. является повторяемость событий, объединенных общей закономерной связью, благодаря чему по части фактов можно устанавливать общий закон. Вместе с тем, повторение может быть характерно для более узкого круга событий, чем тот, на который претендует обобщение, или может свидетельствовать о случайных совпадениях. Игнорирование данных обстоятельств приводит к ошибкам в процессе применения И., носящих названия "поспешное обобщение" и "после этого значит по причине этого". Вывод с помощью И. имеет вероятностный характер. Он будет более надежным, если а) число предметов, о которых говорится в посылках, будет большим; б) эти предметы будут более разнообразны; в) они будут характерными, типичными представителями того класса предметов, о котором говорится в заключении; г) субъект заключения будет возможно меньшим, а предикат возможно большим по объему; д) признак, переносимый на совокупность предметов, о которых речь идет в заключении, будет более существенным для них. Раздел современной логики, связанный с изучением индуктивных выводов, с применением к ним математических методов, с построением дедуктивных теорий об индуктивных процессах, называется индуктивной логикой.

В.Ф. Берков

ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ - исходно - одна из основных методологических установок прагматизма, в более узком смысле - версия прагматизма Дьюи и его последователей (С. Хук, Дж. Тафте, А. Мур, А. Мерфи и др.). Значение принципов, разработанных в И., вышло далеко за пределы прагматизма, как проникнув в близкие к нему направления (операционализм П. Бриджмена, "социальный бихевиоризм" Ми-да, семиотическая концепция Морриса), так и будучи осмысленным в современных концепциях познания и знания в целом. И. переформулировал субъект-объектную проблему в проблему обоснования знания как такового, которую, в свою очередь, сформулировал как проблему понятийного схватывания опыта. Сам опыт был истолкован как серия сменяющих друг друга ситуаций, в которых, оценивая и достраивая условия среды, субъект структурирует свою жизнедеятельность, стремясь найти эффективные и рационалистически обоснованные решения жизненных (экзистенциальных) вопросов и задач. Устойчивые ситуации выстраиваются на основе заложенных в человеке и приобретаемых им в процессах обучения и воспитания привычек (навыков), осознанных и закрепленных как верования, т.е. готовность действовать определенным образом. Жизнедеятельность индивидов подчинена действию "принципа непрерывности", уравнивающего любые виды и типы действий по критерию их способности служить эффективным средством вписывания в ситуацию. В этом отношении снимаются и границы между познанием и действием. Понятия, идеи, теории суть лишь средства, орудия, инструменты (откуда и название - "И"), "ключи к ситуации", "планы действия" субъекта, оцениваемые функционально, т.е. с точки зрения (не) обеспечения успеха в данной ситуации. Отсюда и функциональная концепция истины (впервые последовательно развернутая и аргументированная в прагматизме), последовательно акцентирующая принцип практической целесообразности и интенциональное понимание познания как движения в направлении обеспечения реализации цели, задаваемой ситуацией. Основное отношение субъекта к миру - практическое, заинтересованное, всегда субъективно окрашенное. В силу этого снимается и противопоставление теоретической и оценочной деятельности. Путь к истине и путь к ценности суть одно и то же. Познание должно быть понято (на уровне его механизма) как процесс вынесения оценки (истинно то, во что лучше верить). Непрерывность опыта дополняется его ценностной интерпретируемостью. Отсюда он то, что нами пережито и воспринято. Однако выработанные в опыте привычки (навыки) и опробированные инструменты не являются универсальными, не обеспечивают стандартность и автономность наших решений, а наоборот, при их догматизации, сужают горизонт наших возможностей. Большинство ситуаций, в которые включен человек, носят не устойчивый (стационарный) характер, а полны неопределенностей, т.е. проблемны. Они проблемны (а следовательно и опасны для человека), до тех пор, пока мы не знаем, каким образом в них действовать, пока мы не способны их структурировать, не можем их перевести в ситуацию реализации решений. Ситуации локализируют наш опыт, контекстуализируют и его и наши инструментальные (познавательные) возможности, актуализируя поиск новых решений именно здесь-и-сейчас (на основе выстраивания выгодных и эффективных отношений с объектами). Задача интеллекта в том и заключается, чтобы дать человеку возможность нормально жить в неустойчивом и полном опасностей мире, обеспечивая его адекватными социальными технологиями. "Инструментальная логика" познания, заканчивающаяся технологизированным решением, задается адекватностью схватывания проблемы и правильностью постановки целей, диктующих выбор средств-инструментов. Тезисы контекстуальности и функциональности познания дополняются тезисом экспериментальности (операциональности и технологичности). Познание - это "делание", умение решать проблемы, преобразовывать ситуации. Познать - значит не столько выявить предпосылки возможного действия, сколько оценить возможные его последствия, характер порождаемых принятым решением новых проблем. Одну версию того, как это сделать, предложил Бриджмен, конституировав тем самым операционализм как отдельное направление, другую Дьюи в своей модели пятиуровневой процедуры. (Моррис "текстуализировал", а Мид

"социализировал" эту проблематику, версии же Бриджмена и Дьюи соотносимы между собой). Из этой процедуры выводится концепция истины Дьюи как оправданной утверждаемости, ставшая основополагающей для И. в целом. Таким образом, объект знания для И. есть созданный, экзистенциально произведенный объект. В нем это положение не радикализуется до утверждения конструирования реальности знанием, но возможность такого "хода" в И. заложена, как и собственная трактовка соотношения концептов повседневного Уровня познания (анализ прагматизмом в целом здравого смысла) и конструкторов научного знания, получившая детальную разработку в феноменологической версии социологии знания.

В.Л. Абушенко

ИСЛАМ (арабск. ал-Ислам – предание себя Богу, покорность) – одна из мировых религий, иначе – мусульманство. И. зародился среди арабских племен Западной Аравии в начале 7 в. Это был период распада самих основ древнего общества (в т.ч. и язычества) и возвышения торговых культурных центров (Мекка, Медина). Основателем И. стал пророк Мухаммад (ок. 570–632) из рода одного из крупных племен курайшитов. Склонный к одиночеству, Мухаммад предается благочестивым размышлениям. По легенде, в молодости ангелы рассекли грудь Мухаммеда и омыли его сердце, а в 610 в возрасте 40 лет он получил откровение на горе Хира во время 40-дневного поста (и слова небесного посланника Джабрила (Архангел Гавриил) запечатлелись в сердце Пророка как "надпись"). С тех пор начинается проповедь Корана, "небесной Книги", и формирование мусульманства как религии. Мухаммад с небольшой группой последователей терпит гонения и переселяется в 622 из родной Мекки в Медину. Борьба Мухаммеда за утверждение новой религии – веры в единого Бога Аллаха – закончилась победой над языческой Меккой в 630. С этого времени начинается интенсивное развитие И., и вытеснение языческих культов с арабских земель. Духовно-энергетический импульс, данный Мухаммадом, привел к значительному распространению И. В настоящее время в мире насчитывается более 800 млн. мусульман. И. выступил с идеей очищения древних учений Пророков от искажений и возвращения к истинной религии, идущей от Ибрахима (Авраама). И. воспринял религиозные положения иудейства, христианства, древнейших учений Вавилона, зороастрийства, местных культов и стал ментально-духовной культурой, синтезировавшей различные течения культуры арабских народов. И. является государственной религией в ряде стран, являющихся, как правило, эгалитарными теократиями. Эгалитарными – т.к. все верующие, независимо от социального положения, равны перед божественным законом; теократиями – т.к. источником законодательной власти выступает только Коран. И. не делает различия между "Божьим" и "кесаревым" и всю жизнь верующих подчиняет религиозным предписаниям (шариату) своду мусульманских законов: и фикху (мусульманскому праву). Основные источники вероучения И. – Коран и Сунны. Коран – "Слово Божие", данное людям через Пророка Мухаммада, состоящее из 114 Сур (глав). Сунны (арабск. – обычай, предание) – сборники преданий о жизни и деяниях Мухаммада. Сунны состоят из "хадисов", высказываний, приписываемых Пророку. Вероучение И. базируется на неразделенности религии, права, догматики и ритуала. Важнейший онтологический и, в то же время, социально-политический принцип И. – строгий монотеизм, предполагающий веру в единого Бога Аллаха (первоначально Аллах – Бог местных аравийских племен). Отрицаются всякие "сотоварищи" Высшего Божества, а также христианские догматы Троицы, боговоплощения и искупления. Божественное слово передается через посланников (расулов) Аллаха. В И. признаются пять Пророков от начала человечества: Нух (Ной), с которым Бог возобновил "союз"; Ибрахим (Авраам), первый верующий в единого Бога; Муса (Моисей), которому Бог дал Тору для "Сынов израилевых"; Иса (Иисус), через которого Бог сообщил Евангелие, и, наконец, Мухаммад, "печать Пророков", завершающий цепь пророчества. Среди шиитов и суннитов существует вера в Махди (Мессию), который явится в "конце мира" и установит мир и справедливость. Главные понятия мусульманства – "И.", "дин" и "имам". И., в широком смысле, означает весь мир, в пределах которого установились и действуют законы Корана. Этой сфере противопоставляется "дар ал-харб" – территория войны, в которой И. должен утвердиться посредством джихада ("священной войны"). Основная социальная форма жизни – умма, исламская община. В нее объединяется каждая верующая группа. Первая община – мединская, организована Мухаммадом. Дин – религия, закон, свод правил – божественное установление, состоящее из трех основных элементов: "пяти столпов И.", веры (имам) и благих дел (ихсан). "Пять столпов И." составляют: 1) исповедание единобожия (ат-таухид) и пророческой миссии Мухаммада (ан-нубувва). Оно закрепляется формулой "Нет Божества, кроме Бога (Аллаха) и Мухаммад – посланник Божий"; 2) ежедневная пятикратная молитва (ас-салаат); 3) пост в месяц рамадан (ас-саум); 4) добровольная очистительная милостыня (аз-закаат); 5) паломничество (хотя бы раз в жизни) в Мекку (ал-хадж). Имам (вера) понимается прежде всего как "свидетельство" об объекте своей веры. В И. им является Бог, который свидетельствует о себе в Коране. В И. сохраняется вера в ангелов и шайтанов (бесов), в воскресение после смерти и Судный день, Главное требование к человеку – идти по пути совершенствования, соблюдая законы Корана. Мистическая традиция И. (суфизм) разработала пути богопознания на основе идеи единства всего Сущего в Боге и возможности постижения (растворения) в Боге путем самоотверженного отдания себя Аллаху и безмерной любви к Нему. И. не остался единой

религией. С первых десятилетий своего существования он разделился на различные направления, которые дифференцируются по концепциям государственной власти и по философско-религиозным школам. Наиболее глубокие и радикальные расхождения в И. связаны с решением проблемы верховной власти. Выделяются три основных направления: 1) хариджиты (араб. - вышедшие, возмущившиеся), отстаивающие общинный характер власти и безусловную выборность главы общины (имам-халиф); 2) шииты (араб. - группа приверженцев), признающие божественную природу власти, предопределенную в роду Али, двоюродного брата и зятя Мухаммада; 3) сунниты (от "сунна"), занимающие срединную линию, т.е. согласующие решения о правителе с мнением "всей общины", а по сути с ее религиозно-политической верхушкой. Философия и богословие И. разнообразны. В нем отсутствует общепризнанная догматизация учения и единая богословская школа. Философско-религиозные различия в школах приводили к социально-политическим противоречиям и конфликтам. На рубеже 7-8 вв. зарождаются основные философские направления И. По вопросу отношения к человеку, совершившему тяжкий грех (алкабир), выделяются три школы: 1) хариджиты, утверждавшие, что такой человек перестает быть мусульманином; 2) мурджииты, учившие, что мусульманином остается тот, кто сохраняет в сердце чистоту веры, даже если совершил тяжкий грех; 3) мутазилиты, разработавшие учение о "среднем состоянии" между "правверным" и "неверным". По проблеме предопределения (абсолютной власти Аллаха над человеком и его действиями) и свободы воли (ал-кадир) также формируются различные направления: 1) джабариты, отрицавшие свободу воли и утверждавшие предопределенность человеческой судьбы в силу безграничной власти Аллаха; 2) кадариты, опиравшиеся на идею свободы воли человека в выборе своих действий; 3) мурджииты и мутазилиты, стремившиеся рационалистическими методами разработать теорию, согласующую учение о предопределении и свободе воли человека. По проблеме споров о природе и атрибутах Бога возникают: 1) захириты и ханба-литы, требовавшие буквального понимания соответствующих мест в Коране и слепой вере во все, о чем говорится в "небесной Книге"; 2) муаттилиты, утверждавшие духовность Бога и отрицавшие божественные атрибуты, созданные человеческими представлениями; 3) суфии, учившие мистическим путем богопознания и слияния с Богом. Богословие в И. называется каламом, философия - фалсафа. Этапы в развитии калама связаны со школами: мутазилитов, основоположник Василь ибн Ата (ум. 748) и ашаритов, основоположник ал-Ашари (ум. 935), стремящихся путем компромисса с догматиками-традиционалистами легализовать калам. Развитию фалсафа способствовали труды ал-Кинди (ум. между 860-879), ар-Рази (ум. между 865-925 или 934), ал-Фараби (870-950), ибн Сины (980-1037), ибн Рушда (1126-1198). Исламская философская мысль развивается на основе синтеза Коранических идей и наследия античного мира (Платона, Аристотеля, учений пифагорейцев, неоплатоников), а также под влиянием буддизма и индуизма. В средние века наблюдается тенденция к сближению калама и фалсафа. Этому способствовали труды аш-Шахрастани (ум. 1153), ал-Газа-ли (ум. 1111), ибн Араби (ум. 1240). Религиозный мистицизм И. связан с учением суфизма, ориентированного на следование "пути", который открывается стремящемуся к познанию Бога шейхом (учителем). Концепция любви к Богу - центральная и единая для всех братств. Развитие суфизма идет через аскетико-мистический период (ал-Басри, ум. 728); "классический" период 9-10 вв. (ал-Мисри, ум. 860 - учение о "пути" и теософия); ат-Тустари (ум. 896) - экзегетика, теософия, космогония; ал-Халладж (ум. 922) - "экстатическое" направление. Расцвету суфизма способствуют труды ал-Газали, предпринявшего попытку сближения суфизма с традиционалистским И., ас-Сухраварди (ум. 1191), создавшем учение об "озарении" (ал-ширак); Ибн-Араби (ум. 1240), развившем учение о "святости", "святых" и их Иерархии. К мистической философии И. относится учение исмаилитов, одного из направлений шиитского И. Исмаилиты опираются на эзотерические доктрины Востока, в частности Индии, на идеи греческого неоплатонизма, и придерживаются доктрины "метемпсихоза" (танасух) и "воплощения" (хулул). В новейшее время развитию идей И. способствуют движения шейхов, бабитов и бекаитов (19 в., Персия). Бабиты (основоположник Сейид Али Мухаммад (Баб) и бекаиты (основоположник Мирза Хусейн Али - Беха-Улла) стремятся сплотить человечество вокруг учений, оставленных их Пророками. В лоне ортодоксального ислама с 18 в. развивается движение ваххабитов (по имени основоположника ал-Ваххаба), отвергающее новшества, появившиеся в И. в процессе его исторического развития и стремящиеся очистить веру и учение Мухаммада и вернуться к меккскому прообразу. В 19-20 вв. развиваются реформаторские, фундаменталистские и панис-ламские тенденции, базирующиеся на исламских ценностях. В странах распространения И. становится основой для активизации национальных движений и воплощения концепций "исламского государства", подразумевающей воплощение идей И. во всех сферах государственной и религиозной жизни.

В.В. Лобач

КАТЕГОРИЯ (греч. Kategoria - высказывание, обвинение; признак) - предельно общее понятие. Образуется как последний результат отвлечения (абстрагирования) от предметов их особых признаков. Для него уже не существует более общего, родового понятия, и, вместе с тем, он обладает минимальным содержанием, т.е. фиксирует минимум признаков охватываемых предметов. Однако это такое содержание, которое отображает фундаментальные, наиболее существенные связи и отношения объективной действительности

и познания. Каждое философское направление вырабатывает и использует набор собственных К. В диалектическом материализме, напр., К. являлись понятия материи, сознания, качества, количества, сущности, явления, необходимости, случайности и др.; в объективном идеализме – идеи, мирового разума, бытия, небытия, противоречия; в экзистенциализме – экзистенции, трансценденции, свободы; в позитивизме категориальный статус обретают понятия протокольного предложения, верификации и т.д. Своя система К. присуща и каждой конкретной науке.

В.Ф. Верное

КАУЗАЛЬНОСТЬ (лат. *causalis* – причинный, *causa* – причина) или причинность – философская категория для обозначения необходимой генетической связи явлений, из которых одно (причина) обуславливает другое (следствие). К. можно трактовать как одну из форм всеобщей связи явлений, учитывая, что К. – это внутренняя связь между тем, что уже есть, и тем, что им порождается, что еще только становится. Этим К. отличается от других форм связи, которые характеризуются корреляцией одного явления другому. Внутренняя связь является сущностью К.К. – объективна: она есть присущее самим вещам внутренне отношение. К. всеобща, т.к. нет явлений, которые не имели бы своих причин, как нет явлений, которые не имели бы (не порождали бы) тех или иных следствий. Связь причины и следствия является необходимой: если есть причина и налицо соответствующие условия, то неизбежно возникает следствие.

А.М. Леванюк

КВИЕТИЗМ (лат. *quietus* – спокойный) – неортодоксальное течение в католицизме, центрирующееся вокруг презумпции душевного покоя – *quies* (культурно-типологический аналог в рамках православия – более ранний исихазм). Оформляется в 17 в.; основоположник – испанский теолог Мигель де Молинос (ок. 1628–1696), выступивший с проповедью мистического учения, согласно которому единение с Богом возможно как апофеоз безмятежности, проявляющейся в отрешенности души, прошедшей через "акт самоотречения" от всех сует, включая и озабоченность собственным спасением (ср. с требованием "незаинтересованности любви" к Богу, акцентированным в суфизме). Добродетель и конфессиональная вера объявляются "внешними", а потому не имеющими отношения к святости, понимаемой в качестве достигнутого состояния покоя, основой которого является безграничное доверие к Мессии и полное делегирование Христу ответственности за свою судьбу. Развивая традиционные для мистики идеи (постижение Абсолюта на путях любви и непосредственное единение с ним в акте откровения), К. отличается предельной логической последовательностью, доводя характерную для классической мистики презумпцию отрешенности души до нормативного полного безразличия – вплоть до индифферентно-го отношения к добру и злу. Согласно концепции К., человек, достигший совершенства "на вершине самоотречения" не подлежит оценке в контексте этических дихотомий (типа дихотомии добродетели и греха), ибо все его поступки и мысли принадлежат и восходят к Богу, в пользу которого он отрекся от своей воли. К. был осужден ортодоксальным католицизмом (особенно иезуитами): Молинос был вынужден отречься от своих взглядов и заточен (1685), а его идеи по 68 пунктам осуждены специальной папской буллой Иннокентия XI "Coelestis Pastor" (1687) как ересь. Однако, книга Молиноса "Духовный путеводитель" (1675) до начала 18 в. была переиздана более 20 раз на различных языках. К. нашел своих пламенных последователей как в Западной Европе (Франсуа де Салиньяк де ла Мот Фенелон (1651–1715), архиепископ Камбрийский, впавший в опалу за квиетистские взгляды; Ж.М. Гюйон (1648–1717), заключенная в Бастилию за проповедь К. и, в частности, за вывод о равенстве добра и зла как различных проявлений Божественной воли, П.М. Пет-ручи, Ф. Лакомб и др., включая представителей официальных церковных кругов: А.Х. Франк, Д. Арнольд), так и России (распространение в начале 19 в. обер-прокурором Синода князем Голицыным русских переводов классических текстов К., имевших хождение вплоть до официального изъятия в сер. 1840-х). В контексте динамики культуры Запада (17 в. – заря Нового времени). К. выступил аксиологической альтернативой основополагающим ценностям активизма (ср. общекатолическую концепцию "добрых дел"); задав поведенческую и смыслозисненную парадигму покоя, что является максимальным выражением общей тенденции западной мистики к созерцательной сосредоточенности (ср. с культивируемой в восточной мистике, развивающейся в контексте традиционно-консервативной стабильной культуры, нормативно экзистической практики как альтернативы типовым поведенческим парадигмам: пляски дервишей в исламе, предельный ритм раннесуфийских танцев и др.). Выражая искомку для европейской традиции ценность покоя (аксиологический горизонт культуры в контексте приоритетов активизма), К., будучи официально осужден католицизмом, вновь заявил о себе в рамках протестантизма, оказав значительное влияние на лютеранский пиетизм 18 в., и в рамках философской традиции, оказав воздействие на аксиологический строй ряда концепций, начиная с Шопенгауэра.

М.А. Можейко, С.Л. Ленин

КЛАСС (лат. *classis* – разряд, группа) – конечная или бесконечная совокупность

выделенных по некоторому признаку предметов, мыслимая как целое. Предметы, образующие К., называются его элементами. Проблемы классификации возникают во всех науках, которые имеют дело с крайне разнородными по составу множествами объектов (как правило, дискретных) и решают задачу упорядоченного описания и объяснения этих множеств. Классификация опирается на понимание множества как системы, положение же объекта в системе определяет максимальное количество признаков объекта. Таким образом, К. принимается за структурную единицу, идеальный или конструируемый тип, расчленяющий изучаемую реальность. В социальных науках понятие К. описывает место некоей группы людей в системе неравенства и дифференциации, в сопряженной с ней совокупности связей и отношений, а также иерархию субъектов функционирования социальных институтов. В отличие от страт, деление на К. осуществляется по социально-экономическому основанию – обладанию собственностью и доступом к власти, а, как следствие, профессиональными, образовательными, культурными и идеологическими отличиями. В то же время само распределение собственности и власти может происходить в соответствии с аскриптивными статусами (пол, возраст, престиж и т.д.) и объясняться в терминах преобладающего в обществе дискурса (о божественном порядке или всеобщем равенстве). Рассматривая высшие, средние и низшие К., современные исследования подчеркивают их внутреннюю дифференциацию и останавливаются на теориях "среднего" либо "нового среднего" К., т.к. считается, что именно его гетерогенность и объем характеризуют и гарантируют стабильность современного общества. При достижении некоторого предельного значения характеристик понятие "К." начинает выступать только в статистической, условной форме, не отражаясь в непосредственной очевидности норм и образов жизни. На место вертикальной (функциональной) классификации приходит горизонтальная (качественная), основанная на таксономическом подходе к выделению индивидуализированных жизненных миров.

Д.М. Булышко

КЛАССИФИКАЦИЯ (лат. classis – разряд, класс и f asio – делаю, раскладываю) – многоступенчатое деление логического объема понятия (логика) или какой-либо совокупности единиц (эмпирическое социальное знание) на систему соподчиненных понятий или классов объектов (род – вид – подвид). К. – способ организации эмпирического массива информации. Цель К. – установление определенной структуры порядка, нормативно-мерного упорядочивания множества, которое разбивается на гетерономные друг по отношению к другу, но однородные внутри себя по какому-либо признаку, отделенные друг от друга подмножества. При К. каждый элемент совокупности должен попасть в то или иное подмножество. Таким образом, цель К. – определение места в системе любой единицы (объекта), а тем самым установление между ними наличия некоторых связей. Субъект, владеющий ключом (критерием) К., получает возможность ориентироваться в многообразии понятий или (и) объектов. К. всегда отражает имеющийся на данный момент времени уровень знания, суммирует его, как бы дает его "топологическую карту". С другой стороны, К. позволяет обнаруживать пробелы в существующем знании, служить основанием для диагностических и прогностических процедур. В так называемой описательной науке она выступала итогом (целью) познания (систематика в биологии, попытки по разным основаниям классифицировать науки и т.д.), а дальнейшее развитие представлялось как ее усовершенствование или предложение новой К. Таким образом, термин "К." используется как для обозначения указанной процедуры, так и для обозначения ее результата. Различают естественные и искусственные К. в зависимости от сущности признака, который кладется в ее основу. Естественные К. предполагают нахождение значимого критерия различения, искусственные могут быть в принципе построены на основании любого признака. Вариантом искусственных К. являются различные вспомогательные К. типа алфавитных указателей и т.д. Кроме того различают теоретические (в частности, генетические) и эмпирические К. Последние нашли широкое применение, в частности, в социологии. Цель эмпирических К. та же, однако сам критерий является, зачастую, проблемным и во многом его установление может быть целью эмпирической К. В ней все множество исследуемых единиц стремятся разбить на однородные группы, которым затем присваивается та или иная "этикетка", подлежащая содержательному наполнению в процессах интерпретации по обнаруживаемому (или заранее заданному) статистическому (сугубо формальному) критерию. При этом совокупность считается однородной, если все значения рассматриваемого признака суть значения одной и той же случайной величины. Эмпирическую К. иногда предваряют процедуры группировки данных. Как особый вид К. в социологии рассматривается процедура районирования (пространственно-временное расчленение для последующего репрезентативного выбора объектов исследования). К., особенно эмпирические, часто рассматриваются как шаг на пути создания содержательно-обоснованных типологий. В отличие от К. типология выделяет однородные множества, каждое из которых есть модификация одного и того же качества (существенного, "коренного" признака, точнее "идеи" этого множества). Естественно, что в отличие от признака К. "идея" типологизации далеко не является наглядной, внешне проявляемой и обнаруживаемой. К. слабее, чем типология, связана с содержанием, но класс естественной К. должен иметь смысл, соответствующий уровню познания на данный момент, и обладать собственными существенными свойствами. В целом естественная К. всегда в той или иной

степени типология и способна решать содержательные задачи.
В.Л. Абушенко

КОММУНИЗМ (лат. communis – общий) – одна из радикальных версий общественного идеала, сопряженная с мифом о достижимости всеобщего равенства людей на основе многомерного и беспредельного изобилия. В совокупности ряда своих существенных особенностей К. может трактоваться и как разновидность христианского еретизма. Научнообразный облик идеи К. стремились придать Маркс, Энгельс, а также последователи и подражатели их парадигмы понимания статики, динамики и перспектив развития общества. Основания концептуального видения К. изложены в работах Маркса и Энгельса: "Манифест Коммунистической партии", "Принципы коммунизма", "Критика Готской программы" и др. В разнообразных канонизированных коммунистических движениях, программах и характеристиках К. традиционно постулируются следующие главные процедуры движения к нему: а) ликвидация института частной собственности, обобществление имущества граждан; б) введение прямого продуктообмена; в) прогрессивный налог на наследство; г) выборность чиновников "снизу доверху" и т.д. Лишь на этапе "полного К.", по Марксу, планировалась "высочайшая производительность общественного труда" и реализация лозунга "от каждого по способностям, каждому – по потребностям". Как самообозначение идеологий, теорий и практик понятие "коммунистический" было и остается присущим значимому числу экстремистских политических группировок – как властвующих (большевики в России и СССР, маоизм в КНР и др.), так и оппозиционных, нелегальных (левые террористические группы Западной Европы, Латинской Америки и т.д.). Широкий диапазон концептуальных модификаций, позволяющий К. служить также претенциозной, самодостаточной и (в некоторых пределах) исторически уважаемой формой провозглашения определенной идеологической ангажированности, обусловлен рядом его характеристик. Так, в теоретических разработках Маркса и Энгельса термин К. выступал и как гипотетическое состояние общества, как определенный социальный идеал (Маркс), и как движение, уничтожающее современную организацию социума; и как "не доктрина, а движение", которое опирается "не на принципы, а на факты" (Энгельс). Безотносительно к дальнейшим потенциальным детализациям, понятие "К." может отражать: 1) отрицание любых форм организации института собственности в обществе, кроме тотальных и всепоглощающих ("общественная собственность", она же – "общенародная" в социалистическом варианте); 2) полемическую противопоставленность институту частной собственности в его рыночной ипостаси в контексте идеи "еще большего ее плюрализма", "еще большей социальной справедливости" и т.п.; 3) ориентированность на замену традиционных моделей распределения общественного богатства (соответственно достигнутому индивидом или их корпорацией положению в иерархии факторов "капитал – труд – знания – способности – культовый потенциал общественного поклонения" и т.д.) системой волевых распределительных решений; 4) замену традиционной правящей элиты – элитой, качественно иначе сформированной и т.д. В наиболее радикальных формах (большевизм, клика Пол-Пота в Камбодже) осуществление унифицирующих, уравнилельных программ К. эффективно результиро-валось в виде не только ликвидации многоукладной и плюралистической модели распределения собственности, но и в обличьи сопряженных процедур осуществления масштабного геноцида по критериям имущественного положения, социального происхождения и статуса. В целом, К., как правило выступает в ряде ипостасей: как идеология маргинальных слоев общества, статусных и имущественных аутсайдеров; как разновидность социального нигилизма, противопоставляющего традиционной системе ценностей совокупность верований об "идеальном обществе "в будущем "посюстороннем" мире; как разновидность светской религии в обличьи наукоподобной идеологии "научного К.". К., ввиду приверженности его адептов преимущественно насильственным процедурам объективации программ переустройства общества, подавляющих инициативу отдельной личности и унифицирующих потребности и репертуары поведения людей, невозможен для осуществления в региональных масштабах. К. может выступать и анализироваться (на уровне мысленного социального эксперимента) исключительно в виде сознательно самоизолирующейся, замкнутой и статичной общественно-экономической, геополитической и духовной системы; либо мыслимый как принципиально внеальтернативное планетарное явление.

А. А. Грицанов

КОММУНИКАЦИЯ (лат. communicatio – сообщение, передача) – смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия. Действия, сознательно ориентированные на их смысловое восприятие, называют коммуникативными. Основная функция К. – достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента. Структура простейшей К. включает как минимум: 1) двух участников-коммуникантов, наделенных сознанием и владеющих нормами некоторой семиотической системы, например, языка; 2) ситуацию (или ситуации), которую они стремятся осмыслить и понять; 3) тексты, выражающие смысл ситуации в языке или элементах данной семиотической системы; 4) мотивы и цели, делающие тексты направленными, т.е. то, что побуждает субъектов обращаться друг к другу; 5) процесс материальной передачи текстов.

Таким образом, тексты, действия по их построению и, наоборот, действия по реконструкции их содержания и смысла, а также связанные с этим мышление и понимание, составляют содержание К. По типу отношений между участниками выделяются межличностная, публичная, массовая К. По типу используемых семиотических средств можно выделить речевую, паралингвистическую (жест, мимика, мелодия), вещественно-знаковую (в частности, художественную) К. До начала 20 в. философский интерес к К. был ограничен, с одной стороны, исследованиями в области происхождения социальных норм, морали, права и государства (теория общественного договора), с другой стороны, наличными средствами организации самой философской К. (проблема диалога). Современный философский интерес к К. определен тем сдвигом, который произведен общим изменением места и роли К. и коммуникативных технологий в различных общественных сферах, интенсивным развитием средств К. ("взрыв К."). Процессы технологизации и автоматизации деятельности позволили перенести "центр тяжести" в общественных системах с процессов производства на процессы управления, в которых основная нагрузка падает именно на организацию К. С другой стороны, указанные процессы все больше освобождают человека от деятельности, расширяя область свободного времени, которое человек проводит в "клубах", т.е. структурах свободного общения, где основным процессом также является К. по поводу ценностей, идеалов и норм. Тема К., intersubjectивности и диалога становится одной из главных в философии 20 в. Теоретическим фактором, во многом определившим лицо современных исследований К., стал поворот философской и научной рефлексии к действительности языка. Исследования языковых и знаковых структур, развернувшиеся с начала 20 в. в работах философов и логиков (Рассел, Витгенштейн и др.), лингвистов (Соссюр и др.) и семиотиков (Моррис и др.) радикально изменили понимание К. и подходы к ее изучению и организации. Так, например, Витгенштейн начинает рассматривать К. как комплекс языковых игр, имеющих свои семантико-прагматические правила и свои принципиальные ограничения. Если раньше язык полагался просто как средство К., то теперь сама К. погружается в структуры языка, становится пространством в котором разворачиваются те или иные языковые формы. Такой поворот открыл горизонты для искусственно-технического отношения к организации К. За счет ставшего массовым конструирования языковых и знаково-семиотических средств, К. стала оискусствляться, приобретая различные организованные формы (массовая К., диалог "человек-машина" и т.д.). Другим фактором, определяющим значение темы К., стали критика и кардинальное переосмысление оснований самой философии, разворачивающиеся на протяжении всего 20 в. В поиске новых оснований, именно категории "К." и "диалог" начинают рассматриваться философами как одни из базовых и центральных. При анализе и описании К. необходимо различать: 1) К. в широком смысле – как одну из основ человеческой жизнедеятельности и многообразные формы рече-языковой деятельности, не обязательно предполагающие наличие содержательно-смыслового плана. (Таковы некоторые структуры времяпрепровождения и психологические игры в смысле их реконструкции Э. Берном). 2) Информационный обмен в технологически организованных системах – в этой своей ипостаси К. исследуется футурологами. 3) Мыслекоммуникация как интеллектуальный процесс, имеющий выдержанный идеально-содержательный план и связанный с определенными ситуациями социального действия. 4) Экзистенциальную К. как акт обнаружения Я в Другом. В таком качестве К. – основа экзистенциального отношения между людьми (как отношения между Я и Ты) и решающий процесс для самоопределения человека в мире, в котором человек обретает понимание своего бытия, его оснований. К. становится у Ясперса целью и задачей философии, а мера коммуникативности – критерием оценки и выбора той или иной философской системы. К. оказывается в центре и социальной теории. Так Хабермас, разрабатывая свою теорию коммуникативного действия, рассматривает К. в качестве базового социального процесса. Он обращается к К. как повседневной практике частных жизненных миров и полагает процессы коммуникативной рационализации жизненных миров в качестве структурирующих общественность. Именно развитие коммуникативных практик и коммуникативная рационализация, а не отношения производства, лежат, с точки зрения Хабермаса, в основе современного гражданского общества. Особое направление исследований К. было задано в СМД (системо-мыследеятельностной) – методологии. Здесь К. рассматривается как процесс и структура в мыследеятельности, т.е. в неразрывной связи с деятельностным контекстом и интеллектуальными процессами – мышлением, пониманием, рефлексией. Эта особенность содержания понятия К. в СМД-методологии подчеркнута специально введенным неологизмом "мыслекоммуникация". Мыслекоммуникация полагается связывающей идеальную действительность мышления с реальными ситуациями социального действия и задающая, с одной стороны, границы и осмысленность мыслительных идеализации, а, с другой стороны, границы и осмысленность реализации мыслительных конструкторов в социальной организации и действии. См. также: Автокоммуникация, Диалог. А.Ю. Бабайцев

КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ (лат. conventio – соглашение) – направление в философии науки, согласно которому в основе научных теорий лежат произвольные соглашения (конвенции) и их выбор регулируется соображениями удобства, простоты, полезности и так далее – критериями, не связанными с понятиями самой теории. Основоположник К. – Ж.А. Пуанкаре. В связи с появлением неевклидовых геометрий он охарактеризовал системы аксиом

различных математических теорий как соглашения, которые находятся вне поля истины или ложности. Предпочтение одной системы аксиом другой обусловлено принципом удобства. Единственное ограничение на их произвольный выбор состоит в требовании непротиворечивости. Развитие математической логики в 1930-х привело к усилению позиций К. С формально-логической точки зрения для мира объектов возможны отличные системы классификаций. Так, согласно "принципу терпимости" Карнапа, в основе данной научной теории может находиться любой "языковой каркас", то есть любая совокупность правил синтаксиса. "Принять мир вещей значит лишь принять определенную форму языка". "Языковые формы" следует использовать с учетом их полезности, при этом вопросы, которые касаются реальности системы объектов данной теории, по выражению Карнапа, оказываются сугубо внешними принятому "языковому каркасу". Более крайней позицией явился "радикальный конвенционализм" Айдукевича, в соответствии с утверждением которого, отображение объектов в науке зависит от выбора понятийного аппарата (терминологии), причем этот выбор осуществляется свободно. В силу того, что К. ставит научные знания в зависимость от субъекта теоретического действия, направление прагматизма можно полагать примыкающим к общей традиции К. Соглашение, например, может быть проинтерпретировано через прагматическое понятие "уверенности". Также и Витгенштейн утверждал, что математика не возможна без "веры" в то, что все ее предложения и формулы получаются или доказываются именно таким-то образом. Методологические концепции постпозитивистского течения связывают научные теории со способом деятельности научных сообществ, поэтому для объяснения динамики научного знания они используют К. К таким концепциям можно отнести и понятие "конкуренции научно-исследовательских программ" Лакатоса, и принцип "пролиферации" Фейерабенда, и некумулятивистскую историю науки Куна. В соответствии с ними, альтернативные научные теории замкнуты в себе благодаря определенным соглашениям внутри конкурирующих научных сообществ.

А.Н. Шуман

КОННОТАЦИЯ (позднелат. *connotatio*, от лат. *con* - вместе и *noto* - отмечаю, обозначаю) - логико-философский термин, выражающий отношение между смыслом (коннатат) и именем или комплексом имен. Коннатат характеризует денотат, т.е. предметное значение, устанавливаемое в процессе обозначения объекта в имени. К., которая не сопровождается денотацией, устанавливает идеальный объект, который хотя и не имеет преднаходимого в реальности эквивалента, но имя которого не лишено смысла. Например, сложное имя "современный король Франции" обладает смыслом, однако в настоящее время не имеет денотата. Термин "К." употребляется так же в языкознании, но приобретает там иное значение: как дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы, служащее для выражения экспрессивно-эмоциональных аспектов высказываний. В семиотике К. - особый не прямой модус значения, уровень "вторичных означаемых", надстраивающийся над прямым денотативным значением слова. Влияние на конституирование побочных смыслов слова оказывают самые разнообразные факторы: жанровые конвенции (так слово "пламя" в качестве литературного клише для выражения любовной страсти косвенным образом содержит в себе значения "язык трагедии", "классическое чувство" и т.д.), стереотипы восприятия (изображение макарон может обозначать не только пищевой продукт, но и нести побочный смысл "итальянскости"), стилистические особенности и т.д. К. стала объектом систематического анализа в "коннативной семиологии" Л. Ельмсле-ва. Барт, развивая исследования К., указывает на следующие ее характеристики: коннативные значения способны надстраиваться как над языковыми денотативными значениями, так и над невербальными знаками, над утилитарными назначениями материальных предметов; коннативные значения латентны, относительно и подвижны. Важнейшей характеристикой коннативного значения Барт считает его идеологическую нагруженность, его способность в качестве формы идеологического воздействия замещать "основное" значение слова.

А.А. Горных, М.Р. Дисько

КОНСЕРВАТИЗМ (лат. *conservare* - сохранять) - сложный и многогранный социальный феномен, могущий быть представлен в нескольких измерениях: как совокупность психических качеств индивида (позволяющее считать человека консерватором независимо от его политической ангажированности), как политическая идеология (представляющая собой, наряду с либерализмом и социализмом, одну из так называемых "великих" идеологий) и, наконец, как общественно-политическое движение (находящее свое выражение в деятельности политических партий консервативной и неконсервативной ориентации). В обыденном сознании сложился стереотип, согласно которому человек может быть консерватором уже в силу определенных морально-психологических качеств. Это значит, что, он отличается трезвым, взвешенным отношением к жизни. Знакомое, проверенное практикой он предпочитает незнакомому, новому. Опытный человек ему больше внушает доверие, нежели неопытный. Действительность для консерватора более значима, чем возможность, близкое - более, чем далекое, а настоящее для него предпочтительнее, чем счастье будущего. Такой человек вместо избытка выберет недостаток, а вместо совершенства - приемлемое. Общее для консерватора всегда важнее, нежели частное, а привилегии более

значимы, чем право. И, конечно, выбирая между традициями и нововведениями консерватор скорее всего остановится на первых. У исследователей нет единства в определении К. в качестве политической идеологии. Согласно одному из традиционных подходов, К. связывается с реакцией на Великую Французскую революцию со стороны тех социальных слоев, которые более всего от нее пострадали – прежде всего родовой аристократии. Эта реакция была обусловлена неприятием ценностей зарождающегося буржуазного общества – свободы, равенства, общественного прогресса. Консервативные идеи нашли свое законченное выражение в творчестве таких мыслителей, как Э. Берк, Ж. де Местр и Л. де Бональд. Однако такая (аристократическая) трактовка К. оставляет открытым вопрос, почему эта идеология существует до сих пор, когда поддерживавшие ее социальные слои с исторической арены давно сошли. Другой крайностью в определении К. являются попытки представить его в качестве вневременной системы универсальных ценностей типа порядка, справедливости, равновесия, стабильности – ценностей, сохраняющих свое значение в любое время и при любых обстоятельствах. При таком подходе время возникновения К. теряется в глубине веков, а его развитие связывается с именами Платона, Аристотеля, Макиавелли, Данте, Гете, Э. Берка, А. де Токвиля и др. Зачастую этой консервативной линии в истории мировой мысли противопоставляется "революционное генеалогическое древо" в лице Декарта, Руссо, Маркса, Ленина. Ценностная трактовка К. помогает понять, почему среди его приверженцев зачастую можно встретить представителей самых разных социальных слоев и профессий. Столь широкое толкование К. размывает это понятие, лишая его научной значимости. Консервативные ценности и идеалы давно стали общим достоянием, в той или иной степени они восприняты либералами, социалистами и даже фашистами. Наиболее удачным представляется трактовка К., предложенная известным американским политологом С. Хантингтоном. В его интерпретации, К. предстает как ситуационное, т.е. исторически переменчивое явление, как "система идей, которая служит сохранению существующего порядка, независимо от того, где и когда он имеет место, направлена против любых попыток его разрушения, от кого бы они не исходили". В тех случаях, когда ценность существующего по каким-то причинам была утрачена, возникают такие, на первый взгляд парадоксальные явления, как "революционный К.". Один из его идеологов в Германии начала 20 в. Моллер ван ден Брук призывал "создавать то, что было бы достойно сохранения". Настоящие консерваторы всячески подчеркивают разницу между К. и реакционностью. Реакционер это тот, кто стремится вернуть прошлое, в то время как консерватор заинтересован в сохранении существующего статус-кво: "сущность К. – в страстной приверженности ценности существующего" (Хантингтон). Данная методология позволяет преодолеть сложности идентификации, которые возникли в постсоветских обществах относительно "правого" и "левого". Испытывающих ностальгию по прошлому коммунистов стали звать консерваторами, однако правильнее было бы отнести их к реакционерам. Консерваторы не против изменений в общественной и политической жизни. Однако для них гораздо важнее вопрос, какой ценой эти изменения достигаются. Уже Э. Берк, родоначальник европейского К., писал о том, что "государство не способное к изменениям – не способно к сохранению". По мнению одного из современных германских неоконсерваторов Г. Люббе: "Столько изменений – столько необходимо, столько сохранения – столько возможно". Г.К. Кальтенбруннер формулирует кредо современных консерваторов следующим образом: "Одной рукой изменять то, что должно, другой сохранять то, что можно". К. никогда не был однородным. Чаще всего он представлял собой совокупность самых разных, порой, противоречащих друг другу тенденций, идей, взглядов. И если в чем-то консерваторы все-таки сходятся, так это в признании основополагающих консервативных ценностей, сформулированных когда-то англичанином Э. Берком в его известной работе "Размышления о революции во Франции". В общем виде они могут быть представлены следующим образом: 1) Религия составляет основу гражданского общества. Человек есть по своей природе существо религиозное и для него более естественно религиозное смирение и работа над собой, нежели политическая и общественная деятельность. 2) Общество представляет собой продукт исторического развития, а не произвольного конструирования. Государство возникает не в результате общественного договора. В политических институтах воплощена мудрость предшествующих поколений, накопленная столетиями. Следовательно и отношение к ним должно быть соответствующим. Изменения, если они назрели, должны осуществляться крайне осторожно. 3) Инстинкты и чувства людей в общественной жизни имеют не меньшее значение, чем их разум. Общественная и государственная жизнь в значительной мере основана на предубеждениях, опыте и привычках. (Предубеждение играет в системе ценностей консерваторов весьма важную роль. Это то, что сформировалось "до убеждения" и имеет скорее инстинктивный, нежели рациональный характер. В предубеждениях нерелексивно выражается истина, проверенная временем, опытом поколений). 4) Общество по своей значимости стоит выше индивида. Именно поэтому права личности неразрывно связаны с ее обязанностями. Зло коренится в природе человека, а не в общественном устройстве, поэтому все планы по коренному переустройству общества безосновательны. Гораздо важнее задача по воспитанию человека. 5) Всякое общество – это прежде всего иерархия социальных слоев, групп, индивидов. Люди друг другу не равны. Неравенство естественно и необходимо. Именно благодаря неравенству осуществляется управляемость и упорядоченность общественной жизни. Все ценное, что создано людьми во всех сферах жизнедеятельности, обусловлено их неравными способностями, талантом отдельных личностей. В дилемме свобода или равенство

безусловный приоритет принадлежит свободе. 6) Существующие формы общественной жизни и государственного управления предпочтительнее неопробованных проектов. Не существует теорий, ведущих к уничтожению всех зол. Стремления уничтожить в обществе всякую несправедливость, как правило, приводят к еще большим бедам. Общество допустимо совершенствовать лишь в рамках возможного. С начала 70-х 20 в. на Западе начинается так называемая "неоконсервативная волна". После сту денческих волнений конца 60-х и шокирующих общественное мнение докладов Римского клуба начала 70-х авторитет "левых" идеологий был заметно подорван, В умонастроениях широких слоев населения происходит сдвиг "вправо". Все большее влияние приобретают неоконсерваторы. Однако в употреблении понятия "неоконсерватор" нет какой-либо научной строгости. В узком смысле оно применялось для обозначения тех интеллектуалов, которые вынуждены были в своих взглядах резко "поправять". По меткому выражению И. Кристола, неоконсерватор это "либерал, схваченный за горло реальностью". Зачастую еще вчера они были либералами и даже социал-демократами, но глобальные проблемы современности, углубление культурного и экономического кризиса, проблемы управляемости демократического государства заставили их мыслить по-новому. Как это ни парадоксально, но мыслить по-новому для многих означало мыслить консервативно. В сущности неоконсерватизм стал попыткой спасти либерально-демократические ценности консервативными средствами. Как пишет Кальтенбруннер, современные консерваторы "консервативны, потому что они либеральны". Эксперименты "левых" коалиций в ряде государств Западной Европы не привели к решению социальных, экономических и культурных проблем общества, а, наоборот, еще более обострили его противоречия. Либеральная демократия со всей очевидностью показала, что она может быть опасной сама для себя. Ее жизнеспособность, по мнению неоконсерваторов, во многом зависит от умения сохранить ценности свободы и демократии в современных условиях. Для этого она должна иметь серьезный противовес в лице сильного государства, способного противостоять партикуляризму отдельных социальных групп. Такое государство призвано обеспечивать сохранение традиционных ценностей, поддержку семьи, религии, образования, культуры. Вместо глобальных проектов по коренному переустройству общества неоконсерваторами предлагалась политика малых конкретных дел, касающихся непосредственных нужд населения в обеспечении порядка, жилищном обустройстве, поддержании морально-психологического климата в семье и т.п. В широком смысле неоконсерватизм представляет собой целый спектр очень разных идейно-политических течений. Как говорил один из видных лидеров германской социал-демократии В. Брандт, "сегодня консервативным характеризуется совершенно разное, подчас взаимоисключающее поведение". Согласно одной типологизаций неоконсерватизма в нем выделяется три основных направления. Во-первых, это ли-бертариизм, как экономоцентрическое течение, представленное именами Хайека, М. Фридмана и всех тех, кто исповедует так называемую философию либертариизма. В ее основе лежит идея свободы индивида от всякого принуждения. Проблема справедливости и равенства рассматривается здесь через призму свободной конкуренции, в которую вступают свободные индивиды в условиях рыночной экономики. Свободный рынок способен сам обеспечить каждому члену общества возможности для проявления своих способностей. Другое направление неоконсерватизма по своей сути является этноцентрическим. Наиболее яркое выражение оно находит в идеологии "новых правых" во Франции (прежде всего в лице их лидера А. де Бенуа) и ставит во главу угла проблемы культуры и этноса. С точки зрения "новых правых", европейская культура должна "вспомнить" о своих кельтско-германских корнях и освободиться от чуждого ей по духу влияния иудейско-христианской традиции. В этом варианте неоконсерватизма особенно отчетливо проявляется то напряжение, которое зачастую имеет место между новыми консерваторами и религией (что принципиально отличает его от классического К.). Чаше всего претензии предъявляются не религии как таковой, а христианству, которое, по мнению многих неоконсерваторов, послужила источником эгалитаристских устремлений, породивших в Европе 19-20 вв. социализм и коммунизм. Третье, и, очевидно, наиболее влиятельное направление в неоконсерватизме ближе всего к К. ортодоксальному. В основе данного течения остается верность традициям, вечным ценностям и институтам. Неотрадиционалистам близки идеи, высказанные когда-то Э. Берком, Ж. де Местром и А. де Токвилем, однако они признают, что "каждое новое поколение нуждается в новом понимании консервативного", т.е. "того, как следует консервативно думать и действовать в данное время". Поэтому помимо классиков К. для анализа общественных проблем они используют новейшие достижения политической и философской антропологии (Гелен), этологии (Лоренц), системных исследований (Луман). Наиболее полно сущность нового К. в Германии выразил Кальтенбруннер, сформулировавший основные постулаты неоконсерватизма в работе "Трудный К.": 1) Приемственность. Это означает создание таких материальных и духовных условий, которые делают возможным сохранение традиций, духовного наследия. Сохранение традиций для неоконсерватора не средство, а сама цель, потому что традиция есть необходимое условие существования общества. Так же как и человеческий организм, сохраняющий, несмотря на отмирание старых клеток, свою структуру, общество сохраняет свою идентичность. И если в первом случае это происходит прежде всего благодаря ДНК, то во втором - традициям. 2) Стабильность. Она выступает в качестве необходимого условия сохранения ценностей в век нарастающих революционных изменений. "Гуманизм заключается еще и в том, чтобы не требовать от человека ежеминутных изменений, начинаний с нуля ради жизни будущих поколений". 3) Порядок. Он выступает гарантом

обеспечения стабильности и преемственности традиций. Демократическое общество не в меньшей мере, чем недемократическое, покоится на авторитете и иерархии власти. Забвение институтов, обеспечивающих порядок - семьи, профессии, права, государства - ведет не к освобождению (эмансипации), а к хаосу и насилию. 4) Государственный авторитет. Дает возможность поддержания порядка и обеспечения управляемости общества. Лишь государство является силой, способной противостоять разрушительному влиянию групповых интересов и предотвратить экологическую катастрофу. Усиление государственной власти диктуется многими внутренними и внешними общественно-политическими задачами. 5) Свобода. В отличие от Руссо, неоконсерватор не верит в то, что "человек рождается свободным". Он рождается зависимым и проживает в зависимости до тех пор, пока не осознает границы своих возможностей. Это осознание позволяет ему включиться в систему объективных общественных взаимосвязей и стать по-настоящему свободным. Разумная свобода, согласно неоконсерваторам, "в значительной мере требует авторитета и порядка". 6) Пессимизм. Недоверие к планам строительства рая на земле. В обществе невозможно достижение абсолютной гармонии и справедливости. Точно так же невозможно и полное искоренение всякого зла. Как правило, из двух зол приходится выбирать меньшее. В.И. Бобрович

КОНСТРУКТ - понятие, вводимое гипотетически (теоретическое) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов (эмпирическое) по правилам логики с жестко установленными границами и правильно выраженное в определенном языке, не предполагающее обязательного установления его онтологического статуса, т.е. не требующее указания на конкретный денотат. Как правило, К. оформляются в зоне перехода от эмпирического знания к концептуальному и обратно и выполняют функции перевода между эмпирическими и теоретическими языками и логиками. По сути, они заполняют обнаруженные и не прописываемые пустоты в структуре знания и не имеют самостоятельного значения вне знания, в котором они сконструированы. К. - искусственные образования со служебными функциями, что наглядно видно на примере таких К. социологии, порождаемых в процессе операционализации понятий, как показатель или индекс. Онтологизация К. (при одновременной его логической и языковой акцентировке) преобразует его в К. В процедурах конструирования действует принцип Рассела: "Везде, где возможно, подставлять конструкции из известных объектов вместо вывода неизвестных объектов". П.У. Бриджмен ввел термин "умственные К.", под которыми понимал модели ситуаций, прямо "не фиксируемых" органами чувств, а данных косвенно - через процедуры вывода. В социологии в аналогичном значении используется понятие операциональных определений, т.е. по сути инструментов, позволяющих перейти от концептуальных построений к наблюдаемым и измеряемым признакам и (через интерпретационную схему) обратно. Г. Маргенау различал "поле конструктов" и соотносимое с ним "поле восприятия" ("первичный опыт"). В феноменологической социологии А. Шютца различаются мысленные объекты, сконструированные в повседневном сознании людей, и К. второго порядка, созданные в социальных науках. Для К., предполагающих (гипотетически) существование соотносимых с ними объектов, процессов или событий, употребляют термин "гипотетические К.". В социологии это К., создаваемые для отображения латентных (скрытых) переменных (типа "ценностные ориентации", концептуализируемые в поле ценностей). Для К., изначально не предполагающих онтологическую аппликацию, употребляют термин "промежуточные переменные". К К. предъявляется ряд требований: 1) возможности логических операций над ними как языковыми выражениями; 2) множественности связей между конструктами в рамках некоего целого; 3) "устойчивости" (т.е. постоянства значений в различных контекстах); 4) экстраполируемости (т.е. возможности их максимально широкого использования помимо породивших их ситуаций); 5) согласованности выражений К. с установленными закономерностями; 6) простоты (что отражается на параметрах теорий, в которые они входят). Специфическое понимание соотношения терминов концепт и К. предложено в этнометодологии. Так, считается, что описание собственной культурной ситуации дается в концептах, восприятие же чужой культурной ситуации - в К. (при возможности переноса на чужую культурную ситуацию собственного концепта по аналогии для заполнения культурных лакун). По отношению же к своей культурной ситуации могут быть использованы чужие К. Над уровнем своих и чужих К. могут конструироваться К. второго и третьего (отношения к отношениям) уровней. В.Л. Абушенко

КОНСТРУКТИВНЫЙ ТИП (и конструктивных типов метод) - теоретическая конструкция (и процедура ее построения), формируемая на основе абстрагирования (так называемая абстракция конструктивизации, т.е. отвлечения от неопределенности границ реальных объектов) и надления особым самостоятельным статусом свойств социальных и культурных событий и изменений. К.Т. и процедура его получения противопоставляются предложенному М. Вебером понятию "идеальный тип" и, соответственно, процедуре его построения. Если идеальный тип понимается как "чисто логическая модель" (идеализированный предмет в логике), то К.Т. - это "абстрактная модель" (абстрактный предмет в логике). В основе построения К.Т. лежат не процедуры идеализации, а абстрагирование, схематизация и

типологизация. Соответственно, если идеальному типу (как чисто мыслительному образованию) может не соответствовать ни один реальный предмет, событие, явление, то К.Т. предполагает коррелирование с референтами. Он опирается на изучение прецедентов, на базе которых и формируется посредством мыслительных процедур, предполагает обозначение границ применения и встроенную внутрь себя размерность, т.е. задает некоторый континуум изучаемого свойства, который может быть шкально выражен (и в идеале измерен). Кроме того, внутри К.Т. могут быть выделены в зависимости от интенсивности проявления изучаемого свойства (и сопутствующих факторов) различные подтипы. Например, мы можем сформировать континуум, в котором находятся все формы традиционного поведения. В качестве теоретического допущения применим тезис о том, что они характеризуются прежде всего двумя признаками, накладывающимися друг на друга, - признак самоценности формы (которая не может быть нарушена ни при каких условиях) и признак обязательной нагруженности символическостью (т.е. традиционные формы предполагают ориентацию не на прямой результат действия, а на их значимостно смысловую составляющую). Тогда внутри континуума может быть задана дихотомическая шкала, один полюс которой - "голая форма", другой - "абсолютный символ", а любая форма традиционного поведения оказывается на шкале или в центре, или ближе к одному из полюсов. Она может быть зафиксирована как самостоятельный подтип традиционного поведения. Например, обряд максимально "стремится" к полюсу символа, а протокол - к полюсу формы. Таким образом, К.Т. - это такая искусственно создаваемая в познавательных целях абстракция, которая позволяет упорядочивать предметный, содержательный материал и выявлять и формулировать критерии его селекции и организации. В этом метод К.Т. во многом близок задачам социологической типологизации, однако он принципиально противоположен процедурам индуктивно-статистической типологизации по задаваемым способам работы. Кроме того, при использовании метода К.Т. важна не столько "наполняемость" (статистические характеристики) выделяемого типа, сколько возможность его наличия (присутствия) среди изучаемой совокупности случаев. В этом от ношении К.Т. занимает промежуточное положение между "идеальным типом" и "статистической типологией", с одной стороны, и является переходной формой между работой в "теории" и работой в "эмпирии". В основание К.Т. заложен ряд гипотез-допущений: 1) предполагается наличие каузальности между действительным поведением (событийностью) и К.Т. по его поводу созданным; 2) учитывается корректирующий фактор сопутствующих условий и факторов (контекст); 3) требуется обязательный выход на уровень данности; 4) К.Т. не описывает единичное, а выявляет именно типичное. Метод К.Т. широко использовался в социологии, особенно в структурно-функциональном анализе (в частности, Парсонсом). Однако его экспликация и обоснование принадлежит американскому социологу Г.П. Беккеру (1899-1960). Кроме того, Беккер, переконструировав типологию социальных действий М. Вебера, применил их для задания шкалы внутри континуума "религиозности-светскости" (полюс "религиозности" представляет комбинаторику веберовских традиционного и ценностно-рационального, в то время как полюс "светскости" - целерационального и аффективного действий).

В.Л. Абушенко

КОНТЕКСТ (лат. contextus - соединение, тесная связь) - квазитекстовый феномен, порождаемый эффектом системности текста как экспрессивно-семантической целостности и состоящий в супераддитивности смысла и значения текста по отношению к смыслу и значению суммы составляющих его языковых единиц. К. структурирует веер возможных аспектов грамматического значения того или иного слова или предложения, посредством чего задается определенность смысла языковых выражений в пределах данного текста. Вне К. языковая единица теряет дополнительные значения, диктуемые общим смыслом текста, утрачивая ситуативную семантическую конкретность и эмоциональную нагруженность, и - "значит лишь то, что значит" (программная характеристика произведения искусства теоретиком раннего экспрессионизма Э. Кирхнером). В языкознании понятие "К." приближается по своему содержанию к понятию системного значения семантически законченного текстового отрывка, обладающего свойством целостности; в математической логике общее понятие "К." дифференцируется на экстенциональный К. (в рамках которого эквивалентность и взаимозаменяемость выражений устанавливается по признаку объема) и интенциональный (где логическая взаимозаменяемость определяется по критерию содержания). Центральный статус понятие К. обретает в постструктурализме и постмодернизме. Трактовка текста как принципиально децентрированного (Деррида) и интерпретация его структуры, подвижно организованной в качестве ризомы (Делез и Гваттари), создают возможность его вариативных деконструкций, порождающих фундаментальную плюральность гипотетически бесконечного числа К. - Конституирование бытия текста в качестве нарратива (см. Нарратив) превращает эту возможность в действительность в процедуре "означивания" (Кристева). Сопряженность семантики текста не с его объективными характеристиками, и не с объективным по отношению к читателю субъективным миром Автора, но с самим читателем (феномен "смерти Автора" - см. Смерть субъекта), предельно расширяет само понятие К., включая в него аксиологические системы отсчета читателя, его культурный опыт (воспринятые культурные коды) и фиксируемые в симулякрах (см. Симулякр) предельно индивидуализированные субъективно-личностные

СМЫСЛЫ.
М. А. Можейко

КОНФИГУРИРОВАНИЕ (лат. *configuratio* - взаимное расположение) - особый логико-методологический прием, мыслительная техника синтезирования разнопредметных знаний, различных представлений об одном и том же объекте. Принципы К. разрабатывались в Московском методологическом кружке (ММК) в связи с проблематикой полипредметного синтеза знаний. Методологами ММК было обращено внимание на то, что вторая половина 20 в. характеризуется выдвижением комплексных, междисциплинарных проблем в различных сферах деятельности. Решение этих проблем связано с необходимостью осуществления теоретического синтеза знаний, выработанных в различных научных предметно-стях. В этой связи в 20 в. выдвигаются и реализуются многочисленные проекты комплексных дисциплин и теорий среднего уровня (кибернетика, эргономика, синергетика, менеджмент и др.), кроме того, таковыми себя осознают и некоторые традиционные дисциплины, например, педагогика. Вместе с тем, отсутствие общих логических и методологических принципов теоретического синтеза знаний, переноса знаний из одной предметной области в другую создает разрыв в социокультурной ситуации, порождает реальные теоретические и практические затруднения в решении социокультурных проблем. Как средство преодоления этого разрыва и возникли принципы К.К. предполагает построение специальной структурной модели конфигуратора. С помощью него многопредметное знание снимается в едином теоретическом представлении некоторого сложного, системного объекта. Конфигуратор служит идеальным изображением структуры объекта, объясняет и обосновывает существующие знания, показывает, проекциями каких сторон объекта они являются. Впервые конфигураторы, как особый класс моделей, выделил В.А. Лефевр. Пусть имеется несколько различных системных представлений одного объекта, причем элементы, на которые расчленяется целое, принципиально разные в различных системных представлениях. Объект как бы проецируется на несколько экранов. Каждый экран задает собственное членение на элементы, порождая тем самым определенную структуру объекта. Экраны связаны друг с другом так, что исследователь имеет возможность соотносить различные картины, минуя сам объект. Подобное устройство, синтезирующее различные системные представления, Лефевр и назвал "конфигуратором". Простой пример конфигуратора - система декартовых координат в геометрии. Соотнесение знаний из различных предметных областей друг с другом не может осуществляться в плоскости самих же знаний, а предполагает их противопоставление объекту. Соотнесение знаний становятся возможным только через построение своего рода онтологии, репрезентирующей действительность объекта как такового (несмотря на то, что статус онтологии может быть приписан одному из частных знаний, существенным является само функциональное и интерпретационное различие знания, относимого к объекту, и онтологии, выступающей в функции изображения объекта как такового). В процессе синтеза знаний, роль такой вспомогательной "онтологии" выполняет конфигуратор. В целом работа с конфигуратором предполагает два типа мыслительных движений: 1) от существующих знаний и теоретических схем к конфигуратору, в целях определения структуры объекта; 2) от конфигуратора к синтезируемым знаниям и теоретическим схемам, в целях их обоснования и интерпретации как проекций, полученных в определенном ракурсе рассмотрения объекта. Осуществление К. требует особой надпредметной организации мышления, которая осознавалась в ММК как специфически методологическая. К. приводит к такому преобразованию теоретических схем и знаний, что их синтез становится возможным. После осуществления синтеза конфигуратор может элиминироваться в структуре теории, но чаще сохраняется в качестве базовой модели и становится основой новой дисциплины.

А.А.Бабайцев

КОНЦЕПТ (лат. *conceptus* - понятие) - содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. К. актуализирует отраженную в понятии онтологическую его составляющую. Р. Карнап поместил К. между языковыми выражениями и соответствующими им денотатами (предметами). Определенным образом упорядоченный и иерархизированный минимум К. образует концептуальную схему, нахождение требуемых К. и установление их связи между собой образует суть концептуализации. К. функционируют внутри сформированной концептуальной схемы в режиме понимания - объяснения. Каждый К. занимает свое четко обозначенное и обоснованное место на том или ином уровне концептуальной схемы. К. одного уровня могут и должны конкретизироваться на других уровнях, меняя тем самым те элементы схемы, с которыми они начинают соотноситься. К. в рамках одной концептуальной схемы не обязательно должны непосредственно соотноситься между собой (но обязательно в рамках целостности, в которую они входят), и далеко не все К. непосредственно соотносятся с соответствующей данной схеме предметной областью (в этом случае значительно стирается их различие с конструктами).

В.Л. Абушенко

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ - процедура введения онтологических представлений в накопленный

массив эмпирических данных; первичная теоретическая форма, обеспечивающая теоретическую организацию материала; схема связи понятий, отображающих возможные тенденции изменения референтного поля объектов, позволяющая продуцировать гипотезы об их природе и характере взаимосвязей; способ организации мыслительной работы, позволяющей двигаться от материала и первичных теоретических концептов ко все более и более абстрактным конструктам, отображающим в пределе допущения, положенные в основание построения картины видения исследуемого сегмента реальности. В первых трех случаях можно говорить о первичном концептуальном объяснении, вводящем в работу с имеющимися данными интерпретационный (распознающий) фактор, отсутствующий в простых первичных эмпирических генерализациях, закрепленный в специально-изобретенном понятии – концепте (типа: "сплоченность", "фрустрация", "конфликт" и т.д.), разворачивающем возможную (ранее по поводу концепта разработанную) объяснительную стратегию. В последнем случае речь идет о выработке концептуальной схемы (модели, знаковой системы) изучаемой области, отражающей лишь самые существенные ее стороны (минимально-необходимый набор исходных концептов-конструктов, позволяющий задавать картину научной реальности). В этом отношении она соотносима с интерпретационной схемой, обеспечивающей движение от концептуальной схемы к эмпирическому базису (введение фактора первичного концептуального объяснения), и обратное движение от уровня данных к их К. в определенной модели. К. как движение в направлении абстрактного соотносится с операционализацией как движением к конкретному. К. позволяет: двигаться ко все более объемлющему объясняемой области фактору ("ослабленный" и "сциен-тизированный" вариант ее понимания); вписывать одно знание в другое, более общее, а в конечном итоге – и в культуру. Концептуальная схема задает теоретическое понимание целостности объекта, поддерживает системные представления о нем в исследовательских процедурах, удерживает смысловое единство внутри научно исследовательского сообщества. Проблематизация или (и) дискредитация сложившейся системы представлений происходит не только под воздействием новых данных, им противоречащих (что ведет скорее к уточнениям концептуальной схемы), но, главным образом, через разрушение задаваемых концептуальной схемой предметностей (а, следовательно, и ее самой). В концептуальных допущениях выявляются неясности, допущения и противоречия, требующие построения нового предмета и он тологизирующей его новой концептуальной схемы (в этом смысле нахождение предмета изучения и исследования есть видение объекта в свете концептуальных предпосылок, вытекающих из накопленного знания, или обнаруженного незнания). Цель К. – обозначить универсум возможных на данный момент способов работы на теоретическом уровне (в том числе обеспечение внутренней связности используемых концептов и конструктов), предложить "оптику", т.е. видение предметных полей работы в исследовательском режиме, а также задать представление об уровне организации знания. Сама концептуальная схема имеет как правило, многоуровневый характер, внутри нее складывается сложная сеть взаимоотношений концептов, не обязательно непосредственно связанных между собой. Таким образом, концептуальную схему можно определить как определенную совокупность гипотез и предложений (допущений) о природе исследуемых объектов, основанную на имеющихся теоретических выводах и заключениях, схватывающую тенденции и зависимости (законы) между отдельными компонентами исследуемой области и соответствующую сложившейся системе понятий и позволяющую выходить (через интерпретационную схему) на уровень эмпирической работы с заданными предметами (установление внешних связей понятий). Большинство стан дартных теоретических проблем формируется и так или иначе разрешается преимущественно на уровне концептуальных схем (с подключением схем интерпретационных), служащих универсальным средством теоретического описания (изложения). В рамках структуры научной теории концептуальная схема переформулируется как фундаментальная (или частная) теоретическая схема. Хорошая теоретическая (концептуальная в целом) схема должна иметь минимум исходных концептов и утверждений и продуцировать из себя максимально много следствий. Как предельно широкую концептуальную схему в принципе можно трактовать и научную картину мира.

В.Л. Абушенко

КОНЦЕПТУАЛИЗМ (лат. *conceptus* – понятие) – умеренное направление средневековой традиции номинализма, занимающее в вопросе об универсалиях позицию трактовки последних в качестве содержащихся в человеческом сознании имен (*nomina*) соответствующих объектов, однако предусматривающее при этом наличие реально существующих общих признаков единичных предметов в качестве основания для объединения их в класс, фиксируемый в общем понятии (*conceptus*). Фундирующие К. идеи впервые были высказаны еще в рамках стоицизма; в качестве особого направления философии мысли К. конституируется в контексте такой ветви средневековой философии, как схоластика: основоположник – Петр Абеляр; наиболее последовательный представитель – Иоанн Солсберийский. К. Абеляра оформляется под воздействием взглядов двух его учителей – Росцелина и Гийома из Шампо, т.е. наиболее радикальных выразителей позиций номинализма и – соответственно – реализма. Преодолевая крайности последних, Абеляр полагает невозможным считать универсалии ни субстанциальными сущностями вещей (ибо в этом случае необходимо было бы выводить альтернативные акциденции из единой субстанции: например, телесность и духовность из сущности человека), ни только звучанием голоса, *flatus vocis* (ибо даже

имена представляют собой не просто звук, vox, но семантически наполненное слово - sermo). Таким образом, универсалии не воплощены в вещь субстанциально, но в последней присутствуют признаки, выражающие не только истинную сущность вещи, но и частные ее проявления, - именно эти признаки позволяют отнести вещь к тому или иному множеству, выражаемому универсалией как именем. По Абельяру, универсалия как общее понятие есть результат деятельности человеческого ума, обобщающего реальные свойства (признаки) вещей, характеризующихся одним и тем же "состоянием" (status), и при анализе процесса возникновения универсалии Абельяр делает акцент на чувственном опыте, не выделяя его, однако, из общесинкретической познавательной процедуры в качестве самостоятельного этапа или - тем более - акта: непосредственно в сенсорном процессе ум отвлекается от сугубо индивидуальных и неповторяемых свойств объекта, адсорбируя интегральные признаки, позволяющие объединять вещи в тот или иной status. Иначе говоря, универсалии оформляются в чувственном опыте посредством абстрагирования. В отличие от Абельяра, Иоанн Солсберийский, чьи взгляды оформились во многом под воздействием Цицерона и античного скептицизма, проанализировав все представленные в схоластике варианты решения проблемы универсалий, высказывает мнение о ней как об основополагающей для философии, а потому не имеющей финального решения. Полагая модель К. наиболее приемлемым вариантом ее интерпретации, Иоанн Солсберийский придерживался именно ее, не считая, однако, вопрос закрытым и допуская возможность плюрализма иных его решений. Предполагая наличие трех источников достоверного знания (чувства, разум и вера), он дифференцирует в рамках К. предложенный Абельяром когнитивный синкретизм, фиксируя не только специфические познавательные функции как чувственно-опытного, так и рационально-логического ("диалектического") познания, но и необходимую взаимодополняемость эмпирических и рационально-теоретических источников знания: "если диалектика облегчает изучение других наук, то, оставшись наедине с собой, она становится бессильной и бесплодной. Ибо если нужно оплодотворить душу для того, чтобы принести плоды философии, она должна зачать извне". Этот значимый для разворачивания гносеологической проблематики импульс дифференциации сохраняется и в философии Нового времени. К. не только был развит новоевропейской философией (Локк, Гельвеций, Кондильяк), но и послужил также основой становления гносеологической программы синтеза уже концептуально конституировавшихся эмпиризма и рационализма, предусматривающей сенсорный способ получения исходных данных опыта и их последующую комбинаторику и обобщение рациональным путем. Таким образом, универсалии являются в контексте данной парадигмы результатом деятельности "разума, который из наблюдаемого между вещами сходства делает предпосылку к образованию отвлеченных общих идей и устанавливает их в уме вместе с относящимися к ним именами" (Локк). В этой проекции К. может быть оценен не только как умеренный вариант номинализма, но и как парадигмальная установка, объективно задающая перспективу снятия альтернативы реализм - номинализм, задавая более конструктивный синтетический метод решения проблемы общих понятий. См. также: Универсалии, Номинализм.

М.А. Можейко

КУН (Kuhn) Томас Сэмюэл (1922-1996) - американский философ и историк науки, один из лидеров современной постпозитивистской философии науки. В отличие от логического позитивизма, занимавшегося анализом формально-логических структур научных теорий, К. одним из первых в западной философии акцентировал значение истории естественности как единственного источника подлинной философии науки. Проблема исторической эволюции научных традиций в астрономии была посвящена первая книга К. "Коперниканская революция" (1957), где на примерах птолемеевской и сменившей ее коперниканской традиций К. впервые осуществил реконструкцию содержательных механизмов научных революций. Коперниканский переворот при этом рассматривается им как переход научного сообщества к принципиально иной системе мировидения, что стало возможным благодаря не только внутринаучным факторам развития, но и различным социальным процессам ренессансной культуры в целом. Свою конкретизацию и наиболее яркое выражение позиция К. нашла в его следующей книге "Структура научных революций" (1962), которая инициировала постпозитивистскую ориентацию в современной философии науки и сделала К. одним из ее наиболее значимых авторов. Анализируя историю науки, К. говорит о возможности выделения следующих стадий ее развития: допарадигмальная наука, нормальная наука (парадигмальная), экстраординарная наука (вне-парадигмальная, научная революция). В допарадигмальный период наука представляет собой эклектичное соединение различных альтернативных гипотез и конкурирующих научных сообществ, каждое из которых, отталкиваясь от определенных фактов, создает свои модели без особой апелляции к каким-либо внешним авторитетам. Однако со временем происходит выдвижение на первый план какой-то одной теории, которая начинает интерпретироваться как образец решения проблем и составляет теоретическое и методологическое основание новой парадигмальной науки. Парадигма (дисциплинарная матрица) выступает как совокупность знаний, методов и ценностей, безоговорочно разделяемых членами научного сообщества. Она определяет спектр значимых научных проблем и возможные способы их решения, одновременно игнорируя не согласующиеся с ней факты и теории. В рамках нормальной науки прогресс

осуществляется посредством кумулятивного накопления знаний, теоретического и экспериментального усовершенствования исходных программных установок. Вместе с тем в рамках принятой парадигмы ученые сталкиваются с рядом "аномальных" (т.е. не артикулируемых адекватно в рамках принятой парадигмы) фактов, которые после многочисленных неудачных попыток эксплицировать их принятым способом, приводят к научным кризисам, связанным с экстраординарной наукой. Эта ситуация во многом воспроизводит допарадигмальное состояние научного знания, поскольку наряду со старой парадигмой активно развивается множество альтернативных гипотез, дающих различную интерпретацию научным аномалиям. Впоследствии из веера конкурирующих теорий выбирается та, которая, по мнению профессионального сообщества ученых, предлагает наиболее удачный вариант решения научных головоломок. При этом приоритет той или иной научной теории отнюдь не обеспечивается автоматически ее когнитивными преимуществами, но зависит также от целого ряда вненаучных факторов (психологических, политических, культурных и т.п.). Достижение конвенции в вопросе выбора образцовой теории означает формирование новой парадигмы и знаменует собой начало следующего этапа нормальной науки, характеризующегося наличием четкой программы деятельности и искуственной селекцией альтернативных и аномальных смыслов. Исключение здесь не составляет и тот массив знаний, который был получен предшествующей историей науки. Процесс принятия новой парадигмы, по мнению К., представляет собой своеобразное переключение гештальта на принципиально иную систему мировидения, со своими образами, принципами, языком, непередаваемыми и несоизмеримыми с другими содержательными моделями и языками. Видимость кумулятивной преемственности в развитии знания обеспечивается процессом специального образования и учебниками, интерпретирующими историю науки в соответствии с установками, заданными господствующей парадигмой. В силу этого достаточно проблематично говорить о действительном прогрессе в истории естествознания. Усовершенствование и приращение знания отличает только периоды нормальной науки, каждый из которых формирует уникальное понимание мира, не обладающее особыми преимуществами по сравнению с остальными. К. предпочитает говорить не столько о прогрессе, сколько об эволюции (наподобие биологической), в рамках которой каждый организм занимает свою нишу и обладает своими адаптационными возможностями. Куновская интерпретация научного прогресса вызвала всплеск критических публикаций, и его последующие работы были связаны с уточнением исходных положений, сформулированных в "Структуре научных революций". В своей монографии "Теория черного тела и квантовая прерывность. 1894-1912" (1978) К. анализирует социально-психологические и теоретико-методологические факторы революции в квантовой физике, на примере которой показывает парадоксальную перманентность революционных открытий, психологию гештальт-переключения при создании новых научных сообществ. Концепция К. оказала огромное влияние на современную философию науки. Обоснованные им историко-эволюционистский подход, антикумулятивизм, идея о социокультурной обусловленности научного познания (экстернализм), введенные понятия парадигмы и научной революции в значительной степени способствовали преодолению неопозитивистской традиции в философии науки и оформлению постпозитивизма, социологии и психологии науки.

Е.В. Хомич

ЛАБИРИНТ – образ-метафора постмодернизма – один из центральных элементов системы понятий философского миропонимания Борхеса (см. эссе: "Сад расходящихся тропок", 1944; "Дом Астерия", 1949; "Абенхакан эль Боха-ри, погибший в своем лабиринте", 1949 и др.) и Эко (см.: "Имя розы", 1980; "Заметки на полях "Имени розы", 1983; "Путешествия в гиперреальности", 1987; "Пределы Интерпретации", 1990; "Остров прежнего дня", 1994; "Поиск совершенного языка", 1995 и др.). У Борхеса выступал, в частности, своеобразной моделью вселенского мироустройства: мир суть Вавилонская библиотека, охватывающая "все возможные комбинации двадцати с чем-то орфографических знаков (число их, хотя и огромно, не бесконечно) – или все, что поддается выражению – на всех языках". Согласно Борхесу, такое "книгохранилище" – это Л. или Система, архитектоника которой обуславливается собственными правилами – законами предопределения, высшего порядка, провидения. Вселенная-библиотека у Борхеса структурна, ибо периодична: "Если бы вечный странник пустился в путь в каком-либо направлении, он смог бы убедиться по прошествии веков, что те же книги повторяются в том же беспорядке (который, будучи повторенным, становится порядком: Порядком)". Восприняв борхесовскую идею Л. как образно-знаковую модель Универсума, Эко ("Имя розы") выстраивает своеобразную "двойную метафору – метафору метафоры", акцентированно изображая библиотеку аббатства как Л., недоступный и недоступный для непосвященных. Монастырское книгохранилище у Эко – своего рода мировой план, в котором любому помещению (в зависимости от его месторасположения) присвоено символическое географическое наименование: по замечанию одного из центральных персонажей, "библиотека действительно построена и оборудована по образу нашего земноводного шара". Пожар, уничтоживший библиотеку, у Эко – это не столько воображаемая на знаковом уровне процедура разрушения борхесовского Л. в результате теоретической и аксиологической полемики, сколько символ смены доминирующей парадигмы мироописания как итога интеллектуальной революции постмодерна. По мнению Эко ("Заметки на полях "Имени розы"), борхесовский Л. Вселенной системен и структурен, выход из него

предопределен самим фактом его существования: в нем нет разветвлений и тупиков, отсутствует ситуация перманентного выбора, ибо блуждающий в нем – это фатальный в состоянии пассивной зависимости от прихотей и причуд творца Л. (Таковыми Л. в истории человечества, нередко понимаемой Эко как история мысленного конструирования людьми возможных миров, являлись: а) безальтернативный Л. Минотавра, в котором было в принципе невозможно заблудиться, ибо все дороги вели (безразлично – с помощью нити Ариадны или без оной – к неизбежной развязке – встрече с Минотавром); б) "маньеристический", по Эко, Л., состоящий из разветвленных коридоров со множеством тупиков – выход из которого в конечном счете достижим через конечное число проб и ошибок). Постигнув физиологическую, психологическую или ментальную организацию их создателей – можно проникнуть в тайну самих Л.: герои романа Эко разгадали загадку Л. "извне", а не "изнутри". Скорее мировоззренческий, нежели сюжетный вывод Эко оказался достаточно категоричен: "Хорхе не смог соответствовать собственному первоначальному замыслу". Согласно Эко, подлинная схема Л. мироздания – это "ризомы", устроенная так, что в ней "каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична". Путешествие в таком Л. – является собой ситуацию постоянного выбора, облик создателя такого Л. куда менее значим: мир такого Л. не достроен до конца, не подвластен даже предельному рациональному пониманию: "Пространство догадки – пространство ризомы" (Эко). Сопряжение "ризомы" и "структуры", с точки зрения Эко, невозможно и немислимо – это понятия-антиподы. Постмодернистский Л. ризомы призван сменить традиционалистский, классический Л. мироподобной библиотеки Хорхе Бургосского, прототипом которого для Эко был сам Борхес. Истоки идеи Л. ризомы Эко усматривал в парадигме устройства мироздания средневекового герметизма, а именно в идее о том, что мир целиком отражается в любом своем конкретном проявлении ("принцип всеобщего подобия"), вкупе с отказом от закона причинной обусловленности, результирующимся в трактовке Универсума как "сети переплетающихся подобий и космических симпатий". Семи-озис в рамках герметизма, по Эко, органично допускает и фундирует "герметический дрейф" – "интерпретативный обычай, преобладавший в ренессансном герметизме и основывающийся на принципах универсальной аналогии и симпатии". Последний на уровне интеллектуальной практики является собой бесконечный переход "от значения к значению, от подобия к подобию, от связи к другой связи": знак, тем самым, по Эко, оказывается чем-то таким, посредством познания которого мы постигаем "нечто иное" (ср.: посредством познания знака мы постигаем "нечто большее", по Пирсу). Историческим коррелятом "герметического дрейфа" в предельных его версиях Эко полагал поиск источников бесконечных значений в процедурах каббалы, отдавая предпочтение "процессу свободного лингвистического творения" или "экстатической каббале" (когда почетное место между Текстом и Богом занимал Толкователь) перед "теософической каббалой" (когда посредником между Богом и Толкователем выступал Текст). Пророка наступление Зона (см. Зон) Ризомы, Эко не пренебрег постановкой ряда очевидных проблем: Бесконечна ли ризома? Допустима ли акцентированно безграничная и беспредельная иерархия смыслов и значений применительно к миру людей, понимаемому и интерпретируемому в качестве особого Текста, особого Мира Знаков? Насколько продуктивен в предельных своих проявлениях сопряженный с бытием этого мира бунт Означающего против тирании Означаемого? Отталкиваясь от экстравагантных мистических опытов герметизма и оккультизма, продуцируя мыслимый диапазон траекторий человеческих судеб в Л. пространства ризомы, Эко пришел к выводу ("Маятник Фуко", "Остров прежнего дня"): семиозис в игровой форме есть и безусловно должен быть ограничен. "Рамки" гиперпространства ризомы задаются предельно артикулированной сакральной осмысленностью жизни и ее смыслов: только "о-смысленный", по Эко, семиозис – нить из бес-смысленного ризоматического Л. "Рождение Читателя оплачено смертью Автора" (Барт). Для человека не может быть ситуации невозможности преодоления Л. – есть неизбежная проблема цены этого. (См.: Борхес, Эко, Ризома, Смерть субъекта).

А. А. Грицинов

ЛЕВИ-СТРОСС (Levi-Strauss) Клод (р. 1908) – французский этнолог и социолог, положивший начало структуралистским исследованиям в области культурологии. Профессор университета в Сан-Паулу (1935-1938), зам. директора Антропологического музея в Париже (1949-1950), профессор Коллеж де Франс (с 1959). Член Французской академии (1973). Основные сочинения: "Структурная антропология" (1958), "Мифологии. Тт. 1-4" (1964-1971), "Структурная антропология – 2" (1973), "Структура мифов" (1970), "Колдун и его магия" (1974) и др. Неудовлетворенный субъективизмом господствовавшей в середине 20 века во Франции экзистенциальной философии, Л.-С. обращается к этнографии и антропологии. Его интерес к изучению объективированных форм и внесознательных детерминант человеческой психики предопределили теоретические установки, с одной стороны, Маркса и Фрейда, с другой – Дюркгейма, американской (Боас, Кребер) и английской (Малиновский, Рэдк-лифф-Браун) школ антропологии. Непосредственный методологический импульс новаторские изыскания Л.-С. получили из структурной лингвистики (Якобсон и др.) – прежде всего в виде фонологического метода. Значение

последнего Л.-С. видел в: 1) переходе от изучения сознательных явлений к исследованию бессознательного их базиса; 2) отказе рассматривать члены отношений в качестве автономных независимых сущностей и преимущественном анализе отношений между ними; 3) введении понятия системы; 4) выявлении - впервые - социальной наукой "необходимых" отношений. Преодолевая узкоэмпирический подход, Л.-С. делает два базисных допущения: о существовании "другого плана" действительности, лежащего в основании наблюдаемой в опыте реальности, и типологического сходства феноменов культуры и явлений языка. Специфика складывающейся на этой основе концепции универсальной структуры заключается в понимании бессознательного как формальной матрицы (по типу двоичного кода), элиминирующем содержательные моменты его классической психоаналитической версии, а также в предположении всеобщности такой пустотной формы для организации различных уровней социальной жизни. Общество, в соответствии с этим, рассматривается с позиций семиотики и теории информации, как полиморфная система коммуникаций (противоположных полов, имуществ, лингвистических знаков), имеющих инвариантом фундаментальное означаемое в форме бинарных оппозиций. Задачей структурного анализа, таким образом, является считка разнообразных символических культурных форм (искусство, религия и т.д.) как кодов этого архетипического языка. Проблематика кодирования столкнулась с новым подходом Л.-С. к оценке первобытного мышления. В отличие от "теории прелогизма" Леви-Брюля, выделявшего коллективные формы мышления архаических народов в качестве "дологического мышления", Л.-С. полагает, что "человек всегда мыслил одинаково хорошо". В результате применения особых процедур поиска и моделирования единиц мифа ("мифем") Л.-С. делается вывод о присутствии в нем позитивной логики в форме структуры мифов, функционирующей в режиме медиации (опосредования) основных жизненных противоречий. Разрыв между мыслью о предметах и самими предметами, по Л.-С., заполняется магическим мышлением, что обеспечивает слитность чувственного и рационального в опыте первобытного коллектива. Поэтому сам факт звучания слова воспринимается "в качестве немедленно предлагаемой ценности", благодаря чему сама речь на равных правах включается в обменные процессы первобытного коллектива, организма, выступая специфической естественной идеологией. Современные же рациональные идеологии выполняют функции поставщиков чувства безопасности и гармонии для социальных групп гораздо менее эффективно. В итоге у Л.-С. складывается идеал своеобразного первобытного "сверхрационализма". Несмотря на исключительное воздействие на интеллектуальную ситуацию во Франции и за ее пределами, а также большой вклад во многие конкретно-научные области знания работы Л.-С. получали очень неоднозначную оценку. Подвергались обширной и аргументированной критике его попытки возвести выявляемые структуры человеческого интеллекта в ранг универсального объяснительного принципа, компьютерная утопия исчисления социальных закономерностей, ограниченность исследований закрытыми и внеисторичными системами устойчивого значения.

А.А. Горных

ЛЕГИТИМНОСТЬ (лат. *legitimus* - законный) - в широком смысле - признание, объяснение и оправдание социального порядка, действия, действующего лица или события. В правоведении противопоставляется легальности (собственно законности) как обладающая не юридической, но моральной функцией оправдания прежде всего власти по критериям авторитета и целей. М. Вебер ввел понятие "признания" в социологию, преобразовав его в категорию "ориентации на другого", таким образом признание оказалось конститутивным моментом социального действия как такового. "Ориентация на другого" как основание социального действия понимает и принимает "всеобщее" социального порядка лишь постольку, поскольку "всеобщее" признается отдельными индивидами и ориентирует их реальное поведение. Понятие Л. оказывается необходимым для социологического исследования общества и используется Вебером при установлении типов легитимного господства, такого, которое признается управляемыми индивидами. Л., следовательно, есть не свойство социального порядка, но свойство определенного представления о нем. Процесс легитимации обнаруживает себя составляющим репрезентативной культуры (в определении Ф. Тенбрука), способствуя восприятию мира и социальной действительности как "должного". Легитимация объясняет социальный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным значениям; легитимация оправдывает социальный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам, то есть включает когнитивный и нормативный аспекты. Проблема Л. не есть только проблема ценности, она с необходимостью включает также и знание, а именно знание того, что и каким образом может быть сказано и сделано в культуре или сообществе. Функцию легитимации или признания принимает социальный универсум, впитавший различные области значений и теоретических конструкций, включающий институциональный порядок во всей его символической целостности и предполагающий возможность существования различного понимания его смысла, каждый из которых социально значим, и, следовательно, представляется легитимным определенным социальным группам, ориентирующимся на него в реальном поведении.

С.А. Радионova

ЛИБЕРАЛИЗМ (лат. *liberalis* - свободный) - социально-политическое учение и общественное движение, основной идеей которого является самодостаточная ценность свободы индивида в экономической, политической и др. сферах жизни общества. Впервые либералами назвали группу людей, готовивших текст конституции в Испании (1812). В Европе понятие Л. связано с классическими теориями английских политэкономов, в которых развивалась мысль о невмешательстве государства в экономику. Л. выступал за развитие личной инициативы индивидов, свободу торговли, свободное ценообразование и оплату труда, которые образуются в процессе конкуренции между товаропроизводителями на рынке. Традиционно первые либеральные идеи относят к эпохе античности, в частности, к учению Сократа об истине и его взглядам на справедливое государство. Позднее римскими стоиками развивалась идея об универсальной природе человека, а их этическое учение о внутренней духовной свободе личности и естественном праве вновь привлекло внимание многих философов и политических мыслителей 17-18 вв. В 17 в. критические философские взгляды Декарта, Милтона и Спинозы на государство, на человека как существо социальное и рациональное, на религию, на право и т.д. предопределили характер развития либеральных идей в Европе. Немаловажную роль сыграло и протестантско-реформаторское движение, выступившее с требованием свободы вероисповедания. Религиозное мировоззрение стало ослабевать в последовавший век расцвета знаний и научно-технических открытий, которые были положены в основу развития капиталистического производства. Буржуазные революции в Англии и Франции 17-18 вв. привели к разрушению феодальных отношений, падению абсолютизма и ограничению привилегий аристократии, а также к появлению нового торгово-промышленного класса - буржуазии. С возникновением этого класса начинается период развития капитализма, которому и в идеологии, и в экономике, и в политике соответствует определенная система ценностей, воплотившаяся в Л. Последний увидел в государстве потенциальную угрозу свободе индивида в обществе. Идеи античных мыслителей и их последователей о естественных правах индивида, о правовом государстве - конституционном правлении, основанном на разделении исполнительной, законодательной и судебной власти, неотъемлемых правах человека на свободу слова, вероисповедания, объединения в политические организации составили политическое кредо Л. Главным принципом Л. является не абсолютная свобода вообще (ни одна форма правления не допускает абсолютной свободы, - писал Локк), а максимальная свобода мыслить, исповедовать любую религию, высказывать и обсуждать личные взгляды, организовываться в партии, заниматься предпринимательской деятельностью, продавать товары (в том числе собственный труд) и получать вознаграждение, выбирать себе правителей, а также новую форму государственного устройства, если наличная противоречит свободному развитию общества. Согласно взглядам Локка и Руссо, человек обладает естественным правом на максимальную свободу, и государство обязано ее защищать, в равной мере как люди вправе защищать свою свободу от государства. Последовательными сторонниками подобных взглядов являлись Юм, Кант, Т. Джефферсон, Б. Франклин, Монтескье, Кондорсе и др. Идеи естественного права нашли свое отражение в американской Декларации независимости (1776), во французской Декларации прав человека и гражданина (1789), а также во Всеобщей декларации прав человека. Историческая идея свободы связана с отношениями людей к собственности, которая определяет их социальное положение и размеры получаемых ими социальных благ. Моральная дилемма отношения индивидов к социальным благам, которую пытались решить философы и просветители, была впервые осмыслена в контексте современного ему общества А. Смитом. Он считал, что система, основанная на естественной свободе индивида, свободе рынка и конкуренции ведет к благосостоянию народа. В свободной конкуренции корыстолюбивых индивидов он видит источник экономического роста, социального порядка и общественного блага. Индивидуализм ведет не к хаосу, а к порядку и процветанию. В труде "Богатство народов..." Смит высказывает мысль о том, что рынок регулируется самостоятельно в процессе конкуренции частных товаропроизводителей, и через него лежит путь к экономическому росту и изобилию. Д. Рикардо (1772-1823) увидел в накоплении капитала пружину экономического роста. Экономическая политика должна быть направлена на то, чтобы облегчить и способствовать такому накоплению. Он был убежден, что экономическая свобода содействует получению максимальных прибылей, которые могут стать основным источником инвестируемого капитала. Предпринимательство ведет к максимальному экономическому росту, ибо прибыль составляет основу накоплений, которые необходимы государству для развития. В "Трактате по политической экономии" (1803) Ж.Б. Сэйем был сформулирован закон рынка, согласно которому в экономике не может быть дефицита и избытка товаров. Если в одной отрасли экономики возникает перепроизводство, а в других недопроизводство, то падение цен в одних отраслях и увеличение в других заставляет предпринимателей искать способы к исправлению положения. Люди производят товары для обмена. Таким образом само производство порождает спрос и не может не удовлетворять его. Вентам, Милль и др. были сторонниками создания социальной системы, основанной на демократических принципах правления большинства. По мнению Вентама и его последователей, такая социальная система способна максимально увеличить всеобщее благосостояние и распределить его по возможности справедливее. Утилитаристская философия Вентама значительно отличается от классических либеральных взглядов 18 в., провозглашавших свободу индивида как конечную цель общественной политики. Он увидел возможности потенциального конфликта в идее, что только деятельность индивида может

способствовать благосостоянию. Возможно, например, что действия преследующего личные цели человека может повредить другому и таким образом ограничить его свободу. К тому же, человеческое общество организовано созданными самими же людьми социальными институтами. Сознательная деятельность людей может способствовать и появлению социальных форм, которые позволят им жить справедливее. Таким образом, классический Л. через утилитаризм Бентама допускает вмешательство государства в общественную жизнь ради социального блага. Экономический Л. выступает за свободу предпринимательской деятельности, право частной собственности, право на наследство, свободную конкуренцию и невмешательство государства в экономическую деятельность индивидов. Главную задачу государства он видит в том, чтобы оно не препятствовало развитию инициативы и предприимчивости субъектов экономической деятельности, а помогало им. Государство не должно посягать на экономическую свободу, а поддерживать тех, кто взял на себя ответственность и риск за собственное дело. Угрозы, ограничения и жесткие законы еще никогда не способствовали эффективному развитию экономики, а приводили к противоположному результату. Если ограничена свобода индивидов в праве выбора рода деятельности, в праве создавать промышленные или коммерческие предприятия, едва ли можно говорить о либеральной экономике вообще. Л. стремится максимально ограничить вмешательство государства в экономику и видит основными субъектами экономической жизни частные лица. Политический Л. признает за гражданами право на участие в государственной жизни, которое реализуется в процессе выборов главы государства, представителей центральных и местных органов государственной власти, а так же право объединяться в общественные, политические, профессиональные и др. организации, партии. Гражданам гарантированы свобода совести, слова, печати, право выбора места жительства. Хотя политический Л. и связан с идеей демократического государства, либеральная экономика совместима и с авторитарными формами политической власти. Неоклассическая либеральная экономическая теория, появившаяся в конце 19 в., нашла свое логическое обоснование в концепции чистой капиталистической экономики Л. Вальраса (1834-1910). Вальрас стремится выйти за пределы специфических социальных и политических реальностей и рассматривать исключительно проблемы производства и распределения ресурсов. Однако теоретически концепция Вальраса не смогла объяснить неустойчивое развитие капитализма в период между двумя мировыми войнами. Крупнейший английский экономист и политический деятель Дж.М. Кейнс (1883-1946) восполнил этот пробел и предложил новую экономическую теорию, направленную на сохранение и оживление рыночной экономики в Европе. Согласно Кейнсу, капитализм нестабилен, ему имманентно присуща тенденция к стагнации, сопровождающаяся хронической безработицей. Поэтому государственное вмешательство в сферу экономики необходимо, чтобы капиталистическая экономика функционировала эффективно. Кейнс является сторонником активной роли государства в сфере финансов, полагая что внимание государства к расходам правительства, налоговой системе, внешнему долгу, а также к поддержанию равного соотношения между накоплениями и расходами может содействовать стабилизации цен и экономики. В послевоенное время в экономических теориях утверждается взгляд, согласно которому государство путем создания расходной части бюджета и налогообложения может добиться устойчивости экономики и преодолеть тенденцию к стагнации и безработице. Последователи Кейнса также признают необходимость государственного регулирования капиталистической экономики. Современные неолиберальные экономические концепции (Фридман, Хайек, А. Лепаж) исходят из того, что не капитализм исчерпал свои возможности, а вмешательство государства в течение последних десятилетий препятствовало нормальному функционированию капитализма. По их мнению, подлинного капитализма еще нет, он появится лишь тогда, когда функционирование экономики станет в достаточной степени либеральным. Капиталистическая экономика, в основе которой лежит конкуренция, саморегулируется под действием закона спроса и предложения. Таким образом, вмешательство государства в экономику должно ограничиваться уважением законов функционирования капитализма. Л. является осознанной альтернативой авторитарно-марксистским взглядам на государство и его роль в экономической и политической жизни общества.

В.С. Тарасов

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ – термин, описывающий ситуацию, сложившуюся в философии в первой трети – середине 20 в. и обозначающий момент перехода от классической философии, которая рассматривала сознание в качестве исходного пункта философствования, к философии неклассической, которая выступает с критикой метафизики сознания и обращается к языку как альтернативе картезианского *cogito*. Л.П. или языковая революция нашел выражение в лингвистической философии Витгенштейна ("Логико-философский трактат"), феноменологии Гуссерля ("Логические исследования"), фундаментальной онтологии Хайдеггера, неопозитивизме. Основными чертами Л.П. являются отказ от гносеологической и психологической проблематики, критика понятия субъекта, обращение к исследованию смысла и значения, замена понятия истинности понятием осмысленности, стремление рассматривать язык как предельное онтологическое основание мышления и деятельности, релятивизм и историзм. Первая волна Л.П. приходится на 1920-е и представляет собой разнообразные попытки прояснения и реформирования языка в соответствии с законами логики, которая трактуется как единая структура

действительности. Гуссерль, Витгенштейн, Хайдеггер рассматривают обыденный язык как источник заблуждений и философских проблем, как нечто не подлинное, и противоставляют ему язык, упорядоченный в соответствии с законами логики, верифицированный в соответствии с фактами или язык, как язык искусства. Подобный подход может быть описан как метафизика языка, т.к. он сохраняет основные установки эпохи Нового Времени, которая со времен Декарта выдвигала разнообразные проекты улучшения языка. Вторая волна Л.П. приходится на 40-50-е, когда проекты улучшения языка заменяются исследованием и описанием различных типов языка в его обыденном функционировании. Структурализм, герменевтика, лингвистическая философия акцентируют свое внимание на контекстах и предпосылках высказываний, на объективированных структурах языка вне связи с субъектом. Идея единого совершенного языка заменяется понятиями различия, многозначности, историчности оснований языка, описанием его политических и социальных функций.

А, В. Филиппович

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ КОНЦЕПЦИЯ (в узком смысле концепция Э. Сепира - Б. Ли Уорфа) - теория зависимости стиля мышления и фундаментальных мировоззренческих парадигм коллективного носителя языка от специфики последнего. Сыграла значительную роль в становлении современной философии языка, предельно актуализировавшись в философии постмодерна. Философские идеи, отводящие языку детерминирующую роль в отношении специфики форм духовной деятельности, были высказаны еще в рамках предромантической философии 18 в.: язык как перманентная процессуальность духовного творчества (Гумбольдт), строй языка как форма развития человеческого духа (Гердер). На базе этого был эксплицитно сформулирован тезис о том, что "язык народа есть его дух, а дух народа есть его язык", и в этом смысле "каждый язык есть своего рода мировоззрение" (Гумбольдт). Близкие идеи были высказаны также и в классическом языкознании: "в лингвистике предмет вовсе не предопределяет точек зрения; напротив - можно сказать, что здесь точка зрения создает самый предмет" (Соссюр); младограмматиками был сформулирован радикальный тезис о том, что "на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов" (Г. Пауль). В системном виде Л.О.К. была конституирована в рамках американской школы этнолингвистики, идеи которой, будучи основанными на компаративной традиции и, в частности, на сравнительно-исторической парадигме в языкознании, во многом были инициированы практикой изучения языка и культуры североамериканских индейцев (прежде всего, языка индейцев племени такелма из штата Орегон и др.). На основе подхода к языку как к одному из компонентов культуры Сепиром была зафиксирована прямая связь и типологическая гомогенность языковой и соответствующей ей (с точки зрения носителя языка) социокультурной среды. На этом фундаменте Сепир высказал мысль о том, что "...реальный мир" в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы". Последующая аппликация этой идеи Ли Уорфом на проблему детерминации нормативных структур культуры, определяющих базовые для культуры поведенческие программы, придала гипотезе Сепира характер универсальной социально-психологической объяснительной парадигмы. Язык выступает в ее рамках как медиатор между индивидуальным мышлением и социальной процессуальностью, задающий не только мыслительные гештальты и генеральные горизонты мироинтерпретации, но и нормативные структуры поведения. Таким образом, типология общественной жизни может и должна быть объяснена, исходя из вариативности культур, выражающих себя на различных языках, в этой связи в рамках Л.О.К. оформляется гипотетическая модель развития мировой культуры, базирующаяся на том допущении, что в основу ее развития могла бы быть положена не индо-европейская языковая матрица и соответствующий ей европейский рационально-логический де-дуктивизм и линейная концепция необратимого времени, а радикально иной языковой материал: предполагается, что это привело бы к формированию мировой культуры принципиально иного типа (ср. с неокантианской трактовкой языка как фундаментальной смыслополагающей "символической системы культуры" (Кассирер), в узловых пунктах своего содержания изоморфной концепции Л.О.К.) - Идеи Л.О.К. были развиты в структурно-функциональном направлении современной лингвистики, в рамках которого язык рассматривается в качестве детерминанты способов организации коллективного и индивидуального опыта, понятого не только в когнитивном, но - прежде всего - в коммуникативном плане: "каждому языку соответствует своя особая организация данных опыта. Изучить чужой язык не значит привесить новые ярлычки к знакомым объектам. Владеть языком - значит научиться по-иному анализировать то, что составляет предмет языковой коммуникации" (А. Мартине). В неогум-больдтианстве также культивировалась идея об определяющей роли языковых факторов в процессе формирования смысловой картины мира у носителя языка - как индивида, так и языкового коллектива (структуры родного языка как априорные формы организации индивидуального опыта в "содержательной грамматике" Л. Вайсгербера, критериальность "внутренних форм" языка в "типологии семантических полей" В. Порцига и И. Трира). Лежащая в основе Л.О.К. презумпция смыслообразующего потенциала языковых феноменов сыграла значительную роль в становлении современной парадигмы в философии языка, рассматривающей языковую форму самовыражения человека как фундаментальную ("сущность человека покоится в языке" по Хайдеггеру); идеи Л.О.К. были адаптированы и содержательно продвинуты в современной

философской герменевтике (в качестве извечной загадки, "которую язык задает человеческому мышлению", Гадамер фиксирует факт "мировидения, содержащегося в языках"); в контексте философии постмодерна оформляются комплексные трактовки мира как "текста" (Деррида), "словаря" или "энциклопедии" (Эко), "космической библиотеки" (В. Лейч); в структурном психоанализе бессознательное артикулируется в качестве текста, и векторы "означающих", т.е. материальных структур языка, очерчивают горизонт индивидуальной судьбы (Лакан); теория языковых игр фундирована "трансцендентально-герменевтическим" истолкованием языка как условия возможности коммуникативного взаимопонимания (Апель).

М.А. Можейко

ЛОГИКА (греч. *logos* – слово, рассуждение, понятие, разум) – наука о формах, законах и методах познавательной деятельности; способность правильно (логически) мыслить. С древности замечено важное свойство познающего мышления человека: если вначале высказываются некоторые утверждения, то затем могут быть признаны и другие утверждения, но не любые, а лишь строго определенные. Познающее мышление, т.обр., подчинено некоей принудительной силе, его результаты во многом детерминированы и предопределены предшествующим знанием. Данное свойство широко использовал Сократ в своих диалогах. Умелой постановкой вопросов он направлял своего собеседника к принятию вполне конкретных выводов. (Характеризуя свой метод, Сократ пояснял, что его манера вести беседу подобна тому, что делает акушерка, которая сама не рождает, но принимает роды. Так и он лишь спрашивает других, способствуя рождению истины, самому же ему нечего сказать.) Поэтому свой метод Сократ назвал майевтикой – искусством повивальной бабки.) Ученик Сократа Платон, затем Аристотель сделали детерминированность мышления предметом специального исследования. Результаты Аристотеля особенно впечатляющи. Его успех связан с тем, что он устранил из рассуждений то, что может быть названо их содержанием, сохранив только форму. Этого он достиг, подставив в суждениях вместо названий с конкретным содержанием буквы (переменные). Например, в имплицитном рассуждении: "Если все В суть С и все А суть В, то все А суть В". Подход Аристотеля продемонстрировал тот факт, что достоверность результатов различных по содержанию рассуждений зависит не только от истинности исходных положений (посылок), но и от отношений между ними, способа их соединения, т.е. от формы рассуждения. Аристотель сформулировал важнейшие принципы перехода от истинных посылок к истинным заключениям. Впоследствии эти принципы стали называться законами тождества, противоречия и исключенного третьего. Он предложил первую теоретическую систему форм рассуждений – т.н. ассерторическую силлогистику, имеющую дело с суждениями вида "Все А суть В", "Некоторые А суть В", "Ни одно А не есть В", "Некоторые А не суть В". Тем самым он положил начало науке об общезначимых средствах и формах мышления, законах рационального познания. Позже эту науку стали называть Л.Л. не ограничилась выяснением случаев, когда истинность посылок гарантирует истинность заключения. Эта разновидность рассуждений стала предметом одной ее ветви – дедуктивной Л. Но уже Демокрит обсуждает проблему индуктивных умозаключений, посредством которых осуществляется переход от частных утверждений к общим положениям, имеющим вероятностный характер. Особый интерес к индукции проявляется в 17–18 вв. когда быстро стали развиваться опытные науки. Английскому философу Ф. Бэкону принадлежит первая попытка теоретического осмысления индукции, которая, как он думал, способна служить единственным методом познания природных явлений в целях их применения на пользу людям. Дедукти-визм и индуктивизм – главные направления в развитии Л. вплоть до 19 в. Представители рационалистической философии (Декарт, Спиноза, Мальбранш, Лейбниц) отдавали предпочтение дедукции, в то время как представители эмпирической (сенсуалистической) философии (вслед за Ф. Бэконом – Гоббс, Локк, Кондильяк, Беркли, Юм) были индуктивистами. Вольф, предложивший всеобъемлющую, по его мысли, систему философского знания как "науку о всех возможных предметах, насколько они возможны", попытался примирить указанные направления. Будучи, в целом, рационалистом, он, тем не менее, энергично подчеркивал решающее значение индукции и опытного знания в отдельных научных дисциплинах (напр, в физике). Однако вольфианские представления о формах и законах мышления, методах познания, сложившиеся в Л. к 19 в., не смогли удовлетворить потребности бурно развивающейся науки и общественной практики. Кант и особенно Гегель подвергли критике ограниченность рационалистически-метафизического метода. Перед Л. встала задача выработать средства, которые позволяли бы сознательно подходить к изучению существенных отношений. Серьезная попытка решить эту задачу была предпринята Гегелем. Его выдающейся заслугой является введение в Л. идеи развития и взаимозависимости. Это позволило ему заложить основы диалектической Л. как теории движения человеческой мысли от явления к сущности, от истины относительной к истине абсолютной, от знания абстрактного к знанию конкретному. На основе категорий, принципов и законов диалектической Л. вырабатываются методологические ориентиры исследования содержания предметов во всем их многообразии и противоречивости. В настоящее время Л. представляет собой достаточно разветвленную научную дисциплину. Ее важнейшим и наиболее зрелым разделом является формальная Л. Свое наименование она получила от предмета, которым занимается с древности, – форм мыслей и рассуждений, обеспечивающих

получение новых истин на основе уже установленных, и, в первую очередь, критериев правильности и обоснованности этих форм. Долгое время формальная Л. была известна прежде всего в том виде, который придали ей Аристотель и его комментаторы. Отсюда название, соответствующее данному этапу, – аристотелевская Л. Восходящая к Аристотелю традиция породила также другой равнозначный термин – традиционная Л. Неизменность проблематики и методов ее разрешения в рамках аристотелевской Л. на протяжении многих веков дала основание Канту, впервые употребившему термин "формальная Л.", считать, что за две тысячи лет, прошедших со времени Аристотеля, эта Л. не сделала ни одного шага вперед и имеет по существу законченный характер. Кант и не предполагал, что через какие-то полвека после его смерти начнется "второе дыхание" в развитии формальной Л. Этот качественно новый этап был вызван тем, что проблемы, поставленные исследованием логических оснований математики, было невозможно решить средствами аристотелевской Л. Почти одновременно идут процессы логизации математики и математизации Л. При решении логических проблем активно используются математические методы, создаются логические исчисления. Делаются конкретные шаги по реализации идей Лейбница об использовании вычислительных методов в любой науке. Дж. Буль разрабатывает первую систему алгебры Л. Благодаря работам О. де Моргана, У. Девонса, Э. Шредера, П.С. Порецко-го, Пирса, Фреге, Дж. Пеано, Рассела создаются основные разделы математической Л., становящейся важнейшей ветвью формальной Л. В 20 в., особенно в 20-е и 30-е, в работах Я. Лукасевича, Э. Поста, К. Льюиса, С. Яськовского, Д. Веб-ба, Л. Брауэра, А. Гейтинга, А.А. Маркова, А.Н. Колмогорова, Г. Рейхенбаха, С.К. Клини, П. Детуш-Феврие, Г. Биркгофа и др. закладываются основы неклассических разделов формальной Л.: многозначных Л., модальной, вероятностной, интуиционистской, конструктивистской и др. Л. Переход к числу истинностных значений, большему чем два ("истинно", и "ложно"), составляет одну из характерных особенностей неклассических, или, как их часто называют, нехрисипповых Л. В 1930-е развитие формальной Л. связано с решением многих проблем металогики (греч. meta – после, сверх), изучающей принципы построения и общие свойства формальных систем, например, проблемы непротиворечивости, полноты, независимости системы аксиом, разрешимости, возможностей этих систем выражать содержательные теории и др. Закладываются основы т.наз. "машинного мышления". Исследование указанных проблем ознаменовалось выдающимися открытиями, имеющими важное мировоззренческое и методологическое значение и связанными с именами Тарско-го, К. Геделя, А. Черча. Наибольшую известность получила теорема К. Геделя о неполноте формализованных систем, в т.ч. арифметики натуральных чисел и аксиоматической теории множеств. В соответствии с этой теоремой, в каждой из таких систем имеются предложения, которые в их рамках нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Тем самым было показано, что ни одна действующая научная теория не может быть втиснута в рамки формализма. А. Черч доказал теорему, согласно которой, не существует алгоритмов для решения многих классов задач, не говоря уже об алгоритме, позволяющем решать любую задачу (об изобретении такого алгоритма мечтали многие выдающиеся логики и математики). Сегодня развитие формальной логики идет в двух основных направлениях: 1) выработка новых систем неклассической Л. (Л. императивов, оценок, временной, индуктивной Л., теории логического следования и т.д.), исследование свойств этих систем и отношений между ними, создания их общей теории; 2) расширение сферы применения формальной Л. Важнейший конечный результат, полученный в этом направлении, – то, что формальная Л. стала не только инструментом точной мысли, но и "мыслью" первого точного инструмента – компьютера, непосредственно в роли партнера включенного человеком в сферу решения стоящих перед ним задач. Л. (в сумме всех своих разделов) стала неотъемлемой частью человеческой культуры. Ее достижения используются в самых разнообразных областях деятельности людей. Она широко применяется в психологии и лингвистике, теории управления и педагогике, юриспруденции и этике. Ее формальные разделы являются исходной основой кибернетики, вычислительной математики и техники, теории информации. Без принципов и законов Л. не мыслима современная методология познания и общения. Изучению Л. всегда придавалось большое значение. Уже Парме-нид поучал еще неопытного в философии Сократа: "Твое рвение к рассуждениям, будь уверен, прекрасно и божественно, но, пока ты еще молод, постарайся поупражняться больше в том, что большинство считает пустословием (т.е. оперировании абстрактными понятиями – В.Б.) в противном случае истина будет от тебя ускользать". Как видим, уже в древности понимали, что дисциплина, которой позже было присвоено имя Л., играет прежде всего большую методологическую роль – как средство отыскания истины.

В.Ф. Берков

МАРГИНАЛЬНОСТЬ (лат. margo – край, граница) – понятие, традиционно используемое в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающего при этом определенный отпечаток на ее психику и образ жизни. Категория М. была введена американским социологом Р. Парком с целью выявления социально-психологических последствий неадаптации мигрантов к условиям городской среды. В ситуации М. оказываются т.наз. "культурные гибриды", балансирующие между доминирующей в обществе группой, полностью никогда их не принимающей, и группой, из которой они выделились. Философское понятие

М. характеризует специфичность различных культурных феноменов, часто асоциальных или антисоциальных, развивающихся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления и, тем самым, довольно часто обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культуры. К представителям культурной М. принято относить таких мыслителей как Ницше, маркиз де Сад, Л. фон Захер-Мазох, А. Арто, Батай, С. Малларме и др. Проблема культурной М. приобретает особое значение в философии постструктурализма и постмодернизма (шизоанализ Делеза и Гваттари, генеалогия власти Фуко, деконструкция Дерриды и т.д.). Интерес к феномену М. обострил французский структурализм, использовавший понятия "маргинальный субъект", "маргинальное пространство", "маргинальное существование", возникающие в "просвете", "зоре" между структурами и обнаруживающие свою пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур. Однако их функция в синхроничной перспективе бинарных оппозиций минимальна, ибо их присутствие, а точнее заполнение пространства между последними является лишь индикатором нормального функционирования структурно упорядоченного универсума. В постструктурализме понятие М. претерпевает значительные изменения, подрывающие его самостоятельность. Благодаря идее децентрации Дерриды, не просто меняющей местами привилегированный и подчиненный объекты, а уничтожающей саму идею первичности, отстаивающей идею "различия", "инаковости", сосуществования множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных инстанций, – традиционное разграничение значимого и незначимого, обоснованного и эпифеноменального снимаются. Отсутствие центра структуры (по Деррида, мысль о структуре исключает мысль о центре) предполагает отсутствие и главного, трансцендентального априорного означаемого. Уничтожается также представление об абсолютном смысле. С исчезновением "центра", являвшегося средоточием и символом власти, исчезает и понятие господствующей, доминантной "высокой" культуры (эта установка "доминирует" в постмодернистском искусстве). Режим "деспотического означающего" уступает место принципу детерриториализации, в результате чего изменяется маргинальное положение "носителя желания" в территориализованном пространстве. Наиболее адекватно передает новый образ постмодернистского пространства понятие "ризома". Для Барта М. синонимична стремлению к новому на пути отрицания всевозможных культурных стереотипов и запретов, унифицирующих власть всеобщности, "безразличия" над единичностью и уникальностью, легитимации наслаждения и удовольствия, реабилитации культурной традицией субъекта желания, – и является важным моментом в борьбе с тиранией дискурса власти. Фуко полагает, что невозможно рассуждать о подлинной М. в рамках бинарной оппозиции, ибо идентифицировать ее как таковую можно лишь в отсутствии всякой нормы и авторитарного образца. Так, анализируя антитезу норма-патология и структуру властных отношений, он показывает, что аутсайдеры, "социальное дно", психически больные, иначе говоря, все девианты, не являются маргиналами в собственном смысле слова, поскольку их существование обусловлено наличием нормы, а опыт маргинального существования не может быть вписан внутрь институциональных стратегий. Таким образом, в плюралистичном, ризомном постмодернистском мире стираются границы структур, а маргинальное пространство, существующее вне этих структур, но между их границами, меняет свой пограничный статус, размывая семантику М. и утрачивая специфику своего паракультурного функционирования.

А. Р. У с макова

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА – один из ведущих разделов современной логики и математики. Сформировался в 19–20 ст. как реализация идеи о возможности записать все исходные допущения на языке знаков, аналогичных математическим и тем самым заменить рассуждения вычислениями. Предыстория М.Л. связана с именами Аристотеля, Р. Луллия, Дж. Буля (1815–1864), создавшего ее аппарат; Фреге, развившего логико-математические языки; Дж. Пеа-но (1858–1932), попытавшегося изложить разделы математики на языке логики. В основании всех исканий лежало стремление создать специальное счетное устройство (прообраз компьютерных систем) и соответствующий техническим вычислениям язык передачи информации. Второй важной проблемой М.Л. является выбор исходных понятий и их обоснование. В конце 19 ст. казалось, что исходным может быть понятие множества; эта точка зрения была детерминирована эффектом от самого факта появления теории множеств как новой области математики (Б. Вольцано, Г. Кантор). Рефлексия над феноменом множеств привела к обнаружению парадоксов в теории множеств. (Одним из тех, кто пытался "спасти" математику от этой проблемы был Д. Гильберт). С 20-х 20 в. начинается современный этап развития М.Л. Он связан с применением точных методов при изучении формальных аксиоматических задач. Суть их состоит в описании рассматриваемой теории на базе строгого логико-математического языка (формализация), с последующими процедурами логического анализа теории, а именно с точки зрения непротиворечивости (например, таких теорий, как элементарная геометрия, арифметика, анализ достаточно надежных оснований) и полноты (теорема Геделя о неполноте утверждает, что всякая достаточно богатая теория необходимо содержит утверждения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, не опровергнув самой теории). Критике подверглись некоторые положения, используемые в математике без должного обоснования (закон исключенного третьего,

аксиомы выбора и др.). Построение математики с учетом этих ограничений стало программой интуиционизма (один из авторов Я. Бродер), конструктивизма (А.А. Марков). Основным объектом современной М.Л. являются исчисления. В качестве их компонентов выступают: 1) язык (формальный); 2) аксиомы; 3) правила вывода. На их основе стало возможным дать точное определение доказательства, получить точные утверждения о невозможности доказательства тех или иных предложений теории. Значительным достижением является и математическое определение понятия алгоритма (эффективной процедуры для решения задач из бесконечного класса задач). Еще Лейбниц мечтал о нахождении алгоритма для решения всех математических проблем. Разработка теории алгоритма связана с именами К. Геделя, Ж. Эрбрана, С. Клини, А. Тьюринга, А. Черча, А.А. Маркова, А.Н. Колмогорова, П.С. Новикова и др. М.Л. имеет несколько разделов, связанных с изучением понятия доказательства (теория доказательств), моделей (теория моделей – Тарский, А.И. Мальцев). В ней очевидны синтаксический и семантический аспекты изучения формальных языков. Перспективы развития М.Л. предполагают высокую динамику как количественного, так и качественного роста кибернетических устройств. Другим стимулом являются достижения в разработке проблем обоснования математики (современный аксиоматический метод).

А.И. Лойко

МЕТОД (греч. *methodos* – путь к чему-либо, прослеживание, исследование) – способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом. М. в науке – это также и заданный сопряженной гипотезой путь ученого к постижению предмета изучения. В границах античной философии было впервые обращено внимание на взаимосвязь результата и М. познания. Систематическое исследование М. связано с генезисом экспериментальной науки. Поиски универсального М., приложимого к любым ипостасям действительности (идеал "методологического монизма"), не увенчались успехом. М. общенаучного характера принято считать индукцию и дедукцию, анализ и синтез, аналогию, обобщение, идеализацию, типологизацию, сравнение и др. Философские М. в науке, как правило, опосредуются другими, более приватными, тем не менее именно они (не всегда явно осознаваемые учеными) задают общую направленность исследования, принципы подхода к изучаемому объекту, характер интерпретации полученных результатов. М. складываются в ходе рефлексии над объектной (предметной) теорией в некоторой метатеоретической области внутри определенных парадигматических ориентации и закрепляются в принципах, нормах и методиках исследования, реализуются через навыки, умения и т.д. конкретных исследователей и обеспечиваются соответствующими инструментальными средствами. Предметное развертывание М. осуществляется в процедуре, доводящей действие факторов, синтезированных в М., до отдельных операций. Следование М. обеспечивает регуляцию и контроль в исследовательской (как и любой иной) деятельности, задает ее логику.

А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко

МЕТОДОЛОГИЯ – учение о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека. Философия выявляет общественно-историческую зависимость репертуаров и средств деятельности людей от уровня их развития и от характера разрешаемых ими проблем. В границах обслуживания типовых программ деятельности смысл М. сводим к обеспечению их нормативно-рационального построения. Общественно-историческая и культурная обусловленность М. выявляется в ходе изменения ее оснований, а также в процессах выработки новых методологических средств. Значимую роль в разработке философских проблем М. сыграли Сократ, Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Декарт, Кант, Шеллинг, Гегель и др. Специфический подход к проблеме предлагает системно-мыследеятельностная М. Сложность отношений М. и философии, как известно, определялась тем, что и М. может трактоваться с позиции философии, и философия может характеризоваться в рамках некоей обобщенной М. Пока в науке доминировала вера в незыблемые познавательные стандарты, философия реконструировалась в категориально-понятийных комплексах общей М. познания. Но поскольку в 20 в. познавательные стандарты обнаружили собственную зависимость от самого процесса познания, от развитости познающего субъекта и от типа познаваемых объектов, постольку в основаниях М. выявились социально-исторические, человеческие, личностные, культурные измерения, потребовалось их принципиально иное философское осмысление. В этом плане М. обнаружила свою условность в контексте постоянно воспроизводящихся репертуаров и процедур деятельности людей. В развитии современной М. все большее место занимают вопросы, связанные с динамикой познавательных проблем, культурно-исторической природой познавательных средств, изменчивостью категорий и понятий, формированием новых познавательных установок и т.д. Эти вопросы так или иначе сопряжены с включением в структуру М. философских представлений. Методологическая работа философии не ограничивается анализом познания, она рассматривает схемы деятельности, создаваемые людьми для обновления и воспроизводства социального бытия. Задачей М. становится выяснение, конструирование и преобразование схем деятельности, интегрированных в

повседневный опыт человеческих индивидов. М. становится важным пунктом осмысления и переосмысления современной культурной проблематики. Внимание М. к схемам обыденного поведения и мышлению людей объясняется тем, что в их повседневном опыте традиции и стандарты деятельности перестают играть прежнюю роль. Действия и поступки людей, их общение и мышление утрачивают черты естественности стереотипных актов. Автоматизмы человеческого бытия уступают определяющую роль всевозрастающей совокупности оригинальных ориентиров, вырабатываемых людьми в процессах проблематизации, проработки, проектирования и решения конкретных жизненных задач. Осуществление новых нетрадиционных схем деятельности становится делом все большего числа людей. Эффективность этой работы – это вопрос существования и обновления современной культуры. Последняя живет и трансформируется в значительной мере благодаря тому, что, осмысливая собственную методологичность, культивирует общественно-гуманитарные измерения М.

А. А. Грицинов

МОДЕЛИРОВАНИЕ – процесс исследования объектов на их моделях. Необходимо различать решение специально-предметных научных задач путем построения моделей и получение знаний, обслуживающих М. М. начинается там, где заходит речь о методологии мышления, об организации и, в особенности, представлении знаний о мире. Методологическое проектирование типов моделей и процессов М. – завершающая часть соответствующей философской работы. С одной стороны, оно превращает модели в объекты, обладающие собственной реальностью, законами, свободой в создании образов, благодаря чему производится новое знание (эвристика), и отменяет необходимость в М. как таковом. С другой, оно задает категориальную онтологию и картину мира (когнитивную и языковую). Реальное М. устанавливает определенное отношение между моделью и объектом в ходе М. (декомпозиция) или приписывает свойства модели объекту в процессе специального теоретического анализа, эксперимента (верификация). Эффект М. проявляется при строгом различении модели и оригинала, что достигается приемом "двойного знания" (Шедровицкий). Благодаря этому различию в средствах и инструментарии объект оказывается представлен дважды: как объект (образ объекта) и как форма репрезентации знаний об этом объекте (объект-заместитель). И только тогда, когда построены эти две абстрактные модели, становится возможным продуктивное взаимодействие, координация кодов объекта и модели. В отличие от гипотез, различные модели не конкурируют и не отменяют друг друга, а взаимодополняют, являясь интерпретациями (осмысленными выражениями).

Д.М. Булышко

МОДЕЛЬ (лат. *modulus* – мера, образец) – объект-заместитель, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие свойства и характеристики оригинала. Воспроизведение осуществляется как в предметной (макет, устройство, образец), так и в знаковой формах (график, схема, программа, теория). Возможны два способа конструирования М. Если первый идет от эмпирически выявленных свойств и зависимостей объекта к его М., то второй уже в исходной точке предполагает доопытное воссоздание объекта в М., и, поскольку М. известна, то считается познанным и объект. Проблема соответствия М. оригиналу отодвигается на второй план благодаря отделению вопроса о построении М. от вопроса о ее интерпретации. Формальное построение М. в эмпирическом исследовании оказывается основой для содержательной интерпретации объекта-оригинала. При этом уделяется особенное внимание полноте М.: М. реализуют оригинал в конечном числе отношений, что является критерием их типологизации.

С.А. Радионова

МОДЕРНИЗАЦИИ концепция – один из содержательных аспектов концепции индустриализации, а именно – теоретическая модель семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества. Параллельна концепции индустриализации, рассматривающей процесс превращения традиционного аграрного общества в индустриальное с точки зрения трансформации системы хозяйства, технического вооружения и организации труда. Ранними аналогами концепции М. явились идеи о содержательной трансформации социокультурной сферы в контексте перехода от традиционного к нетрадиционному обществу, высказанные в различных философских традициях (Дюркгейм, Маркс, Теннис, Кули, Г. Мейн). В различных контекстах данные авторы фиксировали содержательный сдвиг в эволюции социальности, сопряженный с формированием промышленного уклада. Так, Дюркгейм выделяет общества с механической солидарностью, основанные на недифференцированном функционировании индивида внутри гомогенной архаической общины, и общества с органичной солидарностью, базирующиеся на разделении труда и обмене деятельностью. Переход к обществу с органической солидарностью предполагает, с одной стороны, развитость индивида и дифференцированность индивидуальностей, с другой – основанные именно на этой дифференцированности взаимодополнение и интеграцию индивидов, важнейшим моментом

которой является "коллективное сознание", "чувство солидарности". Высказанная Марксом идея различения обществ с "личной" и с "вещной" зависимостью фиксирует тот же момент перехода от традиционных "естественных родовых связей" к социальным отношениям, основанным на частной собственности и товарном обмене, в рамках которого феномен отчуждения порождает иллюзию замещения отношений между людьми "отношениями вещей" ("товарный фетишизм"). Теннис в своей работе "Община и общество" (1887) выделяет переход от аграрной "общины", предполагавшей общественное владение "натуральным богатством" (прежде всего – землей) и регулируемой "семейным правом", к "обществу", фундаментом которого выступает частное владение "денежным богатством" и фиксированное торговое право. Аналогично, Кули описывает становление нетрадиционного общества как исторический сдвиг от "первичных" ко "вторичным группам", критерием дифференциации которых является исторически принятый в них тип социализации личности: в "первичных группах" социализация индивида протекает в рамках семьи (или – шире – сельской общины), задающей непосредственный психологический контакт между ее членами и конкретную явленность структуры отношений между ними; социализация во "вторичных группах" есть социализация в рамках абстрактно заданной общности (государственной, национальной и т.п.), где структура отношений постигается лишь умозрительно. – В различных языках названные философские модели фиксирует одну и ту же важную сторону становления индустриального общества: переход от фиксированных (по рождению) характеристик индивида, непосредственно заданных в практике родственных отношений внутри общины семейного типа и регулируемых интенциями неписаного права, – к функциональным характеристикам индивида, достигаемым им в процессе личного опыта в контексте вариативных социальных отношений, вхождение в которые не задано жестко родовой структурой, но детерминируется неочевидными социально-экономическими факторами, предполагая внешнюю свободу выбора и регули-руясь фиксированным законом. Социализация индивида протекает в таких обществах уже не в непосредственно семейной системе отсчета, предполагающей именной или профессионально-кастовый тип трансляции исторического опыта от поколения к поколению, но в абстрактной универсально-логической форме. Генетически заданная принадлежность к группе, определяющая в традиционном обществе статус человека внутри общины, сменяется функционально-ролевыми отношениями "по соглашению". Мейном найдена предельно выразительная формулировка основного содержания этого перехода: "от Статуса к Договору". Подобная трансформация социокультурной сферы влечет за собой и трансформацию менталитета, предполагающую изменение как стиля мышления, так и системы ценностей соответствующей эпохи. В модификации стиля мышления центральное место занимают "абст-рактизация" (Зиммель) и "рационализация" (М. Вебер) массового сознания; на аксиологической шкале происходит смещение акцентов от ценностей коллективизма к ценностям индивидуализма, и основной пафос становления нетрадиционного общества заключается именно в идее формирования свободной личности – личности, преодолевшей иррациональность традиционных общинных практик ("расколдовывание мира" по М. Веберу) и осознавшей себя в качестве самодостаточного узла рационально понятых социальных связей. Ментальность носителя врожденного статуса сменяется сознанием субъекта договора, традиционные наследственные привилегии – провозглашением равных гражданских прав, несвобода "генетических" (родовых) характеристик – свободой социального выбора. Как было показано М. Вебером, и свобода предпринимательства, и свободомыслие равно базируются на фундаменте рационализма. Вместе с тем, пафосный индивидуализм перехода к нетрадиционному обществу – это индивидуализм особого типа: "моральный индивидуализм" (в терминологии Дюркгейма) или, по М. Веберу, индивидуализм протестантской этики с "непомерным моральным кодексом". Применительно к западному (классическому) типу процесса модернизации именно протестантская этика выступила той идеологической системой, которая задала аксиологическую шкалу нового типа сознания, в рамках которой успешность трудовой профессиональной или предпринимательской деятельности оценивается как свидетельство избранности и дарования благодати (исторически идея восходит к западнохристианским богословским дискуссиям 14 в. о возможности владения собственностью Иисусом Христом), а совершение мастерства – как моральный долг перед Богом (см. Протестантская этика). В нашем контексте особенно важно, что "трудовая этика" протестантизма не только освятила труд как таковой, – в общем контексте протестантского понимания веры как послушания она зафиксировала трудовую дисциплину в качестве сакральной ценности ("дисциплинированный индивидуализм" Реформации). Описанные изменения в сфере культурных ценностей и менталитета могут рассматриваться как важнейший аспект М. сознания, формирования такого его типа, который соответствует задаваемой индустриализацией ситуации взаимодействия со сложными механизмами и реализации промышленных технологий, требующих трудовой дисциплины и ответственности. Индустриализация и М., таким образом, есть две стороны одного и того же процесса становления индустриального общества, комплексно понятого во всей полноте его аспектов. Как индустриализация, так и М. – обе равно необходимы, но лишь обе вместе достаточны для формирования индустриального общества. В тех случаях, когда их параллелизм нарушается в силу исторических причин, мы имеем дело с внутренне противоречивым, технологически неблагополучным и социально нестабильным социальным организмом, где носитель фактически патриархального сознания приходит в соприкосновение с высокими технологиями, требующими совсем иной меры дисциплины и

ответственности. Классическим примером подобной ситуации может считаться построение индустриального общества в СССР, где в программу социалистического строительства в качестве основы легла именно "индустриализация" как промышленное техническое перевооружение производства, в то время как комплексный феномен М. был редуцирован к программе "культурной революции", понятой, в конечном итоге, как ликвидация безграмотности. И если на уровне конкретно частных моментов "практики социалистического строительства" неподготовленность индивидуального сознания к техническим преобразованиям ощущалась достаточно вятно (например, смена лозунга "Техника решает все!" лозунгом "Кадры, овладевшие техникой, решают все!"), то общая стратегия М. оставалась урезанной, последствия чего дают о себе знать в постсоветском культурном пространстве и по сей день, предоставляя экспертам повод констатировать "низкое качество населения" (Л. Абалкин). Это особенно значимо при контакте носителя массового сознания с современными постиндустриальными квазитехнологиями, создавая особый тип взрывоопасного (как в метафорическом, так и в прямом смысле) производства, - своего рода синдром Чернобыля индустриального общества с немодернизированным массовым сознанием. Подобная ситуация может быть описана в языке концепции культурного отставания и требует осуществления "догоняющей М.", приведения в соответствие уровня технической оснащённости производства и уровня технической дисциплины исполнителя. Если же говорить не о "догоняющем", а о типовом варианте М., то применительно к нему могут быть выделены "первичная" и "вторичная" М. Под "первичной М." понимают процесс М., осуществленный в эпоху промышленных революций, - классический "чистый" тип "М. первопроходцев". Под "вторичной М." понимается М., сопровождающая формирование индустриального общества в странах третьего мира - в ситуации наличия зрелых аналогов и классических образцов (центров индустриально-рыночного производства) и возможностей прямых контактов с ними - как в торгово-промышленной, так и в культурной сферах. В данном своем фрагменте теория М. опирается на методологические принципы предложенной Л. Фробениусом концепции культурных кругов, основанной на идее синтеза эволюционизма и диффузионизма. Если эволюционизм ориентирован в культурно-историческом познании на объяснительные процедуры, исходящие из презумпции имманентно автохтонных по отношению к каждому социальному организму причин, источников и факторов развития, то диффузионизм, напротив, в качестве типовой объяснительной модели предлагает анализ культурных взаимовлияний. Фробениус задает синтетическую программу рассмотрения каждой социально-исторической целостности ("культурного круга") с точки зрения социокультурной археологии, предполагающей "послойное углубление", т.е. последовательное снятие привнесенных напластований - вплоть до "материковой породы". Интерпретация в данном языке процесса "вторичной М." предполагает как открытые возможности для влияния со стороны развитых индустриальных держав (прямые рыночные контакты, заимствование технологий и культурных образцов), так и ряд необходимых внутренних трансформаций, вне которых факторы внешнего влияния теряют смысл. Такими внутренними трансформациями являются образование на базе местных рынков общего безличного рынка (включая рынок труда), что разрывает замкнутость общинного хозяйства и размывает основы внеэкономического принуждения; формирование так называемых "диктатур развития", т.е. автохтонных для трансформирующегося общества социальных групп, "пионеров элиты" (М. Вебер), инициирующих преобразования хозяйственной и политической жизни на основе рациональности; наконец - the last, but not the least - адаптацию этого рационализма в массовом сознании местного населения, М. этого сознания, без которой социальный результат индустриальных преобразований может оказаться прямо противоположным (см. Ирония истории) исходным целям. (Интересно, что, резко критикуя основополагающую для теории индустриализации идею конвергенции ("общая логика индустриализма"), марксистская философия всецело принимала ее частное следствие - идею "вторичной М.": программное положение марксизма о "возможности перехода к социализму, минуя капитализм" оговаривало в качестве необходимых условий такого перехода ориентацию на образцы реальных социалистических государств и возможность контактов компартий развивающихся стран со странами соцлагеря и мировым коммунистическим движением, но при обязательном наличии внутри страны, осуществляющей означенный переход, социальной базы революционного движения и обязательной адаптации коммунистической идеологии в массах, т.е. факторы, фактически изоморфные условиям-факторам "вторичной М."). Фиксируя М. социокультурной и ментальной сфер в качестве обязательного условия формирования индустриального общества, концепция "вторичной М." предполагает, что становление индустриализма осуществляется под знаком широкой социокультурной экспансии тех нормативных образцов, которые продуцированы классическим западным индустриализмом (саморегулирующаяся рыночная экономика, демократическое политическое устройство, разделение властей, свобода личности и т.п.). - Вместе с тем, модель "вторичной М." как вестернизации (Д. Лернер) не конституировалась в качестве типовой. С конца 1970-х в теории М. начинает доминировать идея вариативности социально-экономических форм организации индустриального общества, их определенной автономии относительно западного канона. Это означает, что "вторичная М." может предполагать сохранение материковой основы этнонациональных традиций при обязательном условии осуществления индустриализации и М. как таковых, что не может не означать следования вестерн-образцам. Наиболее типичным примером успешного осуществления М. на основе сохранения этно-специфических культурных традиций является М. Востока (прежде всего - Японии) и

Восточной Европы (исключая восточнославянский регион). Специфика "восточной М." заключается в том, что этот ее вариант осуществляется на основе не деструкции, но – напротив – усиления характерной для восточной культуры традиции общности: Япония демонстрирует своего рода "коммунальный капитализм", сменяя лишь субъекта-адресата патриархального коллективизма и патернализма, но не разрушая при этом сам тип общинного сознания: растворенность в традиционном коллективе сменяется влитостью в коллектив предприятия, верность роду – преданностью фирме, ощущение патерналистской заботы со стороны общины – чувством социальной защищенности, внимания со стороны фирмы к отстройке личной судьбы работника (повышение квалификации по инициативе руководства, своевременное продвижение по служебной лестнице созревшего к этому работника, свадебный отпуск, прибавка к жалованию после рождения ребенка, сохранение контакта с фирмой после выхода на пенсию и т.п.). Если для Запада уровень текучести кадров является одной из стандартных социологических характеристик предприятия, то для Востока смена фирмы – событие из ряда вон выходящее. В этом смысле свободный индивидуализм как основа западного типа М. заменяется культивацией традиционных форм коллективного сознания при наполнении их новым, индустриально ориентированным содержанием, что возможно в силу опять-таки традиционной для восточной общины жесткой дисциплинированности сознания. Аналогично, социалистический путь формирования индустриального общества в ряде стран Восточной Европы (там, где не имела место социалистическая ориентация уже сложившегося индустриального общества) также не предполагал полного следования классической модели М.: в процессе индустриального преобразования общества функции инициации, организации, контроля и т.д. проецируются не на автономную свободную личность, но на государственные структуры, – однако, актуализация национальных традиций "трудовой этики" позволяет, тем не менее, констатировать факт осуществления М. как таковой. При всей восточной специфике и социалистических издержках правомерно говорить о возможности М. не как внешней, механической вестернизации и унификации, но как о глубинной трансформации массового сознания на основе выработанных западной культурой социальных идеалов и рационализма при возможности сохранения специфики этно-национальных традиций. Современная концепция цивилизационного поворота как перехода от цивилизаций локального типа к глобальной цивилизации выдвигает идеал единого планетарного социоприродного комплекса, основанного именно на этно-культурном многообразии и полицентризме. В рамках этого подхода культурная гетерогенность мира, позволяющая и предполагающая конструктивный диалог и плодотворное взаимовлияние неповторимо уникальных этно-национальных традиций, фиксируется как основа не только цивилизационной стабильности человечества, но и его эволюционного культурного потенциала.

М.А. Можейко

МОДЕРНИЗМ (фр. Moderne – новейший, современный) – общее название художественно-эстетического движения в культуре 20 в., во многом определившего пути развития современного искусства. М. объединяет множество относительно самостоятельных направлений, различных по социальному масштабу и культурно-историческому значению (экспрессионизм, кубизм, футуризм, дадаизм, сюрреализм, абстракционизм, поп-арт и др.). Некоторые из них противоречат друг другу в понимании средств и способов выражения реальности, но вместе с тем обладают принципиальной философско-мировоззренческой и социокультурной общностью. Своим появлением М. обязан французскому символизму и декадансу. Часто отождествляемый со своей ранней фазой – авангардизмом, М. может рассматриваться в конкретных хронологических рамках (условно с 1890 по 1968) или как вневременной феномен в широком историческом контексте неклассического искусства вообще, в русле протестанствующей традиции европейской культуры (Барокко – Романтизм – Модернизм), выступающей по отношению к социуму как культура отрицания. Главное, что позволяет включить М. в эту традицию – это воинствующий антитрадиционализм, подчеркнутый эстетический антинормативизм, нередко приобретающий бунтарско-эпатирующий и экстравагантно-декларативный характер. М. свойственны принципиальный разрыв с устоявшимся художественным опытом в лице канонизированного реализма, салонного искусства, академической культуры как условие обновления искусства и ощущение переломного кризисного характера этих явлений. Остро переживая дисгармонию мира, представшего перед авангардистами как жестокий и абсурдный, антигуманность общественных отношений, отчуждение личности, саморазорванность ее сознания, несвободу и нестабильность положения художника в обществе, М. отрицает возможности предвсущей культуры в познании и адекватном отражении этих коллизий. Восприняв от романтиков идею *Zeitgeist* ("духа времени"), модернисты попытались решить задачу перекодирования культуры, связанного с утверждением нового порядка, выразить новое мировоззрение. Следствием явились поиски нового языка, создание его "грамматики", желание превратить творчество из способа самовыражения художника в способ познания мира и его преобразования. Стратегия обновления языка символизирует для М. возможную трансформацию мира. Философско-мировоззренческой основой М. послужили идеи Ницше, Шопенгауэра, Кьеркегора, Бергсона, Фрейда, позднее – Ортеги-и-Гассета, Камю, Адорно и др. Можно выделить следующие характеристики М: активность, динамизм, энтузиазм, страсть к движению; непримиримость: настоятельная потребность действовать против чего-

либо или против кого-либо; нигилизм: без колебаний преодолевать традиционные преграды, презирать общепринятые ценности; культ молодости и новизны, устремленность в будущее; эпатажность и революционность (в культурном смысле, ибо хотя авангардизм неустанно воспроизводит тип художника-оппозиционера, экстремистский радикализм в области искусства не обязательно предполагает политическую активность; союз авангардистов с революционным пролетариатом носил случайный и временный характер (например, в России), поскольку сознание художника-авангардиста склонно оценивать в качестве конгениального именно идеал анархизма); экспериментализм, стилевое новаторство. М. отказался от эстетики реализма, от узких рамок традиционной конкретности сюжета, от ренессансной оптической системы и продуцировал кардинальные технические инновации, отвечающие духу технической цивилизации. Исконная по-настоящему словесной речи подверглась существенным трансформациям вплоть до разрушения синтаксиса, отрицания правописания во имя возвращения языку его подлинных первичных значений. Так, А. Арто, В. Хлебников, С. Малларме и др. поэты почувствовали и выразили настоятельную потребность в очищении подлинной сущности человека от нормативных наслоений языка и культуры, в освобождении, автономизации субъекта посредством языковой революции. Современная эстетика немислима без художественных средств, изобретенных модернистами ("поток сознания", ассоциативный монтаж, коллаж, "освобождение" цвета). Постоянная смена критериев новизны отчасти объясняет нередкую смену стиля одним и тем же художником (П. Пикассо, И. Стравинский, Дж. Джойс). М. стоит у истоков поэтики "открытого произведения", включив зрителя, читателя в процесс творчества, активизировав его восприятие. Для М. характерен программный концептуализм, преобладание поэтики над произведением. М. – первая художественная культура, столь плотно насыщенная теоретическими сочинениями, ибо "коммуникационный вакуум", образовавшийся в результате отказа от прежних выразительных средств, потребовал вербального пояснения, подключения зрителя к тому конвенциональному языку, которым оперирует данный автор. Понятийное мышление становится составной частью творческого процесса, более того – концептуальное искусство вводит "первичную рефлексию глаза" и систематическую теоретическую рефлексию в саму структуру произведения. Потребность в метатексте рождается искусством, которое открывает свои законы, вырабатывает систему новых художественных методов и новую оценочную шкалу. Возникновение М. было обусловлено всем ходом исторического развития (так же, как и его неизбежная трансформация в "китч"). Постмодернизм осознал и воспринял факт вставания авангарда в отрицаемую им культуру, его поглощения обществом потребления и слияния с традиционными институтами. Необходимый М. пафос негативизма был легитимирован открытыми обществами как локальный, вполне безобидный и даже полезный всплеск эмоций, способствующий перманентному процессу обновления и развития. Значение М. заключается в том, что он выступил особой формой самопознания культуры, предопределил современные формы бытия искусства, раскрепостил художественное сознание, обнаружив возможности новой семантики, переставил акценты во взаимоотношениях искусства с обществом, предвосхитил (что представляет особый интерес для современной философии) глубокий интерес к бессознательным структурам языка. К числу наиболее известных модернистов, работы которых эстетически радикальны и способствовали оформлению модернистской традиции, относятся следующие авторы: Дж. Джойс, М. Пруст, Кафка, Р. Музиль, Камю, Т. Манн и др. (в прозе); А. Стриндберг, Л. Пиранделло, Б. Брехт, Э. Ионеско, С. Беккет и др. (в драматургии); А. Арто, В. Хлебников, С. Малларме, Р.М. Рильке, Г. Аполлинер и др. (в поэзии); И. Стравинский, А. Шенберг, П. Булез, К. Штокхаузен и др. (в музыке); В. Кандинский, М. Шагал, К. Малевич, П. Пикассо, С. Дали, Х. Миро, П. Клее, П. Мондриан, Р. Магритт и др. (в живописи). А.Р. Усманова

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ – особая теоретическая процедура, заключающаяся в получении нового или проверке имеющегося знания путем конструирования идеализированных объектов и манипулирования ими в искусственно условно задаваемых ситуациях. М.Э. может выступать как самодостаточный (который в принципе не может быть реализован натурно, а часто и модельно) или рассматриваться как "проигрывание" будущего реального эксперимента. Образцами самодостаточного М.Э. считаются формулировка Галилеем принципа инертности и М.Э. с пассажиром в падающем лифте А. Эйнштейна, позволивший обосновать принцип эквивалентности эффектов ускорения и тяготения. В современной науке М.Э. тесно связан с методом математической гипотезы и в целом с интерпретацией математических формализмов. В экономике, демографии и социологии, широкое распространение получили эксперименты на математических моделях экономических, демографических и социальных процессов, проводимые с помощью ЭВМ, позволяющие одновременно манипулировать различными комплексами экспериментальных факторов, берущимся в их взаимодействии между собой. Особым видом М.Э. здесь являются и сценарные разработки возможного развития хода событий. По своей логической структуре М.Э. строится по принципам гипотетико-дедуктивного рассуждения, состоящего из двух относительно самостоятельных фаз: 1) квазиэмпирической (задание наглядных образов – идеализированных объектов); 2) логико-схематической (поиск способа перевода образов на язык теории, объективации М.Э. в концептуальных положениях). Различают три типа М.Э.: 1) конструирующие М.Э., связанные с "пространированием" понятийных фундаментальных схем теории; 2) аналитические М.Э.,

ориентированные на построение либо примера, подтверждающего истинность теории, либо контрпримера (как правило, в форме парадокса); 3) синтетические М.Э., выступающие средством конструирования научной гипотезы. Особое место занимает М.Э. в экстраполяционном прогнозировании. Как отдельный тип М.Э. может быть рассмотрен эксперимент экс-постфактум, введенный в научный оборот в середине 30-х 20 в. американским социологом Э. Христиансенем и специально процедурно разработанный Ф. Чепиным. В нем отделение контрольной группы от экспериментальной осуществляется уже после того, как экспериментальный фактор сработал без участия со стороны экспериментатора в естественном режиме, т.е. эксперимент мысленно реконструируется на основе данных как бы "задним числом". Так, Христиансен сформулировал гипотезу о влиянии уровня образования на успех в экономической деятельности, выделил группы людей, получивших аттестаты 10 лет назад и продолживших (экспериментальная группа) и не продолживших (контрольная группа) образование и сравнил их по уровню получаемой ими зарплаты. Таким образом, эксперимент экс-постфактум выступает как средство доказательства объяснительной гипотезы через сбор информации о свершившихся событиях в выравненных по каким-либо критериям группах.

В.Л. Абушенко

НАБЛЮДЕНИЕ – метод научного исследования, заключающийся в активном, систематическом, целенаправленном, планомерном и преднамеренном восприятии объекта, в ходе которого получается знание о внешних сторонах, свойствах и отношениях изучаемого объекта. Н. включает в себя в качестве элементов: наблюдателя (субъекта) Н., объект Н. и средства Н. В качестве последних в развитых формах Н. используются различные специально созданные приборы, выступающие как продолжение и усиление органов чувств человека, а также используемые в качестве орудий воздействия на объект (что превращает Н. в составную часть экспериментальной деятельности). Основные методологические требования к Н. следующие: 1) активность (не созерцание объекта, а поиск и фиксация интересующего исследователя ракурса видения его); 2) целенаправленность (внимание должно фиксироваться только на интересующих явлениях); 3) планомерность и преднамеренность (следование определенному заранее плану или сценарию); 4) системность (ведение по определенной системе для многократного (достаточного для сформулированных целей) восприятия объекта в заданных режимах). Особо на методическом уровне организации научной деятельности обсуждается проблема контроля за ходом и результатами Н., а также связанная с ним проблема воспроизводимости Н. Важными факторами в Н. являются психологические факторы, характеризующие уровень активности и состояние наблюдателя, а также фактор его (не) предубежденности, "заданности" на получение определенного результата. Полностью отвлечься от этих факторов невозможно, что ставит проблему отделения от полученных результатов Н. субъективных напластований. Различают фиксирующее (схватывание деталей, сторон, частей объекта) и флюктурирующее (целостное схватывание объекта) Н. Кроме того, выделяют прямое (исследователь имеет дело непосредственно со свойствами изучаемого объекта) и косвенное (воспринимается не сам интересующий исследователь объект, а те следствия, которые он вызывает), непосредственное (осуществляется органами чувств человека без использования вспомогательных средств) и опосредованное (приборное) Н.. Являясь универсальной познавательной процедурой, предпосылкой познавательной деятельности вообще, Н. дает в форме совокупности эмпирических утверждений первичную информацию об объекте. Неопозитивизм квалифицировал фиксацию данных опыта (Н. в широком смысле слова) как проблему протокольных предположений, из которых выводится и к которым принципиально может быть редуцирована научная теория для своей верификации. Лингвистически ориентированный позитивизм ввел в науку представление о языковой фиксации объектов как их первичной схематизации. В современной методологии науки Н. редко рассматривается как самостоятельный и универсальный научный метод: даже в самом простейшем варианте Н. всегда связано с мыслительными процессами, в сложных процедурах оно выступает как необходимый, но не все же служебный метод. Особую тему задает применение метода Н. в социальных дисциплинах (социология, антропология, социальная психология). Отношение наблюдатель-объект здесь переосмысливается как отношение наблюдатель-наблюдаемый, который также может выступать активным агентом процедуры (сопротивляться Н., изменять поведение в силу наличия факта Н., демонстрировать ожидаемое наблюдателем, пытаться влиять на наблюдателя). Таким образом, в этом случае само присутствие наблюдателя уже создает проблемы, требующие своего решения. Социология впервые смогла опробовать и принципиально иную схему Н., когда наблюдатель включен в жизнедеятельностные процессы группы, которая подвергается изучению (так называемое включенное (участвующее) Н., в разных вариантах предполагающее разную степень "включения"); антропология использовала аналогичную методику для изучения культур, отличных от той, в которой был социализирован наблюдатель; психология методически обеспечила метод самонаблюдения (интроспекции), что существенно раздвинуло границы и возможности метода Н. в целом. Кроме того, в порядке подходов (этнометодология и др.) поставлена под сомнение сама возможность принципиального различия между Н. как научной практикой и Н. как обычной процедурой повседневной жизни.

В.Л. Абушенко

НАРРАТИВ (англ. и фр. narrative – рассказ, повествование) – понятие философии постмодерна, фиксирующее про-цессуальность самоосуществления как способ бытия текста. Термин заимствован из историографии, где возникает в рамках концепции "нарративной истории", трактующей смысл исторического события не как фундированный объективной закономерностью исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией (например, работа Тойнби "Человечество и колыбель-земля. Нарративная история мира", 1976). Идея привнесенности смысла в качестве основополагающей ложится в фундамент постмодернистской концепции значения: как событие в нарративной истории не возводится историком в поисках его смысла к некоей общей, изначальной, имманентно проявляющейся в событии закономерности, так и текст в постмодернизме не рассматривается с точки зрения презентации в нем исходного объективного наличного смысла (разрушение "онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма" текста у Дерриды; снятие "запрета на ассоциативность", вызванного "логоцентризмом индоевропейского предложения" у Кристевой). Вследствие этого текст не предполагает и своего понимания в герменевтическом смысле этого слова: текст, понятый как "эхокамера" (Барт), лишь возвращает субъекту привнесенный им смысл, – Н. конституируется лишь в про-цессуальности наррации как "оказывания" (Гадамер). По формулировке Ф. Джеймисона, нарративная процедура "творит реальность", одновременно утверждая ее относительность и свою "независимость" от сотворенного смысла. "Повествовательная стратегия" постмодернизма есть радикальный отказ от реализма во всех возможных его интерпретациях, включая: литературно-художественный критический реализм, ибо критиковать – значит считаться с чем-то как с объективным (а постмодерн даже символизм отвергает за то, что знаки все же трактуются как следы и метки некоей объективной наличности); средневековый реализм, ибо постмодерн относится к тексту принципиально номиналистично; даже сюрреализм, ибо постмодерн не ищет "зон свободы" в личностно-субъективной эмоционально-аффективной сфере, и потому обретает свободу не в феноменах детства, сновидения или интуиции, как сюр, но в процедурах "деконструкции" (Деррида) и "означивания" (Кристева) текста, предполагающих произвольность его центрации и семантизации. Подлинная свобода и реализует себя в постмодернизме посредством нарративных практик: "все, что является человеческим, мы должны позволить себе высказать" (Гадамер). Условием возможности такой свободы является принципиальная открытость как любой наррации ("всякий разговор обладает внутренней бесконечностью" – Гадамер), так и текста: "все сказанное всегда обладает истиной не просто в себе самой, но указывает на уже и еще не сказанное". И только когда "несказанное совмещается со сказанным, все высказывание становится понятным" (Гадамер). (Примером нарративного подхода к тексту может явиться даже сделанное русскоязычным читателем ударение в приведенной цитате – "несказанное" вместо "несказанное", – достаточное для того, чтобы весь "рассказ" изменил семантику). В данном контексте общая для постмодерна установка, которая может быть обозначена как "смерть субъекта" (и, в частности, "смерть автора"), предстает одной из своих возможных сторон: Н. Автора в процессе чтения снимается. Читателя, по-новому центрирующего и означивающего текст. Источником смысла текста, таким образом, становится не Автор, но Читатель: по оценке Дж.Х. Миллера, "читатель овладевает произведением... и налагает на него определенную схему смысла... Чтение никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но вкладыванием смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла". (См. Язык искусства). Результатом такого означивания является рассказ, который, будучи артикулированным в качестве текста, в свою очередь, может быть подвергнут деконструкции. – Используя терминологию физики элементарных частиц, можно сказать, что текст квантуется в Н. и вне их плюральное™ нет и не может быть массы покоя как исходного смысла текста, – "нет текста кроме интертекста" (Ш. Гривель). Текст как Н. – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному. Постмодерн, таким образом, программно ориентирован на семантическую "открытость существования" (Ба-тай), реализуемую посредством "поиска нестабильностей" (Лиотар), "ликвидацией принципа идентичности" (Клоссовски), парадигмальным отсутствием стабильности как на уровне средств (симулякр) и организации (ризома), так и на уровне семантики (означивание). Если понятие нуждается в понимании, то симулякр переживается и, инспирируя сообщничество, "побуждает в том, кто испытывает его, особое движение, которое, того и гляди, исчезнет" (Клоссовски). Аналогична и ризома как принципиально аструктурная структура, организующая себя как "не начинающаяся и не завершающаяся", но реализующаяся подобно колонне "маленьких муравьев, покидающих одно плато, чтобы занять другое. Каждое плато может быть прочитано в любом месте и соотнесено с любым другим" (Делез, Гваттари). Означивание же в качестве своей возможности подразумевает "катастрофу смысла" как "результат его "нейтрализации и имплозии" (Бодрийяр). (Ср. с деконструкцией понятия "стабильная система" в логико-математической "теории катастроф" Р. Тома, центрирующейся вокруг феномена "локальных процессов" и основанной на презумпции сохранения детерминизма лишь в виде "маленьких островков" в океане нестабильности). Эпоха постмодерна – в его рефлексивной самооценке – это эпоха "заката больших наррации", крушения "метарассказов" как принципа интегральной организации культуры и социальной жизни: под "постмодернизмом следует понимать недоверие к метарассказам" (Лиотар). В

фундаментальной для обоснования культурной программы постмодернизма работе "Постмодернистский удел" Лиотар определяет модернизм как культуру "больших нарративов" ("метанарративов"), как определенных социокультурных доминант, своего рода властных установок, объективирующих не только в социальных институтах и структурах, но задающих легитимизацию того или иного (но обязательно одного) типа рациональности и языка. Такие "доминантные повествования", по формулировке Джеймисона, есть не столько вербальный рассказ, сколько "эпистемологическая категория". Модель "объясняющего рассказа", основанная на презумпции принципиально повествовательной природы знания, лежит в основе нарративистских концепций объяснения (А. Данто, У. Гелли, М. Уайт, Т.М. Гуд и др.). В качестве детерминирующих векторов, организующих культуру модернизма, выступают такие "великие истории" ("метарассказы"), как идея прогресса, идеалы Просвещения, гуманизм свободы личности, гегелевская диалектика духа и т.п. - В отличие от этого, постмодерн постулирует принципиальный плюрализм возможных Н., вариабельность рациональностей, фейерверк релятивных смыслов, фундирующий языковые игры как альтернативу языку. Тем самым постмодерн осуществляет радикальный отказ от самой идеи традиции: ни одна из возможных форм рациональности, ни одна языковая игра, ни один Н. не является претензией на основоположение приоритетной (в перспективе - нормативной и, наконец, единственно легитимной) "метанаррации". Это находит свое выражение в фигуре "мертвой руки" (К. Брук-Роуз), заимствованной постмодерном из юридической практики, где она означает владение без права передачи по наследству. В условиях "заката больших нарративов" девальвированной оказывается не только онтологическая, но даже конвенциональная универсальность как равнозначность идентичности: "консенсус стал устаревшей и подозрительной ценностью" (Лиотар). В условиях тотального культурного плюрализма такая установка оценивается постмодерном как естественная: "затерявшись в ночи среди болтунов..., нельзя не ненавидеть видимости света, идущей от болтовни" (Батай). Постмодерн, таким образом, отвергает "все метаповествования, все системы объяснения мира", заменяя их плюрализмом "фрагментарного опыта" (И. Хассан). - В отличие от "эпохи больших нарративов" постмодерн - это "эпоха комментариев, которой мы принадлежим" (Фуко). Идеалом культурного творчества, стиля мышления и стиля жизни становится в постмодерне коллаж как условие возможности плюрального означивания бытия. "Эклектизм является нулевой степенью общей культуры: по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ленч идут в закусочную Мак-Дональда, на обед - в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и носят одежду в стиле ретро в Гонконге" (Лиотар). Само понятие "мета-наррации" утрачивает ореол сакральной единственности и избранности легитимизированного канона, обретая в постмодернистском контексте иное значение: "метарассказ" понимается как текст, построенный по принципу двойного кодирования (Ф. Джеймисон), что аналогично употреблению соответствующего термина у Эко: ирония как "метаречевая игра, пересказ в квадрате". И если, по Т. Д'ану, "модернизм в значительной степени обосновывался авторитетом метаповествований", намереваясь с их помощью обрести утешение перед лицом разверзшегося "хаоса нигилизма", то постмодерн в своей стратегической коллажности, программной нестабильности и фундаментальной иронии основан на отказе от самообмана, от ложного постулирования возможности выразить в конечности индивидуальности усилия семантическую бесконечность сущности бытия, ибо "не хочет утешаться консенсусом", но открыто и честно "ищет новые способы изображения..., чтобы с еще большей остротой передать ощущение того, чего нельзя представить" (Лиотар), но различные оттенки чего можно высказать и означить в множасьихся Н.

М.А. Можейко

НАУКА - особый вид познавательной деятельности, направленной на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Взаимодействует с другими видами познавательной деятельности: обыденным, художественным, религиозным, мифологическим, философским постижением мира. Н. ставит своей целью выявить законы, в соответствии с которыми объекты могут преобразовываться в человеческой деятельности. Поскольку в деятельности могут преобразовываться любые объекты - фрагменты природы, социальные подсистемы и общество в целом, состояния человеческого сознания и т.п., постольку все они могут стать предметами научного исследования. Н. изучает их как объекты, функционирующие и развивающиеся по своим естественным законам. Она может изучать и человека как субъекта деятельности, но тоже в качестве особого объекта. Предметный и объективный способ рассмотрения мира, характерный для Н., отличает ее от иных способов познания. Например, в искусстве отражение действительности происходит как своеобразная склейка субъективного и объективного, когда любое воспроизведение событий или состояний природы и социальной жизни предполагает их эмоциональную оценку. Отражая мир в его объективности, Н. дает лишь один из срезов многообразия человеческого мира. Поэтому она не исчерпывает собой всей культуры, а составляет лишь одну из сфер, которая взаимодействует с другими сферами культурного творчества - моралью, религией, философией, искусством и т.д. Признак предметности и объективности знания выступает важнейшей характеристикой Н., но он еще недостаточен для определения ее специфики, поскольку отдельные объективные и предметные знания может давать и обыденное познание. Но в отличие от него Н. не ограничивается отражением только тех

объектов, их свойств и отношений, которые в принципе могут быть освоены в практике соответствующей исторической эпохи. Она способна выходить за рамки каждого исторически определенного типа практики и открывать для человечества новые предметные миры, которые могут стать объектами практического освоения лишь на будущих этапах развития цивилизации. В свое время Лейбниц характеризовал математику как *N.* о возможных мирах. В принципе эту характеристику можно отнести к любой фундаментальной *N.* Электромагнитные волны, ядерные реакции, когерентные излучения атомов были вначале открыты в физике, и в этих открытиях потенциально был заложен принципиально новый уровень технологического развития цивилизации, который реализовался значительно позднее (техника электродвигателей и электрогенераторов, радио - и телеаппаратура, лазеры и атомные электростанции и т.д.). Постоянное стремление *N.* к расширению поля изучаемых объектов безотносительно к сегодняшним возможностям их массового практического освоения, выступает тем системообразующим признаком, который обосновывает другие характеристики *N.*, отличающие ее от обыденного познания. Прежде всего - это отличие по их продуктам (результатам). Обыденное познание создает конгломерат знаний, сведений, предписаний и верований, лишь отдельные фрагменты которого связаны между собой. Истинность знаний проверяется здесь непосредственно в наличной практике, так как знания строятся относительно объектов, которые включены в процессы производства и наличного социального опыта. Но поскольку *N.* постоянно выходит за эти рамки, она лишь частично может опереться на наличные формы массового практического освоения объектов. Ей нужна особая практика, с помощью которой проверяется истинность ее знаний. Такой практикой становится научный эксперимент. Часть знаний непосредственно проверяется в эксперименте. Остальные связываются между собой логическими связями, что обеспечивает перенос истинности с одного высказывания на другое. В итоге возникают присущие *N.* характеристики: системная организация, обоснованность и доказанность знания. Далее, *N.*, в отличие от обыденного познания, предполагает применение особых средств и методов деятельности. Она не может ограничиться использованием только обыденного языка и тех орудий, которые применяются в производстве и повседневной практике. Кроме них ей необходимы особые средства деятельности - специальный язык (эмпирический и теоретический) и особые приборные комплексы. Именно эти средства обеспечивают исследование все новых объектов, в том числе и тех, которые выходят за рамки возможностей наличной производственной и социальной практики. С этим же связаны потребности *N.* в постоянной разработке специальных методов, обеспечивающих освоение новых объектов безотносительно к возможностям их сегодняшнего практического освоения. Метод в *N.* часто служит условием фиксации и воспроизводства объекта исследования; наряду со знанием об объектах, *N.* систематически развивает знание о методах. Наконец, существуют специфические особенности субъекта научной деятельности. Субъект обыденного познания формируется в самом процессе социализации. Для *N.* же этого недостаточно - требуется особое обучение познающего субъекта, которое обеспечивает его умение применять свойственные *N.* средства и методы при решении ее задач и проблем. Кроме того, систематические занятия *N.* предполагают усвоение особой системы ценностей. Фундаментом выступают ценностные установки на поиск истины и на постоянное наращивание истинного знания. На базе этих установок исторически развивается система идеалов и норм научного исследования. Эти ценностные установки составляют основание этики *N.*, запрещающей умышленное искажение истины в угоду тем или иным социальным целям и требующей постоянной инновационной деятельности, вводя запреты на плагиат. Фундаментальные ценностные установки соответствуют двум фундаментальным и определяющим признакам *N.*: предметности и объективности научного познания и ее интенции на изучение все новых объектов, безотносительно к наличным возможностям их массового практического освоения. В развитии научного знания можно выделить стадию преднауки и *N.* в собственном смысле слова. На первой стадии зарождающаяся *N.* еще не выходит за рамки наличной практики. Она моделирует изменение объектов, включенных в практическую деятельность, предсказывая их возможные состояния. Реальные объекты замещаются в познании идеальными объектами и выступают как абстракции, которыми оперирует мышление. Их связи и отношения, операции с ними также черпаются из практики, выступая как схемы практических действий. Такой характер имели, например, геометрические знания древних египтян. Первые геометрические фигуры были моделями земельных участков, причем операции разметки участка с помощью мерной веревки, закрепленной на конце с помощью колышков, позволяющих проводить дуги, были схематизированы и стали способом построения геометрических фигур с помощью циркуля и линейки. Переход к собственно *N.* связан с новым способом формирования идеальных объектов и их связей, моделирующих практику. Теперь они черпаются не непосредственно из практики, а создаются в качестве абстракций, на основе ранее созданных идеальных объектов. Построенные из их связей модели выступают в качестве гипотез, которые затем, получив обоснование, превращаются в теоретические схемы изучаемой предметной области. Так возникает особое движение в сфере развивающегося теоретического знания, которое начинает строить модели изучаемой реальности как бы сверху по отношению к практике с их последующей прямой или косвенной практической проверкой. Исторически первой осуществила переход к собственно научному познанию мира математика. Затем способ теоретического познания, основанный на движении мысли в поле теоретических идеальных объектов с последующей экспериментальной

проверкой гипотез, утвердился в естествознании. Третьей вехой в развитии Н. было формирование технических Н. как своеобразного опосредующего слоя знания между естествознанием и производством, а затем становление социальных Н. Каждый из этих этапов имел свои социокультурные предпосылки. Первый образец математической теории (эвклидова геометрия) возникла в контексте античной культуры, с присущими ей ценностями публичной дискуссии, демонстрации доказательства и обоснования как условий получения истины. Естествознание, основанное на соединении математического описания природы с ее экспериментальным исследованием, формировалось в результате культурных сдвигов, осуществившихся в эпоху Ренессанса, Реформации и раннего Просвещения. Становление технических и социальных Н. было связано с интенсивным индустриальным развитием общества, усиливающимся внедрением научных знаний в производство и возникновением потребностей научного управления социальными процессами. На каждом из этапов развития научное познание усложняло свою организацию. Во всех развитых Н. складываются уровни теоретического и эмпирического исследования со специфическими для них методами и формами знания (основной формой теоретического уровня выступает научная теория; эмпирического уровня – научный факт). К середине 19 в. формируется дисциплинарная организация Н., возникает система дисциплин со сложными связями между ними. Каждая из Н. (математика, физика, химия, биология, технические и социальные Н.) имеет свою внутреннюю дифференциацию и свои основания: свойственную ей картину исследуемой реальности, специфику идеалов и норм исследования и характерные для нее философско-мировоззренческие основания. Взаимодействие Н. формирует междисциплинарные исследования, удельный вес которых возрастает по мере развития Н. Каждый этап развития Н. сопровождался особым типом ее институционализации, связанной с организацией исследований и способом воспроизводства субъекта научной деятельности. Как социальный институт Н. начала оформляться в 17-18 ст., когда в Европе возникли первые научные общества, академии и научные журналы. В 20 в. Н. превратилась в особый тип производства научных знаний, включающий многообразные типы объединения ученых, в том числе и крупные исследовательские коллективы, целенаправленное финансирование и особую экспертизу исследовательских программ, их социальную поддержку, специальную промышленно-техническую базу, обслуживающую научный поиск, сложное разделение труда и целенаправленную подготовку кадров. В процессе исторического развития Н. менялись ее функции в социальной жизни. В эпоху становления естествознания Н. отстаивала в борьбе о религией свое право участвовать в формировании мировоззрения. В 19 ст. к мировоззренческой функции добавилась функция – быть производительной силой. В первой половине 20 в. Н. стала приобретать еще одну функцию, она стала превращаться в социальную силу, внедряясь в различные сферы социальной жизни и регулируя различные виды человеческой деятельности. В современную эпоху, в связи с глобальными кризисами возникает проблема поиска новых мировоззренческих ориентации человечества. В этой связи переосмысливаются и функции Н. Ее доминирующее положение в системе ценностей культуры во многом было связано с ее технологической проекцией. Сегодня важно органичное соединение ценностей научно-технологического мышления с теми социальными ценностями, которые представлены нравственностью, искусством, религиозным и философским постижением мира. Такое соединение представляет собой новый тип рациональности. В развитии Н., начиная с 17 ст., можно выделить три основных типа рациональности: классическую (17 – начало 20 в.), неклассическую (первая половина 20 в.), постнеклассическую (конец 20 в.). Классическая Н. предполагала, что субъект дистанцирован от объекта, как бы со стороны познает мир, и условием объективно истинного знания считала элиминацию из объяснения и описания всего, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности; экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Образцом реализации этого подхода явилась квантово-релятивистская физика. Наконец, постнеклассическая рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и ценностно-целевыми структурами деятельности, предполагая экспликацию внутринаучных ценностей и их соотношение с социальными целями и ценностями. Появление каждого нового типа рациональности не устраняет предыдущего, но ограничивает поле его действия. Каждый из них расширяет поле исследуемых объектов. В современной постнеклассической Н. все большее место занимают сложные, исторически развивающиеся системы, включающие человека. К ним относятся объекты современных биотехнологий, в первую очередь геномной инженерии, медико-биологические объекты, крупные экосистемы и биосфера в целом, человеко-машинные системы, включая системы искусственного интеллекта, социальные объекты и т.д. В широком смысле сюда можно отнести любые сложные синергетические системы, взаимодействие с которыми превращает само человеческое действие в компонент системы. Методология исследования таких объектов сближает естественнонаучное и гуманитарное познание, составляя основу для их глубокой интеграции.

© В.С. Степин

НАЦИОНАЛИЗМ – специфическое состояние сознания этноса и социально-психологических ориентации людей, а также сопряженные с ними идеология, теория и социальная практика.

Для обыденного сознания слово "Н." не имеет нейтрального звучания, оно всегда эмоционально окрашено. Суть Н. составляет проповедь собственной национальной выделенности и (или) исключительности, с необходимостью дополняемая недоверием к чужим (конкретно определяемым) этническим общностям и (в крайних проявлениях) – отказом им в праве на существование. Типичен для цивилизаций локального типа, чья культура фундирована осевой аксиологической оппозицией Мы – Они. Н. возникает как реакция этноса на деструктивные воздействия внешней среды (экономические, социальные и политические процессы, ино-этнические воздействия). Н. как политический принцип результировался в процессах образования национальных государств, распада империй и отделения колоний от метрополий. Т.обр. Н. – как "фактор влияния" превзошел и мировые религии докапиталистических обществ, и государственные образования имперского типа Нового времени. В первой таксономии Н. противостоял христианству и космополитизму, во второй – интернационализму и империализму. В рамках мононациональных государств Н. может варьироваться от изоляционизма (Албания 60–80-х 20 века) до экспансионизма ("японская модель"). В зависимости от исторической судьбы, численности, специфики доминирующих в его границах способов деятельности, степени различия его культурных норм с соседями и т.д. – реакция этноса (или "градус" Н.) может кардинально изменяться. Н. выступил, в частности, ответной реакцией многих этнических общностей на усиливающийся общемировой процесс интернационализации. Эта тенденция в контексте исторического опыта явилась неоднозначной. В экстремальных вариантах проявления Н. в национальном сознании происходит фетишизация собственно этнического начала, которое начинает рассматриваться как предельное основание бытия данной общности людей, как единственный критерий дифференциации между ними. Этническое становится объектом своего рода культа (вплоть до ритуализации). Н. чаще всего сводит этнические различия к генетическим, а последние – к их внешним проявлениям, которые и определяются в качестве единственного фактора, конституирующего национальную целостность. Идеология Н. постулирует также приоритет национальных ценностей перед личностными, приоритет государственности перед любыми иными формами социальной самоорганизации этноса, приоритет мифологизируемого национального прошлого и желаемого будущего перед настоящим, приоритет "культурной" и "народной" самобытности перед установками "бескорневой" интеллигенции. Для индивида в условиях кризиса традиционных общественных институтов этнос – наиболее устойчивая референтная группа, а Н. – самый доступный психологический субститут выхода из состояний фрустрации. Неизбежно недооценивая всю сложную систему созданной этносом хозяйственной, политической, духовной культуры, результаты многочисленных межэтнических взаимопроникновений (в том числе и генетических), имевших место в исторической судьбе данного народа, Н. абсолютизирует этническую замкнутость, ведущую к застою, упрощению и упадку данной национальной культуры. Н. – неизбывная и в известном смысле позитивная черта человеческого сообщества, ибо даже потенциальная угроза его экспансии необходимо стимулирует процессы обновленческой трансформации структур международного сотрудничества в решении глобальных проблем и оптимизации всей совокупности межгосударственных отношений.

А. А. Грицанов

НАЦИЯ (лат. natio – племя, народ) – полисемантическое понятие, применяемое для характеристики крупных социокультурных общностей индустриальной эпохи. Существует два основных подхода к пониманию Н.: как политической общности (политические Н.) граждан определенного государства и как этнической общности (этно-Н.) с единым языком и самосознанием. Многозначность понятия Н. отражает наличие множества концепций феномена Н. Наибольшее влияние на современное понимание Н. оказали идеи К. Дойча, Э. Гелнера, Б. Андерсона и Э. Смита. Для социально-демографического подхода Дойча ("Национализм и социальная коммуникация", 1966) характерно функциональное определение Н. как группы, в пределах которой уровень коммуникативной активности значительно выше, чем за ее пределами. Гелнер ("Нации и национализм", 1983) считал, что Н. есть результат потребности современного общества в культурной гомогенности, обусловленной развитием индустриального производства. Становление Н. непосредственно связано с распространением всеобщего образования и средств массовой информации. Н., по Гелнеру, – целенаправленно создаваемые общности. Ведущая роль в этом процессе принадлежит интеллигенции. К пониманию Н, Гелнером во многом близка позиция Андерсона ("Воображаемые сообщества", 1991), рассматривающего современные Н. как искусственно создаваемые "воображаемые сообщества". В основе этого процесса, по Андерсону, лежит феномен "печатного капитализма" со свойственными ему газетами и романами, изображающими Н. как социокультурную общность (ср. с аналогичными идеями Мак-Люэна). Вместе с тем Смит ("Происхождение наций", 1989), напротив, подчеркивает, что современные Н. органично связаны с доиндустриальными общностями, обозначаемыми им как этнии. По Смицу, все их разнообразие может быть сведено к двум типам: аристократическому и народному. Н., возникающие на базе первого типа этний, создаются путем бюрократической инкорпорации низших социальных групп в рамках одного государства. Ведущую роль в формировании Н. из народных этний играет интеллигенция, борющаяся за сохранение этнических традиций.

П.В. Терешкович

НОМИНАЛИЗМ (лат. *nomina* – имена, *nominalis* – относящийся к названиям) – (1) – в узком смысле – направление средневековой схоластики, конституирующееся как один из вариантов решения проблемы универсалий и противостоящее реализму по критерию интерпретации природы последних (см. Универсалии); (2) – в широком смысле – интерпретационная парадигма, проявившая себя в ориентации философии, науки, логики, математики, этики, теологии и др. сфер культуры на семантическое и аксиологическое доминирование конкретной единичности над абстракцией общего. Базовый тезис Н. констатирует лишенность общих понятий онтологического статуса и связывает их существование в качестве имен только со сферой мышления. Основополагающие идеи Н. были высказаны еще в античной философии в контексте критики платоновской концепции "мира идей" стоиками, киниками (Антисфен и Диоген Синопский) и перипатетиками (Александр Афродизийский). В раннем средневековье взгляды, семантически изоморфные Н., высказывались Марцианом Капеллой (5 в.). В рамках узлового для средневековой философии спора об универсалиях оформление номиналистической позиции связано с именами Беренгара Турского (11 в.) и – особенно – Иоанна Росцелина (ок. 1050 – ок. 1122), давшего системное обоснование Н. В процессе длительной и острой драматической борьбы Н. с реализмом кристаллизуются многочисленные направления Н. с различными семантическими оттенками. Прежде всего, правомерно говорить о радикальном или крайнем Н., полагающем реальное существование лишь единичных вещей (*res singulares*), в то время как общие понятия (имена) объявлялись лишь "звучанием голоса", *flatus vocis* (Росцелин), и об умеренном Н., усматривающем основания интегрирующего имени в онтологически заданных свойствах сходных вещей (концептуализм, терминизм). Веер культурных аппликаций Н. достаточно широк. Прежде всего, в своем приложении к теологической проблематике он выступает основанием критики тринитарного догмата, отрицая общее понятие, объединяющее ипостаси Троицы в качестве реальной сущности (решением Суассонского Собора (1092) Иоанн Росцелин был обвинен в "тритеизме", а его учение было квалифицировано как еретическое), в силу чего Н. впоследствии неоднократно актуализировался в контексте антитринитаристских идей. В приложении к гносеологической проблематике Н. выступает в историко-философской традиции своего рода принципиальным основанием сенсуализма: в средневековой философии – Николай из Отрекура, Николай Орем, Жан Буридан и др., что же касается более поздних экспликаций, то в варианте концептуализма Н. фундирует собою программу синтеза эмпиризма и рационализма (Локк); в крайнем же своем варианте Н. послужил основой субъективизма в гносеологии и тактически был положен в основу неопозитивистской программы элиминации из языка науки "метафизических суждений" (физикализм). В приложении к антропо-этической и социальной проблематике Н. задает яркий вектор индивидуализма: от ранних концепций свободы воли у Иоанна Дунса Скота до индивидуалистических концепций 14 в., фундированных принципом невозможности примата общего (целого), т.е. социальной иерархии, над частью, т.е. частной жизнью (идеи "соборного движения" за признание авторитета национальных собраний верующих выше авторитета папы). Применительно к проблематике логической Н. закладывает ориентацию на узкую трактовку исчисления предикатов, основанную на том принципе, что значениями переменных могут выступать лишь онтологически артикулированные объекты, их дискрипции и имена, но не символические термины, смысл которых задается контекстом (тезис Куайна о недопустимости связывания универсалий кванторами \forall и \exists , ибо в противном случае логика неизбежно сталкивается с парадоксами; классический пример – парадокс Рассела). Будучи апплицированным на сферу осмысления фундаментальных оснований математики, Н. становится актуальным в 1-й четверти 20 в. И если становление теории множеств стимулировало возрождение в математике так называемого платонизма (Г. Кантор, Фреге), допускающего неограниченное введение абстракций как онтологических сущностей (принцип абстракции), то в противовес ему в сфере логико-философских оснований математики оформляется изоморфная Н. программа исключения абстракции (С. Лесьневский, Л. Хвистек, Котар-биньский, Тарский, Н. Гудмен, Куайн, Л. Генкин, Р. Мартин и др.). Целью этой программы является построение вне-парадоксальной математики на основе формализованных языков, в системе которых реализуется исключение абстракций (теорема исключения абстракций В. Крейга) и замены их языковыми моделями (функциональная семантика Тарского). Такая постановка проблемы выводит в сферу внелогической проблематики, касающейся фундаментальных философских вопросов: "как символизм математики функционирует в качестве языка, полезного при взаимодействии между теми, кто употребляет этот символизм, и их физическим окружением? На самом деле это и есть решающий вопрос. В чем состоит соотношение между языком и объектами мира?" (Л. Генкин). В этой связи номиналистическая программа позволяет расширить подход к проблеме математического формализма и языка, инспирируя развитие таких сфер, как логическая семантика, формальная семантика, теория записи, языковое моделирование и др.). Н., таким образом, может рассматриваться не только как направление средневековой схоластики, но – шире – как культурный феномен парадигмального характера, проявивший себя в различных социокультурных областях.

М.А. Можейко

НОРМА (лат. norma – руководящее начало, правило, образец) – 1) средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений; 2) понятие, обозначающее границы (меру трансформаций), в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение, сохраняют свои качества и функции; задающее их внутреннюю соразмерность (упорядоченность). В социальной сфере Н. конкретизируются через нормативы (специально аналитически рассчитываемые характеристики состояний), правила и предписания, а также через соотносимые с ними эталоны – образцы. Н. выступают как регулятивы социальных взаимодействий всех уровней и видов, обеспечивающие их организацию, упорядочивание, институционализацию и контроль. Изменение Н. является одним из механизмов изменения характера и направленности человеческой активности. Н. имеют два способа своего закрепления (и функционирования): знаковый (их закрепление в санкционируемых культурой кодексах, законах, сводах правил и т.д., а также тексты культуры как таковые в плане нормативности их содержания; и социальный (их встроенность как схем в деятельность, поведение, общение). Кроме того, мышление, осознаваемая психическая жизнь также подчиняются определенным представлениям о "нормальности", репродуцируемым в данной культуре (Н. суть "лишенная пространства точка между сумасшедшим и дураком", – Лотман). Сверхзадача Н. – удержать инвариантность через полагание пределов вариативности. Инвариативность в Н. – это отсылка к "стоящей" за ней и "выражаемой" в ней ценности. Статусом абсолютности в культуре может обладать только последняя, но она как бы инверсирует эту абсолютность в Н., подкрепляя последнюю своим авторитетом. Н. как абсолютизированное относительное, выступает законом функционирования социокультурных целостностей, обеспечивающим их устойчивость и самоидентичность. В социальной реальности Н. могут складываться стихийно как практически находимые эффективные схемы взаимодействий, действий и отдельных операций (преобладающий тип нормотворчества в традиционных культурах), а могут специально (вне предполагаемых областей применения) разрабатываться соответствующими институтами (в том числе и через специальную обработку эксплицированных практических схем) и целенаправленно внедряться в социальную жизнь (преобладающий тип нормотворчества в нетрадиционных культурах). Предлагаемая Н. может быть отторгнута на уровне социокультурных практик. Принятие же означает ее постепенную стерео-типизацию в схемах опыта, с возможным последующим вторичным ее осознанием как естественно возникшей в самом этом опыте и необходимостью ее нового "снятия". Такого рода схема движения Н. может быть обозначена как норма-цикл, предполагающий переменную оборачиваемость знаковой и социальной форм функционирования Н. Опривычивание ("хабитуализация"), нормирование, легитимизация и санкционирование (с акцентом на нормирование и включении в нормоцикл) – это способ освоения в системе актуальных отношений любой инновации (иначе последняя остается на уровне культурного артефакта). Исторически Н. возникает из традиции как основного регулятива в архаических и доминирующего в традиционных обществах. Логически же сама традиция (в определенном аспекте своей функциональной нагрузки) может быть рассмотрена как особый тип Н. Принципиальное отличие Н. от традиции усматривается в принципиальной "вписанности" последней в процессы жизнедеятельности (регуляция всегда "изнутри") и возможности (и преобладания) в Н. регуляции "извне", ее не только целевой, но и возможной целеполагающей предназначенности к регуляции не столько самих процессов жизнедеятельности, сколько стремящихся к институционализации связей и отношений (хотя Н. и задает со-размерность любым социокультурным проявлениям и может быть интериоризирована, стереотипизирована в опыте). Н. и традиция в пределе (в идеальном типе) имеют: разные генетические основания – Н. искусственно конструируется, традиция складывается естественно-исторически (1); разный характер своей обязательности – Н. санкционируется (приобретает легитимизацию) вне регулируемой ситуации специальными институтами, традиция же стремится к самодостаточности, автономизации областей действия своей регуляцией, не нуждается во внешних институтах (2), традиция стремится помогенизировать свои содержания, Н. – гетерогенизируется, расщепляется по мере обнаружения в ней новых содержаний и применения к новым ситуациям регулирования. Учет этих оснований различия позволяет выделить четыре типа подсистем в полной социокультурной нормативной системе. Две из них характеризуют нормирование через традицию (аутентичная и вторичные виды традиции; последние есть по сути традиционализированные, т.е. "оестественные" Н.). Две других – нормирование через Н. (собственно Н. – технические и большинство социальных (в узком смысле слова) как регулирующих социальные взаимодействия и отношения, процессы распределения власти и управления в социальных системах; Н. как "оискусствленные" традиции). Кроме того, традиция и Н. векторно разнонаправлены. Традиция стабилизирует и задает инерционность, акцентирует момент преемственности, детерминирует из прошлого. Н. – реагирует на изменения, акцентирует момент креационности (механизм внедрения инновации), детерминирует из будущего. Традиция непрерывна в своем действии, Н. – дискретна. Первая как бы задает внутреннюю, а вторая – внешнюю формы. Во внутренней структуре Н. выделяются три составляющие: диспозиция Н. (описание ситуаций и способов применения, транслируемых в Н. содержаний), императив Н. (обязательства, накладываемые Н.), характер связи диспозиции и императива (предписывание, дозволение, запрещение). Акцентирование императива определяет жесткость Н., акцентирование диспозиции – ее релятивность. В последнем случае в Н. явственнее проступает стоящая за ней ценность

("ценности сами по себе вообще не имеют места в мире сущего.., но значат" - Виндельбанд), в первом - актуальные социальные потребности и интересы. Хотя и ценностно-проявляющиеся (культурные в узком смысле слова) Н. могут носить достаточно жесткий характер (особенно "табу" культуры), а выражение непосредственных социальных потребностей и интересов - быть достаточно мягкими (прежде всего, дозволения, в предельном случае - максима "что не запрещено, то разрешено"). Различают: неразвитые Н. (императив практически не прописан), "мертворожденные" Н. (императивы не имеют под собой социальных и (или) культурных оснований), Н.-фикции (условий для действия императива уже нет, но Н не денонсирована и продолжает нести знаковые нагрузки), Н.-фантомы (императивность Н. (как они сами) запрещается, но продолжает реально действовать, например приоритет закона кровной мести перед санкционируемым государством уголовным законом, преследующим кровную месть), реальнодействующие (в разной степени актуализации) Н. По генетическому источнику императива можно различать: Н. экстравертированные (внешний источник, власть), Н. интровертированные (самопорождающиеся), Н. амбивалентированные (Н.-амбовер-ты). Этим задается сила или слабость Н. Ситуацию "отсутствия" или "исчезновения" Н. Дюркгейм предложил описывать как "аномию". Нарушение Н. описывается в социологии как социальное отклонение (девиация). В культурологических и культурологических анализах особый интерес вызывает выявление реальных источников императивности на микроуровнях социума, в микросредах и конкретных жизненных ситуациях. В данном случае речь идет о референтных источниках Н., инвертирующих Н. и доводящих их до конкретного потребителя. Н. не действуют в культуре и социуме изолированно друг от друга, а образуют, как правило, соотносимые и (или) конкурирующие нормативные системы. В этом отношении проводится дифференциация Н. по сферам их применения (этические, социальные в узком смысле слова, культурные в узком смысле слова, эстетические, правовые и т.д.). В литературе представлены тенденция к универсализации всех Н. либо как социальных, либо как культурных (в широком смысле слова) и противопоставления их на этом основании "Н.", регулирующим природные (иногда и технические) системы. В целом Н. суть средства духовно-практического освоения мира, способы познания и действия субъектов, необходимое условие установления взаимоотношения их между собой. Н. суть социокультурные программы.

В.Л. Абушенко

ОБОСНОВАНИЕ - мыслительный процесс, основанный на использовании определенных знаний, норм и установок с целью регламентации и эталонизации практической и познавательной деятельности. В ходе О. устанавливается связь между двумя объектами - основанием и обосновываемым, сообщая при этом второму какие-либо характеристики первого. О. - важнейший компонент научного знания. Наряду с такими характеристиками научного знания, как его истинность, нацеленность на отражение существенных свойств исследуемого объекта, наличие особых языковых средств, системность, обоснованность является признаком, специфицирующим научное знание и отличающим его от донаучного и ненаучного знания. О. является логическим каркасом научной аргументации, подобно тому, как понятие является логической формой слова (словосочетания), а суждение - логической формой предложения. В зависимости же от специфики изучаемой предметной области в процессе научной аргументации используются различные виды О.:

доказательство, опровержение, подтверждение, объяснение, интерпретация, определение, оправдание и др., отличающиеся друг от друга характером тезиса (обосновываемого положения), привлекаемых оснований (аргументов), и способом связи между ними. Для различных видов О. характерна общая логическая структура, которая совпадает с логической структурой аргументации и включает тезис, аргументы и способ связи между ними, различие между видами О. заключается в содержательном наполнении этой структуры. Однако объектом научного О., в качестве которого может выступать, например, обосновываемое положение или тезис, всегда является элемент системы теоретического знания, оцениваемый с точки зрения его применимости в данной системе, выполнения им функций, определяемых характером системы. В процессе научного О. осуществляется перенос свойств от одних, уже принятых в науке положений, на другие, еще не принятые и, таким образом, происходит формирование, созидание последних. В этом существенное отличие научного О. от ненаучного, каковым является, например, ссылка на авторитет. Процесс О. научного знания не исчерпывается лишь когнитивными, внутринаучными механизмами отдельных теоретических положений и утверждений, гипотез, теорий, а включает в себя и весь контекст философского и социокультурного измерения. Все это обуславливает историчность и изменчивость различных видов О., специфику их использования в различных моделях научного знания. В логических и математических моделях знания, опирающихся на средства формальной логики, широко используется такой вид О., как доказательство, и знание изображается как совокупность связанных между собой формально-логическими отношениями высказываний. Естественнонаучное знание не может обходиться без таких видов О., как эмпирическая интерпретация, подтверждение и т.д. Дифференцированный анализ необходим и по отношению к различным структурным компонентам соответствующих видов О. В доказательствах, опровержениях, подтверждениях под сомнением оказывается истинность тезиса, в других видах О., например, в оправдании

- под сомнением может оказаться не только его истинность, но и ценностные, нормативные характеристики тезиса. Что касается аргументов, то в таких видах О., как доказательство, опровержение, подтверждение они должны быть истинными суждениями; по отношению к объяснению и оправданию требование истинности доводов значительно ослаблено, и в качестве их могут выступать гипотетические положения. Характером связи между тезисом и аргументами во многом детерминируется, т.наз. принудительная сила научного О.

Наибольшей принудительной силой обладает дедуктивная демонстрация, меньшей принудительной силой обладает индуктивная и редуктивная демонстрация.

Я.С. Яскевич

ОБРАЗ ЖИЗНИ - понятие отечественной социологии, характеризующее конкретные социокультурные интерьеры (типичные формы, способы и механизмы) жизнедеятельности социальных субъектов. Термин появился в самом конце 60-х 20 в., активно использовался на протяжении 70-х - начала 80-х и практически исчез из научного оборота во второй половине 80-х: использовался как понятие прикладной социологии для фиксации реальных результатов исследований, выводящих на уровень повседневной жизни индивидов (как определенной целостности или отдельных ее достаточно автономных подсистем типа комплекса потребностей). Причем это понятие употреблялось как достаточно метафорическое, его "жесткое" социологическое содержание не рефлексировалось, вопрос об онтологическом статусе практически не ставился. Ситуация изменилась качественным образом, когда в контексте идеологической борьбы все чаще стал употребляться как самодостаточный термин оборот "социалистический О.Ж."; именно эти вненаучные причины и породили сопряженный исследовательский "бум" 70-х. В пропагандистских целях важно было противопоставить идеологическую альтернативу концепциям качества жизни, активно поддержанным западной социал-демократией и отыскать вне экономики аргументы, которые позволяли "показать коренные преимущества социализма". С этих позиций О.Ж. стал трактоваться именно как социалистический, подменяя значение термина в прикладной социологии. Он понимался, исходя из существующих нормативных моделей социализма как должного (а не реально имеющейся социальной действительности), прежде всего как антипод "всего буржуазного" и характеризовался через "эмпирически обосновываемые" черты-признаки: коллективистский, трудовой, интернационалистский и т.п. О.Ж. Трагизм ситуации заключался в том, что, дав толчок определенного рода исследованиям, идеология искажала реально возникшие социологические проблемы, заблокировала исследование онтологических структур обыденной жизни людей в ее целостности, которые в западной традиции представлены в различных вариантах так называемой "социологии повседневности". Вопрос об онтологии О.Ж. стал подниматься, хотя и не был отрефлексирован до конца, а предлагаемые решения носили явно половинчатый характер, в так называемой "ситуативной концепции О.Ж.", разрабатываемой примерно с начала 80-х. Перед исследователями, рискнувшими обратиться к разработкам в этом направлении, встал ряд проблем. Прежде всего, это касается выявления уровня, на котором онтологическим представлено понятие О.Ж. Анализ текстов выявляет здесь две противоречивые тенденции. С одной стороны, это тенденция, идущая от прикладной социологии, когда О.Ж. понимается как непосредственная эмпирическая фиксация наличной жизнедеятельности людей. С другой стороны, это тенденция, порожденная попытками теоретического осмысления понятия. Она выводит рассмотрение на уровень общества как тотальности, определяющей специфику поведения социальных субъектов на всех этапах социальной организации. В фокус внимания попадает целостность жизнедеятельности субъектов, охватывающая все сферы (участки приложения) их социальной активности. Первая традиция пытается прорисовать понятие как бы "снизу". Вторая - вписать его в понятийный ряд достаточно высокого уровня общности. Основой для сближения позиций выступает признание большинством авторов того, что именно целостность жизнедеятельности субъектов задает новое социальное качество, "схватываемое" понятием "О.Ж.". Феномен О.Ж. возникает не только как специфические реализации в жизнедеятельности субъектов тех возможностей, которые заложены в том или ином обществе и его подсистемах, не только как своеобразные реакции субъектов на воздействие внешних условий жизнедеятельности. Прежде всего, он порождается целостностью жизнедеятельности самих этих субъектов. Охарактеризовать О.Ж. - значит, поэтому, вскрыть причины многообразия поведения людей в одних и тех же условиях. О.Ж. есть особая форма, способ активного присвоения индивидами общественных условий своей жизни, но одновременно он является и формой, способом реализации себя в социальном, изменения самих этих условий своей жизни. Применительно к нему можно говорить об индивидуализации типического в жизнедеятельности субъектов, но с не меньшим основанием и о типизации индивидуального. Таким образом, понятие О.Ж. отражает повседневную жизнь социальных групп и индивидов в ее интегративности с точки зрения проявления и порождения в ней социально-типического. Основной теоретической проблемой, обсуждавшейся в литературе об О.Ж., была проблема соотношения форм и условий жизнедеятельности. Это требует прояснения фундаментальной для теории О.Ж.сылки: в какой мере автономны онтологические структуры О.Ж. и как они соотносятся с другими онтологическими структурами общества, с одной стороны, и в какой мере (и каким образом) целостность О. Ж. как особой социальной реальности "задается" самой этой

реальностью, а в какой она есть результат воздействия внешних социальных сил, с другой. По сути, в основе данной трактовки лежит не неэксплицированное допущение редукции проблематики О.Ж. к специфике проявления общесоциального на уровне повседневной жизнедеятельности, что является неизбежным следствием классических марксистских трактовок проблемы, результатом имплицитно присущей им ориентации на "естественно-исторический" характер социального развития, на безусловный приоритет над индивидуальными структурами, на то, что деятельность индивидов в конечном итоге детерминирована общесоциологическими законами. Наиболее последовательно данная точка зрения выражена, в так называемом "сферном" (структурно-декомпозиционном, описательном) подходе к исследованию О.Ж. в прикладной социологии. Здесь субъекты жизнедеятельности (О.Ж.) выделяются по заранее выбранным параметрам (условиям, характеризующим различные общественные сферы) и задача сводится к тому, чтобы проследить последовательность и меру их включения в различные сферы общественной жизни. За скобки рассмотрения выносятся, фактически, проблема самостоятельности, самоорганизации субъектов, проблема целостности их жизнедеятельности. Попытки преодолеть эти недостатки связаны с концепцией, понимающей О.Ж. в терминах "социальной сферы". Оба эти наиболее разработанные в литературе подходы лишают, хотя и в разной степени, понятие О.Ж. собственного содержания, не выявляют его онтологической специфики, позволяя в конечном итоге редуцировать его из системы общественных отношений в целом или из целостности собственно социальных отношений (социальной сферы). Остаются не выясненными здесь и механизмы конкретного присвоения и порождения индивидами общественных условий их жизни. Собственное содержание, не передаваемое через какие-либо другие категории, понятие "О.Ж." приобретает только тогда, когда мы движемся не от общества к индивиду, а от индивидов к обществу, когда мы способны "прорисовать" конкретные механизмы взаимодействия людей между собой и окружающими их условиями на уровне повседневной жизнедеятельности, понятой в ее относительной (по достаточно значительной) автономности от макросоциальных структур и в ее воздействии на эти макроуровни организации общества. Раскрыть конкретные механизмы взаимодействия людей между собой и окружающими их условиями, организации людьми своей повседневной жизнедеятельности, ее вписывания в более широкие социокультурные контексты попыталась оформившаяся к середине 80-х так называемая ситуативная концепция О.Ж. Этот исследовательский проект, к сожалению так и не реализованный по разным причинам до конца, интересен еще и тем, что он основывался на подробной концептуальной проработке онтологической проблематики и ставил своей конечной целью выход на крупномасштабные сравнительные (как региональные, так и временные) исследования. Центральным в этой концепции является понятие ситуации (ср. с исходной установкой у Парсонса). Оно используется в качестве единицы анализа О.Ж. человека как индивида или как представителя социокультурной группы. Исходной для человека является так называемая жизненная ситуация как итог особого, характерного именно для данного индивида на данном этапе его жизненного цикла сплетения всей системы его деятельности, поведения и общения с набором параметров условий, втянутых в орбиту его жизнедеятельности через активное оценочно-избирательное отношение к ним. Таким образом, это понятие позволяет проследить механизм присвоения индивидом внешних условий. Он их активно оценивает, пропускает через социокультурные фильтры и включает в деятельность как субъективированные условия. Тем самым открывается возможность проследить и взаимосвязь внешних и внутренних условий организации человеком своей повседневной жизни. В силу того, что жизненная ситуация не отличается устойчивостью, различают установившиеся и проблемные жизненные ситуации. Крайней формой проблемной ситуации является ситуация конфликтная. Проблематизация жизненных ситуаций благоприятствует изменению компонентов О.Ж., накоплению нового опыта, выработке новых ценностно-нормативных элементов социокультурной среды, новых образцов поведения и общения. Понятие ситуации позволяет описывать не только организацию непосредственной жизнедеятельности индивидов и групп, но и включать ее в социальные процессы, происходящие на более высоких уровнях организации общества. Речь идет в данном случае о так называемой социальной ситуации, выступающей как рамка деятельности различных социальных субъектов, в которую вписываются конкретные жизненные ситуации. Т.об., жизнедеятельность субъектов – это активный и избирательный процесс, направленный на разрешение противоречий и удовлетворение потребностей и интересов, достижение поставленных целей. Она может быть ориентирована как на воспроизводство, сохранение, поддержание сложившейся социальной (как, впрочем, и жизненной) ситуации, так и на ее преобразование, изменение, создание новой ситуации деятельности. Поэтому любую ситуацию необходимо рассматривать в двух аспектах: 1) как совокупность взаимосвязанных процессов жизнедеятельности, обеспечивающих ее стабильность; 2) как совокупность динамических процессов жизнедеятельности, вызывающих ее развитие или замену другой ситуацией. В первом случае исследуются факторы и условия, поддерживающие ее как целостную систему, когда не нарушается ее структура. Во втором – выявляются факторы и условия, потенциально или актуально вызывающие существенные изменения элементов структуры, что и обуславливает смену ситуации. Тем самым О.Ж. индивидов оказывается не только вписанным в ту или иную социальную ситуацию, но и выступает важнейшим структурирующим эту ситуацию компонентом. Более того, процессы, идущие на уровне О.Ж., позволяют понять некоторые механизмы смены социальной ситуации, а, следовательно, и

индивидуальных структур в целом. Поэтому О.Ж. очень важно понять как динамику социальных процессов на уровне индивидов, уровне повседневности, а не только как определенную структуризацию и организацию повседневности, жизнедеятельности индивидов. Структурная же упорядоченность проявляется через устойчивую связь условий деятельности людей с формами ее организации, иерархизацию процессов жизнедеятельности по их социальной значимости. При этом встает вопрос выделения критериев этой значимости для различных субъектов и социальных структур, их соотнесения между собой. В более общем виде – это проблема оценки многообразных репрезентированных моделей О.Ж., их типологизации и соотнесения между собой, что, в свою очередь, предполагает наличие эталона, нормативной модели, по отношению к которой производится сравнение. В связи с этим в исследовательской традиции выделилось два направления (подхода): конкретно-исторический и нормативно-сравнительный. Если первый из них ориентируется прежде всего на рассмотрение реальной жизнедеятельности субъектов, то другой – на его рассмотрение как репрезентированных в обществе ценностно-нормативных систем. С этой точки зрения О.Ж. выступает как совокупность возможных и желательных разновидностей реализации людьми имеющихся условий в конкретных ситуациях жизнедеятельности. На уровне субъекта управления это дает возможность формулировать последовательный ряд целей, степень достижения которых позволяет оценивать социальную динамику и влиять на нее в желательном направлении (нормативно-целевое прогнозирование, проблемно-целевой анализ и т.д.), с одной стороны. С другой стороны, это дает возможность различения и фиксации конкретных конфигураций О.Ж. как нормальных (приемлемых) или отклоняющихся по отношению к нормативным представлениям. Отсюда проблематика так называемого девиантного (отклоняющегося) поведения, т.е. несоблюдения индивидами принятых в той или иной социальной среде или в обществе в целом моральных и юридических норм. На уровне субъектов деятельности (конкретных индивидов) это позволяет оценивать О.Ж. с точки зрения обеспечения им адаптации к окружающим условиям, вписанности жизнедеятельности индивидов в социальную ситуацию. Сопоставление реальной деятельности с индивидуально желаемым, а также с общественно требуемыми неналичными ресурсами, делает возможным выявление динамики общественных процессов, позволяет определять основные тенденции развития О.Ж. и его подсистем. Нельзя "простроить" теорию О.Ж., не дифференцируя понятие О.Ж. от близкородственных понятий "уклад", "уровень", "качество", "стиль" и "стандарт жизни". Под укладом жизни понимают, как правило, характер структуризации условий жизни. Прежде всего – экономических. В социологической традиции понятие используется редко. Уровень жизни характеризует степень удовлетворения так называемых непосредственных потребностей. Как правило, через это понятие "схватывается" объем и структура личного потребления. Оно также характеризует прежде всего условия О.Ж., но может служить важным показателем его развития. Как дополнительное к нему можно рассматривать понятие "качество жизни", отражающее оценку качества условий бытия и возможностей использования этих условий. Это понятие особенно хорошо улавливает специфику так называемых субъективных условий О.Ж., характеризует репрезентированные ценностные и целевые системы субъектов, во многом определяя параметры удовлетворенности индивидов условиями и образом своей жизни. Наконец, понятие "стиль жизни" характеризует внешние аспекты поведения индивидов, его объемы, формы, направленность в соотнесении с конкретными индивидами и социальными группами, т.е. отражаемое им содержание характеризует О.Ж. уже не со стороны условий, а как бы изнутри его самого. В обществе в целом, в его отдельных подсистемах, у различных социальных групп и у отдельных индивидов формируются системы оценок нормативного или компаративного характера, которые можно обозначить как репрезентированные стандарты О.Ж., составляющие в значительной мере предмет исследования в нормативно-сравнительных разработках О.Ж.

В.Л. Абушенко

ОБЪЯСНЕНИЕ – функция познания, науки, научной теории, реализуемая через логико-методологическую процедуру экспликации сущности одного предмета, явления, события, действия и т.д. (объясняемое, "новое") через другое (объясняющее, "наличное"), имеющее статус достоверного, "очевидного", понимаемого. Противостоит пониманию (см. Историзм). Компонента О. входит в познавательные акты во всех сферах и на всех уровнях человеческой деятельности. Специально проблема О. поднималась и рассматривалась на дисциплинарном уровне в философии и теологии. В европейской культуре функция О. постепенно закрепилась прежде всего за научным знанием. Научное О. должно отвечать, как минимум, двум требованиям: 1) адекватности – его аргументы и характеристики должны иметь непосредственное отношение к предметам, явлениям, событиям, которые они объясняют; 2) принципиальной проверяемости (непосредственно или через свои следствия). По своей логической структуре О. представляет рассуждение или умозаключение, посылки которого содержат информацию, необходимую для обоснования такого рассуждения (умозаключения). Посылки называются экспланансом, следствия из них – экспланандумом. Эксплананс и экспланандум связаны между собой отношениями выводимости (следования). О. осуществляется как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях организации научного знания. О. в естествознании ориентируется прежде всего на раскрытие причинно-следственных связей и отношений, хотя могут объясняться и генетические, структурные,

функциональные зависимости, но в любом случае речь идет о выявлении картины детерминации объекта (явления, события), его зависимостей и обусловленностей. Чем полнее и глубже вскрыты обусловленности, тем выше ценность *O*. Наиболее известна и признаваема в методологии познания – дедуктивно-номологическая модель научного *O*. Поппер считал, что дать причинное *O*. события значит дедуцировать утверждение, которое его описывает, используя в качестве посылок один или более универсальных законов совместно с определенными единичными утверждениями о первоначальных условиях. Аналогично, Карнап утверждал, что эксплананс должен содержать хотя бы один закон науки. Таким образом, суть данной модели *O*. состоит в подведении под закон объясняемого явления. При этом дедукция понимается здесь не как умозаключение от общего к частному, а как любой вывод, заключение которого следует из имеющихся посылок с логической необходимостью по принятым правилам дедукции. С точки зрения К. Гемпеля, общий закон – это универсальное условное высказывание, которое может быть подтверждено или опровергнуто с помощью эмпирических данных, а само *O*. понимается как "гипотеза универсальной формы" (ссылка на причины или определяющие факторы данного события). Дедуктивно-номологическая модель *O*. дополняется дедуктивно-фактуальной моделью (*O*. через эмпирически фиксируемую закономерность, иногда говорят об *O*. с помощью замаскированного закона), а их обобщение может быть обозначено как схема Поппера – Гемпеля, суть которой *U*. Дрей определял как модель "охватывающего закона". Особые варианты дедуктивных *O*. – это *O*. эмпирических законов через теоретические принципы, через законы более высокого порядка, а также *O*. внутри гипотетико-дедуктивной теории (метода). Гемпелем подробно разработана и теория индуктивно – статистического *O*., предполагающая установление эмпирических отношений между классами событий как свое основание и трактующая индукцию не как процесс рассуждения от частного к общему, а как всякое рассуждение или умозаключение, посылки которого в той или иной степени подтверждают заключение, которое носит вероятностный характер. Гемпель рассматривает в этой связи как особый вид вероятностных *O*. – дедуктивно-статистические (эксплананс содержит по крайней мере один статистический закон или теоретический принцип). В целом любое дедуктивное *O*. можно истолковывать как особый случай индуктивного *O*., когда степень вероятности экспланандума становится равной единице (100%) и, следовательно, вероятностный вывод становится достоверным. Схемы *O*. могут не быть полностью развернуты (предъявлены) и тогда речь идет о неполных *O*. ("объясняющих скетчах", по Гемпелю). Как особый тип *O*. можно принять схемы операционализма и инструментализма, предполагающие экспликацию "неизвестного" и его (если это возможно) редукции к "известному". Дреем была предложена (прежде всего для анализа исторических событий) модель "непрерывной (последовательной) серии событий (происшествий)", в которой *O*. есть заполнение пробелов в серии, восстановление ее непрерывности. Для анализа исторических событий Дреем и др. была предложена модель рационального *O*., суть которой заключается в *O*. поведения исторического агента (деятеля, лица) через его мотивы, т.е. через оценку его адекватности ситуации (что предполагает "проецирование" исследователя в ситуацию, ее "переигрывание", "вновь испытывание", "вновь продумывание"). У Коллингвуда цель рационального *O*. – воссоздание "внутренней стороны" исторического события, которую составляют мысли исторического агента. Основные трудности, с которыми сталкивается рациональное *O*., следующие: 1) наличие разных типов рациональности и различие их стандартов в различные исторические времена и в разных социокультурных слоях общества; 2) нерационализируемость полностью человеческого поведения. Гемпелем в связи с этим было предложено рациональное *O*. не через мотивы, а через меру следования системе принудительных норм, задающей цели действия (действие в соответствии с диспозициями). Особая разновидность рациональных *O*. предложена в этнометодологии. Г.Г. фон Вригт противопоставил как концепциям причинного (истоки которого он усматривал в установках физики Галилея на предсказание события), так и концепциям рационального *O*. – модель телеологического (интенционального) *O*., истоки которой он относил к установке Аристотеля сделать факты финалистически понятными. *O*. состоит не в указании рациональности действия, а цели, которую преследует индивид (или его интенций), и опирается на теорию "практического вывода" (в котором одна посылка говорит о желаемом результате (цели), другая же указывает на средства достижения этой цели, а выводное суждение представляет собой описание действия; при этом схема может быть усложнена введением в посылки дополнительных ограничений на возможное действие). Связь *O*. с описанием, нарративом, породила ряд нарративных концепций *O*. Так, Т. Никклз, исходил из того, что объясняя факты, мы имеем дело с различными их описаниями, которые трудно поддаются трансформации друг в друга и поэтому должны быть объяснены как отдельные. Отсюда модель сингулярных причинных *O*., исходящая из критического переосмысления идей Гемпеля. Тем самым в *O*. снимается требование наличия связей выведения, которые могут быть даны через рассказ (объясняющий нарратив, указывающий на то, что событие не было неожиданным, как это изначально казалось). Как особый тип *O*. рассматриваются так называемые модельные *O*. (*O*. с помощью моделей, прежде всего знаковой природы).

В.Л. Абушенко

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ – процедура установления связи концептуальной схемы с ее методическим инструментарием, заключающаяся в поиске средств фиксации в наблюдении

референтов (денотатов) концептуальной схемы и обосновании их валидности. В О., фиксируются доступные наблюдению и измерению признаки (характеристики) объектов – индикаторы, которые также подлежат обоснованию в качестве таковых. О. противоположна по направленности концептуализации: если последняя задает вектор движения "вверх" в уровнях организации знания и суть движение в сторону абстрактного, то О. есть движение "вниз" – в сторону конкретизации. Работа в режиме О. обеспечивает онтологическое подтверждение концептуальной схемы. О. трактуется как эмпирическая интерпретация понятий, т.е. экспликация их содержаний. "Обратное" движение от уровня "наблюдаемости" к концептам обозначается как первичное концептуальное объяснение. О. – сложно организованная процедура, включающая в себя минимум четыре уровня разнокачественной работы. Это уровень перевода концептов в операциональные определения и показатели, т.е. в конечном итоге указания эмпирических значений теоретических смыслов (логическая процедура); уровень измерений по сконструированным определениям и показателям (предполагает выход в эмпирическую процедуру); "вычисление" (статистическая процедура), допускающее возможность построения математической модели, состоящей из переменных; уровень вывода ненаблюдаемого (концептуального) из наблюдаемого (упорядоченные данные, прошедшие, если это предусмотрено, статистическую обработку: интерпретационная процедура, первичное концептуальное объяснение). Согласование процедур, взаимопроникающих друг в друга (операциональные определения и измерения, "вычисление" и интерпретация), между собой осуществляется в интерпретационной схеме, которая, в свою очередь, подлежит обоснованию и согласованию с концептуальной схемой. Таким образом, интерпретационная схема может быть понята как "схема распознавания" смыслов предметностей, как комплекс средств для выявления существенных черт исследуемой действительности. Она предполагает наличие верификационной модели и неформализованных (неформализуемых) представлений, извлеченных как из концептуальной схемы, так и из знаний и опыта исследователя. О. – это работа по переводу концептов в иерархию конструкторов, вплоть до "деления шкалы" измерительного инструмента, и обеспечение обратного перевода. В социологии О. понимают в этом отношении как работу по переводу понятий в систему показателей. В любом случае она сопровождается сменой языков и заменой используемых терминов, содержит в себе содержательный и формальный аспекты.

В.Л. Абушенко

ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ (лат. operatio – действие) – направление в философии науки, согласно которому содержание научных концептов и конструкций обуславливается способами (схемами и практическими и (или) умственными процедурами) взаимодействия субъекта с объектом. Первый вариант операционалистической концепции был предложен в начале 20-х 20 в. Н. Кэмпбеллом, но возникновение О. как самостоятельной доктрины связано с именем американского физика и философа, лауреата Нобелевской премии 1946 за исследования в области экспериментальной физики П.У. Бриджмена (1882-1961). Основы О. были изложены им в работе "Логика современной физики" (1927), а затем развиты в работах: "Мыслящий индивид и общество" (1938), "Размышления физика" (1955), "Природа некоторых физических понятий" (1957) и др. От идей О. отталкивался в создании новой генетической эпистемологии (Пиже, Выготский). Благодаря их работам в психологии закрепилось понятие интe-риоризации, фиксирующее процесс свертывания и "овнутривания" внешних предметных действий в психический образ. Работа со схемами легла в основу концепций, благодаря которым была преодолена монополия сенсуалистической ориентации в педагогике (В.В. Давыдов и др.). Различные схематоники и "работа по схеме многих знаний" входят в число базовых понятий в системно-мыследеятельностной (СМД) методологии. В поисках своих предтеч сторонники операционалистической ориентации ссылаются на идеи Канта: на тезис о том, что субъект познает в объекте свои же собственные определения, и на кантовское неразвернутое теоретически положение о том, что в действительной основе чувственных представлений лежат не образы предметов, а схемы, сообразно которым становятся возможными образы. Однако классический О. связан все же с концепцией Бриджмена. Последний ввел в науку понятие операционального определения как конструирование понятия через описание совокупности экспериментально-измерительных операций ("Понятие синонимично с известной совокупностью операций") и показал, как через оперирование с "линейкой" и "часами" А. Эйнштейн вводил понятия "пространства", "времени", "одновременности" и т.д. в свою теорию относительности. Первоначальная версия О. содержала жесткое требование определения всех понятий науки в терминах измерения и внешней (эмпирически-экспериментальной) деятельности. Не выдерживающие такой процедурной проверки понятия признавались "пустыми определениями" и подлежали элиминации из системы научного знания. В этом отношении операциональные определения Бриджмена оказались близки верификационной концепции неопозитивизма, в частности понятию редукционных предложений Карнапа (требованию прояснения значения терминов в языке наблюдения). В принципе редукционные предложения и операциональные определения (через процедуры "сворачивания" и "развертывания" содержания) можно рассматривать как взаимопереводимые друг в друга. Однако уже в "жесткой" ("сильной") версии О. была заложена иная, чем в неопозитивизме, исследовательская установка – на выявление происхождения (генезиса) понятий, развитая затем в генетической эпистемологии Пиже.

Под воздействием критики Бриджмен предложил в дальнейшем "мягкий" ("ослабленный") вариант О. и, соответственно, понимания операциональных определений, получивший развитие в работах других сторонников О. Во-первых, было снято требование обязательной "внешней" (эмпирической) процедуры. В работе "Размышления физика" наряду со способом образования понятия на основе практических схем действия, рассматривается и вариант его задания через совокупность умственных операций, подобных операциям счета, иначе – "карандашно-бумажных операций". Во-вторых, было признано, что часть теоретических конструкторов сама по себе лишена значения; она не соотносима напрямую с наблюдаемыми объектами и задается внутри какой-либо принятой теоретической схемы (исходная посылка, заложенная в понятие операциональных определений, принципиально отрицала возможность определения одной абстракции через другую). В-третьих, было установлено, что полное содержание понятия не сводимо к сумме свернутых операций любого рода, не схватывается "без остатка" в конвенциях ученых и может включать в себя "неоперациональные значения" хотя бы в силу уникальности личного опыта исследователя и изначальной уникальности каждой отдельно взятой операции. М. Бунге переистолковал операциональные определения как операциональные соотношения, позволяющие найти числовое выражение для величины, которая имеет значение до и независимо от акта измерения, т.е. дающие прежде всего психологическое понимание значения выражений, включающих операционализируемый термин. Это позволяет распространить подходы О. на анализ проблем понимания и соотношения структур опыта и языка; мы понимаем, если знаем, какие операции необходимо осуществить, чтобы дать ответ на вопрос: концепция понимания через "третьи вещи" (понимание "сделанным"); знаменитый тезис Мамардашвили о Сезанне, который понимает (мыслит) яблоками, а не яблоки). Операциональный анализ позволяет уточнять области применимости понятий, с одной стороны, и обнаруживать псевдопроблемы в конкретных теоретических областях (неосуществимость процедур понимания через действие как лишение осмысленности). В плане соотношения структур опыта и языка, О. настаивает на неопределенности опыта только в языке. В опыте определяемое (языковое выражение) всегда соотносится с определяющим (операции, действия человека). Кроме того, Бриджмен различает "мой язык" (индивидуально-неповторимый) и "используемый язык" – язык как средство общения, ориентирующийся на удаление из опыта индивида, посредством которого опыт индивида, т.е. его действия и переживания, ставятся в соответствие языку как особой структуре. Структуры опыта и структуры языка лишь частично соответствуют друг другу; структуры языка, во-первых, по-разному понимаются в зависимости от контекстов опыта, с которыми они соотносятся, а во-вторых, их отрыв от структур опыта способен порождать пустые вербализации. Отсюда вытекала дополнительная трактовка соотношения экспериментально-измерительных (эмпирических) процедур и "карандашно-бумажных" операций (языковых и математических) – соотносимых, но всегда различимых. Для последних устанавливается требование не порождать противоречия в дальнейших рассуждениях. Сами же они могут быть проинтерпретированы как экспериментально-измерительные процедуры со знаками и языковыми структурами. Любое понятие, с точки зрения О., содержит в себе одновременно две тенденции, проявляемые в операциях (работе) с ними: тенденция к дифференциации (операционализация понятий) и тенденцию к интеграции (концептуализация понятий). Дифференциация при этом понимается как требование уникализации значения понятий. Операциональное значение должно быть настолько единственным, насколько это возможно. Разные процедуры (измерения) формируют различные понятия объектов. Как продукт взаимодействия субъекта и объекта операция не похожа на объект и не сводима к его содержанию. Отсюда тезис Бриджмена о том, что "если применяются два вида операций, то, строго говоря, должны использоваться два имени". Но, с другой стороны, дифференциация постоянно сопровождается и контролируется интеграцией, так как всегда необходимо удостоверяться в том, что различие двух и более понятий не приводит к появлению псевдопроблем, характеризующихся в том числе и использованием разных имен для обозначения одного и того же. Эквивалентность двух операций может быть установлена только в эксперименте, однако и он лишь частично дает возможность для отождествления, так как "имена" могут оказаться несовместимыми из-за наличия в них неоперациональных элементов. Отсюда дополнение экспериментальных процедур логическими: только при обнаружении разнообъемности понятий и (или) невозможности редукции сложного к простому (в том числе и в силу неизвестности процедур сведения) мы получаем основание для различения описаний (понятий). В рамках О. был выработан и иной ("инвариантный" подход) к установлению значений: если объект преобразуется независимыми группами операций, а в содержании образа создается инвариант, независимый от специфики операций, то подобный инвариант можно рассматривать как аналог предметного значения знания. Расширение принципов О. на научное знание вообще позволило сформулировать внутри направления представление о смене научных картин мира и научных революциях как проявлениях пересмотра общепринятых фундаментальных способов измерения и изменения процедур определения понятий. Принципы О. были расширены на понимание социокультурных процессов, что, в свою очередь, фундировало концепцию в целом. В этом отношении функции операции выполняют поступки и переживания людей, в терминах которых истолковываются понятия социальных наук. Суть любого явления эксплицируется через выявление того, что и как мы (социальные агенты) каждый раз делаем. Бриджмен, в частности, считал возможность полной рационализации человеческого поведения иллюзией. Носителем рациональности выступает не индивид,

поведение которого спонтанно, а социальность, подчиненная определенным нормам и законам. Поступки же человека всегда контекстны, зависят от конкретных ситуаций их совершения, все их последствия заранее не прогнозируемы, а сами они складываются зачастую стихийно. Рационализация человеческого действия происходит, как правило, *post-factum*. Рациональное действие есть действие, проектирующее в будущее регулярные связи, обнаруженные в прошлом. Отсюда тезис Бриджмена о том, что "чем больше тупость и умственная леность индивида, тем вероятнее, что он будет рационален", обращаемый на позицию исследователя (ученого), талантливость которого связывается с независимостью от общепринятых правил мышления, зафиксированных в соответствующем общепринятом языке. Проявление профессионализма ученого может усматриваться не только в его ориентированности на открытие, но и в его умении работать с накопленным знанием, модифицируя старые операции для получения новых результатов. Зарождающаяся операция всегда единична, окрашена личной аурой исследователя, объективируется же она только тогда, когда принимается наукой. Отсюда своеобразный релятивизм Бриджмена (характерный и для О. в целом): "Моя наука операционально отличается от Вашей науки, как и моя боль отличается от Вашей боли. Это ведет к признанию того, что существует столько наук, сколько индивидов".

В.Л. Абушенко

ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ – логическая процедура указания эмпирических (в принципе наблюдаемых) значений теоретических смыслов. Входит как необходимый компонент в процедуры операционализации (переход от теоретических концептов к фиксируемым в измерительных инструментах их наблюдаемым признакам). Назначение О.О.П. – ввести в интерпретационную схему специфические конструкты, опосредующие связь между ненаблюдаемыми и наблюдаемыми характеристиками объекта, т.е. показатели, из которых, в свою очередь, выводят индикаторы (конструкты, отображающие доступные прямому наблюдению и измерению объекты и их признаки). В случае отсутствия концептуальной схемы ее функции берет на себя схема интерпретационная, а О.О.П. оказываются единственно возможными. О.О.П. включает в себя четыре типа предложений: фиксирующих эмпирическую ситуацию (сквозь призму концептуальных представлений); описывающих явление; задающих измерительную процедуру; имеющих своей целью разложение понятия на составляющие. Жесткая схема операционализма (П. Бриджмен и др.) предполагает возможность полной редукции понятия к его эмпирическим признакам, – умеренная схема исходит из невозможности выразить все богатство содержания понятия (его смысл) в его эмпирических значениях. Переход к О.О.П. в социологии отличается тем, что его обоснование имеет в значительной мере не логическую, а коммуникативную природу (большинство признаков идентифицируется в ней как вербальные реакции – ответы на вопросы). Это вводит дополнительные требования к О.О.П. Необходима оценка понимаемости вопроса респондентом, адекватности восприятия ответа исследователем, совпадения значений исследователя и опрашиваемого. Феноменологическая традиция в социологии исходит из принципиальной невозможности решить эти проблемы в аналитических процедурах построения О.О.П. Она предлагает вводить их на основе анализа языка повседневной жизни, а исследовательские определения вводить на их основе как вторичные. Классическая социология отреагировала на эти проблемы введением в операциональные определения дополнительного типа предложений, описывающих требования к личным характеристикам интервьюера (коммуникатора), дабы снять те из них, которые могут вызвать помехи в ходе опроса (исследования), и стала трактовать О.О.П. как серии инструкций, описывающих действия, которые должен осуществить исследователь для установления значения той или иной переменной. Выдвигается требование точной спецификации значения каждого научного понятия посредством определенной тестовой операции. В то же время признается эвристическая роль неоперационализируемых концептов, квалифицируемых как гипотетические (Д. Саймон).

В.Л. Абушенко

ОПИСАНИЕ, дескрипция (англ. description – описание) – 1) – процедуры фиксации средствами естественного или искусственного языка сведений об объектах, фиксируемых в наблюдении, эксперименте и измерении; 2) – способ языковой индивидуализации объектов, позволяющий осмысливать их внутри самих себя как некоторые отдельные целостности. За первым пониманием термина закрепилось название "эмпирическое О.", за вторым – "теоретическое О.". Эмпирическое О. переводит чувственную информацию в знаковую форму, удобную для дальнейшей рациональной обработки. Вторая задача эмпирического О. – обобщение, систематизация, группировка и классификация, стандартизация данных наблюдения (эксперимента) и измерения. В этом случае О. соотносится с процедурами объяснения, которые вырастают из О., контролируют О., подчиняют его своим целям. Оно различается по характеру используемого языка (О. на естественных языках и О. на искусственных языках) и по степени своей формализации (качественное О. и количественное О., т.е. О. в математических языках или – в более узком смысле – фиксация данных измерения). Эмпирическое О. дополняется или противопоставляется (в случае фиксации несопоставимости) теоретическому О. В случае "дополнительности"

говорят о первичном и вторичном О. Теоретическое (в частности, вторичное) О. не противопоставляется объяснению, а органически вплетается в него. Теоретическое О. опирается на процедуры схематизации и идеализации, на систему концептов и конструкций, гипотез и законов, на целостную теоретическую модель некоторой предметной области. Оно есть работа посредством определенного языка, задающего определенную модель видения объекта и являющегося средством понимания и концептуализации вводимых в исследовательскую программу смыслов и содержаний. Теоретическое О. представляет знание в принятой внутри дисциплины или теории форме (фиксирует его в определенном словаре терминов, строит по определенным правилам образования и преобразования выражений, задает правила интерпретации, устанавливает критерии соответствия первичных и вторичных О. и способы их введения и определения в теорию). Таким образом, О. ответственно за: 1) закрепление информации (процедуры обозначения, определения, введения терминов, операционализации и концептуализации понятий); 2) передачу информации (в определенных языках и на соответствующих уровнях знания); 3) понимание и первичное объяснение информации; 4) вписывания ее в более широкие смысловые и когнитивные контексты. С середины 19 в. фиксируется тенденция к переосмыслению О. в структурах знания, ставящая под сомнение доминанту объяснения как конечную цель научного знания, сложившуюся прежде всего в экспериментальном естествознании. Это переосмысление первоначально было задано Дильтеем ("науки о природе" и "науки о духе"), а затем в неокантианстве с его тезисом о науках о природе и науках о культуре и различием номотетических и идиографических методов, позже разработано в феноменологическом анализе Гуссерля и концепции языковых игр Витгенштейна, закреплено в различных интерпретациях понимания как универсальной познавательной процедуры и способа "здесь-и-теперь" бытия, в рамках герменевтического поворота в философии и социогуманитарном знании в целом (Хайдеггер, Гадамер, Рикер и др.), а также в осознании диалогности и контекстуальности знания. Столь радикальная критика и акцентирование процедур О. привело к появлению и новых моделей объяснения, исходящих из единства последнего с О. в рамках классической схемы объяснения Поппера - Гемпеля: субъекты объясняют не события, а О. событий (Т. Никклз); любое событие является объектом объяснения тогда, когда оно предстает как определенным образом описанное событие (Дж. Фетцер); закон - это просто общее высказывание в историческом контексте (М. Мерфи) и т.д. Оформились как самостоятельная модель объяснения и так называемые нарративистские концепции объяснения (А. Данто, У. Гелли, М. Уайт, Т.М. Гуд и др.). В основе этой модели лежит признание зависимости объяснения от избранного типа О. и утверждения нарративной (повествовательной) природы знания, во всяком случае гуманитарного (см. Нар-ратив). Это модель О. как "объясняющего рассказа", в которой выбор способа и языка изложения (О.) определяется "общей темой" (паттерном) исследовательской программы или пара-дигмальной ориентации.

В.Л. Абушенко

ОПРОВЕРЖЕНИЕ - такой вид обоснования в логике и методологии науки, в процессе которого устанавливается ложность, либо неправильность утверждений, доказательств, гипотез и теорий. Объектами О. могут быть как формальные объекты и системы (формулы какого-либо формализованного языка, формальные доказательства и выводы), так и содержательные системы (высказывания, гипотезы, теоретические построения). Наиболее важным видом О. в логике является О. доказательства, т.е. установление его ошибочности. Подобное О. осуществляется: 1) либо посредством О. тезиса доказательства, что означает О. доказательства, потому что ложь не может логически следовать из истинных посылок; 2) либо посредством О. аргументов (по правилам логики из лжи может выводиться как истинное, так и ложное заключение) или в установлении их недоказанности (если аргументы не доказаны, то недоказанным остается и тезис); 3) либо посредством указания ошибки в доказательстве (например, ошибка в демонстрации - отсутствие необходимой связи между тезисом и аргументами). При этом надо иметь в виду, что О. аргументов или демонстрация ослабляет тезис, но не делает его необходимо ложным. Иными словами, О. аргументов, как и О. демонстрации, не означает О. тезиса. По сути дела, О. аргументов при демонстрации является возражением в отношении отстаиваемой концепции. Эффективное использование процедуры О. в методологии науки особенно возрастает в период интенсивного развития науки, когда происходит формирование новых идей, пересматривается концептуальный аппарат предшествующего теоретического знания, осуществляется поиск новых идеалов его обоснования. О. научных теорий обычно предвещает фиксацию парадоксальных ситуаций относительно научных объектов (при открытии новых эмпирических фактов, противоречащих теоретическим построениям; при возникновении несогласования между методом и объектом исследования; при логическом саморазвертывании теории, например, парадоксы множеств; при трансляции понятий из одной теоретической области в другую и т.д.). Конструктивная роль О. предыдущих теоретических воззрений на этом этапе научного поиска заключается в том, что оно открывает дорогу новым идеям. Основная творческая нагрузка на О. падает при появлении противоречащих теории результатов, что формирует установку на радикальное преобразование существующей теории. Критический анализ ведется при этом изнутри теоретической схемы, когда программные установки и исходные положения данной теории

сопоставляются с реально достигнутыми на ее основе результатами. Поиск направлений преодоления кризиса приводит к формулировке отправных идей новой теории, которая осуществляется через противопоставление и критику соответствующих положений предшествующей теории. Обоснование правомерности нового подхода демонстрирует способность конкурирующей теории разрешать имеющиеся проблемы и выступать закономерным выходом из кризиса. На этом этапе, хотя О. конкурирующих подходов и не прекращается, оно перестает быть непосредственной целью каждого познавательного акта, поскольку основное внимание уделяется разработке собственной теории. О. – важнейший и необходимый компонент познавательной деятельности. Оно используется не только в логике как составная часть всех доказательств от противного, но и в науке – при проверке научных гипотез, новых идей и концепций; в судебных исследованиях в ходе выбраковки версий; в политических дискуссиях и т.д.

Я.С. Яскевич

ОПЫТ – 1) философская категория, фиксирующая целостность и универсальность человеческой деятельности как единства знания, навыка, чувства, воли. Характеризует механизм социального, исторического, культурного наследования (см. Культура, Социализация); 2) гносеологическая категория, фиксирующая единство чувственно-эмпирической деятельности. Понятие О. активно развивалось в противостоянии эмпиризма и рационализма, по разному оценивавших статус О. в структуре познавательного процесса: от трактовки его в качестве единственного источника достоверного знания (эмпиризм и сенсуализм) до полного неприятия (крайние формы рационализма). В истории философии феномен О. интерпретировался как основа синтеза чувственной и рассудочной познавательной деятельности (Кант), как итог самодвижения и самопознания сознания (Гегель), как фрагмент деятельности субъекта познания, в котором идеальное и материальное "снимают" друг друга (второй позитивизм), как результат практической и познавательной деятельности (диалектический материализм), как содержание внутреннего мира субъекта (экзистенциализм).

И.А. Медведева

ОЦЕНКА – способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта. Можно выделить три типа значимостей: теоретический (гносеологические О.), ценностный (аксиологические О.), практический (реализация гносеологических и аксиологических О. через волевые импульсы субъекта в системах предметных и коммуникативных действий). Предметом оценивания в гносеологических О. являются имманентные свойства объектов, объекты "сами по себе". Предметом оценивания в аксиологических О. являются свойства объектов и сами объекты в их способности (положительная аксиологическая значимость) или неспособности (отрицательная аксиологическая значимость) отвечать потребностям и запросам субъекта. Свойства объектов и сами объекты могут оказаться индифферентными, безразличными для потребностей и запросов субъекта (нейтральная аксиологическая значимость). Аксиологические значимости порождаются миром ценностей, объективируемым культурой и трансцендируемым в ней как предельные смысловое и инвариантное основания человеческого мышления и деятельности. Нечто является ценностью не потому, что оно оценивается, а потому, что объективно способно еще до акта О. отвечать потребностям и запросам субъекта. Не О. конституируют ценность, а ценность делает возможной О. как фиксацию ее аксиологической значимости. Ценности задают онтологическое основание актам оценивания. Таким образом, система ценностей не может быть рассмотрена как результат оценочного познания, подобно тому, как система знаний является результатом "внеоценочного" познания (прежде всего научного). Результатом оценивания являются ценностные представления и ориентации в мире значимостей. Последние нельзя локализовать в структуре психики субъекта. Хотя они закрепляются (интернализуются) в диспозиционных структурах личности как ценностные ориентации, они постоянно эксплицируются в новых системах О. субъекта, т.е. они постоянно поддерживаются за счет своей включенности в объективно сложившиеся и формируемые ценностные отношения. В ценностном отношении любой предмет находится в отношении к субъекту, т.е. проявляется в аспекте своей аксиологической значимости и в этом смысле всегда потенциально выступает предметом положительной, отрицательной или нейтральной О. В то же время ценностное отношение предполагает активность субъекта, занятия им позиции, позволяющей выносить О., т.е. проявлять свою заинтересованность в чем-либо и интегрировать в любой акт активности через выносимые О. творческие включения. Избегание занятия позиции оценивания – это также акт оценочно окрашенный (не нейтральный). Таким образом, аксиологические О. универсальны – любая иная О. может быть рассмотрена как особый тип О. аксиологической (в том числе гносеологической как О. на истинность или ложность) или как имеющая аксиологическую составляющую (практические О., инспирируемые непосредственной ситуацией деятельности, поведения или общения). Таким образом, любая О. есть отражение аксиологических значимостей, апеллирование или отсылка к ценности. Тем не менее принято отличать безоценочное и оценочное познание. Последнее, по своей сути, (в отличие от первого, нацеленного на имманентное, внесубъектное существование)

есть или акт установления (приписывания) ценности, или акт сравнения по какому-либо принятому (в культуре, общности, группе, институции) образцу, норме, идеалу, т.е. имплицитному критерию оценивания, который может быть задан и эксплицитно. Результатом этого акта сравнения должно стать установление порядка предпочтений имманентных свойств предмета в ситуации ответственного (т.е. предполагающего осознание последствий) выбора и принятия (равно как и непринятия) решения. При этом опять возникает проблема изначальной аксиологической предзаданности любого критерия (в том числе и познавательного) в ситуации выбора паттерна, парадигмы или теоретико-методологической ориентации. Со своей стороны, любой акт оценочного познания (эксплицитно), акт оценивания (имплицитно или эксплицитно) всегда несут в себе знание. Таким образом, О. является не только выражением отношения, но и эпистемологической и гносеологической категорией. Кроме того, она с необходимостью должна трактоваться как категория лингвистическая и коммуникационная. Следовательно, аксиологические О. универсальны в плане связывания через них культурного и социального миров, теории и практики (причем с акцентированием последней – теория переводится в схемы действия с объектами и ориентируется на свою применимость в решении конкретных проблем и выполнении определенных задач). Тем самым научный анализ О. во многом сдвигается из проблематики их типологии и отличия оценочного от безоценочного в область исследования оснований и внутренней структуры О., определения мер рефлексированности (как обращенности О. на самую себя, на осознание процесса и механизмов собственного становления и функционирования). Одна из основных задач такого рода рефлексии – отыскание и (или) выработка и эксплицитное обоснование критериев оценивания. Акты же оценивания могут быть поняты как интерпретации, в разной степени выражающие те или иные смыслы и, соответственно, проверяемые (интерпретации следующего уровня) на адекватность предмету и (или) ситуации, а также потребностям и запросам субъекта (в конечном счете – стоящей за ним ценности). О. – предмет анализа в социогуманитарном знании (специфика которого во многом связана и с его аксиологической (оценочной) нагруженностью), в частности – в социологии. Так, опросные методики (как вопрос-ответные процедуры) фиксируют по-преимуществу О. как исходные данные, в том числе для прогнозирования поведения на основе выявления (конструирования) ценностных ориентации как предрасположенностей и готовностей субъектов к определенному поведению. Однако в концепциях ценностных ориентации плохо отрефлексированы возможности переходов от респондента к его ценностным ориентациям, а от последних – к ценностям как конечным детерминантам поведения. Кроме того, в них принимается допущение конституирующих возможностей О. по отношению к ценностям, т.е. происходит субъективатизация последних при методологической установке на объективность в познании. Последняя не выполняется и по иной причине – в фактологический уровень дисциплины кладутся О., тогда как установка требует избегания оценочной информации. Поэтому возникшие по сути на позитивистском фундаменте исследовательские методики классической эмпирической социологии, эксплицитно элиминируя ценности и О. из сферы своего анализа, имплицитно исходят именно из них, строя здание "беспристрастной" науки. Осознание этой ситуации во многом способствовало становлению альтернативных ориентации в социологии.

В.Л. Абушенко

ПАРАДИГМА (греч. *paradeigma* – пример, образец) – 1) понятие античной и средневековой философии, характеризующее сферу вечных идей как первообраз, образец, в соответствии с которым бог-демиург создает мир сущего; 2) в современной философии науки – система теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества. Термин "П." в философию науки впервые вводится позитивистом Г. Бергманом, однако подлинный приоритет в его использовании и распространении принадлежит Куну. В своей книге "Структура научных революций" (1962) Кун говорит о возможности выделения двух основных аспектов П.: эпистемическом и социальном. В эпистемическом плане П. представляет собой совокупность фундаментальных знаний, ценностей, убеждений и технических приемов, выступающих в качестве образца научной деятельности. В социальном – П. характеризуется через разделяющее ее конкретное научное сообщество, целостность и границы которого она определяет. Существование П., по мнению Куна, связано с периодами нормальной науки, в рамках которых они выполняют проективно-программирующую и селективно-запретительную функции. Смена П. осуществляется посредством научных революций, что связано со своеобразным гештальт-переключением научного сообщества на новую систему миропонимания и ценностей. Критика чрезмерного социологизма и психологизма в понимании П. побудила Куна конкретизировать свою позицию посредством введения понятия "дисциплинарной матрицы", синонимичного эпистемическому контексту П. В структуру дисциплинарной матрицы входят: 1) символические обобщения, составляющие формальный аппарат и язык, характерный для конкретной научной дисциплины; 2) метафизические компоненты, определяющие наиболее фундаментальные теоретические и методологические принципы миропонимания; 3) ценности, задающие господствующие идеалы и нормы построения и обоснования научного знания. Понятие П. в поздних работах Куна связано в большей степени с характеристикой интегральных социально-психологических аспектов научного сообщества. Вместе с тем, в рамках современной философии науки

понятие П. оказалось более продуктивным при описании эталонных теоретико-методологических оснований научного поиска.
Е.В. Хомич

ПЛЮРАЛИЗМ (лат. pluralis - множественный) - философско-мировоззренческая позиция, утверждающая множество интересов, видов бытия, идей, взглядов, социальных институтов, не сводимых к чему-то единому и независимых друг от друга. П. проявляется в онтологии, гносеологии, социологии, этике, аксиологии и т.д. П. - это не столько признание необходимости множества мнений и их борьбы, сколько отражение многообразия форм бытия, социальной организации общества. Суть П. в признании им противоречий как источника социального прогресса, стимулировании многообразия общественной жизни с вытекающими отсюда оппозицией, конфликтами и конкуренцией. Разрешение этих противоречий предполагается демократически, в рамках закона. Сам термин "П." был введен в оборот систематизатором и популяризатором философии Лейбница Вольфом в 1712. Противоположностью П. является монизм, признающий единую основу всего сущего. Весь историко-философский процесс свидетельствует о противоборстве монизма и П., выдвигая на первый план то первое, то второе. Так, философия рубежа 19-20 вв. имела по преимуществу монистический характер. Сюда следует отнести такие направления, как материализм, абсолютный идеализм, эмпириомонизм, феноменология и др. В современной философии большое распространение получил П. Наиболее четко он проявляется в персонализме, согласно которому каждая личность автономна и неповторима, она не сводима к каким-либо общностям и силам; в аксиологии, исходящей из многообразия ценностей и Ценностных ориентаций; в гносеологии, допускающей одновременное существование и конкуренцию различных теорий, картин мира и т.д.; в социологии и политологии П. представлен в теории факторов, идее П. демократии и т.п. Общественные системы, базирующиеся на П., как показывает опыт, предпочтительнее авторитарно-монолитных, т.к. в первых сталкиваются разные точки зрения, соревнуются политические группы, критика направлена не только сверху вниз, но и наоборот. Однако такая система требует государственной и общественной дисциплины, выражающейся прежде всего в выполнении принятых большинством законов, но оставляющей возможность деятельности меньшинства. Для того, чтобы общество функционировало нормально, необходимо наличие в нем групп людей с различными взглядами, которые можно свободно отстаивать и критиковать, не опасаясь преследований. (См. также: Идеология, Монизм, Дуализм).
Л.С. Дудинский

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ - один из видов обоснования, состоящий в выведении следствий из наличного гипотетического утверждения с последующим их соотносением с достоверно установленными положениями. Особую роль П. играет в случаях, когда в процесс научного исследования вовлекаются положения, истинность которых еще в должной степени не установлена, которые имеют гипотетический характер, и отсутствуют достаточные аргументы для их принятия. П. как вид обоснования с помощью гипотетико-дедуктивно-го метода, используется учеными в самых различных областях. Существуют различные интерпретации этой процедуры. Т.наз. логическая теория П. (созданная К. Гемпелем, Карнапом и др.) элиминирует "процессуальный", "временной" срез П., его исторические параметры - социально-психологические аспекты открытия; выдвижение гипотезы. Она рассматривает процедуру П. как застывший логический акт, в котором анализируется лишь логическое отношение между теоретическими высказываниями, с одной стороны, и фиксирующими единичное наблюдение эмпирическими высказываниями - с другой. Несмотря на предложенную Карнапом количественную оценку степени подтверждаемости (логическую вероятность), посредством которой характеризовалось логическое отношение между теоретическим высказыванием и фактом, чисто логический подход продемонстрировал свою недостаточность при описании реального научного процесса, так как теоретические высказывания в принципе не могут быть обоснованы только лишь посредством удовлетворяющих теорию фактов. Ни непосредственная (полная и исчерпывающая) верификация претендующая на прямую проверку утверждений, фиксирующих зависимости между данными наблюдения и эксперимента, ни ослабленный вариант этого принципа (косвенная или частичная верификация), как установление логических отношений между косвенно верифицируемыми утверждениями не отражают закономерности сложного, противоречивого развития научного знания, взаимоотношения конкурирующих теорий и их экспериментальной подтверждаемости. Установка на так называемую строгую проверку, критерием которой выступает принцип фальсифицируемости, направленный на опровержение теории и только в случае неудавшихся попыток становящийся свидетельством ее П. (т.наз. "негативная подтверждаемость" Поппера) также вряд ли в полном объеме адекватна реальному процессу научного познания. В отличие от логической концепции П., исторические (или историко-логические) концепции учитывают не только логический, но и историко-научные параметры П., развитие теории, способность предсказывать новые факты, социокультурные моменты и т.д. Так, с точки зрения Лакатоса, П. как многоступенчатому испытанию подвергается не отдельная теория, а научно-исследовательская программа. П. считается состоявшимся, если наблюдается ее теоретический и эмпирический прирост ("прогрессирующий сдвиг

проблемы"), т.е. она способна предсказывать новые факты. Рассматривая П. в контексте конкуренции нескольких теорий, Кун и Фейерабенд отказываются видеть в фактах, в том числе и в новых, основания для П. и выбора той или иной теории, поскольку сами факты, на основе которых строится теория, формируются на ее языке, а конкурирующие теории оперируют совершенно различными, несравнимыми языками. Критерий выбора теории переносится в сферу общественного мнения (парадигмы) научного сообщества (Кун) или "эстетического", "личного вкуса" (Фейерабенд). Ограничивая процедуру П. теории только эмпирическими фактами, результаты которых зафиксированы в эмпирических суждениях, т.е. по сути дела оставаясь в рамках заданной системы знаний, нельзя адекватно решить проблему подтверждаемости, необходим выход в практическое измерение. Кроме этого, даже если гипотеза соответствует некоторым фактам, то это вовсе не означает, что она должна быть сразу и безоговорочно принята. Убеждение в том, что будто факты сами по себе могут и должны привести к научному познанию, является предрассудком. Такие факты делают гипотезу более приемлемой, однако ей предстоит, как правило, долгий путь испытаний, поскольку опытная проверка сама по себе не обеспечивает статус теоретичности знания, как и рассогласование с опытом не означает еще опровержения теории. Качественная специфика теоретического и эмпирического означает невозможность как редуцирования теории к эмпирии, так и выведение теории из эмпирии. Логический анализ взаимосвязи теоретического и эмпирического лишь позволяет построить логическую модель перехода от эмпирии к теории, но само различие, как и взаимосвязь теоретического и эмпирического имеет содержательный характер. Реальный процесс П. предполагает прежде всего создание модели идеализированного эксперимента, разработку и проведение реального эксперимента и раскрытие механизмов взаимосвязи "идеальной" и "реальной" моделей эксперимента. Такая связь имеет опосредованный, многоступенчатый характер и предполагает замещение реальной схемы эксперимента идеализированной схемой. Важнейшая роль в этом замещении принадлежит правилам соответствия, посредством которых теоретическая модель соединяется с идеализированным экспериментом, являющимся основой реального эксперимента, и объекты идеализированного эксперимента связываются с объектами реального эксперимента. Если теоретическая модель, отображенная через многоступенчатые связи теоретических высказываний с эмпирическими положениями в эксперименте предсказывает результат, получаемый в ходе эксперимента, то она считается подтвержденной лишь только в том смысле, что ей соответствуют некоторые измерения предметов реального мира. Само по себе П. может подтвердить лишь фактуальные эмпирические положения, по отношению же к сложным абстрактно-теоретическим положениям П. в принципе не обладает таким статусом, который позволял бы этой процедуре на уровне эмпирического обоснования выносить окончательный приговор теоретической модели – опровергнуть или подтвердить ее.

Я.С. Яскевич

ПОДХОД – комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в познании и/или практике, характеризующий конкурирующие между собой (или исторически сменяющие друг друга) стратегии и программы в философии, науке, политике или в организации жизни и деятельности людей. Обычно к анализу категории П. обращаются в особые периоды развития той или иной деятельности, когда фиксируются принципиальные изменения или возникают неразрешимые наличными средствами проблемы. В развитии науки и научной деятельности Кун назвал эти периоды научными революциями. В более широком смысле, вся наука представляет собой особый П. к миру, базовой парадигмой которого являются развернутые представления о природе или онтология природы. Природная или натуралистическая парадигма настолько утвердилась в мировоззрении и в содержании образования, что только философы, методологи и историки науки помнят о том, что наука в современном виде существовала не всегда, что она оформлялась как особый П. к миру в 16-18 вв., что сама онтологическая картина природы является продуктом развития науки, а не непосредственной данностью. Натурализм три века конкурировал с другими подходами: теизмом, деизмом, гилозоизмом и т.д. В самой науке возникали, конкурировали между собой и исчезали самостоятельные надпредметные П. (механицизм, позитивизм), предпринимались попытки распространить дисциплинарные и предметные парадигмы и синтагмы на науку в целом (физикализм, социологизм, психологизм, биологизм). Категория П. до 20 в. была продуктом методологической рефлексии и философской критики, поэтому подхоные характеристики либо обсуждались как отрицание иного П., который описывается ретроспективно (Платон и софисты, Аристотель и античные физики, Ф. Бэкон и Аристотель, эмпириокритицизм Маха и эмпиризм Локка), либо формулировались как аргументы в полемике (номинализм – реализм, корпускулярная и волновая теории света, дарвинизм – ламаркизм). Методологи 20 в. помимо этого занимаются непосредственным конструированием П., причем не только новых, но и тех, которым они противопоставлены. Так например, Поппер формулирует положения историцизма, приписывает историцизм как П. целому ряду философов и мыслителей прошлого, анализирует проблемы историцизма, а в качестве ответа на эти проблемы предлагает парадигму открытого общества. Методологизация практически всех сфер мышления и деятельности в 20 в. обеспечила множество подхоных предложений разного масштаба. С начала века как П. в различных сферах культуры разрабатывались: феноменология, экзистенциализм, структурализм, тектология, научная организация труда.

Затем появились кибернетика, общая теория систем, синергетика, СМД – методология и т.д. Разрабатываются различные П. в конкретных науках, где они либо сменяют друг друга как этапы (например, описанная Куном революционная смена парадигмы в физике, или кейнсианский этап в экономике), либо сосуществуют, не нарушая дисциплинарной целостности, но создавая полипредметность в рамках одной дисциплины (например, бихевиоризм, гештальтизм, или культурно-историческая концепция в психологии). Иногда П., возникшие как междисциплинарные, сворачиваются в предмет (экология, кибернетика, семиотика), иногда разворачиваются в метатеорию (общая теория систем), или просто становятся идеологией некоторого широкого движения (например, системное движение за рамками общей теории систем, или "зеленое" движение вне научной экологии). Принципиальное значение для интеллектуальной ситуации второй половины 20 в. приобретает оппозиция натуралистического и деятельностного П.: первый рассматривает мир (универсум) как природу, данную (или берущуюся) в субъект-объектных познавательных схемах, а второй – как мир мышления и деятельности, требующих привлечения различных схем знания. П. манифестируется в эпистемологии и истории (генезисе или развитии) мышления. О ставшем или становящемся П. можно говорить только тогда, когда объявлены и обоснованы его принципиальные отличия от иного П. хотя бы в одном из трех эпистемических пространств: в парадигме (онтологические картины, схемы и описания объектов); в синтагме (способы и методы доказательства, аргументации, языки описания, объяснения и понимания); в прагматике (цели, ценности, задачи, предписания, разрешенные и запрещенные формы употребления элементов синтагмы и парадигмы). Основное противоречие и парадокс феномена П. состоит в том, что П. присутствует в деятельности и мышлении как в рефлексируемом, так и в нерекфлексируемом виде. В периоды формирования П. хорошо осознается, что представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько его объективными характеристиками, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности, а потом (в периоды функционирования ставшего П.) об этом забывают. Методологическая рефлексия замыкается в рамках П., и сам П. становится нефиксируемым. Мышление и деятельность адептов П. подчиняются "эпистемической машине", заданной парадигмой и синтагмой, нечто новое может производиться этой машиной только в рамках дозволенного прагматикой П. Так например, изобретения и достижения периода 18-19 вв., были продуктами "эпистемической машины" научного П., сконструированной поколением методологов науки от Ф. Бэкона и Декарта до Ньютона, которые сменили познавательную парадигму, и участвовали в подходной революции. В 20 в. цикл жизни П. сокращается. Научные (подходные) революции и нормальная наука укладываются в годы жизни человека или карьеры ученого, а иногда, и не один раз. Это обстоятельство требует от участников проце-сов деятельности и мышления навыков методологической рефлексии, своеобразного "расподхоживания" по аналогии с гегелевским распредмечиванием.

В.В. Мацкевич

ПОЗИТИВИЗМ (лат. positivus – положительный) – (1) па-радигмальная гносео-методологическая установка, согласно которой позитивное знание может быть получено как результат сугубо научного (не философского) познания; программно-сциентистский пафос П. заключается в отказе от философии ("метафизики") в качестве познавательной деятельности, обладающей в контексте развития конкретно-научного познания синтезирующим и прогностическим потенциалом; (2) – философское направление, фундированное означенной установкой. В эволюции П. могут быть выделены следующие этапы: I – так называемый "первый П." (Конт, Милль, Спенсер, Э. Литтре, П. Лаффит, И. Тэн, Э.Ж. Ренан и др.); II – "второй П." (Авенариус, Мах); III – "третий П." или неопозитивизм, представленный аналитической философией (Куайн, Поппер, Айдукевич, Лукасевич, Котарбинь-ский, Г. Райл, Дж. Уисдом, П. Строссон, Дж. Остин, М. Блэк, Н. Малкольм, Н. Гудмен, А. Пап и др.) и Венским кружком, на основе которого оформляется логический П. (Шлик, Кар-нап, Нейрат, Ф. Вайсман, Г. Фейгль, Г. Ган, В. Крофт, Ф. Кауфман, К. Гедель и др.); IV – постпозитивизм, в рамках которого намечается очевидная тенденция к смягчению исходного методологического радикализма и установка на аналитику роли социокультурных факторов в динамике науки (Кун, Лакатос, Тулмин, Фейерабенд, Аналитическая философия, Венский кружок).

Ю.В. Баранчик

ПОЗНАНИЕ – творческая деятельность субъекта, ориентированная на получение достоверных знаний о мире. П. является сущностной характеристикой бытия культуры и в зависимости от своего функционального предназначения, характера знания и соответствующих средств и методов может осуществляться в следующих формах: обыденное, мифологическое, религиозное, художественное, философское и научное. Исходную структуру П. представляет субъект-объектное отношение, где вопрос о возможности адекватного воспроизведения субъектом сущностных характеристик объекта (проблема истины) является центральной темой гносеологии (теории П.). В зависимости от решения этого вопроса в философии выделяются позиции познавательного оптимизма, скептицизма и агностицизма. Истина выступает в качестве универсальной цели П. При этом представления об истине и

путях ее достижения в контексте историко-философской традиции конкретизировались через разведение фундаментальных оппозиций "знания и мнения" (античность), "разума и веры" (средние века), "знания и незнания" (Новое время). Понимание характера субъект-объектных отношений обуславливает соответствующие взгляды на природу П. Для классической философии процесс П. – это созерцание, что предполагает пассивную роль субъекта в восприятии внеположенных ему абсолютных и неизменных законов объективной действительности. Само П. при этом может интерпретироваться в двух основных ракурсах: 1) восходящая к Платону и разрабатываемая преимущественно в контексте рационально-идеалистической традиции трактовка П. как припоминания (теория анамнесиса); 2) характеристика П. как отражения, наиболее ярко реализовавшаяся в моделях материализма и эмпиризма. Начиная с "коперниканского поворота" Канта, философия отходит от созерцательного объективизма в гносеологии и актуализирует активную роль субъекта в познавательном процессе. Для немецкого идеализма открывающийся в П. мир уже выступает проекцией творчества трансцендентального субъекта (Кант, Фихте, Шеллинг) или продуктом деятельности социально-исторического субъекта (Гегель). Интерпретация П. как творческой деятельности отличает современную неклассическую философию. Характерно, что подчеркивая творческий статус субъекта в познавательном процессе, современная философия во многом отказалась не только от онтологизма классической мысли, но и от установок на объективную истину, которая фактически приносится в жертву социально-историческим, прагматическим и психологическим интересам субъекта. Природа познавательной деятельности здесь может рассматриваться в контексте прагматического, семантического и аналитического подходов. Акцент на практической природе П. в современной философии характерен прежде всего для марксизма и прагматизма. Однако если в марксизме П., будучи формой опережающего отражения действительности, выступает как важнейший момент природопреобразующей и социально-исторической практики общества, то в прагматизме П., преодолевая сомнения, обеспечивает психологическую уверенность субъекта в своих силах, позволяя ему тем самым наиболее эффективно осуществлять практическую деятельность. Семантический подход к П. реализуется сегодня в рамках феноменологии и герменевтики. П. здесь – это процесс смыслообразования, позволяющий человеку расширить горизонты понимания не столько внешней действительности, сколько себя самого. И, наконец, аналитический подход связан с течениями нео- и постпозитивизма и структурализма, ориентированных на рассмотрение П. как научного анализа знаковых структур, более или менее адекватно описывающего сложившиеся логические и семиотические инварианты, но никоим образом не претендующего на их подлинное понимание. В структуре познавательного процесса выделяют также чувственный и рациональный уровни П., противопоставление которых в новейшей философии обусловило возникновение дилеммы рационализма и эмпиризма. Чувственное П. (его основные формы: ощущение, восприятие и представление) является результатом непосредственного взаимодействия субъекта и объекта, что обуславливает конкретность, индивидуальность и ситуативность получаемого здесь знания. Будучи основанием познавательной деятельности в целом, чувственный уровень П. особое значение имеет в искусстве и обыденной практике. Рациональное П. (его формы: понятие, суждение и умозаключение) предполагает возможность объективации индивидуальных знаний, их обобщения, трансляции и т.п. Именно рациональное П. обеспечивает существование таких форм познавательного творчества, как наука и философия. Помимо чувственного и рационального, особую роль в познавательном процессе играет интуиция, свидетельствующая об особых механизмах П. на уровне бессознательных структур психики. Структурировать П. можно также в зависимости от объекта П. и соответствующего ему типу знания. В качестве наиболее общих объектов П. можно выделить природу, общество и человека и соотносить с ними естественное, социальное и гуманитарное знания. Особым видом П. выступает самопознание, которое, со времен Сократа, является одной из центральных тем в философии и одновременно представляет собой один из наиболее существенных модусов индивидуального бытия. Проблемы П. на сегодняшний день изучаются целым рядом как философских (гносеология, эпистемология, культурология, логика и методология науки), так и специальных (когнитивная психология, науковедение, социология знания и науки и др.) дисциплин.

Е.В. Хомич

ПОНИМАНИЕ – процедура постижения или порождения смысла. П. не вписывается в субъект-объектную познавательную схему, так как не познание порождает потребность в П., а, наоборот, потребность в П. ведет к познанию. Категориальный статус П. придал Шлейермахер, понимавший его как процедуры обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации, реконструирующей изначальный его замысел. Таким образом П. у него – это способ экспликации того, что уже изначально предзадано, заложено в тексте. Тем самым были сформулированы основы классической концепции П. как средства преодоления культурной и временной дистанции. Виндельбанд и Риккерт предложили неокантианскую версию П., трактуя его как суть идиографического метода познания, схватывающего индивидуальные особенности исторических фактов и противопоставленного номоте-тическому методу, обобщающему (генерализующему) и устанавливающему законы, суть которого составляет объяснение, противоположенное баденской школой. П. возможно через

установление в науках о культуре "отношения к ценности", в котором и проявляется мера индивидуального разнообразия. Благодаря неокантианству, П. надолго оказалось связанным с оценочным познанием и актами оценивания, но прежде всего им было заложено ставшее теперь традиционным истолкование П. как эвристической познавательной процедуры, дающей приращение знания, а не только "восстанавливающей" изначальное. Так была задана совершенно самостоятельная тема гносеологии, эпистемологии и методологии – тема противопоставления или согласования "понимающих" и "объясняющих" схем в научном знании и познании. Основная ее тенденция – универсализация процедур П., которые из исторического гуманитарного знания (усилиями Дильтея, М. Вебера, Шютца и др.) были перенесены в знание социальное, а затем стали рассматриваться как основа, рамка познания. Дорефлексивное схватывание смыслов начинает трактоваться как основа любой аналитической операции. За П. признается функция продуцирования знания, но оно трактуется, в целом как знание, нуждающееся в дополнительных процедурах, позволяющих перевести его в статус знания научного. П. при этом во многом понимается как интерпретация: объяснение на одном уровне знания подготавливает почву для переинтерпретации фактов на более высоком уровне, переинтерпретация фактов дает новый импульс объяснению, но сама переинтерпретация есть лишь возможность. Тем самым П. становится возможным толковать как объяснение в понятиях необходимых условий ("как возможно?"), построенное по схеме практического вывода (Г.Х. фон Вригт). Несколько иной поворот трактовки П. задало признание имманентного присутствия в феномене эпистемологического феноменов социокультурного и личностного (постпозитивизм, социология знания). Объяснение в подобных моделях чаще всего трактуется как логическая рационализация уже понятых (размещенных в когнитивной модели) реальных соотношений, для которых необходимо отыскание закона, устанавливающего всеобщее в них. В самой уже существующей когнитивной модели признается при этом наличие "образной компоненты". В целом это линия втягивания П. в сферу рации и ее радикализация связана с признанием возможности разных типов рациональности. Данный ракурс темы П. активно разрабатывается в различных версиях "понимающей" науки (прежде всего, психологии и социологии). Исходной здесь явилась версия описательной психологии Дильтея, сформировавшего методологическую установку на П. жизни из нее самой, т.е. ее временности и историчности, и трактовавшего П. как непосредственное постижение некоторой душевно-духовно целостности, т.е. как интуитивное проникновение одной жизни в другую. М. Вебер в версии понимающей социологии снял "психологизм" концепции Дильтея и выдвинул идею формальной рациональности, основанной на принципе максимизации эффективности деятельности в разных сферах социальной жизни, культурно и ментально закрепляемой. Соответственно задача социологии формулируется им как анализ смысловых элементов социокультурной жизни, "задающих" возможные меры рационализации. Любое социальное действие содержит, по М. Веберу, конституирующий его смысл, соотносимый со смыслами действий других людей. Реализуемая совокупность таких соотношений образует "смысловую связь поведения", которая является объектом понимающего исследования. Эта базовая посылка М. Вебера была универсализирована в феноменологической социологии как предпосылка любых социальных взаимодействий, а также социальных структур и институтов, возникающих на их основе, т.е. П. стало трактоваться как предоснова любых возможных мыслительных процессов и процедур. Отсюда возможно движение или к признанию социологии знания единственно возможной социологией (с ее "экспансированием" как за рамку дисциплинарности, так и за рамку науки в целом), или разработка диалогических концепций социального взаимодействия и "онтологии поступка" (предполагающих и диалоговую, а не только интерпретационную версию П.), что ведет к герменевтизации дисциплины. Вывод проблематики П. за пределы его истолкования как метода или процедур П. был осуществлен Хайдеггером и закреплен в концепции герменевтики Гадамера, Хайдеггер трактовал П. как специфическое отношение к действительности, в котором человек выступает толкующим себя бытием (т.е. "понимающим бытием"), что означает онтологизацию П. Он ввел понятие "предпонимание", выражающее развертывание П. как онтологического определения человеческого бытия, задающее непреодолимый горизонт познания. П. как предпонимание изначальное и предполагает мышление и поведение – через "предмнения", "предвидения" и "предвосхищения", делая возможным производное ("вторичное") П. как методы и процедуры познания. Онтологический статус понимания был закреплен герменевтикой, в котором П. – центральное понятие. Герменевтика отделяет П. как поиск смысла в качестве собственного предмета и П. как процедуры приписывания значений, настаивая на изначальной "герменевтичности человеческого" существования, имманентности ему "понимательности" (что предшествует любым процедурам приписывания значений). При этом акцент смещается с самих смыслов на языковые практики-дискурсы как предмет непосредственного анализа. Эти различные направления и версии П. в истории европейской философской и социальной мысли пытаются синтезировать современная эпистемология и методология прежде всего через разработку проблематики разных типов рациональности. В предельной рамке П. начинает трактоваться как умение действовать соответственно социокультурному контексту, т.е. оно выражает отношение субъекта, владеющего нормами данной культуры, к произведенному в рамке этой культуры тексту (в расширительном его толковании). Процесс П. выделяется деятельностно-коммуникативной природой. Задание способов действия и коммуницирования – это и есть запуск механизмов формирования П. В такой трактовке именно П. создает смыслы, т.е. последние

не понимаются, а продуцируются в процессах П. в конкретных деятельностно-коммуникативных ситуациях. Понимается не смысл или текст, а коммуникативно-деятельностная ситуация, в которой находится понимающий человек. В этом отношении смысл как ситуативно создаваемый и отличается от включаемых в ситуацию в качестве готовых значений. Мы всегда понимаем не сделанное, а сделанным. Порождаемые смыслы схватываются в процедурах рефлексии. Рефлексия не только проясняет смыслы, но и обнаруживает смысловые лакуны, запуская тем самым новые акты смыслопродуцирующей деятельности и коммуникации. Достигнутый уровень П. накладывает, в свою очередь, онтологические и интерпретационные ограничения на объекты деятельностного оперирования, но оставляет открытыми диалогово-коммуникативные практики, позволяющие выходить за пределы онтологических представлений и утвердившихся интерпретационных схем, перемещая системы значений в новые контексты и провоцируя столкновения разных контекстов (онтологий, языков), а тем самым запуская и новые интерпретации. Непонимание при этом может быть истолковано как проявление психологической и (или) теоретической замкнутости мышления, приверженного следованию догматизированным усвоенным схемам, что выражается в неспособности осмысливать новые ситуации коммуницирования и действия. (В этом отношении следует заметить, что одну из первых технологий преодоления психологической замкнутости вне проблематики П. предложил психоанализ. Аналогичную роль играли исследования парадоксов и аномалий в научном знании). Следовательно, условие П. – разблокировка процессов мышления в коммуникативно-деятельностных и рефлексивных практиках. Тем самым П. предполагает прежде всего онтологическое (а не гносеологическое) самоопределение субъекта, будучи проблемой практического отношения и практического разума. Именно сраченность человека с бытием и придает П. свойство естественно складывающегося события. (См. также: Герменевтика, Интерпретация, Историзм, Экзегетика).
В.Л. Абушенко

ПОНИМАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ – в узком смысле – социологическая концепция М. Вебера, предположившего и сам термин "П.С"; в широком смысле – одно из основных направлений социологии, связанное с ориентацией на преодоление ее натуралистических установок и позитивистской методологии, заложившее в конце 19 – начале 20 в. основы последующих неклассических ее версий: феноменологической социологии, этнометодологии, когнитивной социологии и т.д., вплоть до ее постмодернистского проекта (З. Бауман, В. Вельш и др.), а также таких неклассических направлений в социологическом анализе, как социология культуры (культур-социология) и социология знания. П.С. можно рассматривать и как одну из первых редакций гуманистической альтернативы в социальном знании в целом. Становление понимающей теоретико-методологической парадигмы в социогуманитарном знании связано прежде всего с именами Дильтея и М. Вебера, а также Зиммеля и отчасти (что признается далеко не всеми историками социологии) Дж. Г. Мида. В качестве отдаленных истоков П.С. рассматриваются идеи исторического анализа Вико (понимаемо лишь то, что совершено) и концепция герменевтики Шлейермахера. В качестве непосредственных источников П.С. выступают философия жизни и неокантианство (прежде всего в лице Баденской школы). При этом, если в истоцизме Дильтея доминируют идеи философии жизни, то у М. Вебера – неокантианства, а Зиммель в разные периоды жизни акцентировал как собственную версию философии жизни, так и свой же проект формальной социологии, увязывая их с проблематикой понимания. Качественный поворот в судьбах "понимающей парадигмы" связан с именем Шюца, социологически переориентировавшего феноменологию позднего Гуссерля, а позднее с включением в фокус социологического анализа проблем языка, предзаданным "лингвистическим поворотом" позднего Витгенштейна и становлением современного герменевтического анализа. В российской философской и социогуманитарной мысли близкий к П.С. проект был предложен (с иных теоретико-методологических позиций) Франком. Примечательно, что "понимающей" альтернативе Дильтея была противопоставлена версия описательной психологии (аналогично Франк исходил из попытки доказательства невозможности социологии как науки), однако реализована была П.С. впервые именно в социологии (проект Франка не получил социологического воплощения). В то же время для П.С. (как изначально, так и в последующих вариантах) был характерен постоянный интерес к метатеоретическому уровню анализа и постоянные экскурсы в область собственно философского знания. Так, объединяющей исходной теоретико-методологической посылкой для "понимающих" социологов является утверждение принципиально разных онтологий природного и социального миров и установка на исследование способов и (или) методов (опять же особых, отличных от общенаучных) конституирования индивидами социума в ходе их непосредственного взаимодействия и (или) в их духовном бытии. С этой посылкой тесно связана другая, ставящая под принципиальное сомнение возможность (и необходимость) реализации в социальной жизни объект-субъектной познавательной схемы как через акцентирование "определяемо-сти" ("простраиваемости") объекта субъектом, так и через вскрытие процессуальной природы социальной реальности параллельно с утверждением личностной и исторической природы социальных субъектов. При этом конституирующим началом может выступать или накопленное содержание опыта субъектов (то, что переживается как настоящее, всегда содержит воспоминание о том, что только что было настоящим, –

Дильтей), или должное возможное будущее (то, что полагается и осмысливается в социальном, прежде всего и главным образом, целерациональном действии, – М. Вебер), или преодоление сопротивления "оформившихся" в "очевидности" практически направленных интересов субъектов (непрерывная смена "ставших" форм, фиксирующих и организующих опыт, – Зиммель). Таким образом, во всех трех первоначальных версиях "понимающей" ориентации исследовательский интерес принципиально смещается на уровень анализа непосредственных субъектов социальной активности, акцентируется "рамка личности" в социологическом знании. Наиболее отчетливо эта линия была проведена в последующем феноменологическом варианте П.С. и, особенно, в этнометодологии (у М. Вебера же находим, например, вполне "классический" социологический анализ бюрократического типа социальной организации, а у Зиммеля – анализ "чистой" формы). Актуализация внутренних смысловых аспектов опыта и (или) социального действия обозначила поворот в "понимающей" ориентации к анализу культуры как области объективации смыслов, как "предзадающей" возможность конституирования себя как индивидуальной целостности, как "организующей" возможность понимания "Я" и "Другого" ("выражения" Дильтея, "типизации" М. Вебера, "формы" Зиммеля). В этом отношении П.С. оказывается весьма близка другому влиятельному социологическому направлению – символическому интеракционизму, – что и позволяет сближать их (при всем различии теоретико-методологических истоков) между собой и видеть в Дж. Г. Миде (как основоположнике символического интеракционизма) одного из классиков "понимающей" ориентации. Однако, корректнее все же дифференцировать эти направления как различные, но объединяющиеся в рамках культурсоциологической ориентации как целостности более высокого метатеоретического уровня. Наконец, объединяющей темой для мыслителей рассматриваемого круга являлась собственно проблема понимания, давшего название всему теоретико-методологическому направлению в целом. Причем с самого начала в исследовательскую программу П.С. были заложены все основные (в последующем развернутые) версии понимания, но все они сходились в том, что лишь понимание может обеспечить доступ к основам ("истокам") социальных феноменов. М. Вебером была предложена концепция понимания как процедуры (метода), предваряющей и делающей единственно возможным социологическое объяснение. Социальное действие конституируется осознанием (и/или наличием) смысла, не привносимого извне, а переживаемого субъектом и требующего соотнесения возможного на его основе действия с возможными действиями других. Переплетение таких соотнесений образует "смысловую связь поведения" (М. Вебер). Последняя является непосредственным предметом социологического изучения, задача которого, интерпретируя, понимать социальное действие. Средствами понимания (понимающего истолкования) выступают логически конституируемые идеальные типы, обеспечивающие понимание через узвание в легитимируемых и санкционируемых культурой типизациях. Последнее позволяет М. Веберу трансцендировать смысл психологическому переживанию и обосновать стратегию целерационального действия как наиболее полно выявляющую смысловую основу социальной реальности. Остальные стратегии социального действия рассматриваются как отклоняющиеся от этой "идеальной" модели и "затемняющие" смыслы (убывание рациональности в действии суть одновременно уменьшение возможности понимания). Зиммель в своей концепции предвосхитил последующую универсализацию понимания как специфического отношения человека к действительности, способа "здесь-и-теперь" бытия, с одной стороны, и возможность его истолкования как универсальной метапознавательной практики – с другой. Тем самым понимание можно рассматривать и как основное событие человеческой жизни, как отношение одного духа к другому, как способ перемещения их одного культурного мира в другой, и как универсальный способ "критики самоочевидностей", "внесения" в познание субъективной компоненты (но и одновременно контроля за ней), подключения в познание "практически направленного интереса". В концепции Дильтея (по мере ее развития) можно обнаружить три версии понимания: 1) как непосредственного усмотрения "внутренним взором" (в интроспекции) "конечной реальности" человеческой жизни; 2) как познание-переживание другого во внутреннем опыте через данные извне знаки; 3) как развертывания самопонимания через расширение жизненных контекстов и их постоянное переистолкование (переинтерпретацию), фиксируемое средствами языка в определенных текстах. Выход П.С. на исследование проблем собственно понимания способствовал в дальнейшем "сращиванию" внутри данной теоретико-методологической ориентации проблематики культур-социологии и социологии знания.

В.Л. Абушенко

ПОНЯТИЕ – форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления посредством фиксации их существенных свойств. Первые П. относились к чувственно воспринимаемым предметам и имели наглядно-образный характер. С умножением потребностей человека и усложнением видов его деятельности появились более отвлеченные П., непосредственно не связанные с чувственным отражением, но, вместе с тем, являющиеся более близкими к реальности в смысле отражения ее сущности. Таковы, например, П. молекулы, атома, электрона. Они образовались не только через сравнение наглядных образов, но и путем применения логических приемов: анализа, синтеза, абстрагирования, индукции, дедукции, аналогии, идеализации и т.д. Каждое П. характеризуется со стороны его содержания и объема. Содержание П. – это совокупность отраженных свойств предметов. Например, в

содержании П. "атом" в числе других признаков входит признак "быть мельчайшей частицей химического элемента, сохраняющей его свойства". Объем П. – это множество (класс) предметов, каждому из которых принадлежат признаки, относящиеся к содержанию П. Так, объем П. "атом" составляет множество, к которому относятся атомы всех химических элементов. Применительно к содержанию и объему П. действует закон их обратного отношения: чем больше содержание П., тем меньше его объем, и наоборот. Если, например, к содержанию П. "химический элемент" добавить признак "неметалл, обладающий наибольшей активностью", то мы получим новое П., объем которого меньше объема исходного П. и которое выражается термином "фтор". Вступая в связи между собой, П. образуют различные виды отношений. Так, объемы П. могут находиться в отношении совместимости (когда они хотя бы частично совпадают) или несовместимости (когда они даже частично не совпадают). В свою очередь, отношение совместимости может быть отношением тождества (объемы понятий полностью совпадают – например, "столица Беларуси" и "самый большой город в Беларуси"); пересечения (объемы совпадают лишь частично – например, "студент" и "спортсмен"); подчинения (объем одного понятия входит в объем другого, но не наоборот – например, "студент" и "учащийся"). Среди отношений несовместимости выделяются: соподчинение (два или более непересекающихся П. подчинены общему для них П., не исчерпывая его объем; таковы, например, П. "физика" и "биология" по отношению к П. "научная дисциплина") и противоречия (два непересекающихся П. подчинены общему для них П., исчерпывая его объем; например, "справедливая война" и "несправедливая война"). Знание отношений между П. по объему предостерегает от ошибок при таких логических операциях, как определение, деление, обобщение и др., способствует углубленному пониманию текстов.

В.Ф. Берков

ПОСТМОДЕРНИЗМ – понятие, используемое в современной культурологии для обозначения специфических тенденций духовной жизни западной цивилизации конца 20 в. Возникая как своеобразное продолжение авангардистских экспериментов начала века, критически переосмысливших основы дидактично-рационалистического миропонимания Нового времени, П. переходит от констатации несостоятельности глобальных "притязаний разума" к попыткам обозначить ориентиры "пост-неклассического" интеллектуального опыта. Констатируя упадок тоталитарных идеологий, экс-тремистско-революционных попыток подчинить им ход истории и сопредельных "партизанских" технологий модернизма, П. выдвигает в качестве главного творческого принципа радикальный плюрализм стилей и художественных программ, мировоззренческих моделей и языков культуры. "Естественный", подлинный мир культуры, согласно П., лишен привычной для нашего сознания иерархичности. Все элементы культурного пространства абсолютно самоценны и равнозначны, любое деление на "высокое" и "низкое", "элитарное" и "массовое" изначально абсурдно. Художественная практика П. предполагает, прежде всего, искусство цитирования, авторского монтажа фрагментов наличных культурных текстов в свободной технике бриколажа. Личность автора проявляется при этом преимущественно в особой манере языковой игры, яркой импровизации по поводу ключевых сюжетов и образов уже завершенной, "сделанной" культуры Запада. Реабилитируя человеческую субъективность, П. уравнивает в правах факт и фикцию, придает особую значимость продуктивным возможностям воображения. В ключе П. философия в значительной мере отказывается от традиционных претензий на четко артикулированную истину, превращаясь в своеобразный генератор метафор и языковых игр, а привычные этические приоритеты сменяются эстетическими. Для П. характерен интерес к разнообразным формам спонтанного жизненного опыта, довербального или поливербального переживания реальности как естественному основанию произвольной активности постмодернистского сознания. Отказ от дуального (субъект-объектного) восприятия реальности по существу приводит П. к построению на обломках прежних мифов новой мифологии, нового лексикона мироздания, предлагающего различные варианты его наименования и принципиально воздерживающегося от любых окончательных суждений по этому поводу. Считая идею прогресса одним из "мертвых" мифов западного мира, П. рассматривает движение культуры с точки зрения умножения образов и имен, усложнения языка и обогащения смысла архетипических представлений. В современном культурном процессе П. присутствует не как ярко выраженное философское направление или завершенная эстетическая концепция (в силу своей изначальной глубинной самоиронии), но, скорее, как констатация исчерпанности творческих потенциалов культуры Запада, способная ныне лишь на тиражирование уже однажды сказанного. Тем не менее, избранная П. своеобразная техника "инвентаризации культуры", включающая в активный обиход забытый, запретный, банальный или маргинальный культурный материал, создает тем самым реальную возможность дальнейшего культуротворчества "после П.". Методологически тесно связан с постструктурализмом. С П. принято связывать некоторые современные тенденции в литературе (В. Виан, Н. Мейлер, Эко), архитектуре (Дж. Стирлинг, Ч. Джэнкс), живописи (М. Мерц, М. Паладино, О. Фукс), философии (Барт, Лиотар, Батай, Рорти, Деррида, Делез, Гват-тари, Апель, Бодрийар, Кристева и др.). См. также: Смерть субъекта, Нарратив, Симулякр, Ризома, Языковые игры).

М.Р. Жбанков

ПОСТПОЗИТИВИЗМ – см. ПОЗИТИВИЗМ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ – совокупное обозначение ряда подходов в социо-гуманитарном познании 70-80-х 20 в., связанных с пересмотром структуралистской парадигмы и получивших развитие сначала во Франции, а затем в США. П. обычно связывают с именами Деррида, Делеза и Гваттари, Бодрийера, Кристевой, Лиотара, К. Кастириадиса, "позднего" Барта, Фуко, а также ряда др. исследователей. П. унаследовал от структурализма определенную общность проблемного поля и отсутствие собственной цельной программы. Иногда П. характеризуют как попытку осуществить то, что не удалось сделать на первом этапе, и, следовательно, как закономерное развитие структурализма, выявление его апорий и парадоксов. Обнаруживается взаимная дополняемость структурализма и П., так или иначе опирающихся на концепцию знака как единства означающего и означаемого и особый интерес к проблемам языка. Налицо двойная проблематичность П.: 1) эпистемологическая проблема: является П. простой трансформацией ("траекторией перемещения, а не отказа", согласно Барту), мутацией или радикальным переворотом? 2) "географическая" проблема определения границ: если хронологический рубеж датируется 1968, то теоретически П. пересекается с семиотической теорией, постмодернизмом, леворадикальными течениями, различными литературными практиками (например, с американским де-конструктивизмом, для которого деконструкция не более, чем методика анализа текстов). Впрочем, постструктуралисты сами настаивают на относительности всяких границ (между означаемым и означающим, философией и литературой, литературой и критикой), что, в частности, характеризует их аксиологические ориентации. Учитывая все разнообразие постструктуралистских практик и их терминологическую необычность, затрудняющие интерпретацию (в общепринятом понимании этого слова), тем не менее можно эксплицировать ряд основных задач, выдвигаемых П.: 1) критика западноевропейской метафизики с ее логоцентризмом, проблема кризиса репрезентации; 2) демистификация, изобличение, фиксация возникающих на всех уровнях очагов власти стратегий принуждения, сокрытых под оболочкой бессознательного; 3) поиск зон свободы – маргинальных, находящихся за пределами структуры, но оказывающихся в результате в качестве предельной, далее нерасчленимой реальности, не контролируемой силами власти (желание, история, "хаос-мос", аффекты, тело, жест и т.д.). Нужно иметь в виду, что "вне текста" для П. нет ничего, реальность для него – это по преимуществу языковая реальность (текстуализованный мир). Постструктуралисты, анализируя европейскую метафизическую традицию, усматривают главную ее особенность в логоцентризме (Деррида). Понятие Истины (в П. – "Трансцендентальное Означаемое") – это порождение логоцентрического сознания, стремящегося во всем найти порядок и смысл, отыскать первопричину, а точнее – навязать их всему, на что направлена мысль человека, но при этом не способного постичь и выразить алогичную сущность мира, налагающего в силу своей косности запрет на любые свободные интерпретации. Порочная практика, по оценке П., насильственного овладения текстом (направленная на поиск Истины) восходит к гуманистам, для которых понять текст значило "присвоить" его себе, подчинив смысловым стереотипам, господствовавшим в их сознании. Навязывание тексту его формы осуществляется "говорящим Субъектом", картезианским "cogito", предающимся иллюзии о независимости, автономности своего сознания. Это и есть тот "классический центр", который, пользуясь привилегией управления, структурирования, сам в то же время остается вне структурного поля. Разрушение этого центра во многом обусловлено деконструкцией сосюррианского знака. Постструктуралисты подрывают представление о референции, о бытии как присутствии. Претензии на репрезентацию, на соотнесение текстов культуры с реальностью несостоятельны, означаемое не существует, оно – всего лишь иллюзия. По Бодрийеру, современность характеризуется скрадыванием различия между реальностью и ее представлением, остаются одни лишь "симулякры", не обладающие никакими референтами, имеющие отношение только к собственной воображаемой реальности. Означающее теряет свою непосредственную связь с означаемым вследствие "отсрочки", откладывания в будущее представления об означаемом явлении. Знак обозначает скорее "отсутствие" предмета, а, в конечном счете, и принципиальное отличие от самого себя. П. утверждает необходимость игрового отношения к смыслу вообще, выдвигает принцип "диссеминации" (Деррида), т.е. рассеивания, дисперсии любого смысла среди множества дифференцированных его оттенков, идея "различия" должна уступить место идее "различения", что означает конец власти одних смыслов над другими. Отсутствие предельного значения открывает неограниченное пространство для движения означающих, что фиксируется в понятии "гено-текст" Кристевой. Взгляд на мир только через призму означающих снимает проблемы объективности, метода, истины, обесценивает научное знание. Но это происходит еще и потому, что "науке предопределено насилие", она связана с признанием порядка, который определяется властными отношениями (М. Серр). Постструктуралисты пытаются обнаружить за всеми культурными феноменами дискурс власти, всепроникающая способность которой позволяет ей "пересекать", "координировать", "прерывать" любые социальные структуры и установления, что дает возможность Делезу говорить о "древоподобности" власти. Язык, символизирующий собой любые формы принудительной власти, функционирует как такого рода древоподобная структура. Как можно разрушить эту властную машину языка и противостоять принудительной силе тотальной бинаризации своей культуры? Такую вождельную зону свободы, где законы силы, господства и подчинения не действуют, представляет собой Текст – авансцена борьбы

множества сил, равноправных дискурсов, являющихся одновременно объектами борьбы за власть, но также и сильными властными позициями. По существу, это "интертекст", предполагающий соответствующую "революционную" процедуру чтения (Ф. Сол-лерс) и элиминирующий традиционную фигуру Автора (Барт, Фуко). Главное предназначение текста – увернуться от власти. Поиск "глубинного, подрывного значения", "истинного уровня языка" (Деррида), не подвластных общепринятым кодам и структурам, обнаруживает значимость элементов внесистемных, маргинальных, асоциальных. Возможно, именно они являются онтологической основой предельной, нередуцированной реальности ("уровень бытия желанья"). Прорисовывается "изнанка" структуры, размываются границы внутреннего и внешнего в искривленном пространстве современной культуры. Своеобразие П. состоит в том, что он легитимировал пересмотр многих классических философских понятий, обозначил новую картографию культурного пространства.

А.Р. Усманова

ПОСТУЛАТ (лат. *postulatum* – требование) – принцип, положение, который служит основанием для осуществления содержательных рассуждений и выводов. По отношению к самим рассуждениям П. выступает регулятивом их реализации, неявно содержа их в себе и оставаясь при этом, однако, семантически неакцентированным. П. часто отождествляется с аксиомой, однако, такое отождествление не учитывает его специфики: П. предполагает меньшую строгость и линейность выводов, отсутствие жесткой необходимости следования правилам логической дедукции. В силу этого имеет смысл различать преимущественные области применения П. и аксиом: соответственно – социогуманитарное и естественнонаучное познание. Наличие в той или иной системе знания П. характеризует ее как достаточно развитую с точки зрения рефлексии над своей логической структурой и эволюцией.

В.Н. Ретунский

ПРАГМАТИЗМ (греч. *прагма* – дело, действие) – философское учение, рассматривающее действие, целесообразную деятельность в качестве наиболее яркого свойства человеческой сущности. Представителями П. являлись Пирс (автор термина), Джемс, Дьюи (версия П. – инструментализм), и др. Рождение П. традиционно связывается с усилиями группы сотрудников Кембриджа в 70-х 19 века ("метафизического клуба" по Пирсу). Ценность мышления, согласно П., обуславливается его действенностью, эффективностью как средства для достижения успеха, для решения жизненных задач. Мышление – средство приспособления организма к окружающей среде с целью успешного действия. Содержание знания определяется его практическими последствиями. Пирс трансформировал дискуссии о знании в проблематику веры – готовности к действию тем или иным образом. Акцент процесса миропостижения т.обр. перемещался от модели "незнание – знание" к схеме "сомнение – коллективная либо социальная вера". Если исследователь знает, какие практические следствия в состоянии продуцировать объект понятия, то понятие о них всех и является полным понятием объекта. Философские споры разрешимы через сопоставление практических следствий той или иной теории. Функция философии – по Джемсу – в уяснении того, какая разница для меня и для вас, если та, а не иная модель мира является истинной. "Реконструкция философии" в духе П. предполагала отказ от изучения основ бытия и познания в пользу отработки методов разрешения разнообразных проблемных ситуаций жизни. Согласно Джемсу, "в качестве истины, которая может быть принята, прагматизм признает лишь одно то, что наилучшим образом руководит нами, что лучше всего приспособлено к любой части жизни и позволяет лучше всего слиться со всей совокупностью опыта". Соответственно: "... гипотеза о Боге истинна, если она служит удовлетворительно..." (Джемс). Таким образом, истина оказывается не отдельной категорией, а одной из разновидностей добра. Этика П. предполагала постепенное улучшение общественного устройства (принцип "мелиоризма"). Развивался П. преимущественно в США, вплоть до Второй мировой войны занимая ведущие позиции в интеллектуальной и образовательной традициях. (См.: Пирс, Джемс, Дьюи, Мид Дж. Г., Операцио-нализм, Инструментализм).

А.А. Грицанов

ПРАКСЕОЛОГИЯ (греч. *praxis* – действие) – философская концепция деятельности, имеющая в настоящее время статус программно-концептуального проекта; проект П. как специальной научной дисциплины, презентующей общую теорию организации деятельности, предложен Котарбинским. Программа П. была призвана синтезировать идущие от нужд практической деятельности разработки в области (научной) организации труда, интерпретируя в своем содержании их общие схемы и принципы, разработанные в методологии и логике науки. Проект изначально мыслился как носящий метатеоретический и методологический характер, как общая "грамматика действия", упорядочивающая праксеологические отношения (по аналогии с общей грамматикой языка). Он предполагал три соотносимых уровня анализа: 1) типологии действий и построения системы категорий (понятий), 2) разработки эффективных нормативных систем действия, позволяющих

погружать рассматриваемую проблематику в конкретно-исторические социокультурные контексты, 3) критику истории развития человеческих действий с точки зрения их технических достоинств и критику методов, применяющихся в этих действиях в настоящее время. Центральное понятие П. – понятие метода, что способствует превращению ее самой в общую методологию. Котарбинский неоднократно предпринимал попытки придать П. дисциплинарный статус – прежде всего в работе "Трактат о хорошей работе" (первое издание – 1955, второе (с которого сделано большинство переводов) – 1958; первая версия работы погибла во время Варшавского восстания 1944) – однако, основное влияние на современное социально-философское знание П. оказала, скорее, своими теоретико-методологическими посылками, восприятием ее как особой области внефилософских междисциплинарных анализов. Показательно, что попытки дисциплинарной разработки П. привели к оригинальной концепции теории организации и управления Я. Зеленецкого, но сняли ряд методологических проблем, заложенных в ее первоначальный проект основателем П. (аналогичные последствия имели попытки ее переистолкования с позиций кибернетики). К вопросам П. Котарбинский обращался и в ряде других своих работ: "Очерки о практике" (1913); "Понятие внешней возможности действия" (1923); "Об отношении возможности действия" (1923); "Об отношении виновности" (1925); "Действие" (1934); "Из проблем общей теории борьбы" (1938); "О сущности и задачах общей методологии" (1938); "Принципы рациональной организации деятельности" (1946); "Праксео-логия" (1947) и др. С пропагандой и развитием идей П. во многом связан весь последний (послевоенный) период творчества Котарбинского. Свою теорию он мыслил как синтез накопленных в истории знания праксеологических идей (будучи известным историком философии и логики, он сам же дал и развернутый анализ некоторых из них). Среди работ по организации труда, легших в основание П., Котарбинский называл, прежде всего, идеи и работы Ф.У.Тейлора, Г. Форда, А. Файоля, С. Томпсона, Ж. Гостеле и др. Ссылаясь он и на польскую традицию "философии действия", прослеживаемую с середины 19 в. Основными же философскими основаниями П. являются, по Котарбинскому, прагматизм (в том числе и в версии инструментализма), "второй" позитивизм (прежде всего концепция всеобщей организационной науки – тектологии – Богданова), марксизм; праксеологом Котарбинский считал и Дж. Г. Мида, но отмечал, что мало знаком с его концепцией. Что касается марксизма, то его влияние на П., как и на все творчество Котарбинского, – двойственно. Несомненно, марксизм импонировал ему акцентированием действенной, преобразующей позиции по отношению к действительности, из марксизма в П. была заимствована сама идея практического отношения к миру, но протрактована она была, скорее, в неомарксистском ключе. В этом отношении важно заметить, что среди праксеологических теорий Котарбинский называет концепцию структуры событий Г. Петровича – одного из основных авторов югославского журнала "Праксис", разрабатывавшего свою версию неомарксизма. Кроме того, в условиях послевоенной Польши такая переинтерпретация идей Маркса в целом оппонировала его упрощенным практикуемым формам. Однако, при всем многообразии возможных источников и параллелей праксеологических идей, основополагающими для становления П. стали интенции философской и логической доктрины самого Котарбинского (в частности, стремление смягчить номиналистическую ориентацию его концепции ре-изма). П. как общая методология рассматривает способы деятельности (в том числе и мыслительной) с точки зрения их практических свойств, т.е. в смысле их эффективности. Для того, чтобы быть эффективной, деятельность должна являться результативной, продуктивной или плодотворной (т.е. достигать поставленной цели), "правильной" (точной, адекватной, т.е. максимально приближаться к задаваемому образцу – норме), "чистой" (т.е. максимально избегать не предусмотренных последствий и не нужных добавочных включений), "надежной" (приемы деятельности тем более надежны, чем больше объективная возможность достижения этими приемами намеченного результата) и последовательной. Фактически, основной критерий практической "успешности" действия – его целесообразность. Трактат Котарбинского оказывается, таким образом, близкой стратегией целерационального действия М. Вебера, однако, по Котарбинскому, действие может быть оценено и как безразличное с точки зрения определенной цели, т.е. как нецелесообразное, но не как противощелесообразное. Отсюда – акцентирование среди аспектов эффективности действия его "правильности" ("неправильности"), подлежащей закреплению в вырабатываемых и закрепляемых в П. нормах, позволяющих согласовать плюральность реальных образцов деятелей с идеальным образцом (накапливаемого обыденного опыта и сознательно избираемых стратегий). В целом, согласно Котарбинскому, действие тем более рационально, чем лучше оно приспособлено ко всей сумме наличных обстоятельств. Однако, это рациональность в вещественном смысле. Рациональность же должна быть понята и в методологическом смысле, который "мы имеем в виду тогда, когда признаем благоразумным или рациональным поведение данного индивидуума, если он поступает соответственно имеющимся у него знаниям, а под имеющимися знаниями мы здесь понимаем сумму всех тех информации, которым, учитывая способ их обоснования, этот индивидуум должен приписать достаточную правдоподобность, чтобы поступить так, будто они были истинными (во всяком случае до тех пор, пока не будет обосновано обратное). Иррационализм поступка в вещественном смысле прямо связан с характером привлекаемого для его осуществления знания (часто недостаточного для реализации какой-либо цели). Однако, имеют место и парадоксальные случаи рациональной практической ошибки (которая суть производство

импульса, не соответствующего цели, в крайнем случае - про-тивоцелесообразного), равно как и случаи успешности действия вопреки его иррациональности (связанной с теоретической ошибкой, или ошибкой мышления - принятием ошибочного суждения). Отсюда требования "надежности" и последовательности, тесно связанные с оценками осторожности, смелости и рискованности поступка. В этой связи Котарбинский вводит еще два важнейших для П. концепта: "виновник действия" и "техника борьбы". "Виновник" - тот, кто вызвал воздействие, существенное и достаточное среди условий для данного изменения (иначе - тот и только тот, чье произвольное действие является причиной данного события). В этом смысле человек суть "виновник" не только преднамеренных следствий, но также и тех, которые он вызвал, не желая этого (но никогда не бывает "виновника" без произвольности (а не необходимости) самого действия). Однако в социальной жизни часто "виновником" одного и того же события является более, чем одно лицо. В этих случаях "умышленное действие каждого из них является существенной составной частью достаточного условия этого события". При этом возможно два типа взаимодействия (кооперации) людей: положительная (сотрудничество) и отрицательная (борьба); более универсален второй тип взаимодействия. Борьба - это "любое действие с участием по крайней мере двух субъектов (исходя из предпосылки, что и коллектив может быть субъектом), где по-крайней мере один из субъектов препятствует другому". Ее большая "универсальность" связана с тем, что вынуждает учитывать действия "другой" стороны, т.е. включать в свою стратегию элементы сотрудничества, с одной стороны, и активизировать собственный творческий потенциал - с другой. (Котарбинский предлагает даже проект разработки особой теории отрицательной кооперации - агонологию (греч. - "взаимная борьба"). Особенно важна в общем контексте проблематики П. актуализация творческого (инновационного) потенциала деятелей, т.к. в результате снимаются существовавшие ранее ограничения на конкретные (слишком рискованные до этого) действия и расширяется поле возможности субъектов, а в случае "борьбы" к инновационному преодолению "трудностей" принуждает сама ситуация взаимодействия. Однако движение в этом направлении приводит к "парадоксам прогресса". Нарастают требо-вания к инструментальному и интеллектуальному оснащению действия, оно качественно усложняется и требует все более глубокого анализа отношений "виновности" для своей эффективной реализации. Теперь уже культура, вобравшая в себя предшествующие достижения, начинает продуцировать принудительные ситуации (и соответственно социальная активность все больше превращается в культурную активность). "Вес культуры возрастает вместе с накоплением ее элементов. Все больше приходится учиться, все больше нужно запоминать, чтобы быть на ее уровне, а тем более, если возникает желание продвинуться в этой области". Этот феномен Котарбинский называет "инициативной препарацией". Деятельность по систематическому усвоению уже накопленного дает преимущество перед творческим усилием, если последнее пренебрегает инициативной препарацией. "Груз" культурного наследия одновременно затрудняет "овладение целым", - отсюда главное требование прогресса в современном обществе: "освободиться от потерявших значение элементов культуры". Еще одна возникающая по мере "инновационного накопления" проблема - рост опосредующих инструментальных действий, не позволяющих непосредственно достигать формулируемых целей и требующих сложного кооперирования систем действий внутри все более расширяющегося социального целого. Тотальность начинает довлеть над индивидуальностью, возвращая ее к выполнению специализированной частичной (пусть и на качественно ином уровне, чем это было, например, при конвейерной форме организации труда) функции. Соответственно возникает "проблема границ специализации, оптимум которой не обязательно равен максимализму", и поиска новых технологий работы со знанием, новых механизмов его структурирования для рационализации действий в методологическом смысле слова (в этом контексте Котарбинский дает развернутые анализы целого ряда таких технологий: активизации, автономизации, инструментализации, антиципации, интеграции, имманентизации, програматизации и т.д.). Таким образом, круг проблем, поднимаемых Котарбинским в связи с обсуждением проекта П., далеко выходит за рамки ее как возможной дисциплины, затрагивая основополагающие темы постнеклас-сической науки и методологии как особого типа знания.

В.Л. Абушенко

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ - 1) - Форма индивидуального чувственного познания, имеющая своим результатом целостный (ср. ощущение) образ объекта, возникающий вне непосредственного воздействия последнего на органы чувств (ср. восприятие). Конституируется как на основе памяти предшествующего сенсорного опыта, чувственно связывая настоящее с прошлым, так в контексте продуктивного воображения, связывая настоящее с будущим. Допуская возможность обобщения, П. выступает исходным инструментарием мыслительных операций. В отличие от других форм чувственного познания, П. связано с языком, что позволяет квалифицировать устанавливаемые в индивидуальном мышлении вербально выраженные связи между П. в качестве суждений, посредством которых может быть реализовано массовое и индивидуальное обыденное сознание (мышление повседневности). Реальное функционирование обыденного сознания, таким образом, может протекать вне обязательного для понятийного мышления требования наличия эксплицитных дефиниций членов суждения, четко очерчивающих их содержание и объем (суждение ребенка "елка зеленая" устанавливает отношение между наглядным образом чувственно артикулированного

феномена и актуализирующимся в зрительной памяти хрома-тико-сенсорным опытом, а не между понятием, фиксирующим в своем содержании хвойное многолетнее и т.д., включая специфические видовые признаки, растение, с одной стороны, и понятием о способности поверхности объекта отражать световые волны определенной длины и частоты (из хорошо представляющих себе зеленый цвет взрослых также далеко не каждый может назвать эту частоту) – с другой). В силу этих своих особенностей П. позволяют конструировать поднимающееся над непосредственной данностью единичных объектов обобщенное знание, сохраняющее при этом исходный наглядно-образный характер и полноту сенсорного опыта, что обеспечивает П. важную гносеологическую роль в осуществлении творческих и прогностических когнитивных процедур, связанных с необходимостью формирования принципиально нового ракурса видения ситуации. 2) – Форма фиксации коллективного опыта в содержании культуры: в максимально обобщенном своем виде П. выступает структурно-содержательной формой конституирования мировоззрения как системы наиболее общих П. о мире, человеке и месте человека в мире, выступая в качестве глубинных се-мантико-аксиологических оснований той или иной культурной традиции (универсалии или категории культуры – соответственно – объектного, субъектного и субъект-объектного рядов). С точки зрения своего гносеологического статуса универсалии культуры могут быть оценены именно как П. максимальной степени общности, задающие основы не только миропонимания и мироистолкования, но и мироощущения, мировосприятия, миропереживания. В каждой культурной традиции может быть выделен набор ключевых П., веер возможных (семантически адаптивных и допустимых в аксиологической системе отсчета данной культуры) интерпретаций которых задает характеризующий данную культуру тип мировоззрения (А. Лавджой). Овладение соответствующим набором общих П. представляет собою содержательный аспект процесса социализации, очерчивая фундаментальные для данной культуры границы нормы и легитимности, с одной стороны, и девиантного поведения – с другой, а также – в семантических пределах своего варьирования – определяет типичные для данной традиции версии отстройки индивидуального сознания и личностные поведенческие стратегии. М.А. Можейко

ПРИНЦИП (лат. principium – начало, основа, происхождение, первопричина) – основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям. В античности онтологическое определение П. как субстанции, в своем существовании не нуждающийся ни в чем, кроме себя, делает возможным понимание бытия и основополагание философии как исследования вопроса о бытии. Предметом рассмотрения берется чаще всего природа (Милетская школа), а также идеальные сущности (пифагорейцы, Платон). Первоначало, или П., обуславливает необходимость, закон становления явлений. В дальнейшем прояснение предельного основания бытия становится фундаментальной задачей философии. В посткантiansкой традиции различаются конститутивный П. как онтологическое основание некоей действительности и регулятивный П. как инструментальное основание той или иной деятельности. В логике П. – центральное понятие системы, представляющие обобщение и распространение некоторого положения на все явления области, из которой данный П. абстрагирован. В этике П. как внутреннее убеждение, максима задает общую установку по отношению к действительности, нормам поведения и деятельности. С.А. Радинова

ПРОБЛЕМА (греч. problema – преграда, трудность, задача) – в широком смысле – сложный теоретический или практический вопрос, требующий разрешения; в узком смысле – ситуация, характеризующаяся недостаточностью средств для достижения некоторой цели. Творчество как процесс создания нового неизбежно связано с постановкой и разрешением П. Разрешение всякой П. можно представить как ряд последовательных, взаимосвязанных шагов, ведущих, в конечном счете, к уменьшению неопределенности в знаниях и деятельности человека и, тем не менее, до самого последнего момента отличающихся недостаточностью возможностей для получения окончательного решения, являющегося целью творческого поиска. Цель П. достигается лишь тогда, когда вырабатывается идея, могущая выполнить роль необходимого и достаточного средства для получения такого решения. Тем самым П. преобразуется в задачу, решаемую по правилам преобразования ее условий. Возникновение П. детерминировано предшествующим знаниям и господствующими ценностными установками и определяется, в конечном счете, социальными потребностями людей. Благодаря ценностным установкам в П. вводятся компоненты, считающиеся важными, необходимыми для того или иного этапа творческой деятельности и содержащие критерий приемлемости или предпочтительности отыскиваемого решения, запрещающая и разрешающая информация для ведения стратегии и тактики его выработки. Вместе с тем, условия, необходимые для возникновения П., не обязательно являются условиями, необходимыми для ее разрешения. В процессе вызревания П. многие из них отбрасываются как избыточные или противоречивые. Вместе с тем, противоречия познания и П. – не тождественные понятия. Появление противоречия может свидетельствовать о необходимости запрета на определенные этапы или результаты деятельности, но не выдвижения П. Кроме того, противоречие вызывает постановку П. лишь при надлежащей ценностно-познавательной ориентации человека, а именно, когда он руководствуется в своей деятельности идеалами единства и

непротиворечивости ее результатов. В процессе творчества происходит отделение действительных от мнимых и сомнительных П., необходимо сопутствующих творчеству. Критерии отделения могут быть подразделены на два класса - в зависимости от того, относятся ли они к форме или содержанию П. К важнейшим критериям формального характера относятся соблюдение правил языка, применяемого для формулирования П. Критерии содержательного характера могут быть сформулированы по отношению к предпосылкам (условиям) и выдвигаемой цели. Предпосылки формулирования действительных П. должны: а) содержать истинные положения; б) заключать в себе знания и ценностные ориентиры, имеющие необходимый характер для данного этапа творчества; в) формулироваться ясно. Цель соответственно должна: а) выразиться на языке предпосылок; б) не вступать в противоречие со средствами своего достижения; в) быть содержательнее имеющихся исследовательских средств; г) удовлетворять требованию последовательности при выдвижении; д) предполагать наличие надежного способа проверки результата; е) формулироваться ясно.

В.Ф. Берков

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ - формы и методы постановки и употребления проблем в мышлении. П. определяется через трактовку смысла и функции проблемы в деятельности и мышлении. Термин проблема (в данном контексте) употребляется как минимум в трех смысловых значениях: 1) как препятствие в деятельности, непреодолимое наличными и известными деятелю средствами и методами. Собственно проблема в этом смысле характеризует не само препятствие, а отношение деятеля к препятствию (она есть субъективное отношение к препятствиям при достижении целей). В такой субъективной трактовке проблема может восприниматься как вызов, требующий ответа, усилия, подвига или изобретения. Для того, чтобы препятствие в деятельности стало проблемой, кроме субъективного восприятия его как вызова необходима соответствующая эпистемическая ситуация, в которой возможно решение проблемы. Например, выражение "летательный аппарат тяжелее воздуха" обретает изобретенный характер вызова для инженерного мышления и творчества в период после изобретения воздушного шара, когда искусственный полет человека в принципе возможен, но на аппаратах легче воздуха, с одной стороны, и при наличии знаний аэродинамики и баллистики - с другой. 2) как "ученое незнание" или знание о незнании. Со времен Николая Кузанского очерчивание в знании зоны незнания широко используется как мотивирующий прием в организации исследований. Все географические знания получены экспедициями, направляемыми в те места земного шара, которые помечены "белыми пятнами" на его модели - глобусе. Аналогичную функцию выполняли сочинения типа "Мировых загадок" Геккеля, даже если они выражались в форме - "не знаем и никогда не узнаем", как у П. Дюбуа-Раймона. 3) как столкновение двух внутренне непротиворечивых знаний об одном и том же. Самым древним и классическим примером проблемы этого типа являются некоторые античные апории. В апориях элеатов упор делался на противоположности рассудочного вывода из данных чувственного опыта: "Стрела", "Ахиллес и черепаха" и др. (У поздних софистов и в рамках Мегарской школы (см. Сократические школы) более популярными стали иные, формально-номинативные парадоксы: "Лжец", "Брадобрей", "Лысый", или грамматические ловушки, например, "Рогатый", где не соблюдается закон тождества, хотя это может быть незаметным на некотором этапе развития логики). Функция проблем этого типа в развитии знания описывается схемой: тезис - антитезис - синтезис. Понятно, что проблемы второго и третьего типа сами могут становиться препятствиями в деятельности, особенно, если это деятельность, ориентированная на познание. Тогда логические парадоксы и "ученое незнание" (Николай Кузанский) сами становятся вызовом, а проблема - объектом пересечения логики, онтологии и этики. Основная трудность проблем и П. состоит в том, чтобы тезис и антитезис относились к одному и тому же объекту. В противном случае получается просто паралогизм или логическая ошибка - нарушение закона тождества. Поэтому нельзя представлять П. просто как оппозицию двух логических суждений, это только форма выражения проблемы. В П. противопоставляются типы и формы знания, способы и методы доказательства и обоснования. Для античности было актуальным противопоставление застывшего традиционного знания и обычая, с одной стороны, и динамичного полисного политического знания, с другой, чувственного обоснования знания обывателя и противоположного ему рассудочно-абстрактного обоснования и доказательства софиста или философа. Схоласты пытались добиться согласования "двух истин": истины откровения (теология) и истин разума и здравого смысла (философия и практическая жизнь). Для методологов науки Нового времени (Галилей, Ф. Бэкон, Декарт) принципиальное значение приобрела оппозиция дедуктивного вывода и индуктивного экспериментального доказательства (рационализм и эмпиризм). Кант специально останавливается на проблемах чистого разума - антиномиях, а Гегель формулирует для работы с ними законы "единства и борьбы противоположностей" и "отрицания отрицания". После Канта и Гегеля к П. перестали относиться как к предмету философских спекуляций. Проблемы стали материалом и содержанием методологической рефлексии. Различные направления методологии разрабатывали техники П. и определяли разные функции проблем в структуре метода. Предлагалось даже выделение исследований проблемы в специальную дисциплину - апоретику (Н. Гартман). В 19 в. остро стояла проблема применимости естественнонаучного метода в гуманитарных исследованиях, а в 20

- актуализировалась оппозиция натуралистического и деятельностного подходов в науке, инженерии и гуманитарной практике. Итак, П. может быть представлена как организованность трех действительностей: критико-онтологической (отнесение тезиса и антитезиса к объему, причем одному), логико-технической (форма выражения и техники П.) и этической (субъективация вызова, прагматический мотив поведения и деятельности). Так, например, Галилею при сравнении двух утверждений "ускорение свободного падения зависит от массы тела" и "ускорение свободного падения - константа" пришлось провести онтологическую критику и показать, что эти утверждения относятся к разным объектам: к падению тел в воздухе и к падению тел в идеальной пустоте. Затем ему пришлось отказаться от формально-логических рассуждений Аристотеля и воспользоваться формой представления движения, предложенной Николаем Оре-мом. Кроме того, ему пришлось принять вызов и набраться смелости для противостояния авторитету Аристотеля. Таким образом, проблема может быть понята только как историческое явление или как организованность в исторической практике. Как триединство онтологии, логики и этики она может быть решена, диалектически снята в синтезе, или она может утратить актуальность, после чего в культуре сохраняется только логическая форма выражения проблемы, которая уже ни для кого не способна стать вызовом. Кроме того, могут измениться объектные представления (идеальная пустота Галилея и торричеллева пустота, эмпирически открытая много лет спустя), может измениться научная парадигма. А если мотивирующий заряд проблемы сохраняется для философа иной эпохи (например, апория "Лжец" для Рассела), то выражается она уже в иных знаках, логиках и языках. В истории философии и науки проблемы имеют самостоятельное значение независимо от их решения. Например, как аргумент в критике - парадокс "третьего человека", сформулированный Аристотелем в "Метафизике" для критики платоновского мира идей; как тема философствования или предмет многолетней дискуссии - проблема универсалий в средневековой философии, или психофизическая проблема в физиологии и психологии 19 в. и т.д.; как инструмент фальсификации научной теории (Поппер) - проблема свободного падения тел, сформулированная Галилеем для фальсификации представлений Аристотеля, или почти аналогичная галилеевской проблема неаддитивности света, возникшая в классической физике после эксперимента Майкель-сона-Морли.

В.В. Мацкевич

ПРОГНОЗ - вероятностное суждение о состоянии какого-либо явления в будущем, основанное на специальном научном исследовании (прогнозировании). В зависимости от характера взаимосвязи в рамках формирования П. "предсказания" (описания возможных или желательных состояний, перспектив, решений проблем будущего) и "предуказания" (собственно использования информации о будущем в целенаправленной деятельности, в решении этих проблем) выделяются два вида П.: естественные и общественные. В естественных П. взаимосвязь "предсказания" и "предугадания" незначительна; это П. метеорологические, гидрологические, геологические (относительно явлений литосферы), биологические (например, заболеваемость в растительном и животном мире), медико-биологические (болезни человека), научно-технические (в узком смысле - состояния материалов, режимы работы устройств и др. явления техносферы), космологические (различные явления космосферы), физико-химические (явления микросферы). В "общественных" П. взаимосвязь "предсказания" и "предуказания" настолько велика, что может вызывать саморазрушение или самоосуществление П. действиями людей на основе различных решений, в т.ч. принятых с учетом П. К ним относятся П. научно-технические (в широком смысле - относительно научно-технического прогресса), социально-медицинские (относительно здравоохранения, а также физкультуры и спорта), социально-географические (о перспективах освоения земной поверхности и мирового океана), социально-экологические (перспективы отношений системы "общество - природная среда"), социально-космические (перспективы дальнейшего освоения космоса), экономические, собственно социальные (социологические), психологические (личность, ее поведение, деятельность), демографические, филолого-этнографические, архитектурно-градостроительные, образовательные-педагогические, культурно-эстетические (материально-техническая база культуры), государственно-правовые и юридические, внутривластные, внешнеполитические, военные и др. Общественные явления могут быть трансформированы средствами социального управления; соответственно общественное прогнозирование ориентировано на выработку рекомендаций по оптимальному воздействию средствами планирования и управления на предсказываемое явление. Могут быть выделены также по преимущественной ориентации П. поисковые и нормативные. Поисковые отвечают на вопрос, в каком направлении пойдет развитие и что вероятнее всего произойдет при сохранении существующих тенденций, основываясь на условном продолжении их в будущее. В этом случае на определенной шкале (поле, спектре) происходит построение функции распределения вероятности (невероятно - менее вероятно - более вероятно - наиболее вероятно при существующих тенденциях). При нормативном прогнозировании предполагается достижение желательных состояний явлений на основе заранее определяемых норм, идеалов, целей; нормативный П. отвечает на вопрос - как достичь желаемого? Та же функция распределения при этом строится в обратном порядке - от заданного состояния в будущем к наблюдаемым тенденциям с выявлением необходимого внесения корректив.

"Естественнонаучные" П. могут быть только поисковыми в соответствии с уровнем воздействия человека на природу. Оба типа прогнозов возможны лишь в области социальных явлений и процессов. Наряду с типами П. первого порядка (поисковыми и нормативными) выделяются подтипы П. второго порядка, связанные с формами конкретизации управления и включающие у себя оба типа первого порядка каждый: П. плановые (определяющие направление и характер ориентации планирования для эффективного достижения поставленных целей), программные (определяющие конкретные пути, меры и условия для достижения желаемого), проектные (П. конкретных образов явления в будущем при допущении ряда отсутствующих условий), организационные (П. текущих управленческих решений, их ориентации для достижения предусмотренного желаемого состояния явления, поставленных целей), целевые П. (определяющие, что именно желательно и почему). По периоду упреждения П. делятся на текущие (на перспективу, на протяжении которой не происходит существенных изменений объекта исследования), краткосрочные (на перспективу только количественных изменений в объекте), долгосрочные (на перспективу не только количественных, но и преимущественно качественных изменений), среднесрочные (на перспективу между кратко - и долгосрочными с преобладанием количественных изменений), сверхдолгосрочные (когда значительные качественные изменения дают возможность говорить лишь о самых общих закономерностях развития объекта). Текущим П. соответствует масштаб дней, часов, недель - до 1 месяца; краткосрочным - 1-5 лет, обычно до года; среднесрочным - 5-10 лет; долгосрочные - от 10-15 до 20-30 лет, обычно 15 лет; сверхдолгосрочные - за пределами долгосрочных.

М.Н. Мазаник

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ - в узком значении - специальное научное исследование перспектив развития какого-либо явления. П. в этом значении выступает в качестве формы научного предвидения. По предмету могут быть выделены П. естественнонаучное и обществоведческое. Объекты естественнонаучного П. характеризуются неуправляемостью или незначительной степенью управляемости; предсказание в рамках естественнонаучного П. является безусловным и ориентированным на приспособление действий к ожидаемому состоянию объекта. В рамках обществоведческого П. может иметь место самоосуществление либо саморазрушение прогноза как результат его учета. Т.обр., П. управляемых процессов (гл. обр. обществоведческое П.) ориентируется на оценку вероятного (при условии сохранения наблюдаемых тенденций) и желательного (при условии заранее заданных норм) состояний объекта с целью оптимизации принимаемых решений (поисковые и нормативные прогнозы соответственно). Источниками информации о будущем, лежащими в основе П., являются: основанная на опыте, аналогии оценка путей развития и перспектив прогнозируемого явления; экстраполяция известных тенденций; модель состояния явления в будущем, основанная на учете изменения (желательного или ожидаемого) тех показателей, перспективы развития которых достаточно известны. Соответственно возможны три основных класса методов П. в социальной сфере (используемых как взаимодополняющие): 1) опрос населения (экспертов) с целью упорядочения, объективизации субъективных оценок прогнозного характера; 2) экстраполирование и интерполирование - построение динамических рядов развития показателей прогнозируемого процесса; 3) моделирование - построение поисковых и нормативных моделей с учетом вероятного или желательного изменения прогнозируемого явления на основе наличных данных о масштабе и направлении изменений. В П. используются методы аналогии, индукции и дедукции, статистические, экономические, социологические и др. Типовая методика П. включает следующие этапы: 1) предпрогнозная ориентация (определение объекта, предмета, проблемы, цели, задач, времени упреждения, рабочих гипотез, методов, структуры, организации исследования); 2) сбор данных прогнозного фона (т.е. влияющих на развитие объекта по непрофильным, смежным отраслям П.); 3) построение исходной (базовой) модели (т.е. системы показателей, параметров, отображающая характер и структуру объекта); 4) поисковый прогноз (проекция в будущее исходной модели по наблюдаемой тенденции с учетом факторов прогнозного фона; цель - выявление подлежащих решению перспективных проблем); 5) нормативный прогноз (проекция исходной модели в будущее в соответствии с заданными целями и нормами по заданным критериям); 6) оценка степени достоверности и уточнение прогностических моделей; 7) выработка рекомендаций.

М.Н. Мазаник

ПРОГРАММА (греч. programme - объявление, предписание) - способ пошаговой (поэтапной) организации деятельности по развертыванию какого-либо содержания, а также по организации и реализации познавательных (исследовательских) содержаний и процедур. Конечная цель, которую призвана реализовать П., всегда формулируется как возможная, желательная, должная, соотносимая с каким-либо идеалом, предполагающая вариативные пути своего достижения и не содержащая изначальных гарантий своей реализуемости. В этом отношении она отличается от "сценарного" способа организации деятельности, где цель (финитность) предзада-ется изначалью, хотя и может варьироваться в зависимости от индивидуального мастерства социальных акторов. П. предполагает свое переопределение, перезадавание, как минимум - уточнение (если она задается жестко) в

ходе реализации каждого из этапов (шагов) – как в плане удержания продуцируемых новых содержаний, требующих постоянной рефлексии над собой, так и в плане отслеживания процедур деятельности и оценки их эффективности. Каждое последующее решение принимается на основе реализации предыдущих, ретроспективно видоизменяя и их. Таким образом, внутри принятой П. субъект приобретает достаточную автономность и активную позицию. В этом отношении П. противостоит "рецептурному" способу задания деятельности, предполагающему точную выверенность каждого шага и решения и запрещающему какую-либо самостоятельность субъекта, который обязан строго следовать предписанному плану. Сам же "рецепт" обнаруживается через серию проб и ошибок, а будучи найденным, догматизируется и транслируется в последующем без каких-либо изменений. Разные "рецепты" предполагают строго разграниченную локализацию в социокультурном пространстве, они закрепляются за конкретными носителями, максимально ограничивающими к ним доступ "другим", т.е. носителям иных "рецептов". Поэтому даже если какие-то изменения в "рецептуре" и происходят, то они не "публикуются", а наоборот, скрываются. Своеобразное сочетание П. и рецепта представляет собой канон. Последний предполагает программное поле, содержащее внутри себя возможные варианты решений и действий, но последние оформляются как "рецепты", что, порождая индивидуальную стилистику, препятствует выходу за пределы канона. Канон нельзя поменять, как можно поменять П. П. и канон можно рассматривать как метатексты, содержащие правила построения конкретных текстов. Однако, если канон направлен на закрепление традиции, и личностное начало в нем вторично (рукой иконописца водит Провидение), то П. презентует собой тип инновационной практики, в которой личный вклад каждого строго фиксируется и налагается запрет на повтор и плагиат. Кроме того, если канон развертывается по линейной схеме (предписанная последовательность шагов), то П. может (и в последнее время все больше) строится по многоуровневой схеме, где программирование отдельных задач идет параллельно друг другу и постоянно накладывается друг на друга. В этом отношении работа с П. близка работе со схемами (схемотехниками), однако в отличие от последних, программирование всегда предполагает выход в "натурный" режим работы, свою предметную (объективированную, развертку. В более узком смысле понятие П. как способа организации и реализации исследовательских и познавательных содержаний и процедур наиболее отчетливо презентуют П. социологического исследования, с одной стороны, и концепция "сильной П." как способа удержания когнитивной рамки в целом, – с другой. П. социологического исследования понимается как документ, содержащий изложение теоретико-методологических предпосылок, структурирование концепции, целей и гипотез реализуемого проекта (методологическая часть П.) с пошаговым прописыванием процедур и техник его развертывания, а также способов контроля (проверки, анализа и рефлексии), получаемых в исследовании содержаний (процедурная часть П.). Проект "сильной П." был оформлен в рамках социологии знания в книге Д. Блур "Знание и социальные представления" (1976). Знание понимается здесь прежде всего как определенный культурный ресурс, позволяющий упорядочивать действительность и осуществлять контроль над ней, в частности – через владение коммуникациями. Это предполагает социально поддерживаемое согласие относительно возможных способов работы со знанием и постоянную модификацию имеющихся понятийно выраженных содержаний знания. Таким образом "сильная П." определяется не только своими способностями рационально организовывать знание, но и, программируя действия людей, задавать определенные социальные порядки. Тем самым происходит замыкание узкого и широкого понимания П. в общей социальной рамке и универсализация программных типов организации содержаний и деятельности, по край-ней мере, внутри европейского культурного ареала.

В.Л. Абушенко

ПРОГРАММИРОВАНИЕ – особая форма организации проблемного мышления и деятельности, предполагающая составление программы; П. – форма связывания идеальной и социокультурной действительностей, своеобразный способ перехода из одной в другую. Поскольку программа должна обеспечивать прорыв в будущее, поскольку П. выступает средством организации работы и самоорганизации ее участников не только в условиях неопределенности, но и в условиях недостаточности средств и методов, онтологических картин и представлений. П. обеспечивает развитие и сохранение со-циотехнических систем, систем профессиональных деятельностей. При этом П. задается как ряд этапов, на которых постоянно производится проектная работа: создание альтернативных и конкурирующих проектов. Проблемный характер мышления и деятельности проявляется при П. в том, что оно включает в себя постоянный процесс проблематизации (еще не решенные проблемы и задачи, еще не выполненные работы: "пустоты" непрерывно оконтуриваются, прорисовываются, а затем заполняются; в ходе же их заполнения прорисовываются новые "лакуны" – ставятся новые задачи и проблемы, которые необходимо решить в рамках данной программы). Программная организация работ в корне отличается от плановой по ряду методов: 1. Программу нельзя построить, а потом реализовать. Потсоединение программы включает ее реализацию, ибо П. – средство соорганизации работ, которые выполняются в контексте и процессе П. Иначе говоря, программа апплицируется на человеческую деятельность, особым образом эту деятельность структурируя и организуя. Таким образом, программа естественным образом переходит или перерастает в реализацию. 2. Программа не

может быть привнесена извне. Программная организация предполагает, что каждый участник работы, исполнитель, сам программирует свою работу, но обязательно в рамках и контексте целого, – иначе он не сможет самоопределиться и прорисовать ситуацию. Следовательно, П. – по своей сути – демократическая форма организации коллективной работы. 3. Источником развития П. выступают конфликты, а механизмом его разворачивания – проблематизация. Различие ценностных ориентаций, разнонаправленность целей и интересов участников общей работы непрерывно порождают конфликты. Если при этом в споре рождается истина, мы получаем задачу, которую надо решать. (Чаще же в споре рождается проблема, требующая для своего решения разработки специальных средств и методов. Это уже задача науки и методологии). 4. Характерная черта П. – проблемная организация работ (в отличие от задачной), благодаря которой дело движется не только вперед – на раз и навсегда зафиксированном уровне понимания ситуации и целей, – но и вглубь: мы периодически пересматриваем свое самоопределение, цели, ситуацию, соотносясь с непрерывно перестраивающейся программой. (Но и наоборот: пересмотр целей, ситуации заставляет нас менять и перестраивать программу). Движение вперед – к уже поставленным целям – обеспечивает функционирование программы, движение вглубь – к пересмотру целей – ее (и наше) развитие. Такое двойное движение накладывает запрет на последовательное выполнение отдельных видов работ, входящих в схему П. Поэтому их приходится выполнять одновременно: в частности, одновременно с ее разработкой начинается реализация программы или (точнее) разработка и реализация программы (в отличие от плана или проекта) не разделяются. 5. Обоснование входит в программу как ее органичная составная часть, т.е. программа не нуждается в отдельном обосновании. Основанием программы оказывается неудовлетворенность ее авторов и исполнителей существующей ситуацией, которая находит отражение в прорисовке ситуаций, самоопределении и целепологании. Именно этот блок выполняет функции ее обоснования. В этой связи программа может оформиться в любой точке общества: она может стать продуктом деятельности любого субъекта, начавшего анализировать ситуацию, в которую он так или иначе вписан, и которая его – по тем или иным причинам – не устраивает. Это и есть то, что называется инициативой, но облеченной в особую, программную форму. Т.о., понимание П. как гуманитарной технологии представляет его как мысленную имитацию, проигрывание предстоящей деятельности в целом, которая по мере осуществления переходит непосредственно в ее исполнение. Путем П. реализуется управление как особый вид профессиональной деятельности. При этом П. предполагает смену естественнонаучного подхода на деятельностный, который так или иначе включает искусственную компоненту, требует критического анализа, оценки и проблематизации настоящего, т.к. в рамках естественнонаучного подхода строительство будущего невозможно в принципе: естественная наука лишь прогнозирует будущее своих объектов, которое нам неподвластно и от нас не зависит. Гуманитарное П. позволяет, наряду с известным, программировать также и неизвестное. Следовательно, субъект П. должен иметь средства и методы фиксации этого неизвестного (знание о незнании) и его преобразования в известное. Программа считается законченной (реализованной) со снятием проблем, лежащих в ее основании, или решением задач, ее породивших.

С.В. Савелова

ПРОЕКТ (лат. *projectus* – выступающий вперед) – прототип, прообраз предлагаемого объекта. Работа по созданию П. требует, во-первых, знания об объектах проектирования и знания о назначении и функционировании сферы деятельности (действительности), в которую вводятся преобразуемые объекты; во-вторых, знания методик и понятийных средств проектирования как специфической деятельности. Гипотетическое преобразование объекта связано не только с описанием данности, но учитывает также возможность практического приведения существующего объекта к тому виду, который задается в П. Основания, определяющие выбор направления преобразований (или идеалы), должны соотноситься с широким контекстом системы, в которую входят изменяемые объекты. Желательное изображение объекта рассматривается в качестве П. в том случае, если оно реализуется в виде объекта или может быть реализовано. Оценивание П. не с точки зрения истинности – ложности, но реализуемости требует от объекта наличия свойств, поддающихся непосредственному воздействию преобразователя, что фиксируется в П. Задание объекта начинается с выделения процессов в этом объекте, прежде всего функции как осуществления вводимых преобразований. Процессы функционирования очерчивают границы объекта проектирования как системы. В соответствии с полученным способом функционирования выбирается обеспечивающий его материал. Специфический порядок выделения и организации объекта (обратный классическому естественно-научному) характеризует структуру проективного исследования. Понимание П. как одного из результатов методологической работы, которой охватываются познавательная, практическая и организационно-управленческая деятельности, распространяет принципы проектирования на научное исследование как таковое, что приводит к изменению типа объектов, которыми оперирует наука и изменению структуры научного познания.

С.А. Радионова.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ – деятельность по созданию проектов. Исходя из этого определения, можно сказать, что П. характеризуется двумя моментами: идеальным характером действия и его нацеленностью на появление (образование) чего-либо в будущем. Эти две характеристики отличают П. как таковое от других широких (в некотором смысле предельных) типов деятельности, например, от исследования. Существуют самые различные виды, методы и способы П. Например, различают: техническое П. или П. по прототипам, т.е. организованное задачным образом (например, решение определенного круга задач при разработке проектно-сметной документации, разработка реализационных проектов по достижению заранее известных целей); гуманитарное П. или собственно П. в узком и точном смысле слова, с которым связана проблемная организация мышления и деятельности. Гуманитарное П. – это технология осуществления преобразований в том случае, когда результат проектного решения наперед неизвестен, технология, реализация которой обеспечивает развитие. Различие этих видов П. – теоретический спор, идущий в рамках особой проблематики: оснований или методологических принципов. Под методологическими принципами П. понимается совокупность сознательных, рефлексивных и бессознательных, неотфлексивированных установок, определяющих получаемый в итоге продукт по схеме акта деятельности (постановка задач; используемые для их решения средства; общая организация процесса и т.д.). В этих принципах выделяются два взаимосвязанных, но далеко не тождественных слоя: онтологический (слой видения и понимания) и организационно-деятельностный (слой действия и его организации). Без подобной двухслойности организации любой методологический принцип перестает работать. Любые преобразования осуществляются сперва в мыслительной имитации и лишь затем в действии. П. строится на основе работы по согласованию понятий, выстраиванию собственных представлений, т.е. концептуализации. Концептуализация тогда – средство формирования идеальной действительности; соорганизации разнонаправленных и многообразных течений; образования и самообразования, самосотворения участников процесса работы с будущим. В контексте гуманитарного П. концепция – это не научный прогноз, а проект, мыслительная конструкция, задающая место для заполнения идеальными представлениями будущего для тех, кто ее разрабатывает. В концепции, отвечая одновременно на вопросы, что и как делать и как устроен мир делания, мы обязаны получить механизм реализации своих замыслов. Именно концепция выступает соорганизующей рамкой полилогической организации деятельности, на основании которой рождается политика как средство реализации управленческой деятельности. В свою очередь, политика меняет ситуацию, а новая ситуация требует пересмотра концепции, т.е. перепроектирования. При этом реализуемость, практичность и эффективность замыслов оказывается прямой функцией принимаемых проектировщиками форм самоорганизации. Идеи и техники демократии участия выводятся из предположения, что нет и не может быть вопроса о том, кто из сторонников или противников проекта прав "на самом деле", потому что каждый прав по-своему. Рефлексия своей позиции как частичной, частной, находящейся в ряду других, в т.ч. и конкурирующих, вменена проектирующим самой ситуацией преобразований. Следовательно, если мы не хотим действовать силой или обманом, в гуманитарном П. оказывается безальтернативной полилогичная организация деятельности, возникает рациональность другого рода, чем в науке. Гуманитарное П. – это технология "работы с будущим", включающая в себя разработку замыслов преобразования мира (ситуации, деятельности и т.д.) и их реализацию, в результате которой преобразуемое становится не просто другим (как оно изменилось бы в ходе естественной эволюции), но именно таким, как было задумано. В таком случае будущее не прогнозируется, а строится. При этом разработка концептуального проекта есть собственно П., втягивающее в себя и процесс его реализации. Такого рода деятельность необходима при П. многокомплексных динамических систем, к которым можно отнести и образовательные системы. Ее осуществление возможно при появлении методологической позиции, которая не фиксируется институционально, а присваивается сообществом неформальным образом. Методолог не проектирует системы, он занимается соорганизацией деятельности субъектов, ее проектирующих. Могут быть выделены пять методологических принципов, которые достаточно полно очерчивают совокупность действий и их возможную со-ор-ганизацию в общем процессе П. систем: 1. Построение взаимодействующей системы субъектов проектирования (их совместимость); 2. Развитие мыследеятельности как ядро создания и организации образовательных общностей; 3. Функциональная ориентация в проектируемую сферу других сфер деятельности (как ведущий процесс построения сферы образования); 4. Рефлексивное развертывание одновременных и взаимосвязанных процессов П. и реализации; 5. Индивидуализация П.Т.о. гуманитарное П. – это искусственное, целенаправленное, осуществляемое за счет собственных усилий преобразование, обеспечивающее развитие; форма (наряду с программированием) реализации проблемной организации мышления и деятельности. Гуманитарные проекты, в которых ответственность за реализацию своих идей должна ложиться на плечи авторов-разработчиков, в принципе проверяются не на истинность, а на реализуемость.

СВ. Савелова

ПРОТИВОРЕЧИЕ – центральная категория диалектики. В принципе диалектика сводится к изучению П. в самой сущности предметов. Становление категории П. в истории философии

связано с вопросом об источниках движения. При его обсуждении обнаружилось две основные точки зрения, две концепции – метафизическая и диалектическая. Если для метафизика источник движения всякого предмета – толчок, какое-то внешнее обстоятельство или условие, то диалектик видит этот источник в самом предмете (предметах). Это особого рода отношение – отношение между противоположными (т.е. взаимосвязанными и в то же время существенно различающимися, взаимоисключающимися) сторонами, свойствами предмета, или П. "Противоречие, – писал Гегель, – ... есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно". Существование П. связано с многообразием элементов единого целого. Всякое несоответствие, рассогласованность в его структуре означают возникновение П. И поскольку абсолютно устойчивого соответствия ни в одном реальном предмете нет, постольку П. носит универсальный характер, и мир находится в постоянном изменении и развитии. Рассогласованность в зарядах электронов и атомного ядра влечет изменение химического элемента; неспособность существующей теории объяснять новые факты требует создания новой теории, означающей скачок в развитии научного знания. Как правило, предмет представляет собой систему взаимодействующих П. Одни выражают борьбу внутренних сил в предмете (внутренние П.), др. характерны для связей с др. предметами (внешние П.). Например, ассимиляционно-диссимиляционные несоответствия, приводящие к росту живых организмов, являются внутренними П., в то время как П. организмов со средой суть внешние относительно этих организмов. Среди внутренних П. есть главные, основные, ведущие, непосредственно связанные с сущностью предмета, и неосновные, второстепенные, зависимые от основных и лежащие как бы на периферии его развития. Категория П. позволила сформулировать один из важнейших законов диалектики, ее "ядро", – закон единства и борьбы противоположностей. П. в формальной логике – отношение между двумя суждениями, из которых одно является отрицанием др.: А и не-А. Формально-логические П. недопустимы в строгом рассуждении, поскольку смешивают истину и ложь.

В.Ф. Верное

РЕАЛИЗМ (лат. *realis* – действительный, вещественный) – направление мысли, основанное на презумпции надления того или иного феномена онтологическим статусом независимой от человеческого сознания сферы бытия. В зависимости от того, что именно наделяется таким статусом, Р. дифференцируется на: 1) – стихийный Р., характерный для архаичных культур и основанный на онтологизации человеческих представлений о мире, в рамках которой предметом объективации выступает непосредственное содержание опыта); 2) – концептуальный Р., оформляющийся в контексте зрелой культурной традиции и – в противоположность стихийному Р. – основанный на рефлексивно осознанном дистанцировании объекта и мысли о нем. К концептуальному Р. относятся: (а) – Р. как философское направление, представленное онтологизацией общих понятий (средневековый Р.), предмета познания (неореализм и критический Р. в философии 20 в.), социальных отношений (см. Социальный Р.); (б) – Р. как художественный метод, основанный на презумпции объективного бытия конструируемой в процессе художественного творчества реальности. В качестве философского направления Р. объективно представлен уже в концепции "мира эйдосов" Платона; как осознающее себя направление конституируется в рамках средневековой схоластики в борьбе с номинализмом по проблеме универсалий. Если номинализм трактует последние как имена (*nomina*) реально существующих единичных объектов, то Р., напротив, базируется на презумпции объективной реальности универсалий (*universalia sunt realia*). Начиная с Августина, Р. синтетически объединяет в своем содержании установки платонизма с христианским креационизмом ("роды" и "виды" как идеальные образы будущих объектов в сознании Творца – у Августина; предбытие вещей как архетипов (*arhetipum*) в разговоре Бога с самим собой – у Ансельма Кентерберийского; самость (*haecceitas*) вещи, предшествующая ее бытию и актуализирующаяся в свободном волеизъявлении Божьем – у Иоанна Дунса Скота и т.п.). Крайний Р., основанный на трактовке универсалий как существующих вне и до индивидуальных объектов и интеллекта, дифференцируется на ранний, моделирующий бытие общего в сознании Бога как сущность, предшествующую индивидуальному бытию, – последнее мыслится в данном случае как результат воплощения сущности, т.е. облечения ее неатрибутивными акциденциями, включая телесность (Иоанн Скот Эриугена), и поздний, мыслящий сущности в качестве первичных субстанций, представленных в единичных объектах (Гийом из Шартра). Поскольку в рамках этой версии Р. объективно возможен сдвиг трактовки креационного догмата в сторону безличной эманации (единичное бытие – из "вида", "вид" – из "рода", "род" – из общего принципа), постольку в качестве официальной доктрины ортодоксальной церкви был принят не радикальный, а умеренный вариант Р. (Альберт Великий, Фома Аквинский, Суарес и др.). Развернутая модель умеренного Р. оформляется в рамках томизма на базе перехода от платонизма к аристотелизму и синтеза европейской схоластической традиции с арабской (аверроизм). Согласно Фоме Аквинскому, троичность бытия универсалий может быть представлена как: – "бытие до вещей" (*ante res*), т.е. бытие в Божественном сознании в качестве прообразов вещей; – "бытие в вещах" (*in rebus*), т.е. их бытие в единичных предметах в качестве их сущностей (субстанциальных форм); – "бытие после вещей" (*post res*), т.е. их бытие в качестве абстракций в человеческом сознании, постигающем

структуру божественного мироустройства. В современной философии наряду со своим развитием в рамках неотомизма, Р. конституируется как направление в гносеологии, основанное на презумпции объективного доопытного существования объекта познания (что в ситуации 20 в., особенно после разработок Копенгагенской школы, становится далеко не очевидным и нетривиальным). Когнитивный реализм дифференцируется на: (I) – неореализм (Р. Перри, У. Марвин, Э. Холт, У. Монтегю, У. Пит-кин, Э. Сполдинг и др.), фундированный так называемой "пре-зентативной гносеологией", критически направленной против отождествления действительности и опыта (индивидуального в прагматизме и безличного-абсолютного в неогегельянстве) и постулирующей независимое от сознания бытие объекта, могущее реализоваться как в existence (бытие в пространственно-временном континууме), так и в subsistence (существование идеального объекта вне пространства и времени). Возможность познания, понимаемого как преодоление субъект-объектного дуализма ("эпистемологический монизм"), достигаемое за счет "презентации" объекта в субъективном сознании, базируется на непосредственном "схватывании" действительности сознанием ("непосредственный Р."); (II) – критический Р. (А. Риль, О. Кюльпе, Э. Бехер, А. Венцль, А. Сет, Д. Хикс и др.), основанный на так называемой "репрезентативной гносеологии", вводящей между объектом и субъектом опосредующее звено – "данное" (data), трактуемое либо как константные логические сущности (Сантаяна, Д. Дрейк, А. Роджерс, Г.О. Стронг), либо как психические образования (Селларс, Дж. Пратт, А. Лавджой), либо как "духовная природа" бытия (Д. Уайлд, М. Чапмен, Р. Паркер, П. Вейс, У. Хартшорн, У. Шелдон). Как последнее направление, так и "темпоралистический Р." Лавджоя формируют своего рода синтетическую модель, ориентированную на включение в свое содержание элементов классического идеализма и неореализма.

М.А. Можейко

РИТУАЛ (лат. ritualis – обрядовый, ritus – торжественная церемония, культовый обряд) – одно из основных понятий этнологии и культурной антропологии, позволяющее адекватно отобразить своеобразие человеческого поведения в "далеких" культурах (прежде всего – архаических и традиционных). В первом приближении Р. может быть определен как священнодействие, основанное на наделении вещей особыми (символическими) свойствами. Традиционной философией культуры Р. трактовался как несущественное для достижения практического результата "обрамление" здравого технологического рецепта, порожденное дефицитом позитивных знаний и заменой подлинных причин вымышленными. Однако современное историко-культурное исследование, реконструирующее специфические типы человеческого поведения, исходя из ценностных оснований самих изучаемых культур, меняет местами привычное соотношение ритуального и прагматического: в "далеких" культурах Р. оказывается лежащим в основе повседневной трудовой деятельности человека. Такая позиция ставит вопрос о специфической целесообразности Р. Сравнительно легко фиксируются его внешние функции – социальная и психологическая: Р. служит средством интеграции и поддержания целостности человеческих коллективов (Малиновский, Дюркгейм), а также снимает психологическое напряжение и гармонизирует человеческую психику (Юнг). На имманентную целенаправленность ритуальных действий указывает семантика языковых обозначений Р., свидетельствующая о близости двух основных значений – "священнодействие" и "порядок Р". – это священнодействие, связанное с установлением или поддержанием вселенской и социальной упорядоченности. В частности, социальный опыт архаических коллективов может быть представлен как чередование двух основных состояний: а) жизнедеятельности в упорядоченном и стабильном космосе, священные центры которого обеспечивают надежную защиту от сил хаоса, вытесненных за границу обустроенного мира; б) периодической хаотизации космоса при прохождении им критических точек своего существования (фазы "структуры" и "коммунитас", по В. Тэрнеру). Временная бесструктурность мира, обнаруживаемая в архаическом празднестве, продуктивна – она обеспечивает обновление могущества сакральных объектов. Формой обязательного человеческого участия в праздничном обновлении мира и является архаический Р. Он начинается с действий, подчеркнута противоречащих общепринятым нормам (погружая тем самым "состарившийся" космос в плодотворный хаос), и затем последовательно восстанавливает исконный порядок вещей. Архаический Р. представляет собой синкретическое действие, к которому восходят в своих истоках более поздние специализированные формы деятельности (производственно-экономическая, военно-политическая, религиозно-культовая, художественная и др.). Религиозный культ отличается от архаического Р. эти-зацией сакральных объектов (богов), увеличением дистанции между людьми и богами, утверждением односторонне серьезного и торжественного их почитания. Р. имеет первостепенное значение не только в архаических культурах, но и в традиционных обществах более позднего времени. Р. здесь связан не с праздничным разрушением-восстановлением, а с поддержанием уже прочно установленного порядка. Человеческое действие, определяясь следованием абсолютным образцам поведения, ритуализируется и вписывается в модель идеального равновесия космоса. Системы ритуализированного поведения, обеспечивая непрерывное воспроизводство сакрализованного порядка вещей, являются несущим каркасом традиционных культур. Современное общество, как правило, характеризуется нигилистским отношением к Р. и выдвиганием на первый план утилитарно ориентированного действия автономного индивида. Исключением являются

общества, связанные с расцветом в 20 в. "тотальных идеологий" (Манхейм) и основанные на вторичной - идеологической - ритуализации человеческого поведения.
В.Н. Фурс

СЕМИОТИКА (греч. semeion - знак) - научная дисциплина, изучающая производство, строение и функционирование различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию. С. играет заметную роль в методологии гуманитарных наук: любые культурные феномены - от обыденного мышления до искусства и философии - неизбежно закреплены в знаках и представляют собой знаковые механизмы, чье назначение можно и нужно эксплицировать и рационально объяснить. В поле зрения С. находятся естественные и искусственные языки (в том числе язык научной теории, "языки" кино, театра, музыки), все типы визуальных знаковых систем (от дорожных знаков до живописи), разнообразные системы сигнализации в природе и обществе. Границы С. подвижны, она является пограничной дисциплиной и объединяет различные подходы. Принято выделять логико-математическую С, так называемую "металогику" (которая изучает метатеоретическими средствами свойства логических и математических систем, искусственно формализованных языков; представлена в исследованиях Рассела, Д. Гильберта, К. Геделя, А. Черча, Карнапа и др.) и гуманитарную С. (С. языка и литературы). В отличие от других гуманитарных дисциплин, С. интересуется не поиском значения, но способ означивания: содержание, не облеченное в форму, не является предметом семиотических исследований. С. опирается на понятие знака как материально-идеального образования, репрезентирующего нечто (в его отсутствие), имеющего целью передачу определенного содержания и выполняющего роль посредника в культуре. В своей совокупности знаки образуют язык, который в семиотической теории, с одной стороны, выступает как "интерпретант всех прочих систем" (Э. Бенвенист), но в то же время, оказывается "частным случаем семиотической функции" (Пиаже). Выявление значения, зашифрованного в знаковом сообщении, осуществляется путем декодирования, где код означает способ упорядочения знаков в определенную систему, благодаря чему выполняются коммуникативная и др. функции языка. Как научная теория С. начала развиваться в конце 19 - начале 20 вв., однако постепенно у нее обнаруживаются все более глубокие корни в учениях Аристотеля, Филона Александрийского, стоиков, Августина Блаженного, в логических учениях схоластики, в философии Гоббса, Лок-ка, в логико-математических работах Лейбница, в исследованиях по языкознанию Потемби, Гумбольдта и др. Основные принципы "науки о знаках" были сформулированы Пирсом, стремившимся к созданию логики науки, объясняющей процесс приобретения научных знаний, репрезентирующей реальность. Он выделил параметры семиотического функционирования - репрезентант, интерпретант, референт ("триадическая природа знака"), дал первую классификацию знаков (иконический знак - индекс - символ), исследовал процесс функционирования знака - семиозис. Если Пирс развивал логическую линию С, то лингвистическая ветвь разрабатывалась в трудах Соссюра, мыслившего "семиологию" как науку, "изучающую жизнь знаков внутри жизни общества" (в которую лингвистика должна входить как составная часть). Исходной единицей анализа, по Соссюру, является знак, представляющий собой отношение между означаемым (понятие, план содержания) и означающим (акустический образ, план выражения), связь которых произвольна (Бенвенист позднее уточнил, что произвольно лишь отношение целостного знака к реальности, но не отношения компонентов знака между собой). С. Пирса (получила развитие в трудах Морриса, Т. Се-беока, Эко и др.) и семиология Соссюра (Л. Ельмслев, Бенвенист, структуралисты) основали две семиотические парадигмы: С. знака и С. языка как знаковой системы (вопрос об употреблении терминов "С." и "семиология" остается открытым, но в принципе они синонимичны). Первая сосредотачивает внимание исследователя на изолированном знаке, на отношении знака к значению, к адресату; на процессе семиозиса, т.е. превращения не-знака в знак и трех его измерениях: 1) синтактика - сфера внутренних отношений между знаками; 2) семантика - отношения между знаками и их объектами; 3) прагматика - отношения между знаками и теми, кто ими пользуется. Альтернативная концепция делает акцент на реляционной сущности языка, на специфике знака как функции. Существует и третья тенденция, выражающая стремление снять противоречие между этими двумя позициями: так, Эко доказывает, что понятия знака и семиозиса не являются несовместимыми: означаемое может быть схвачено только как результат интерпретативного процесса, сущность знака раскрывается благодаря неограниченному семиозису, выражающему то, что значения никогда не застывают в замкнутую и окончательную систему, поскольку мир знаков в процессе коммуникации находится в постоянном движении, структура кодов непрерывно перестраивается. По мере развития С. понятие "знак" постепенно отходило на второй план, уступая место понятию "текст" - интегративному знаку, проводнику функции и значения, применяемому для обозначения любой связанной последовательности знаков-высказываний. Выход за пределы исследования только внутрисистемных отношений наметился в ходе последующего развития С. Традиционно С. различает два уровня в сообщении: денотативный (фактическое сообщение - см.: Денотат) и коннотативный (дополнительное значение, социокультурно обусловленная символическая нагрузка - см.: Коннотация). Любой язык представляет собой комбинацию денотативного и коннотативного - такова динамическая реальность семиотической системы. Внимание к коннотативным означающим, повлекшее за собой

дискуссию о С. коммуникации и С. сигнификации (первая настаивала на сосюррианском тезисе предопределенности означаемого и означающего, не интересовалась дополнительными значениями, разрушающими структуру кода, без которого коммуникация невозможна (Л. Прието, Ж. Мунен); а вторая наполняла жестокий семиотический базис реальным социокультурным содержанием, перенося внимание на сам процесс порождения смысла (Ельмслев, Барт) – означало переход от изучения знаковых систем, непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми к не осознаваемым знаковым системам; по существу, это переход к семиотическому изучению социального бессознательного, открытию для С. новых областей исследования. В связи с этим сегодня особое внимание уделяется сфере междисциплинарных исследований – С. культуры, исследующей культуру как иерархию знаковых систем и имеющую свою логику развития, фиксируемую семиотическими практиками (начало этим исследованиям положила Московско-Тартусская школа С). Каждой эпохе свойственен свой семиотический стиль, свои способы интерпретации текстов, в результате чего композиция и корреляция отдельных семиотических систем определяют тип культуры. Сегодня С. представляет собой довольно развитую теорию, методы которой позволяют анализировать самые разнообразные сферы человеческой деятельности; проводятся исследования по С. литературы (русская "формальная школа", группа "Тель Кель", Барт, Деррида), по политической семиологии (Барт, "Тель Кель"), по С. массовых коммуникаций (А.-Ж. Греймас), по С. искусства (Кристева, Эко), кино (К. Метц, П. Пазолини), театра (П. Пави), по зоосемиотике (Себеок), по психоаналитической и педагогической семиологии (Лакан, Пиаже) и т.д.

А.Р. Установа

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ (англ. interaction – взаимодействие) – теоретико-методологическое направление в социологии и социальной психологии (прежде всего, американской), кладущее в основу анализа социокультурной реальности социальные (с акцентированием межличностного аспекта) взаимодействия, взятые в их символическом (особенно языковом) выражении. Кроме абсолютизации микросоциологической проблематики (в ее противопоставлении макросоциологическим проблемам) для СИ. характерно подчеркивание процессуальной природы социального. В определенной мере это связано с влиянием на конституирование СИ. идей прагматизма (в том числе и инструментализма Дьюи) и стремлением преодолеть жесткость и схематизм господствовавших бихевиористских концепций социального поведения. Однако, если различные концепции социальных ролей и теории социального обмена (также решавшие сходные задачи) пошли по пути анализа прежде всего функциональных и (или) институциональных аспектов социальных взаимодействий, породив ряд идей, близких к классическому структурно-функциональному анализу в социологии, то СИ. выдвинул ряд неклассических идей, оказавшихся родственными некоторым положениям понимающей социологии (обращение к внутренним структурам личности, к культурной проблематике, к анализу языка, к принципу конструируемости социальной реальности и т.д.). В качестве предтеч СИ. называют Кули и У. Томаса. Так, Кули исходил в своих построениях из признания социальной природы человека и утверждал примат первичных социальных групп для социализации и самоопределения индивида. Он же, различая познание вещей и личностей, акцентировал внимание на культуре и языке в их сигнификативной (знаковой) функции для понимания взаимодействия "Я" и "Другого" (наше отношение к другому детерминировано нашими представлениями о другом (идеей личности), а не тем, чем он является на самом деле). Отсюда редукция общества Кули к взаимодействию личностей, понимание этого взаимодействия как согласования "идей личности" и формулировка задачи социального познания как "воображения воображаемого". Не менее важны для СИ. оказались и идеи Томаса о предрасположенности (интенциональности), фиксируемой в установках и ценностных ориентациях, индивидов к определенному поведению и о вероятности определенного поведения индивидов, задаваемой конституированием индивидами своих ситуаций в актах их оценки (идея, близкая Дьюи). Отсюда так называемая "теорема Томаса": если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям (или: определение ситуации как действительной делает ситуацию действительной). Однако основоположником направления в историко-социологической традиции признаются не Кули и не Томас, а Дж. Г. Мид, несмотря на то, что сам он определял свою концепцию как "социальный бихевиоризм" (термин "СИ." введен его учеником Блумером) и что ряд аналогичных идей (в австрийский период его жизни) параллельно высказал Морено (даже в историко-социологической литературе этот круг его идей освещается достаточно редко, а акцентируется его социометрия). Традиционно в СИ. выделяют Чикагскую (Блумер, Т. Шибутани и др.) и Айов-скую (М. Кун и др.) школы. Однако версия М. Куна и его последователей ушла от процессуальной трактовки социальности, усвоила ряд позитивистских методологических установок, отказалась от рассмотрения "внутренней" структуры личности, сделав акцент на групповых нормах и сблизившись, в конечном итоге, с теорией социальных ролей. Поэтому как более "аутентичную" следует признать традицию Блумера. В более поздних версиях "прививку" феноменологии Шюца, прежде всего интегрировав в себя понятие интерсубъективности) и эта линия СИ. перевернула исходное основание направления, обозначенное Дж. Г. Мидом: не социальное взаимодействие стало рассматриваться как конституирующее социальность, а социальность как конституирующая

социальное взаимодействие. В качестве самостоятельной версии СИ. может быть рассмотрен социодраматический подход Гофмана (во многом близкий концепции социодрамы Морено). В некоторых исходных основаниях своих идей близок СИ. и Моррис. В любом случае исходное основание направления – изучение интеракций (взаимодействий) людей, в которых различаются непосредственный и символический их типы, причем безусловный приоритет в конституировании реальности (которая в СИ. "простраема", а не дана изначально) принадлежит второму типу. Символическая интеракция определяется (Блумер) как действие на основе значений, получаемых в интерпретациях. Человек живет в мире значимостей, а не стимулов. Он действует, а не реагирует. По сути, смена систем устоявшихся (принятых) значений означает смену мира, в котором мы находимся. Значения нам предзаданы как определения (дефиниции), однако только их понимание задает нам горизонт видения и возможные векторы действия. Это предполагает наше личное отнесение к значениям, их согласование с наличными ситуациями, что уже требует их переинтерпретации. Более того, эта переинтерпретация есть и переопределение ситуации действия, но одновременно и экстернализация новой дефиниции (требующей новой переинтерпретации и т.д.). Таким образом в социальном взаимодействии мы имеем дело не с объектами, а с дефинициями объектов (т.е. с символами) и интерпретируем их в определенном языке (т.е. посредством символов). Символы, следовательно, в СИ. суть модусы действия, а не средства передачи информации. Отсюда второй круг общих для различных версий СИ. (но различно ими решаемых) проблем – взаимоприспособление деятелей, обладающих множеством перспектив – видений (само действие есть переход из одной перспективы в другую), требующее переоценки старой перспективы – каждое новое будущее требует и нового прошлого. Взаимоприспособление обеспечивается тем, что люди: действуют в объединениях; производят "репетиции в воображении"; способны в рефлексии "отстраняться" от ситуации и осознавать себя как "отдельность", а в результате – "держать паузу" и превращать себя в объект для самого себя; способны "принять роль другого"; переопределяя ситуацию, "встраивать" себя в нее; закрепляют удачные действия; готовы отвечать на ожидания (ожидания) других и т.д. Многообразие возможностей ("механизмов") взаимоприспособления обуславливает и разницу "ответов" в различных версиях СИ. Особую роль для понимания процессов консти-туирования социальной реальности играют разработанные Дж. Г. Мидом механизмы выработки представления об "обобщенном другом" (процедуры типизации) и задания социальных дистанций в результате взаимоприспособления. В общую рамку СИ. вписывается и ряд методологических идей, высказанных прежде всего Блумером и имевших принципиальное значение для понимания природы социологического знания. Исследователь, согласно Блумеру, с необходимостью должен встраивать свои стратегии исследования в реальные социальные взаимодействия. Тем самым эти стратегии не могут носить отражательный характер по отношению к некоторой эмпирической данности, а выступают, скорее, как формирующие социальность практики. В силу этого, исследователь всегда находится как бы между двумя крайностями. Ему необходимо избегать ложных предположений о связи своих концептов с событиями постоянно переинтерпретирующегося реального мира, с одной стороны. Но с другой стороны, ему постоянно необходимо помнить о своей "вписанности" в реальные ситуации. Отсюда процедура "разведки-проверки", т.е. оценивания используемого понятийного аппарата на адекватность описываемым процессам, акцент на индуктивных и поливариантных исследовательских стратегиях, установка на выявление скрытых пластов поведения. Эти идеи, предложенные внутри проекта СИ., нашли свое продолжение в разработках социологии знания.

В.Л. Абушенко

СИМУЛЯКР (фр. simulacres, от simulation – симуляция) – термин философии постмодернизма для обозначения непонятного средства фиксации переживаемого состояния. Введен Батаем, интерпретировался Клоссовски, Кожевье, Водрийаром и др. Конституируясь в оппозиции вектору жестко категориального философствования, концепция Батая реализует себя в "С. понятий": "я пошел от понятий, которые замыкали... Язык не оправдал моих надежд., выражалось нечто иное, не то, что я переживал, ибо то, что переживалось в определенный момент, было непринужденностью... Язык отступает, ибо язык образован из предложений, выступающих от имени идентичностей". Между тем постмодернизм интегрально зиждется на отказе от последних: "философия сингулярностей" П. Вирилио, "мышление ин-тенсивностей" Лиотара, "варианты кодов" Барта – все это принципиально альтернативно феномену идентичности. Любая идентичность в системе отсчета постмодерна невозможна, ибо невозможна финальная идентификация, т.к. понятия в принципе не соотносимы с реальностью. – В этом контексте Батай постулирует "открытость существования" в отличие от "замкнутого существования", предполагающего "понятийный язык" и основанного на задаваемых им идентичностях. Строго говоря, "понятийный язык" задает идентичность существования с бытием, тем самым деформируя бытие как "убегающее всякого существования". В этой связи "мы вынуждены... раскрыть понятия по ту сторону их самих". Это становится очевидным в системе отсчета так называемых "суверенных моментов" (смех, хмель, эрос, жертва), в точечном континууме которых "безмерная расточительность, бессмысленная, бесполезная, бесцельная растрата" ("прерывность") становится "мотивом бунта" против организованного в конкретной форме ("устроенного и

эксплуатируемого") существования - "во имя бытия" как неидентифицируемого такового. Эти "суверенные моменты" есть "С. прерывности", а потому не могут быть выражены в "понятном языке" без тотально деструктурирующей потери смысла, ибо опыт "суверенных моментов" меняет субъекта, реализующего себя в этом опыте, отчуждая его идентичность и высвобождая тем самым его к подлинному бытию (ср. с мгновениями, "когда разум отказывает в своих услугах" у Шестова). В этой системе отсчета С. как выражение "суверенного момента" ("С. прерывности") фактически выступает у Батая квази-С, "симулякр симулякра", что упраздняет возможность самой мысли о какой бы то ни было идентичности. Усилие Батая в сфере поиска адекватного (или, по крайней мере, недоформирующего языка) для передачи "суверенного опыта" оценено Кожевьем как "злой Дух постоянного искушения дискурсивного отказа от дискурса, т.е. от дискурса, который по необходимости замыкается в себе, чтобы удержать себя в истине". По формулировке Клоссовски, "там, где язык уступает безмолвию, - там же понятие уступает С". Избавленный от всех понятий как содержащих интенцию на идентификацию своего значения с действительностью, язык упраздняет "себя вместе с идентичностями", в то время как субъект, "изрекая" пережитой опыт, "в тот самый миг, когда он выговаривает его, избавляется от себя как субъекта, обращающегося к другим субъектам". Таким образом, "С. не совсем псевдопонятие: последнее еще могло бы стать точкой опоры, поскольку может быть изобличено как ложное. С. образует знак мгновенного состояния и не может ни установить обмена между умами, ни позволить перехода одной мысли в другую". В этом отношении С не может, подобно понятию, заложить основу пониманию, но может спровоцировать "сообщничество": "С. пробуждает в том, кто испытывает его, особое движение, которое, того и гляди, исчезнет" (Клоссовски). Бодрийар в работе "Симулякры и симуляции" (1981) фундирует феномен С. анализом процесса симуляции, понятой как "порождение, при помощи моделей, реального без истока и реальности: гиперреального". В рамках симуляции осуществляется "замена реального знаками реального", и реальное как полученный продукт "не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некой идеальной негативной инстанцией. Оно только операционально. Фактически, это уже больше и не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт, излучаемый комбинаторными моделями в безвоздушное пространство" (Бодрийар). Фундаментальным свойством С. в этой связи выступает его принципиальная несоотнесенность и несоотносимость с какой бы то ни было реальностью. Рассматривая современность как эру тотальной симуляции, Бодрийар трактует в этом ключе широкий спектр социальных феноменов, демонстрируя их симуляционный характер в современных условиях: если власть выступает как симуляция власти, то и сопротивление ей не может не быть столь же симулятивным; информация не производит смысл, а "разыгрывает" его, подменяя коммуникацию симуляцией общения ("пожирает коммуникацию"), - симуляция, таким образом, располагается "по ту сторону истинного и ложного, по ту сторону эквивалентного, по ту сторону рациональных отличий, на которых функционирует любое социальное". Реальность в целом подменяется симуляцией как гиперреальностью: "более реальное, чем само реальное - вот таким образом оно упраздняется". Таким образом, С. как форма фиксации нефиксируемых состояний открывает "горизонт события", по одну сторону которого - мертвящая и жесткая определенность якобы объективного и имманентного событию смысла, а по другую - "ослепленность, являющаяся результатом... импловии смысла". В контексте постмодернистской философской парадигмы с фигурой С. как противостоящего понятию с фиксированным объемом и содержанием типологически сопоставима такая фигура, как ризома, противостоящая структуре с жестко фиксированными элементами и конфигурацией, и нарратив как процедура означивания, противостоящая герменевтической процедуре реконструкции смысла и значения.

М.А. Можейко

СМД-МЕТОДОЛОГИЯ (системо-мыследеятельностная методология) - подход, разрабатываемый движением, возникшим на базе Московского методологического кружка (ММК). История движения начинается с 1952-1954, когда образовался Московский логический кружок (А.А. Зиновьев, Щедровицкий, В.А. Грушин, Мамардашвили и др.). Это был период разработки содержательно-генетической логики, ассимиляции культурно-исторической концепции Выготского, запрещенной в те годы в СССР кибернетики и разворачивающихся системных исследований. Осознание своего подхода как отличного от логики, марксистской философии и науки произошло в кружке после публикации серии программных докладов "О возможных путях исследования мышления как деятельности" (Щедровицкий, Н.Г. Алексеев) и открытой критике их со стороны Зиновьева. Логический кружок становится методологическим (ММК). На этом этапе (теоретико-деятельностный этап 1957-1979) участники движения заняты разработкой теории деятельности и теории мышления (В.А. Лефевр, О.И. Генисаретский, В.А. Розин и др.), исследованиями в теории систем (Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский и др.), системным проектированием и дизайн-программами (В.Я. Дубровский, Щедровицкий и др.). С 1979 начинается новый этап (СМД-этап) разработки методологии, когда кружок разворачивается в движение, возникают лаборатории, исследовательские и проектные группы не только в Москве, но и в других городах (Киев, Одесса, Рига и т.д.). Основной формой деятельности методологов

становится ор-ганизационно-деятельностная игра (ОДИ), которая строится по схеме мыследеятельности. Лидером СМД – движения и главным идеологом и теоретиком после распада Московского логического кружка являлся Щедровицкий. У основных представителей СМД-методологии на разных этапах ее развития существовали различные трактовки подхода и формулировки методологии. С середины 80-х в рамках движения выделились и институционализировались несколько самостоятельных направлений, стремительно удаляющихся от исходных представлений ММК. Поэтому остановимся на том представлении, которое формулировал Щедровицкий в 1981, т.е. в период, когда наметился переход от узкого кружка (школы) к широкому движению. После "Рассуждения о методе" Декарта и "Нового Органона" Ф. Бэкона методология стала обязательным компонентом сначала научной, а постепенно и всех остальных форм человеческой деятельности. В подходе ММК конкретная деятельность объемлетя (включается и снимается) методологией, а не наоборот. Такая перефокусировка позволила распространить термин методология на весь комплекс онтологических и традиционно методологических представлений школы и подходы, которые в аналогичных случаях называются философскими школами или направлениями (например: феноменология, философская антропология, структурализм и т.д.). Концепция СМД-методологии фундирована следующими тезисами: 1. Основная функция методологии (не только СМД) состоит в обеспечении универсума человеческой деятельности прежде всего нормами, проектами и предписаниями. Поэтому основные продукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методические предписания не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются только на реализуемость. Результаты методологической работы – это не знания, а проекты, схемы и предписания. 2. Методология это не методика, поэтому она до предела насыщена знаниями, рефлексивно включаемыми в схемы и предписания. Методологическая работа и методологическое мышление соединяют проектирование, критику и нормирование с исследованием и познанием. При этом, исследование подчинено нормированию и проектированию, хотя и может быть организовано как автономная система, в специальных случаях. 3. Два первых тезиса противопоставляют науку и методологию. Однако, методология не только не отвергает научного подхода, но, наоборот, продолжает и расширяет его, распространяя на такие области, где раньше он был невозможен. Это проявляется в создании композиций из знаний разного типа: естественно-научных, конструктивно-технических, исторических, гуманитарно-практических. Традиционная же наука (в узком и точном значении этого слова) ориентирована на отделение подлинно объективного, натурального знания от всех других типов, особенно субъективно-смысловых и предписывающих – что должно, а что не должно делать. 4. Методология стремится соединить и соединяет знания о деятельности и мышлении со знаниями об объектах этой деятельности и мышления. Поэтому объект, с которым имеет дело методология, напоминает матрешку. Это особого рода связка двух объектов, где внутри исходного для методологии объекта – деятельности и мышления – вставлен другой объект – объект деятельности или интенциональ-ный продукт мышления. Такая гетерархия объекта (поскольку в конкретной методологической практике схема двойной включенности объекта в объект может мультиплицироваться) представляет большую трудность в освоении методологического подхода с позиций традиционной науки и философии. 5. Одним из важнейших для методологии является принцип множественности представлений и знаний, относимых к одному объекту. Поэтому для методологии характерен учет различия и множественности разных позиций деятеля в отношении к объекту. Разница знаний, присущих разным позициям, и сам факт их множественности рассматривается как объективный момент мыследеятельной ситуации. Методология учитывает гетерогенность разных знаний (профессиональное, онтологическое или историческое их происхождение) в работе по "схеме многих знаний". Частным случаем этой схемы может выступать принцип дополнительности Н. Бора в отношении корпускулярной и волновой природы одного и того же объекта. 6. Связывание и объединение разных знаний в методологии происходит прежде всего не по схемам объекта деятельности, а по схемам самой деятельности. Помимо того, что методолог задается вопросом, как устроен объект в том или ином профессиональном представлении, он выясняет, в чем состояла "деятельная заинтересованность" профессионала (позиции или подхода), заставившая представлять объект именно так, а не иначе. Поэтому представление о сложной популятивной и кооперированной деятельности выступает в качестве средства связывания разных представлений об объекте этой деятельности. Отсюда в методологической работе всегда используется не одно онтологическое представление, а по меньшей мере два: организа-ционно-деятельностная онтология – изображающая структуру профессионально-кооперированной деятельности, собственно объектная онтология – природный, социальный или виртуальный объект деятельности межпрофессиональной кооперации. В СМД-методологии существуют свои центры образования и подготовки, свои журналы (наиболее авторитетный – "Вопросы методологии") и альманахи; все семинары, конференции и конгрессы приобретают ОДИ-об-разный (игровой) характер. Архаичность и маргинальность социальной формы существования СМД-методологии в сочетании с самыми современными методами системных исследований, рафинированным стилем мышления и языком делают этот подход и все движение уникальным явлением в постсоветской культуре.

В.В. Мацкевич

СМЫСЛ и ЗНАЧЕНИЕ – понятия, задающие разные формы осуществления основной языковой связи "знак – означаемое" в процессах понимания и в системе языка. Содержание этих понятий в логике (логической семантике), лингвистике и семиотике различно. В логической семантике, в идущей от Фреге традиции, З. языкового выражения (предметным З.) называют его денотат, т. е. тот предмет (или класс предметов), который обозначается этим выражением. С. же называют то мысленное содержание, которое выражается и усваивается при понимании языкового выражения. В классической формальной логике понятиям З. и С. соответствуют понятия "объема" и "содержания". В лингвистике распространена другая различительная схема (т. наз. "треугольник Огдена-Ри-чардса"), где понятие З. конкретизируется как лексическое З. слова (языковое употребление), а С. – как субъективный образ, возникающий при понимании текста (речевое употребление). В различных философских подходах понятия С. и З. также интерпретируются по-разному, а иногда и отождествляются. Так, в феноменологии акцент делается на интенци-нальной природе сознания, что обращает к феноменальности С. На феноменальном уровне С. и З. естественно неразличимы и отождествляются с активностью самого сознания и формой его существования. В лингвистической философии (в традиции Витгенштейна) распространена трактовка З. как "способа употребления" знаков в коммуникативных контекстах "языковых игр". В герменевтике С. и З. рассматриваются в неразрывной связи с определенными историческими способами "истолкования" и "интерпретации". Особый подход к проблеме С. и З. разрабатывался О.И. Генисаретским и Щедро-вицким в рамках системно-мыследательностной (СМД) методологии. Предложенные ими понятийные схемы С. и З. ориентированы, с одной стороны, на сосюрское различение речи и языка (синтагматики и парадигматики), а с другой стороны, на системоделятельные представления и принципы. Идея деятельности рассматривалась Щедровицким как главный объяснительный принцип в отношении языковых и семиотических явлений, процессов коммуникации и понимания. В этом контексте, проблема С. и З. выступала как проблема объяснения знака как целостного образования в деятельности, и одновременно как популятивного объекта, имеющего множественные формы существования в процессах коммуникации и трансляции. В принятых в СМД-методологии системных различениях, С. – это структурное представление процессов понимания. С. есть структурный коррелят самого понимания, задающий, однако, согласно принципам системоделятельного подхода, особую форму существования знаков, отличную от их существования в феноменальной процессуальности понимания. На уровне актов коммуникации эта форма существования реализуется неявно, через знание о С, т.е. через знание коммуницирующих людей о том, что С. – это общая соотносительность и связь всех относящихся к понимаемой ситуации явлений. Это знание организует понимание таким образом, что человек может фиксировать функциональные характеристики элементов ситуации относительно друг друга и относительно ситуации в целом, и может устойчиво воспроизводить эти характеристики во вторичных текстах. Именно это обычно имеют в виду, когда говорят о том, что "понят смысл текста" или "ситуация осмысленна", т.е. речь идет о переводе структуры С. в набор функциональных характеристик текста и относящихся к ситуации предметов. Эта особенность С. осуществляется через знание о нем, открывает широкое поле для различных герменевтических стратегий, использующих разные наборы рамочных "знаний о С." для организации понимания в определенных культурно – исторических формах. Использование схем С. в коммуникации значительно изменяет организацию интеллектуальных процессов, что является основой для разработки различных коммуникативных и интеллектуальных технологий. Если С. задает форму существования знаков и языковых выражений в актуальной коммуникации, то З. задает их форму существования в процессах трансляции, в системе культуры или, в терминах Соссюра, в системе языка. З. – это искусственные знаковые конструкции, выступающие как дополнительные культурные средства организации понимания. З. закрепляют нормативное содержание знаков и языковых выражений, фиксируемое в парадигматике. Возникая в системе трансляции культуры и языка, З. получают одновременно и вторичную форму существования в "знаниях З.", фиксирующих различные способы их употребления, и в таком качестве присутствуют в актуальной коммуникации. В целом, между С. и З. устанавливаются сложные отношения взаимного рефлексивного поглощения и имитации – З. имитируют фрагменты и связи структур С, при этом сами конструкции З. подлежат пониманию, порождая тем самым "вторичные" и "искусственные" С. С другой стороны, по отношению к З., С. выступают как их "оестествление" и реализация в ситуациях коммуникации. С, в отличие от З. всегда ситуативны, связаны с феноменальным процессом понимания, поэтому помимо нормативного содержания З., они определяются множеством иных факторов: ситуацией, с которой связано понимание, самоопределением человека, его установками, ценностями и целями, знаниями, структурами деятельности и многим другим. В рамках современной философии постмодерна проблема С. и З. артикулируется в радикально ином ключе, что связано с базовой для постмодерна презумпцией "метафизики отсутствия" по отношению к тексту, подлежащему реконструкции "трансцендентного означаемого" (см.: Нарратив, Смерть субъекта).

А.Ю. Бабайцев

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА – логико-эпистемологическая концепция, которая разрабатывалась в 1950-1960 в Московском логическом (в дальнейшем – методологическом)

кружке. Программа построения С.-Г.Л. возникла на фоне дискуссии в советской философии о соотношении формальной и диалектической логик, проходившей в 50-х. Несмотря на то, что сама дискуссия носила во многом идеологический и схоластический характер, она явилась поводом для выдвижения ряда перспективных исследовательских программ и серьезных философско-методологических концепций. В этом ряду необходимо отметить гносеологическую концепцию диалектики Ильенкова, программу логических исследований А.А. Зиновьева и близкие к ней на начальном периоде программы Б.А. Грушина, Щедровицкого и Мамардашвили, концепцию философских исследований естествознания Б.М. Кедрова, Н.Ф. Овчинникова, И.В. Кузнецова и др. Формирование концепции С.-Г.Л. охватывает два этапа: 1) 1952-1956, 2) 1956-1960. На первом этапе Московский логический кружок ставил своей задачей исследовать логические методы анализа сложных исторически-развивающихся, "органических" объектов (систем). Параллельно накоплению содержательных результатов и проблемного материала происходило формирование собственных программных установок кружка (первая программа кружка была заявлена в 1954). Участники кружка разделяли установку на построение логики как науки о мышлении. Программа логических исследований кружка разрабатывалась в оппозиции к классической формальной логике. Формальная логика рассматривалась как средство оформления и изложения уже готовых, заранее полученных исследовательских результатов, т.е. фиксированного содержания, тогда как новая логика должна была исследовать процессы исторического развития мышления и процессы изменений в его содержании. Такая логика полагалась содержательной в противовес формальной. С другой стороны, логическая разработка диалектики в советской философии оценивалась еще более негативно и критически. Вопреки всей европейской традиции, логика рассматривалась как эмпирическая наука. Предметом эмпирических исследований объявлялись способы мышления, зафиксированные в научных текстах. Таким образом, основной эмпирией исследования становился текст. Тезис об эмпиричности был вместе с тем способом преодоления схоластичности существовавшей диалектики и нормативной бессодержательности формальной логики. Содержательная и эмпирическая логика должна была стать не канон, а "органом", т.е. набором исследовательских инструментов и средств. Она разрабатывалась в ориентации на многочисленные практические приложения в естественных и исторических науках, педагогике и психологии. На новом этапе (примерно с 1956-1957) происходит программно-концептуальное оформление исходных идей, появляется сам термин "С.-Г.Л.", расширяется область эмпирических исследований и приложений – теперь она охватывает историю науки и педагогику. Вместе с тем обозначаются и принципиальные расхождения в позициях участников. В 1956 происходит разрыв между Зиновьевым и Щедровицким, а впоследствии Зиновьев выступает с резкой критикой исходной программы кружка, фактически объявляя ранее полученные результаты (в том числе и свои) ошибочными. Дальнейшие исследования Зиновьева и его последователей перешли в русло математической логики, продолжающей формально-логическую традицию. В целом концепция С.-Г.Л., выдвинутая Щедровицким, представляла собой разработку трех основных положений: 1) В основе концепции лежала гипотеза о "двух-плоскостной" структуре мышления, включающей плоскость "объективного содержания" и плоскость "знаковой формы". Формальная логика, начиная с Аристотеля, строилась на основе принципа параллелизма формы и содержания мышления, т.е. на основе предположения, что а) каждому элементу знаковой формы языковых выражений соответствует определенный субстанциальный элемент содержания и б) способ связи элементов содержания в точности соответствует способу связи элементов знаковой формы. На основе этого принципа в формальной логике производилась редукция содержания к плоскости знаковой формы. Такой прием ограничивал реальное содержание аристотелевской логики атрибутивными свойствами объектов. Другие типы содержания, не сводящиеся к атрибутивным свойствам, не могли быть в ней адекватно представлены. В противовес этому, С.-Г.Л. выдвигала принцип непараллелизма формы и содержания. Реализация этого принципа требовала описывать и изображать плоскость содержания (оперирование с объектами) отдельно от плоскости знаковой формы, а также описывать механизм связи между содержанием и формой. Таким образом, предметом критики выступала не "формальность" классической логики сама по себе (т.е. ее структурность и нормативность), а редукция содержания мышления к якобы "всеобщим" и "универсальным" логическим формам. 2) В качестве основного объяснительного принципа по отношению к мышлению выдвигалась категория "деятельности". Само мышление рассматривалось двояко: как фиксированное знание и как деятельность по его получению. Принцип деятельности требовал рассматривать мышление не по содержанию предметного сознания, а структурно-процессуально, т.е. исследовать и описывать, с одной стороны, процедуры и операции мышления, а с другой – типологически обобщенную структуру знаний. Таким образом, концепция С.-Г.Л. смыкалась с программой исследования мышления как деятельности. Деятельностный подход позволял сохранить установку на содержательность, избегая психологизма: содержание сознания выносилось "за скобки", а деятельностное содержание трактовалось операционально. "Воспроизвести содержание мышления" означало воспроизвести схему оперирования с объектами, схему их сопоставлений и т.п. Соответственно этому отвергалась и трактовка мышления как "отражения". Основной мыслительной связью объявлялась не отражение, а "замещение" исходного практического оперирования с объектами знаками и оперированием с ними. Мышление представлялось как деятельность в иерархической структуре последовательно надстраивающихся друг над

другом плоскостей знакового замещения, каждая из которых задавала определенные системы оперирования. Таким образом, трактовка мышления в Московском методологическом кружке (ММК) имела выраженный семиотический характер. 3) Общая теоретическая задача С.-Г.Л. состояла в том, чтобы на основе анализа единичных эмпирически заданных текстов проанализировать и воспроизвести в форме "исторической теории" мышление вообще, мышление как таковое, как один органический предмет. При этом мышление изначально рассматривалось в синтетическом единстве с языком, как языковое мышление. Раздельный анализ мышления и языка признавался неэффективным. Генетичность новой логики определялась, с одной стороны, ориентацией на исследование процессов развития мышления, а с другой стороны, использованием метода восхождения от абстрактного к конкретному. В соответствии с ним многообразные формы человеческого мышления должны были быть конструктивно выведены из некоторых генетически исходных структур. Ставилась даже задача реконструкции исходного "алфавита" операций мышления. В целом в ходе реализации программы С.-Г.Л. в ММК был введен целый набор модельных и знаковых средств, схематических изображений, рабочих понятий и т.д. На их основе были отработаны процедуры историко-критической реконструкции развития понятий и предметных знаний, методики анализа способов решения задач, методологические принципы анализа и организации знания и др. Исследования в рамках С.-Г.Л. интенсивно продолжались до начала 60-х. Реальным исследовательским материалом выступали тексты различных мыслителей (Аристотель, Аристарх Самосский, Архимед, Евклид, Л. Эйлер, Галилей, И. Ньютон, Декарт и др.) и процессы решения задач, которые реконструировались по этим текстам. В результате этих исследований был получен ряд оригинальных историко-эпистемологических реконструкций различных этапов развития науки. Многие ее понятия, модельные и схематические средства продолжают представлять интерес и сегодня (в основном в рамках системо-мысле-деятельностной методологии).

А.Ю. Бабайцев

СОПРОТИВЛЕНИЕ - в психоанализе Фрейда феномен, силы и процессы, препятствующие осознанию информации посредством противодействия переходу воспоминаний, представлений и симптомов из бессознательного в сознание. Проявляется преимущественно в формах неосознаваемого противодействия людей обыденному осознанию вытесненного (вытесненных в бессознательное сексуальных и агрессивных влечений и импульсов и пр.) и неосознаваемого противодействия пациента психоаналитику (психотерапевту, врачу) и выздоровлению. Наличие С. считается признаком психического конфликта. Фрейд выделял пять основных разновидностей С, исходящих от трех инстанций: "Оно", "Я" и "Сверх-Я". В систематизированном виде эти разновидности представлялись как три сопротивления "Я" (Эго): 1) С. вытеснения; 2) С. трансферу ("трансферное сопротивление" - в формах переноса на психотерапевта эротических или агрессивных импульсов); 3) С, исходящее из выгоды от болезни (в т.ч. вторичной), а также - 4) С. "Оно" или С. бессознательного и 5) С. "Сверх-Я", обусловленное бессознательным чувством вины и потребностью в наказании. В психотерапевтической (психоаналитической) практике в роли объективных признаков наличия С. принимают: а) уклонение мыслей пациентов от обсуждаемой темы и б) необъяснимость ассоциативных мыслей пациента. Понятием С. Фрейд обозначал также противодействие психоанализу и установку на отторжение открытых им бессознательных сексуальных и агрессивных влечений, желаний и т.д. Открытие С. сыграло значительную роль в создании психоанализа. Сам Фрейд считал, что психоаналитическая теория, собственно, построена на признании С, которое оказывает пациент при попытке сделать сознательным его бессознательное. В современном психоанализе основные разновидности С. расширены, модифицированы и описаны более подробно. Существенный вклад в развитие представлений о С. внесли К. Абрахам, Г. Гартман, Е. Гловер, Р. Гринсон, Э. Дейч, Райх, О. Феникель, А. Фрейд и др. В действующей ныне систематике С. Дж. Сандлера, К. Дэра и А. Холдера в общем выделяются 10 основных разновидностей С. - пять из которых дополняют установленные Фрейдом. К ним относят: 1) С, возникающее в результате неадекватных действий психоаналитика (в т.ч. ошибочно выбранных приемов лечения); 2) С, связанное с осложнениями отношений пациента со значимыми для него людьми (возникающее вследствие изменения его психики и поведения в результате лечения); 3) С, связанное с угрозой изменения самооценки пациента (в ходе и итоге психоанализа); 4) С. необходимости отказа от привычных способов адаптации (в т.ч. невротических симптомов) и 5) С, связанное с определенным типом и фиксированными чертами характера (которые сохраняются пациентом даже после исчезновения конфликтов, породивших эти черты). Оригинальный подход к пониманию С. и группировке его форм предложила Э. Дейч. Согласно ее версии (1939), все формы С. могут быть представлены в виде триады: 1) интеллектуальные ("интеллектуализирующие") С; 2) С. - трансферы (С. - переносы); 3) С, возникающие вследствие потребности пациента защитить себя (главным образом, от воспоминаний о событиях, пережитых им в детстве). В современном психоанализе проблема С. считается одной из важнейших и активно разрабатывается многими теоретиками и практиками.

В.И. Овчаренко

СОЦИОМЕТРИЯ, микросоциология (лат. *societas* – общество и греч. *metreo* – измеряю) – социологическая дисциплина, основанная на совокупности методов и приемов, направленных на получение и анализ количественных данных о межличностных отношениях людей, структуре и функционировании малых групп, ориентированные на регуляцию человеческих взаимоотношений и решение конкретных практических задач. В настоящее время понимается преимущественно как междисциплинарная отрасль социологии, социальной психологии и групповой психотерапии, обеспечивающая изучение и гармонизацию межличностных отношений в малых группах с использованием различных количественных методов и инструментальных методик. При социометрических исследованиях особое внимание обращается на эмоциональные моменты взаимоотношений людей (их самооценки и оценки других, симпатии и антипатии, место и роль человека в формальной и неформальной структуре группы и т.д.). Обобщенные данные позволяют установить реальные характеристики членов группы, их действительные формальные и неформальные взаимоотношения, основные параметры группы и т.д., а также воздействовать на них в желательном направлении. Для решения исследовательских, организационных и психотерапевтических задач в С. активно используются анкетирование, интервьюирование, тестирование, индексация, социоматрицы, социограммы, различные модифицированные методики групповых дискуссий, разнообразные ролевые и деловые игры, психодрама, социодрама и пр., а также гамма специальных и адаптированных математических методов, позволяющих осуществлять конкретные социальные исследования с недостижимой ранее точностью и использованием современной компьютерной техники. Попытки создания С. как науки или дисциплины, осуществляющей исследование социальных фактов посредством применения количественных (математических) методов предпринимались неоднократно, и само понятие С. было введено в научный оборот в 19 в. Современное значение этому понятию придал создатель С. Морено. В качестве теоретических и методологических оснований С. выступают концепции, модели, различные познавательные средства и законы, сформулированные Морено в связи с установленными им новыми социальными фактами. Сосредоточив внимание на исследовании малых групп и межличностных отношениях их членов, Морено установил, что положение (статус) личности в группе и составе самой группы определяются неявными эмоциональными связями и отношениями людей, выражающимися в форме симпатии (притяжения), антипатии (отталкивания) и относительного безразличия, и разработал специальные (социометрические) количественные методы изучения социоэмоциональных отношений, имеющие исследовательское, диагностическое и коррекционное значение. Было установлено существование закономерности неравномерного распределения эмоциональных предпочтений людей, в силу действия которой в любой группе большая часть положительных выборов приходится на немногих членов ее ("звезд"), в то время как большинство участников группы выбирается редко и оказывается в положении "эмоционально обездоленных" париев. Это явление объяснялось Морено, по преимуществу, движением "социо-эмоциональных сил" притяжения и отталкивания, существование и функционирование которых обусловливается тремя типами (модусами) межчеловеческих отношений: 1) вчувствованием (эмпатией); 2) переносом (бессознательным перенесением на личность каких-то уже имеющих представлений, желаний, воспоминаний и ожиданий), зачастую детерминирующим необоснованные страхи и ложные ожидания; 3) "теле" (суммой способностей к оперативному взаимному пониманию людей, жизненных ситуаций и своего собственного актуального положения), являющим собой двусторонний здоровый модус межчеловеческих отношений, обеспечивающий реалистическую оценку индивидами друг друга. В качестве наименьшего элемента и "ядра" структуры отношений Морено принимал "социальный атом", состоящий из совокупности всех отношений между человеком и окружающими его людьми, которые связаны с ним тем или иным образом в данный момент. Взаимодействие "социальных атомов" порождает "социостаз" (ограничивающий или устраняющий неблагоприятные внутренние или внешние воздействия) и социоэмоциональную внутреннюю структуру группы. Сцепление этих структур в социальные агрегаты влечет за собой возникновение "психосоциальных сетей" – широко развернутой внутренней структуры общества. С. утверждает, что наряду с внешними (формальными, официальными) структурами групп и общества существуют внутренние (неформальные, неофициальные) структуры, играющие значительную роль в жизнедеятельности любых сообществ. Исследование неформальных структур и их взаимодействия с формальными структурами является одной из важнейших задач С. Согласно фундаментальному положению С., процессы, происходящие в группах и обществе, могут быть правильно поняты лишь при учете существования микроструктур (совокупности психических отношений людей, их желаний, чувств, представлений и т.д.) и макроструктур (пространственного взаимоположения и взаимоотношений людей при выполнении ими различных функций). Несоответствие микро- и макроструктур групп и общества считается основным источником напряженности и социальных конфликтов. Согласно "универсальному микрозакону" С., социальное напряжение и конфликты увеличиваются прямо пропорционально социодинамической разнице между микро- и макроструктурами. В силу этого, основным путем и способом ликвидации напряженности и конфликтов считаются приведение в соответствие микро- и макроструктур. В качестве других законов С. Морено называл "социогенетический закон" (согласно которому онтогенетическое развитие малых групп аналогично исторической эволюции общественных форм, высшие конфигурации которых развиваются из простейших форм) и основывающийся на социодинамическом эффекте (неравномерном распределении выборов участников социометрического тестирования)

"социодинамический закон" (согласно которому эмоциональные выборы людей в различных группах распределяются неравномерно и при увеличении вариантов выбора наибольшее количество их приходится на многократно выбранных звезд и прямо пропорциональной зависимости от размеров группы и вариантов выбора, приходящихся на одного индивида) и др. Наличие таких закономерностей в целом подтверждается независимыми исследованиями. Идеи, концепции и методы С. получили значительное распространение, эффективно используются при решении различных научных и практических задач и активно влияют на развитие пограничных наук и дисциплин.

В.И. Овчаренко

СТРУКТУРА (лат. structure – строение, расположение, порядок) – совокупность внутренних связей, строение, внутреннее устройство объекта. Иногда в определении понятия С. добавляют, что указанные внутренние связи устойчивы и что они обеспечивают целостность объекта и его тождественность самому себе. Подобное ограничение, по-видимому, излишне, так как в некоторых отраслях знания рассматриваются объекты с переменной, нестационарной и т.п. С. Понятие С. и родственные ему (такие, как связь, отношение, взаимодействие) играют важную роль в общей теории систем и при использовании системного подхода в различных областях деятельности; понятие С. тесно связано с понятием "функция". См. также: Система, Ризом, Структурно-функциональный анализ.

Н.Н. Леонов

СТРУКТУРАЛИЗМ – обозначение в целом неоднородной сферы гуманитарных исследований, избирающих своим предметом совокупность инвариантных отношений (структур) в динамике различных систем. Начало формирования структуралистской методологии датируется выходом в свет "Курса общей лингвистики" Соссюра, в котором содержатся две интенции, фундаментальные для последующего развития этого метода. Во-первых, рассматривая язык как упорядоченную от простейших до сложных уровней систему знаков, Соссюр полагает источник его способности обозначать и выражать нечто – только во взаимосвязи каждого элемента с другими, включенности элементов в определенную систему отношений. Тем самым была намечена резкая антитеза как позитивистскому атомизму, пытающемуся выделить "конкретные языковые сущности", элементарные единицы значения, из которых складывается язык; так и эволюционной лингвистике, игнорирующей синхронический аспект изучения языка в пользу диахронического. Во-вторых, в "Курсе" было выдвинуто стратегически важное положение об отсутствии субстанции языка: даже на уровне простых звуков мы сталкиваемся не с частицей "материи" языка, а с парами взаимоотрицающих элементов, деструктивными фонемами, чистым, без носителя, различием. Начиная с 20-х идеи Соссюра воспринимаются и развиваются в различных школах структурной лингвистики: Пражским лингвистическим кружком, Копенгагенской глоссематикой, американской дескриптивной лингвистикой. Заметно также влияние соссюрианства на гештальт-психологию и русский формализм. В 1928 выходит "Морфология сказки" В. Проппа, положившая начало структурному анализу текстов. В 50-х работы Леви-Стросса определяют новый этап в развитии метода – собственно С. (наличие философских импликаций) или "французский С." – основные представители: Барт, Фуко, Лакан. Впрочем, сам Леви-Стросс не причисляет последних к "аутентичному" С, замысел которого, по Леви-Строссу, состоял в переносе конкретно-научного метода структурной лингвистики на обширное поле культурологии в целях достижения в ней строгости и объективности по типу естественных наук. Леви-Стросс пытается выполнить эту задачу на материале этнографии, формализуя в терминах бинарной оппозиции и теории коммуникации системы родства примитивных народов, ритуалы, мифы и т.д. И Фуко, и Барт, и Лакан работают в стороне от проекта "материализации" гуманитаристики. Фуко выявляет глубинные конфигурации языка различных эпох, анализируя в синхроническом срезе области языкознания, биологии и политической экономики. Барт ищет структурно-семиотические закономерности в "языках" различных феноменов культуры (массовых коммуникаций, моды и т.п.), переходя впоследствии к описанию процессов означения в литературных, преимущественно модернистских, произведениях. Лакан, исходя из гипотезы об аналогии функционирования бессознательного и языка, реформирует психоанализ, предлагая сосредоточиться на анализе и корректировке символических структур языка, терапевтически вмешиваясь тем самым в бессознательные аномалии. В общем, С. может быть представлен как суперпозиция ряда определяющих для 20 в. философских стратегий: 1) десубстанциализация традиционной метафизики, систематически начатой еще Кантом и наиболее драматично продолженной Ницше. Утверждая, что реляционные свойства элементов отличаются доступностью для гуманитарного познания и не меньшей, если не большей, гносеологической ценностью, чем субстанциональные, С. практически оставляет за пределами внимания кантовскую "вещь-в-себе". Отсюда понимание собственного метода ведущими представителями С. как кантианства без трансцендентального субъекта или исторического априоризма. Ницшеанские декларации смерти Бога трансформируются в С. в констатации "конца Человека", "смерти Автора", неадекватности понятий "произведение", "творчество" и т.д.; 2) экспликации вразумных оснований разума, вехами развития которой стали работы Маркса и Фрейда. Различные

понятийные конструкты - "ментальные структуры" Леви-Стросса, "эпистема" Фуко, "символический порядок" Лакана - претендуют на формализацию, развитие, прояснение взглядов на природу и функции бессознательного; 3) неорационализма, полемизирующего с романтическими, интроспекционистскими философскими течениями. Доминантой структуралистского мышления выступает рассмотрение всего разнообразия культурных феноменов сквозь призму языка как формообразующего принципа и ориентация на семиотику, изучающую внутреннее строение знака и механизмы означения в противоположность англосаксонской семиологии, занимающейся преимущественно проблемами референции и классификации знаков (Пирс). В 70-80-е как извне, так и изнутри усиливается критика ограниченности структуралистского метода, обусловленная его аисторичностью, формализмом, а порой крайними формами scientизма. Принципиальная бесструктурность целого региона человеческого существования становится отправным пунктом так называемой "философии тела". Положения "позднего" Барта, Фуко периода "генеалогии власти", Дерриды, Эко, Делеза, Водрийера и др. об "открытости произведения", социально-политических контекстах "структур", переносе акцентов анализа с систем готового значения на процесс его производства с атрибутивными для них моментами разрыва и сбоя - определяют характер "второй волны" С. или постструктурализма.

А.А. Горных

СУЖДЕНИЕ - продукт и результат мыслительного процесса, предполагающего, что субъект, констатируя некоторое положение дел, выражает свое отношение к содержанию высказанной мысли в форме знания, убеждения, сомнения, веры. Это отношение либо подразумевается, либо выражается явно с помощью различного рода оценочных предикатов типа "верно", "необходимо", "возможно", "хорошо", "плохо", "допустимо", "запрещено" и др. Любое знание человека, любой его поступок можно подвести под такой предикат как критерий оценки. По определению И. Канта, способность С. состоит в способности применять свой рассудок в конкретных обстоятельствах. Отсутствие способности С. он называл глупостью: "против этого недостатка нет лекарства, тупой и ограниченный ум, которому недостает лишь надлежащей силы рассудка и собственных понятий, может обучением достигнуть даже учености. Но так как в таких случаях подобным людям обычно не достает способности С, то нередко можно встретить весьма ученых мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток". Связи между С. как средствами выражения оценочных отношений мыслящего субъекта к высказываемому содержанию исследуются в модальной логике, вместе с тем, в логический науке сложилось иное, более узкое понимание С. - как предложения (высказывания), выражающего мысль, которая лишь фиксирует некоторое положение дел и характеризуется в связи с этим истинностным значением ("истинно", "ложно", "неопределенно" и др.).

Фундамент теории С. (в этом смысле) заложен в логике Аристотеля, его заслуга состоит прежде всего в том, что он обстоятельно исследовал связи и отношения между С. вида "Все А суть В", "Некоторые А суть В", "Ни одно А не есть В", "Некоторые А не есть В", принимающих два истинностных значения - "истинно" и "ложно". На основе этого он создал логическое учение, вошедшее в науку под названием аристотелевской силлогистики. Свое завершение - на базе применения математических методов - двузначная теория С. получила в классической логике. С, характеризующиеся более чем двумя истинностными значениями, изучаются в неклассических (многозначных) системах логики.

В.Ф. Берков

СУФИЗМ (арабск. suf- грубая шерстяная ткань в значении "рубашка") - мистическое направление в развитии ислама; исламский вариант мистической формы религиозного опыта. Территория распространения - от северо-западной Африки до Индии и Северного Китая, включая Индонезию. На уровне прецедента возникает в 8 в.; основы учения заложены в 9 в. египтянином Зу-л-Нуном ал-Мисри (ум. 850) и основоположником багдадской школы С. - Абу Абдалла-хом ал-Мухасибом (ум. 857). Конституируется как противовес ортодоксальному формализованному исламу, провозглашая в качестве программного принципа принцип так называемой сердечной веры ("место сердца в знающем и совершенном человеке словно гнездо камня в перстне" у Ибн Араби; "Кто правдивый мурид? - Тот, кто говорит слово из сердца" у Абу-л-Хасана Харагани), что соответствует аксиологической ориентации мистики в целом. Исходно С. представлял собой специфическое течение подвижничества в рамках классического ислама, развитое на основе местной традиции захидов, генетически восходящей к манихейству, гностицизму, зороастризму и включающее в себя элементы византийской и халдейской магии, предполагающей сакральные взаимодействия со сверхъестественной сферой и требующей в связи с этим специальной аскетической практики. К 10 в. С. оформляется как типично мистическое учение, основанное на идее откровения и фундированное эксплицитно выраженными принципами классической мистики (см. у Абу Хамида ал-Газали: "мелочные споры о богословских и юридических тонкостях надо заменить любовью к Богу"). Для позднего (после Абу Хамида ал-Газали, ум. 1111) С. характерна тенденция к концептуализации (аналогично христианской версии мистики: ср. с исторической динамикой францисканства, например). В своем развитии испытал значительное содержательное влияние христианства - как в области становления

мистической доктрины, так и в плане оформления аскетической парадигмы культовых практик (со 2 в. христианство было широко распространено на Ближнем Востоке; на арабский были переведены не только Ветхий и Новый Заветы, но и произведения патристики и постановления Соборов; в рамках восточных христианских школ создавались оригинальные сочинения Отцов Церкви (например, Св. Ефрем); с 5в. в Эдессе активно функционировала христианская Академия; в рамках дисциплинарной истории христианства в начале 20 в. была даже сформулирована гипотеза о принадлежности текстов, приписываемых Дионисию Ареопажиту, перу сирийца Стефана бар Судаили; Бируни в свое время этимологически возводил термин "С." к греч. sophos – мудрец; ранние представители С. были тесно связаны с Иерусалимом, как, например, Раби'а ал-'Аддавиа с ее фундаментальным для С. тезисом "пыл любви к Богу сжигает сердце", очевидно несущим следы христианского влияния как в своей семантике, так в эмоциональной окрашенности. Может быть зафиксировано также влияние на ранний С. философии веданты, буддизма, индуизма, а также методик и психотехник, характерных для восточной мистики и отчасти тантризма (ритмическое пение; танцы дервишей с резкими альтернативными наклонами и вращениями, вызывающими перепады внутричерепного давления, приводящие к галлюцинациям и др.). Фундирующей С. философской концепцией является "ворхад-и-вуджун" – учение о неподлинности бытия объекта, модусы существования которого исчерпываются становлением и исчезновением, – атрибутом же подлинного существования обладает лишь Бог. Человек в этой системе отсчета может реализовать себя (в содержательно экстремальных стратегиях) либо как материальное тело, преходящее в своей неподлинности, либо как мурид (ученик, приобщенный), стремящийся к единению с Богом через освобождение от пут материальной множественности. Ядром суфийской концепции является, таким образом, учение об откровении, трактуемом как слияние души с Абсолютом и являющемся целью и итогом восхождения мистика к Богу по ступеням совершенствования. Классический С. выделяет следующие стадии подъема мистика к Абсолюту: шариат (закон) – ревностное исполнение предписания ислама, которое, собственно, обязательно для любого правоверного вообще и еще не делает суфием; тарикат (путь) – послушничество у наставника, носителя традиции (пира) и аскеза, мыслимая как очищение души постоянными мыслями о Боге и отказом от суетных вожелений; марифат (познание) – постижение сердцем единства себя, мира и Бога; хақыкат (истина) – ощущение непосредственного чувственно данного единства с Богом. Исходной отправной точкой мистического пути суфия выступает особое состояние духа, сосредоточенное на Боге и нацеленное на постижение его, т.е. истины. Эта особая духовная настроенность суфия на восприятие гармонии Абсолюта предполагает, прежде всего, способность к своего рода абстрагированию от феноменальных структур (рид): "Я сказал: "О Боже, мне надо тебя!" И услышал в тайне своей: "Если хочешь меня, будь чист, ибо я чист, не нуждайся в тварях, ибо я не нуждаюсь!" (Абу-л-Хасан Хара-кани в "Свете наук"). Отрешенность от внешнего мира – необходимое, но недостаточное условие для постижения божественной истины: от суфия требуется также особая способность усмотрения за пестрым покровом преходящего бы-вания свет абсолютного бытия, способность "сквозь земные вещи заглянуть // В нетленный свет, божественную суть" (Омар Ибн ал-Фарид). Фактически нормативный статус обретает в суфийских текстах метафора внутреннего зрения: "глаза его стали лицом, и все тело стало глазами и обращено к... образу Его" (Ахмад ал-Газали). В этом контексте важнейшее значение имеет в С. принцип бескорыстия, незаинтересованности: к Богу нельзя обращать мольбы о ниспослании благ, – любовь к нему не должна иметь внешней, отличной от него цели, причем ригоризм этого требования достигает в С. пределов, не подвластных логике: на восклицание мурида "Я хочу не хотеть" Абу-л-Хасан Хара-кани отреагировал укоризненно: "Но этого он все-таки хотел!". Не типичные для ислама в целом, но характерные для С. мотивы аскезы детерминированы именно этой установкой: внутренний голос (хизр) может быть услышан лишь в том случае, если не заглушен голосом земных страстей. В этой системе отсчета особое место занимает в С. понятие смерти как символа отказа от личной индивидуальности: "тем, что внешнее, не насытиться, и в собственном существовании видится одно только мучение" (Ахмад ал-Газали). Смерть как сбрасывание внешнего Я только и означает собственное рождение, обретение духом подлинного бытия: "тебе подобает освободиться от покрова, о обладающий сердцевиной. Избери смерть и разорви покрывало. Но не такую смерть, чтобы сойти в могилу, а смерть, ведущую к духовному обновлению, дабы войти в Свет" (Джелал ад-Дин Руми). Состояние выхода из собственного сознания, преодоления рамок личной индивидуальности (шатх) тождественно идентификации с Богом: "Мой дух – всеобщий дух, и красота // Моей души в любую вещь влита... // Разрушил дом и выскользнул из из стен, // Чтоб получить вселенную взамен. // В моей груди, внутри меня живет // Вся глубина и весь небесный свод" (Омар Ибн ал-Фарид). Суфийская метафора о капле, растворенной в океане и ставшей им, совершенно параллельна в этом отношении метафоре Бернара Клервоского о капле воды, растворенной в вине и ставшей вином: именно в единении с Богом человек истинно обретает себя, ибо, неся в своей душе отблеск божественной сущности, он изначально имеет своей целью возвращение к Богу (ср. аналоги в христианской мистике и хасидизме – см. Мистика). Смерть выступает в С. и символом недостижимых пределов познания. На пути постижения истины С. выделяет три ступени: "илм ал-йакин" (уверенное знание), "айн ал-йакин" (полная уверенность) и "хакк ал-йакин" (истинная уверенность). В традиционной для С. световой символике, характерной

также как для ортодоксального калама, так и для христианства и восходящей к неоплатонизму, который был с б в. широко распространен в Сирии (ср. ишракийя или так называемое направление илджинатов: от "ишрак" - сияние), познание мыслится в С. как приближение к светоносному огню ("войти в Свет" у Джелал ад-Дина Руми), а момент слияния экс-татирующего суфия с Богом передается посредством метафоры мотылька, сторающего в пламени свечи. В контексте характерного для С. синтетизма в кульминационный момент (таухид) познание человеком Бога выступает постижением своей подлинной сути ("искры Божественного света", аналогичной "искре Божественного огня" как подлинной сути и залога стремления человека к Богу в христианском амальриканстве: устремленность к Богу семантически трансформируется в С. в интенцию на обнаружение Бога в себе, открытие "хаджи и святыни" в собственной душе ("я сбросил самого себя, как змея сбрасывает кожу. Я заглянул в свою суть и... О, стал Им!" у Баязида Бакстами). Знаменитая формула "Ана-л-Хакк" ("Аз есмь истинный", т.е. Бог), за которую был казнен Абу Абдаллах Хусейн Ибн Мансур ал-Халладж (857-922), исходно фундировалась именно таким образом: Бог трансцен-дентен, до творения он беседовал сам с собою, созерцая величие собственной субстанции, - так возникла любовь, Бог желал созерцать свою любовь, он извлек из предвечности свое подобие, несущего в себе "все божественные атрибуты и имена" - человека, откуда ал-Халладж заключает "хува- хува" (он - это Он). В этом контексте момент таухид есть апофеоз синтетизма: "Моя любовь, мой Бог - душа моя. // С самим собой соединился я" (Омар Ибн ал-Фарид). Вместе с тем, с другой стороны, человеческое богопознание оборачивается Божественным самопознанием: "человек для Бога - зрачок глаза, ... ибо им Бог созерцает свое творение" (Ибн ал-Араби), - микро- и макрокосм сливаются в одну божественную целостность. В этом контексте метафора смерти точно схватывает ситуацию несовместимости постижения истины и сохранения феноменологически артикулированного существования: при сохранении самости познание конституируется как принципиально асимптотическое, что эксплицитно формулируется Абу Хамидом ал-Газали ("бессилие до конца познать есть познание, слава тому, кто создал для людей путь к Его познанию только через бессилие познать Его"), а в момент утраты самости Я (вливании капли в океан или сторании мотылька в пламени) сдвигается сама система отсчета, и речь может идти только о Божественном самопознании. Как и в любой форме мистического опыта, постигнутая истина мыслится в С. как неинтерсубъектив-ная и не могущая быть адекватно выраженной в вербальной форме. Единственно возможной формой выражения истины, открывшейся суфию на путях любви к Аллаху, выступает зикр: согласно суфийскому учению, когда правверный му-рид мысленно произносит слово или имя Божье, благая мысль переполняет его сердце, и давление ее требует разрешения, - это соединение сердца с языком и именуется зикром. Последний имеет две формы реализации: одна из них - молчание (так называемый тайный зикр: "Ты говоришь: "Как странно суфий молчит!" // Он отвечает: "Как странно, что у тебя нет ушей!" у Джелал ад-Дина Руми); другая - специфическая ритуально-экстатическая практика, включающая в себя пляски под пение специальных гимнов, передающих мистический опыт суфия, который в этой связи должен быть некоторым образом вербализован, причем в поэтической форме. Далеко не эффективным, и уж совсем не адекватным, но все же единственно возможным способом передачи состояния единения с Богом (таухид) признается в С. система символов, намекающих посредством иносказаний на неизреченную тайну и дающих простор воображению. Неортодоксальный статус С. в исламской культуре (особенно до Абу Хаида ал-Газали) и официальные гонения на суфиев также сыграли достаточно серьезную роль в оформлении интенции на эзотерическую иносказательность суфийских текстов, - в раннем С. оформляется тенденция кодирования мистических текстов. Традиционно в С. используются два кодово-аллегорич-еских ряда, центрированных - соответственно - вокруг культурных символов любви и вина. Можно говорить о достаточно широком наборе константных семиотических структур, составляющих знаковый арсенал суфийских текстов: суфий обозначается как ашик (влюбленный) или ринд (ви-нопиец), Бог передается посредством терминов дурст или хум-мар (соответственно - возлюбленная или опьяняющая), духовный наставник - пир - обозначается как виночерпий и т.п. Специальный словарь Махмуда Шабистари (14 в.) дает толкование таким терминам суфийских трактатов, как глаза, губы, локоны, пушок, родинка, свеча, пояс, вино и др. Так, если лик возлюбленной символизирует собою подлинную реальность бытия Абсолюта, то скрывающие его локоны - преходящую телесность временного бввания предметного мира как инобытия (эманации) Бога: длина локонов фактически означает бесконечность форм проявления божественной эманации; кольца кудрей, в которых, как в силках, запутывается сердце влюбленного, есть знаковое обозначение соблазнов внешнего мира, пути которых должна сбросить душа, устремленная к Богу; чернота кудрей по контрасту с белым ликом передает аксиологическую антитезу мрака существующей множественности мира и света подлинно сущего единства Божьего; локоны, закрывающие лицо возлюбленной, символизируют собою сокрытость абсолютного божественного бытия за преходящим бвванием его эманаций; кудри, колеблемые ветром, то открывающие, то закрывающие лицо, означают повседневную сокрытость божественной истины, могущей быть явленной в откровении (ср. с мотивом мелькания Христа сквозь оконные створы у Хильдегарды Бингенской); мотив стрижки знаменует собой состояние аскезы, а влюбленный, отводящий локоны с лица подруги, фактически символизирует таухид и достижение лицезрения абсолютного света. Состояние суфия в момент затуманивающего видение внешнего мира (фана) экстатического единения с

Абсолютом (халь) фиксируется посредством метафор пика опьянения и оргазма. Широко распространенные в суфийских текстах мотивы, извне оцениваемые как мотивы хмелья и эротики, выступают сложными семиотическими системами для вербализации мистического опыта откровения (суфийская поэма Омара Ибн ал-Фарида "Винная касыда", трактат Ахмада ал-Газали "Приключения любви" и др.); часто эротические и хмельные мотивы в суфийской литературе теснейшим образом переплетены между собой ("Любовь моя, я лишь тобою пьян" у Омара Ибн ал-Фарида; "Мне сказали, что пьют только грешники. Нет! // Грешник тот, кто не пьет этот льющийся свет... // Вот вино. Пей его! Если хочешь смешаешь // С поцелуем любви, - пусть течет через край!... // Трезвый вовсе не жил - смысл вселенной протек // Мимо губ у того, кто напиться не смог" у Ибн ал-Араби). Организационно С. конституируется в институте "ха-наках", являющем собой специфический аналог христианского монастыря, имеющий, однако, также и военный аспект своего функционирования, связанный со своего рода "рыцарским" измерением С, распространенного, как правило, среди младших сыновей феодальных родов (система футтувата), чей социальный статус примерно соответствовал статусу рыца-рей-министерялов в Европе (кызылбаши в Иране в 16 в., муриды Шамиля на Северном Кавказе в 19 в. и др.). В контексте классического мусульманства как "мягкого ханифст-ва" (Мухаммеду приписывается тезис "Нет монашества в исламе") С. с его парадигмой дервишества и аскетическими практиками изначально воспринимался как неортодоксальное течение; на ранних стадиях своего развития - в связи с культивацией идеи о возможности в акте откровения единения с Абсолютом, понятого как конгруэнтное слияние и достижение тождественности - преследовался в качестве ереси; в настоящее время официально признан во многих мусульманских странах. С. оказал значительное влияние на развитие не только ислама, но и восточной культуры в целом: открывая широчайший простор для философских исканий (темы соотношения микро- и макрокосма, подлинности человеческого существования, цели и смысла жизни, предпосылок и пределов познания и др. грани спектра метафизической, гносеологической, антропологической и этической проблематики), С. фундировал мировоззрение интеллектуалов, ориентированных на неортодоксальный стиль мышления С. (вне его ритуальной реализации культурных практик); в конфессиональном своем статусе С. на протяжении 11-20 вв. проявил себя в качестве политической силы исламского мира; символическая система С. оказала значительное влияние на аллегоризм восточной поэзии как в собственно суфийском (Хафиз), так и в светски-философском (Хайам) и светски-лирическом (Андалусская куртуазная традиция) ее вариантах. В качестве религиозного течения существует до настоящего времени.

М.А. Можейко

ТАВТОЛОГИЯ (греч. *tauto* -то же самое; *logos* -слово) - 1) выражение, повторяющее ранее сказанное в иной языковой форме; 2) Т. в дефиниции - логическая ошибка, заключающаяся в том, что определяемое понятие определяется через него самого, т.е. определяющая часть дефиниции повторяет то, что выражено в определяемой части ("организатор - человек, обладающий организаторскими способностями"); 3) Т. в математической логике - тождественно-истинная (общезначимая) формула, которая при всех исходных наборах значений переменных, входящих в нее, - истинна (например, $(A \rightarrow B) \leftrightarrow (A \vee B)$). Тавтологическая формула образуется из выражающих одинаковую логическую функцию формул с помощью оператора эквивалентности. Логические формулы и соответствующие им высказывания, находящиеся в отношении эквивалентности, взаимозаменяемы Т. следует тавтологичность следующих языковых выражений: "Нельзя начертить треугольник равнобедренный, но не равнобедренный" и "Если треугольник не равнобедренный, то он не равнобедренный". Т. математической логики являются законами (например, законы де Моргана: $(A \wedge B) \leftrightarrow (A \vee B)$; $(A \vee B) \leftrightarrow (A \wedge B)$)

СВ. Воробьева

ТЕКСТ - в общем плане связная и полная последовательность знаков. Проблема Т., возникая на пересечении лингвистики, поэтики, литературоведения, семиотики, начинает активно обсуждаться в гуманитарном познании второй половины 20 в. В центре внимания полемики оказалась проблема раскрытия ресурсов смыслопорождения или трансформации значения в знаковых макрообразованиях, сопровождающееся признанием некорректности или недостаточности денотации в качестве основной модели значения. Существуют как расширенная философски нагруженная (романоязычные страны, Германия), так и более частная (англосаксонский вариант) трактовки Т. Условно их можно обозначить как имманентный (рассматривающий Т. как автономную реальность, выявляющий его внутреннюю структуру) и репрезентативный (выясняющий специфику Т. как особой формы представления знаний о внешней им действительности) подходы. С двумя основными аспектами Т. - внешней связностью, от грамматического строя до нарративной структуры, а также цельностью, внутренней осмысленностью, требующей (в силу своей неочевидности) интерпретации, - связаны различия структуралистского и герменевтического направлений в рамках имманентного подхода к Т. Первое, опираясь на традицию сос-скрипской лингвистики, обособляющей язык в систему, существующую "в себе и для себя", восходит к

анализу морфологии русской сказки В. Проппа. В классическом (связанном прежде всего с антропологией Леви-Стросса) структурализме Т. обозначен в виде задачи – как исковая совокупность культурных кодов, в соответствии с которыми организуется знаковое многообразие культуры. Герменевтика выступала против картезианской программы субъект-объектного, предполагающего инструментальную роль языка и философствования на пути постижения некоторой духовной реальности (например, "жизнь" Дильтея) из нее самой. Герменевтика шла от понимания филологических Т. в качестве отпечатков целостной субъективности Автора (Шлейермахер) к представлениям о Т. (литературы, диалога) как языковом выражении герменевтического, онтологически осмысленного опыта, неотделимое от содержания этого опыта (Хайдеггер, Гадамер), как атрибутивным способом существования самого жизненного мира человека (Рикер). Статус Т. как одного из центральных философских концептов наиболее последовательно и развернуто утверждается в постструктурализме (зачастую именно с ним принято связывать введение в интеллектуальный обиход термина "Т."). Постструктуралистские течения – "грамматология" Дерриды, "текстовый анализ" Барта, "семанализ" Кри-стевой и др., – переходя от научно ориентированного изучения готового знака к описанию процессов его порождения, по существу лишенных определенной методологии, сближаются с интерпретативными процедурами освоения Т., полагая, однако, что интерпретация направлена "вглубь смысла", а наиболее же адекватным для текстового чтения является поверхностное движение по цепочке метонимии. Изучение Т., таким образом, претендует на открытие некоего "среднего пути" (Ц. Тодоров) между конкретностью литературы и абстрактностью лингвистики. В целом, учитывая всю метафорическую насыщенность и размытость понятия Т., с постструктуралистских позиций Т. характеризуется как: 1) "сеть" генерации значений без цели и без центра (основной идеи, общей формулы, сведение к которой задавало каноны классической критики и, шире, философии); 2) опровержение "мифа о филиации", наличия источников и влияний, из исторической суммы которых возникает произведение; как анонимный Т., динамический, смысловой горизонт для всех институционализовавшихся (в печатной форме, например) Т.; 3) "множественность смысла", принципиальная открытость, незавершенность значений, не поддающаяся определению и иерархизации со стороны властных структур (или конституирующая первичный уровень власти) и отсылающая к сфере желания, нетематизируемой пограничной области культуры. По мере расширения зоны текстологических исследований их предметом становятся не только вербальные тексты, но и "Т." живописи, кинематографа, архитектуры (Ф. Джеймисон, Ч. Дженкс и др.). Репрезентативный подход к осмыслению Т. опирается на более частные гуманитарные дисциплины – когнитивную психологию, порождающую лингвистику, микросоциологию и др. Лингвистическая теория Т. (Ж. Петефи, ван Дейк) концентрируется на изучении закономерностей сочетания предложений и возможностях макроструктурной семантической интерпретации коммуникативных Т. (например, в Т. газетных новостей входят заголовок, вводная фраза, перечисление событий, комментариев, реакция и т.д., в совокупности определяющие целостность сообщения). Основу понимания Т. в этом случае составляют актуализации различных "моделей ситуаций", личностных знаний носителей языка, аккумулирующих их предшествующий опыт. Прагматика и социолингвистика (Д. Серл, Д. Остин, С. Эрвин-Трипп) прослеживают прагматические связи между лингвистическими структурами и социальными действиями; функцию особых Т. в этом случае выполняют рассказы повседневной жизни, словесные дуэли между подростками и т.д. См. также: Структурализм, Постструктурализм, Постмодернизм, Нарратив, Ризома, Лабиринт. А.Р. Усманова

ТЕОРИЯ (греч. *teoria* – рассмотрение, исследование) – (1) – в широком смысле: развернутое учение; комплекс взглядов, представлений, идей, связанных с попытками объяснения или интерпретации определенной предметной области (проблемного поля); (2) – в более строгом и специальном смысле, форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях некоторой области действительности. По своей структуре естественнонаучная Т. представляет собой систему законов определенной науки. Эта система строится т.обр., что некоторые из законов, носящие наиболее общий характер, составляют ее основу, другие же подчиняются основным или выводятся из них по логическим правилам. Классическая механика, например, может быть представлена как система, в фундаменте которой находится закон сохранения импульса ("Вектор импульса изолированной системы тел с течением времени не изменяется"), тогда как др. законы, в т.ч. хорошо известные законы Ньютона, являются его следствиями. Обобщая опытные данные, факты, полученные в ходе наблюдений и экспериментов, опираясь на них, Т., вместе с тем, согласуется с Известными случаями, когда Т. или отдельные ее фрагменты отвергались не в силу противоречия с фактическим материалом, а по причинам мировоззренческого или философского характера. Так случилось с известными физиками Махом, Оствальдом и др., не принявшими атомной Т. "Предубеждения этих ученых против атомной теории, – писал А. Эйнштейн, – можно несомненно отнести за счет их позитивистской философии. Это – интересный пример того, как философские предубеждения мешают правильной интерпретации фактов даже ученым со смелым мышлением и с тонкой интуицией". Т., будучи ядром научного знания, выполняет ряд познавательных функций, важнейшие среди которых описательная, объяснительная и предсказательная. Описательная

функция состоит в том, что сведения об итогах наблюдений и экспериментов излагаются на языке данной Т., и, т.обр., происходит их первичная интерпретационная обработка. Описание является предварительным условием объяснения события, явления, процесса. При объяснении из состава Т. выбираются некоторые законы, которым подчиняется объясняемый факт и которые позволяют осмыслить его в системе теоретического знания. Предсказательная функция Т. связана с ее способностью к дальним и точным прогнозам, к опережению наличной практической деятельности людей. Сфера истинности Т. устанавливается и уточняется в процессе ее практического применения. За пределами этой сферы Т. теряет свои познавательные функции. См.: Наука, Научная картина мира, Гипотеза.

В.Ф. Верков

ТЕРМИН (лат. terminus - предел, граница) - слово или словосочетание, обозначающее эмпирические или абстрактные объекты, значение которого уточняется в рамках научной теории. В зависимости от наличия или отсутствия денотата (референта) Т. в определяемой области, от степени формализации теории различают эмпирические, теоретические, специально-научные и другие Т. Среди логических принципов образования Т. в качестве основных выделяют: 1) принцип предметности: символ есть Т. лишь в том случае, если существует денотат данного символа (объект обозначения). Абстрактный Т. теории, не имеющий референта в исходной области ее объектов, должен иметь смысл, который точно определен в рамках теории и который сам является референтом идеального элемента из языка синтаксического исчисления, формализующего содержательную теорию; 2) принцип однозначности: символ есть Т., если имеет только один денотат; 3) принцип осмысленности: смысл Т. заключается исключительно в том, что Т. обозначает некоторый объект. Специфику появления Т. и выделения их в особый класс в системе языка определяют два основных элемента: формально выраженная мотивация и автоматизм применения. Существует мнение, что Т. должны быть немотивированными, а чисто конвенциональными. Слово, которому придается значение Т., вызывает ассоциации. Предотвратить ложные ассоциации, создать условия для адекватного восприятия Т. можно только в плоскости мотивации. Т. должен не только передавать информацию о содержании понятия, но и по возможности указывать на его место в системе подобных понятий, облегчать вход в систему, взаимопонимание, запоминание и применение. Но этим же одновременно и ограничивается свобода применения Т. без нарушения его значения. Создание нового Т. означает введение понятия в автоматическую систему коммуникации, лишение его образности. В аристотелевской силлогистике - элементы простого категорического силлогизма: меньший Т. - субъект заключения; больший Т. - предикат заключения; средний Т. отсутствующий в заключении, но присутствующий в обеих посылках силлогизма.

СВ. Воробьева

ТЕСТ (англ. test - проба, испытание, проверка, исследование) - общенаучный эмпирический метод, состоящий в применении системы специально отобранных процедур (формализации, алгоритмизации, инструктирования, фиксации, измерения, анализа и интерпретации) для получения неявной информации об интересующих параметрах изучаемого объекта или явления и их профессиональной диагностики. Для более полного и конкретного знания об объекте исследования создается внутренне согласованная "тестовая батарея". Специфической особенностью тестового метода является его зависимость от внешних условий, "чувствительность" к ситуации исследования. Общие требования к Т., делающие его научным методом, заключаются в соответствии Т. четырем специальным критериям: 1) стандартизации - единообразия всех процедур проведения Т., подсчета и интерпретации результатов; 2) нормировки - задания самого оценивающего стандарта для каждой процедуры; 3) надежности - стабильности оценок, получаемых при повторных испытаниях; 4) ва-лидности (содержательной - логической, критериальной - эмпирической и конструктивной - теоретической) - такого качества Т., которое отражает степень соответствия цели и результата тестирования. Теоретически метод наиболее полно разработан в психологии. История Т. как научно обоснованного метода измерения началась в конце 19 в. (Ф. Гальтон, Дж. Кеттел, А. Бине). С теорией Т. тесно связаны создание и развитие математического аппарата корреляционного и факторного анализа. В современной психологии, наряду с традиционными методами наблюдения и эксперимента, широко применяется тестовый метод. Можно классифицировать Т. по направленности психологических задач следующим образом: 1) Т. достижений и специальных способностей - исследуется сенсомоторная сфера человека, его поведение, обучаемость, индивидуальные и творческие способности, 2) Т. интеллекта - исследуется умственное развитие человека, оценивается его интеллектуальный возраст; 3) Т. личности и проективные - исследуются различные стороны личности (установки, ценности, эмоциональные, мотивационные и межличностные свойства), темперамент и характер человека, личность как целое, индивидуальное и уникальное образование. Кроме психологии тестовые методы получили распространение в педагогике, медицине, физиологии, социологии и смежных с ними науках, а также в технике.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ (греч. *tipos* - отпечаток, форма, образец и *logos* - слово, учение) - метод научного познания, направленный на разбиение некоторой изучаемой совокупности объектов на обладающие определенными свойствами упорядоченные и систематизированные группы с помощью идеализированной модели или типа (идеального или конструктивного). В основе Т. лежит понятие о нечетких множествах, т.е. множествах, не имеющих четких границ, когда переход от принадлежности элементу множеству к непринадлежности их множеству происходит постепенно, не резко, т.е. элементы некоторой предметной области относятся к ней лишь с известной степенью принадлежности. Т. проводится по выбранному и концептуально обоснованному критерию (критериям) или по эмпирически обнаруженному и теоретически интерпретированному основанию (основаниям), что позволяет различать соответственно теоретические и эмпирические Т. В этом плане Т. следует отличать от метода построения идеальных типов, предложенного М. Вебером. Метод же построения конструктивных типов, предложенный Г. Беккером, но также использованный помимо и до него (Сорокин, Парсонс и др.), можно рассматривать как один из вариантов теоретической Т. Т. следует также отличать от классификации, предполагающей нахождение четкого места каждому элементу (объекту) в группе (классе) или ряде (последовательности), при четком проведении границ между классами или рядами (один отдельно взятый элемент не может как одновременно принадлежать разным классам (рядам), так и не входить в какой-либо из них вовсе). К тому же считается, что критерий классификации может быть случайным, а критерий Т. всегда сущностей. В то же время некоторые классификации могут быть истолкованы как предварительные (первичные) Т. или как переходная процедура упорядочивания элементов (объектов) на пути к их Т. Результатом Т. выступает обоснованная внутри ее типология. Последняя может рассматриваться в ряде наук (в частности, в социологии) как форма представления знания или как предшествующая построению теории какой-либо предметной области, или как "финитная" (завершающая) при невозможности (или неготовности научного сообщества) сформулировать адекватную области изучения теорию. В этом отношении происходит сближение Т. с методом идеальных типов и методами структурно-функционального анализа, а сама типология начинает осмысливаться как результат сложной и многоуровневой реконструкции исследуемого множества элементов (объектов), возможной одновременно по разным критериям Т. Таким образом, одной предметной области может быть поставлено в соответствие множество типологий - интерпретаций. Различают Т. по процедурам их построения: морфологические и структурные (статические); процессуальные (динамические); генетические; сравнительно-исторические. В социологии целый ряд задач (сокращение описания, построение выборки, изучение взаимосвязи признаков, анализ механизмов явления и т.д.) - всегда в той или иной степени является Т. как сведением в один тип, типологическую группу, фактор, таксон, кластер и т.д. однокачественных в содержательном смысле, в каком-либо отношении похожих друг на друга объектов. Предполагается, что различия между формирующими тип единицами в интересующем исследователя отношении носят случайный характер (обусловлены не поддающимися учету факторами) и незначительны по сравнению с аналогичными различиями между объектами, относимыми к разным типам. При этом в эмпирической Т. требуется, чтобы однотипность была определяема в терминах наблюдаемых признаков, а в теоретической Т. - чтобы критерии Т. были концептуально различимы (в некоторых случаях добавляется требование возможности на их основе процедур операции-нализации). В социологии Т. может представлять собой многоуровневую процедуру, когда на основе обнаруженной однородности (типологичности) первого уровня может быть построена (выделена) однородность второго (более сущностного) уровня и т.д. Как правило, полученные социологические типологии принципиально неполны, т.е. не охватывают всю совокупность исследуемых объектов, поэтому на каждом уровне Т. приходится жертвовать определенным объемом исследуемых единиц, что приводит к увеличению абстрактности выбираемых критериев. Таким образом, любой Т. кладется некоторый предел, сверх которого она не может быть продлена, но рядом с ней на той же предметной области часто удаётся предложить иной вариант Т.

В.Л. Абушенко

ТОЖДЕСТВО И РАЗЛИЧИЕ - две взаимосвязанные категории философии и логики. При определении понятий Т. и Р. используют два фундаментальных принципа: принцип индивидуации и принцип тождества неразличимых. Согласно принципу индивидуации, который был содержательно развит в традиционной натурфилософии и эксплицирован уже Боэцием, всякая вещь универсума обладает уникальными чертами. Из этого принципа вытекает проблема универсалий, которая формулируется в следующем виде: каким образом неповторимые индивиды содержат в себе нечто общее, т.е. можно ли считать свойство Т. реальным, если каждая вещь имеет своеобразие, (см. Универсалии). Благодаря появлению понятия абстрактного объекта, проблема универсалий стала решаемой. Абстрактным объектом называется реальный объект, характеризующийся по какому-нибудь одному свойству. Поскольку нет двух действительно тождественных вещей, путем абстрагирования выделяются такие объекты, в которых можно актуально установить Т. Для абстрактных объектов

Лейбниц ввел принцип Т. неразличимых: один объект тождественен второму, если и только если все свойства одного и второго объекта являются общими. Итак, Т. двух реальных объектов определяется на основании их общего признака, различие двух реальных объектов – исходя из наличия индивидуального признака. Таким образом, в зависимости от выделяемых признаков, между одними и теми же объектами имеет место как Т., так и Р. С этих позиций, познание свойств реальных объектов может быть интерпретировано как выявление в них Т. и Р., классифицирующих объекты по различным признакам.

А.Н. Шуман

ТОПИКА (греч. *topos* – место) – техника пространственной организации мышления и понимания, а также организованное на ее основе мыслительное пространство. Происхождение понятия восходит к античности. "Т." – одна из книг аристотелевского "Органона", посвященная вопросам логической организации мышления в коммуникативных ситуациях: в устной беседе, философской дискуссии, при публичном изложении некоторой темы и т.п. Особенность коммуникативного содержания состоит, по Аристотелю, в том, что оно основано не на онтологических началах и истинных положениях, а лишь на правдоподобных, т.е. кажущихся правильными большинству людей или мудрейшим из них. Поэтому в коммуникации, считал Аристотель, необходимо использовать особую логическую технику, отличную от описанной им в "Аналитиках". Т. рассматривалась Аристотелем как такое искусство (*techne*), "при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение". Для этого он предлагал использовать топы – общие места, общие положения, которые организуют построение доводов, критику положений и т.д. Топы задают общую структуру различительности в пространстве коммуникативного содержания. Использование Т. существенно изменяло организацию коммуникации: высказывание тезисов, доводов и положений предполагало теперь фиксацию определенного топа, в котором они строились. Неконтролируемые переходы из топа в топ запрещались. Однако, Т. Аристотеля, как и вся его логика, предполагала параллелизм между строением мыслительного содержания и строением речевой формы. Поэтому возможный набор топов строился Аристотелем, исходя из зафиксированных им предикабельных и категориальных характеристик сказуемого. Отказ от принципа параллелизма и включение Т. в контекст современной философско-методологической культуры открывают горизонты для новых подходов к разработке и освоению Т. как средства организации мышления и понимания в коммуникации. Современную интерпретацию и разработку понятие Т. получило в системно-мыследеятельностной методологии (СМД-методологии), в рамках которой Т. имеет организованное употребление в качестве особой мыслительной техники. Возрождение интереса к Т. можно объяснить как общим поворотом философско-методологической мысли к тематике коммуникации и диалога, так и тем значением, которое придается современным мышлением проблеме организации понимания. В употреблении Т. в СМД-методологии выделяются несколько этапов организации интеллектуальных процессов (мышления, понимания, рефлексии): 1) обнаружение/полагание Т. – это изначально естественно-исторический процесс в реальности мыслительной коммуникации, в которой нечто обнаруживает себя, становясь существенным, принципиально важным, местом-средоточием проблемной ситуации, но именно общим местом – топом. Топ здесь – это самая общая фиксация проблемной точки ситуации, это то, что в дальнейшем предстоит понять и отрефлексировать, связать с другими топами в общем, целостном представлении. Т. здесь пока еще неотделима от смысловых структур, в которых организовано понимание ситуации, и является их функциональной компонентой. Вместе с тем, полагая Т., методолог стремится задать минимальную структуру различительности, необходимую для схватывания ситуации. Для этого он противопоставляет различные компоненты мыслительной коммуникативной ситуации друг другу как различные ее топы: "...больше всего занимает нас вопрос, есть ли нечто одно и то же или разное" (Аристотель). С этой точки зрения, Т. представляет для методолога особое средство проблематизации, используя которое, он может фиксировать противоречия в наличной ситуации. Технически этап полагания завершается номинацией топов и фиксацией их в топической схеме, изображающей Т. как неупорядоченный набор пустых мест. 2) Первичная организация Т. начинается с восстановления рефлексивного контроля над процессами, протекающими на этапе полагания. Это предполагает осуществление двух мыслительных процедур: (i) элиминацию смысловых связей между топами и введение вместо них отношения дополненности, в соответствии с которым топы полагаются как независимые, дополняющие друг друга проекции ситуации (в схеме этот момент выражается неупорядоченностью набора топов); (ii) содержательную негацию самих топов, т.е. такой интенциональный разворот мышления, в результате которого топы перестают рассматриваться мышлением как содержательные ядра ситуации, а переходят в разряд граничных условий, рамок и тем для дальнейшего анализа (именно поэтому в топической схеме топы изображаются как пустые места). С этого момента становится возможным говорить о специфике Т. как формы организации интеллектуальных процессов: а) Т. есть наименее нормированный тип мыслительной техники, но именно это позволяет считать ее наиболее эффективным средством организации мышления в неопределенных, проблемных ситуациях; б) Т. не является изображением идеального объекта, она не задает никаких содержательных связей и отношений между топами, несмотря на то очевидное

обстоятельство, что смысловым образом соответствующие топам компоненты ситуации тесно переплетены и связаны между собой, а общее понимание ситуации "угадывает" за Т. некоторый целостный объект; в) Т. не определяет последовательности и связи мыслительных процедур при рассмотрении топов, формальные отношения между ними не заданы; г) изначально Т. поддерживает лишь различительную способность мышления, т.е. фиксирует то, что вычленяется и полагается в общем "проблемном месиве" (термин Р. Акоффа) ситуации как разное, как то, что необходимо различать, как различные фокусы этой ситуации (Деррида называет такую установку и организацию интеллектуальных функций неологизмом *differance* – различение); д) Т. предусматривает само пространство, в котором рефлексия может устанавливать отношения между смысловыми структурами, удерживающими общее понимание ситуации, и идеальными объектами мышления. Таким образом, Т. есть прежде всего организация самого пространства в котором становятся возможными методологические мышление и понимание. 3) Употребление Т. в методологической работе зависит от типа решаемых задач, формы и жанра работы. При анализе ситуации, схематизации смысла, тематизации, целеполагании, проблематизации Т. используется по-разному, сама она при этом погружается в более широкие по отношению к данной мыслекоммуникативной ситуации контексты. Сама по себе Т. еще не дает оснований для определения порядка рассмотрения топов, последовательности процедур, установления отношений и связей между топами и объектами и т.п. Основания эти содержатся, во-первых, в функциональных структурах смыслов, во-вторых, в целевых и задачах установках, а, в-третьих, в системах мыслительных средств, используемых методологом. Их соотношение в Т. и составляет содержание этого этапа. В целом, в контурах употребления Т. можно выделить несколько специфических моментов. Общим категориальным средством, регулирующим работу с Т., является категориальная пара "место – наполнение места". В соответствии с ней, один и тот же материал может рассматриваться в различных топах, и, наоборот, материал, полагаемый в том или ином топе, может по необходимости сменяться, дополняться и т.д. Изначально, Т. полагается свободной от материала, а его привнесение определяется конкретными целевыми и заданными установками. Так, использование Т. в проблематизации позволяет организовать и особым образом фокусировать проблемный материал. Фиксируя на материале противоречия и разрывы на границах между топами, методолог вместе с тем проецирует эти противоречия в мышление, где им обозначаются дефициты средств и недостатки существующих объектных представлений. При этом может быть показано, что данная Т. является минимальной (или, если необходимо, может быть минимизирована) относительно определенного класса задач или определенного класса объектов, т.е. что в меньшем числе топов данные задачи не могут быть решены, а данные объекты – описаны. Такое "выворачивание" Т. в мышление изменяет ее функцию: теперь методолог стремится определить ту идеальную действительность, которая может быть в ней выражена. Т. активно употребляется в процедурах схематизации смыслов и идеализации содержания. Для этого в ней задается необходимая система категориальных отношений. Схематизация производится функциональной рефлексией, устанавливающей функциональные смысловые отношения между топами в соответствии с заданной категориальной структурой. Схема смысла как бы "рисует" поверх Т., и одновременно Т. схватывает и организует смысл своей категориальной структурой. Очевидно, всякая Т. ограничивает набор возможных схематизаций. Если смысл не может быть "размещен" в Т., требуется расширение пространства. Схема предоставляет методологу возможность различных употреблений, в зависимости от типа решаемых задач. Например, может использоваться объектно-онтологический способ употребления, при котором содержание схемы идеализируется, а сама она интерпретируется как изображение объекта. Установление объектных отношений и связей в Т. меняет ее организацию: она становится объектным пространством или особой идеальной действительностью существования объектов. Если проблематизация подтвердит предположение о минимальности Т. относительно класса объектов, то последняя становится "ортогональной", т.е. своего рода эпистемологическим аналогом координатного пространства в геометрии. Схематически такая Т. изображается системой ортогональных плоскостей-топов. Т. легко позволяет переходить от объектных представлений к тематизации, в которой определяются формы и границы данности того или иного содержания. Каждый топ полагается при этом как отдельная единица тематизации (рамка, тема, сюжет). На разных этапах методологической работы с Т. особенно часто применяются процедуры фокусирования и рефлексивного "выворачивания". Процедура фокусирования предполагает выделение различных частных фокусов или аспектов в материале, организуемом Т. Каждая Т. позволяет выделить столько же фокусов, сколько топов она содержит. Для этого каждый ее топ последовательно центрируется, т.е. полагается как центр, организующий вокруг себя все остальные топы и соответственно весь остальной материал, иначе говоря, вся Т. рассматривается с позиции и точки зрения отдельного топа. Другой часто используемой процедурой является "рефлексивное выворачивание", которая позволяет переносить ("выворачивать") организованности материала из топа в топ. Поскольку в данном случае переносится уже так или иначе заданный и организованный материал, то прямое его "перекладывание" становится невозможным, ведь каждый топ определяет свою форму задания и свою собственную организацию. Поэтому, каждый топ при этой процедуре необходимо рассматривать как "рефлексивно равно-мощный" всей Т. в целом, т.е. как способный в своих границах ассимилировать материал, организованный в других топах. Для этого топ,

в который производится выворачивание, полагается в качестве организующей рамки, тогда как выворачиваемые топы, наоборот, полагаются не как организующие начала, а как организуемая этой рамкой морфология и содержание. Фокусирование и рефлексивное выворачивание лежат в основе ряда типологических процедур, выделяющих идеальные типы объектных отношений и структур. Помимо того, рефлексивное выворачивание нередко используется для конструктивного развертывания тематизации или онтологических представлений.

А.Ю. Бабайцев

ТРАДИЦИЯ (лат. *traditio* – передача, придание) – универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах. Тем самым Т. включает в себя то, что передается (признанный как важный и необходимый для нормального функционирования и развития социума и его субъектов определенный объем социокультурной информации), и то, как осуществляется эта передача, т.е. коммуникативно-трансляционно-трансмутационный способ внутри- и межпоколенного взаимодействия людей в рамках той или иной культуры (и соответствующих субкультур) на основе относительно общего понимания и интерпретации накопленных в прошлом данной культуры (и соответствующих субкультур) смыслов и значений. Т. обеспечивает воспроизводство в системах настоящей ("живой", "непосредственной") деятельности апробированных и выдержавших испытание временем образцов прошлой ("мертвой", "овеществленной") деятельности, т.е. она детерминирует настоящее и будущее прошлым, уже сбывшимся и выступающим как сумма условий любой социокультурной активности. Такое понимание Т. делает это понятие применимым практически к любым фрагментам и уровням организации социокультурного опыта (как прошлого – культурное наследие, так и настоящего), что иногда служит основанием для отождествления Т. и социокультурного опыта. Последнее, однако, неправомерно, так как для включения в систему Т. социокультурный опыт должен пройти селективный отбор на устойчивость и относительную массовость воспроизведения в структурах деятельности. В узком смысле слова термин Т. употребляется для характеристики самоорганизующихся и саморегулирующихся (автономичных) подсистем человеческой деятельности и связанного с ними социокультурного опыта, функционирование и развитие которых не связано с институциональными формами обеспечения через специальный аппарат власти. Поведение социальных субъектов, организуемое и регулируемое с помощью Т., не предполагает формулирование и экспликацию целей действующими субъектами, его смыслы скрыты (даны) в нем самом. Правомерность традиционных форм действия обосновывается и узаконивается самим фактом их существования в прошлом, а их эффективность оценивается через точность следования принятому образцу. Такой вид Т. можно назвать аутентичной, "первичной", нерефлексивной Т. Она транслируется как непосредственно-практически, через воспроизведение определенных форм действий и следование определенным регламентирующим правилам поведения (ритуал), так и устно через фольклор и мифологию. Все элементы Т. пронизаны символическим содержанием, отсылают к закрепленным в той или иной культуре смыслам и архетипам. Утрата смысловых компонентов в ритуальной форме бытования аутентичной Т. редуцирует ее до уровня обычая как постоянно и массово воспроизводимой формы. Данный вид Т. статично репродуцирует прошлое и способен только к экстенсивному развитию, отбирая элементы социокультурного опыта по закреплённой в данной культуре матрице. Именно о таких Т. идет, как правило, речь, когда говорят о "консервативности", "косности", "неизменности" и т.д. Т. как формы фиксации и механизме передачи культурных содержаний. Уже в древневосточных, а особенно в античном обществах Т. приобретает свою превращенную форму, рефлексивная и рационализируясь в рамках профессионально создаваемой культуры. Здесь она фиксируется в определенных текстах, получает письменно-знаковое выражение. Пройдя такого рода обработку, Т. вновь возвращается в пласт реального поведения и может вполне осознанно поддерживаться и трансформироваться действующими субъектами. Причем, это возвращение носит существенно различный характер в зависимости от агентов, которым адресована Т. Она может быть социализирована в деятельности как "потребителей", так и "творцов" культуры. В последнем случае порождаются такие ее специфические виды как, например, авторская Т., а также вырабатываются Т. работы с письменно-знаково оформленными фрагментами социокультурного опыта. Именно в этих случаях можно говорить о неаутентичных, "вторичных", рефлексивных Т. Совокупность "первичных" и "вторичных" Т. конституирует понятие Т. в широком смысле слова. Оба эти вида Т. объединяет их самоорганизующаяся природа, функционирование в режиме автономии, не предполагающем институционализированных форм обеспечения. Различает же прежде всего та или иная степень отрефлексивности "вторичных" Т. и изменения за счет этого их регулятивного потенциала. "Вторичные" Т. способны к интенсивному развитию, предполагают возможность перестройки прошлого через его постоянную переинтерпретацию в деятельной и знаковой формах, осуществляют отбор элементов социокультурного опыта через изменение самих укоренных в культуре матриц. В этом смысле возможность изменения Т. выступает условием ее постоянного воспроизводства и сохранения в социокультурных системах. Широкое понимание Т. позволяет рассматривать ее как универсальную форму и механизм

упорядочивания и структурирования имеющих значение для живущих поколений людей содержания любой культуры и ее подсистем. Она, обеспечивая преемственность, предполагает, с одной стороны, полагание определенных границ человеческой деятельности, придания ей пространственно-временной устойчивости, известной инерции, а с другой – определенный сдвиг значений в передаваемых содержаниях, т.е. постепенное явное или неявное (нерефлексируемое индивидами) их изменение. Инновация только тогда приживается в социуме, когда вписывается в систему имеющихся значений социокультурного опыта, согласуется с имеющейся Т. или порождает новую Т.Т., следовательно, в значительной мере есть то, что удерживает нас в культуре и истории. "Связывая" человека прошлым, закрывая (до известной степени) ему возможность ретроспективного произвола, Т. открывает ему перспективу свободы в настоящем и будущем на основе прошлого. Особым видом Т. являются так называемые негативные Т., т.е. основанные не на утверждении каких-либо ценностей, а на отрицании неприемлемых для данной культуры или субъектов ценностей. Последние или осуждаются, или запрещаются явно (через табу) или скрыто (через дозволение иного). Негативная Т. строится на основе образца того, как не следует поступать или на что не нужно ориентироваться. Тем самым она оказывается зависимой от своего "противника", а, следовательно, невольно способствует закреплению, сохранению и трансляции тех смыслов и значений, с которыми пытается бороться. Так, борьба с религиозными ересями способствовала сохранению идей, в них проповедовавшихся. Не попадает в поле действия Т. только явно (рефлексивно) или неявно неоцениваемое – ценностно-нейтральное. Оно не замечается, замалчивается и умирает. Утрата ценности в Т. есть прекращение движения, невозможность развития в данном направлении. Связанные с этой ценностью явления выпадают из системы трансляции и как бы перестают существовать, во всяком случае, актуально. Являясь генетически первичной формой упорядочивания и структурирования социокультурного опыта и деятельности социальных объектов, Т. выступает основой для возникновения социокультурных норм. Однако в развитых социальных системах Т. сама может быть рассмотрена как особый тип нормативного регулирования. Если норма предполагает в пределе гетерономные, авторские источники своего происхождения, как бы привносится в массив наличного опыта субъектом извне и поддерживается определенными социальными институтами, то Т. можно трактовать как разновидность автономных по происхождению и неинституализированных норм, что верно, прежде всего, для "первичных" Т. Уже "вторичные" Т., имея производное от субъекта происхождения, но не нуждаясь в институционализации, могут быть рассмотрены как занимающие промежуточную позицию между собственно нормой и собственно Т. Такую же позицию могут занимать и фрагменты Т., подвергшиеся институционализации, например, так называемое обычное право. С другой стороны, собственно нормы, стереотипизируясь и интериоризируясь в деятельности субъектов, утрачивают необходимость в постоянной институциональной поддержке и могут эволюционировать в Т. Регулирование социальных систем гл. о. на основе Т. (как правило, "первичной") или собственно инновационной нормы служит (наряду с другими) одним из критериев различения т.н. традиционных и современных обществ. В современных (индустриальных и постиндустриальных) обществах сфера деятельности Т. сужается, среди самих Т. возрастает вес "вторичных" Т. Т. становится предметом ряда интеллектуальных операций с целью обоснования выбираемого будущего поведения через ссылку на авторитет прошлого или, наоборот, предметом критики под лозунгом "освобождения от гнета прошлого". Однако, и в этих обществах роль Т. как незаменимого механизма развития культуры сохраняется.

В.Л. Абушенко

УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ – форма мышления, посредством которой получают новое суждение на основе одного или более уже принятых суждений. Исходные суждения, на основании которых получается новое суждение, называются посылками У., а новое суждение, полученное в результате сопоставления посылок, – заключением. У. подразделяются на дедуктивные и недедуктивные, или вероятностные. У. является дедуктивным, если и только если оно строится по правилам, гарантирующим получение истинного заключения при истинных посылках. В противном случае оно является недедуктивным (вероятностным). Как правило, на практике У. не выражается в полном виде, какая-то его часть (посылка, заключение), подразумеваясь, опускается. Иными словами, У. приобретает энтимематический (греч. *in thymos* – в уме) характер. Опасность применения энтимемы в том, что подразумеваемая часть может заключать в себе ошибку, которая остается незамеченной в силу того, что эта часть не получила явного выражения. Выявление подразумеваемой части – один из способов обнаружения ошибок в познании. У. играют исключительно важную роль в процессах познания. Они позволяют получать новые знания без непосредственного обращения к опыту. (См. также: Силлогизм).

В.Ф. Берков

УНИВЕРСАЛИИ (лат. *universalis* – общий) – общие понятия. Проблема У. в историко-философской традиции связывает в единый семантический узел такие фундаментальные философские проблемы, как: проблема соотношения единичного и общего; проблема соотношения абстрактного и конкретного; проблема взаимосвязи денотата понятия с его

десигнатом; проблема природы имени (онтологическая или конвенциональная); проблема онтологического статуса идеального конструкта; проблема соотношения бытия и мышления – являясь фактически первой экземплификацией их недифференцированной постановки в едином проблемном комплексе с синкретичной семантикой. Ранние варианты решения проблемы У. связаны с позднеклассической античной традицией и задают два равно базовых, хотя семантически альтернативных вектора ее интерпретации: с одной стороны, философская модель Платона, наделяющая общие понятия (идеи) онтологическим статусом вне зависимости от феномена их воплощения или представленности в мышлении ("мир идей" как сфера бытия общих понятий-образцов в качестве онтологически артикулированных сущностей; единичное в данном контексте выступает как результат ограничения общего), с другой – концепция Аристотеля, в рамках которой У. мыслятся в качестве сущностей, вторичных (как в онтологическом, так и в гносеологическом плане) по отношению к сущностям первичным, т.е. обладающим индивидуальным бытием и непосредственно данных в чувственном восприятии. В эксплицитном виде проблема У. была сформулирована Порфирием: существуют ли "роды" и "виды" самостоятельно, и в таком случае телесны они или бестелесны, или же они существуют только в мышлении, и в таком случае представлены ли они в чувственных явлениях или не представлены? "Введение" Порфирия к "Категориям" Аристотеля, содержащее приведенную формулировку, было переведено Викторином и Боэцием на латынь и, получив широкое распространение в средневековой философии, легло в основу схоластических штудий, выступив критериальным основанием оформления и дифференциации таких направлений развития схоластики, как номинализм (включая концептуализм и терминизм) и реализм. Спор между номинализмом и реализмом по проблеме У. инспирировал как интенсивное развитие в рамках схоластики логико-гносеологической проблематики, так и обогащение категориального аппарата философии применительно к данной сфере (Иоанн Дунс Скот, например, вводит термины "абстрактное понятие" и "конкретное понятие"). Новая актуализация проблемы У. характеризует философию Нового времени, возродившую трихотомию номинализма (Гоббс, Кондильяк, Беркли, Юм), концептуализма (Локк) и реализма (Мальбранш). Вопрос о природе У. получает новое звучание в связи с интенцией на экспликацию содержания понятий "число", "функция", "переменная", "бесконечно малая величина", и др. в математически ориентированном естествознании (Декарт, Спиноза, Лейбниц и Ньютон). Важный импульс фокусировки внимания на этой проблеме был задан конституированием теории множеств, основанной на презумпции подхода к множеству как ко множественности, мыслимой в качестве единого (Г. Кантор формулирует принцип нетождественности эмпирической множественности вещей множеству как эмпирически неартикулируемому феномену), на основе чего оформляется логический принцип абстракции и определение через абстракцию (свою философскую концепцию, семантически эквивалентную реализму в средневековом его понимании Кантор называет "платонизмом"). Данная позиция детерминирует формирование в культуре в качестве своей альтернативы такого направления логического обоснования математики, как эф-фективизм (Э. Борель, Р. Бэр, А. Лебег и др.), ориентированный на нормативную дифференциацию математических сущностей по критерию их онтологического статуса: и если понятия, имеющие объективное содержание ("гносеологический смысл"), имеют право на существование, то понятия, смысл которых сугобо субъективен, – "вне математики", ибо являются "только меткой для того, чтобы узнавать и отличать промежуточный шаг" соответствующей математической операции (Э. Борель). Предложенная эффективизмом программа очищения математики от понятий субъективного характера аналогична позитивистской программе очищения естествознания от "метафизических суждений". Могут быть зафиксированы даже операциональные совпадения: процедура легитимации понятий в эффективизме, основанная на методе Гилберта и предполагающая в качестве своего критерия их непротиворечивость, фактически изоморфна доверифи-кационной процедуре в позитивизме. Вместе в тем, если понятие эффективно, т.е. имеет объективное содержание, то возможные противоречия в системе, связанные с его легитимацией, не берутся в эффективизме в расчет. Аналогичным образом проблема У. артикулируется в конструктивизме и интуиционизме как "натуральных", т.е. ориентированных на своего рода номинализм, моделях – в противовес "платонизму" Кантора. Неклассический подход к проблеме У. закладывается в гносеологии Канта, основанной на трансцендентальной интерпретации объекта как созидаемого в познавательной процессуальности, базовыми элементами и формами которой и выступают У., артикулированные у Канта в качестве форм активности человеческого сознания – вне реалистического объективизма статуса и вне номиналистической инспирированности объектом. Такая установка формирует традицию неклассической трактовки У., фокусируя такие ее акценты, как языковой и социально-коммуникативный. Так, Куайн трактует У. как лишние онтологически детерминированного содержания – их семантическая наполненность задается исключительно контекстом: "общие термины, например, "человек", и может быть даже абстрактные единичные термины, такие, как "человечество" и "7", осмыслены, – по меньшей мере, поскольку они участвуют в утверждениях, которые, взятые как целое, истинны или ложны". Позиция Куайна по проблеме У., определяемая им как "натурализм", фундируется принципом "онтологической относительности": знание об объекте, описанном в языке некой теории Т, может быть описано лишь в языке иной теории (Т2), а о нем можно говорить лишь в языке метатеории (Т3) и т.д., – проблема онтологического статуса У. трансформируется, таким образом, а проблему "взаимопереводимости языков", осложненную допущением "стимульного значения" текста, т.е. конкретно-ситуативного комплекса

обстоятельств, внешних по отношению к тексту, но тем не менее вызывающих установку на принятие или непринятие его. В этом семантическом поле онтологическая проблема как таковая утрачивает свой исходный смысл: "быть – значит быть значением связанной переменной" (Куайн). Особый статус У. как средства демаркации объектов и объединения их в группы на основании не единства общего признака, а так называемых "семантических свойств" формируется в теории языковых игр Витгенштейна, закладывающей основу современной трактовке языка как финальной семантически значимой онтологии (см. также Язык и Языковые игры). Если в классической лингвистике понятие "У." употреблялось для обозначения релевантных свойств языков и отношений между этими свойствами (И.Ф. Вардуль), то в современной лингвистике оно фиксирует внеязыковые онтологические структуры, стоящие за структурами грамматики (аналогичны "внеязыковые категории" О. Есперсена и "понятийные категории" И.И. Мещанинова), а также транслируемые культурой дискурсивные модели языкового performance ("лингвистические У." у Хомского). В современной философии культуры понятие У. используется так же в значении У. культуры, т.е. основ понимания мира и места человека в нем, имплицитно формирующихся у каждого индивида в таком процессе, как социализация, и служащих своего рода мыслительным инструментарием для человека каждой конкретной эпохи, задавая в своем историческом варьировании систему координат, исходя из которой человек воспринимает явления действительности и сводит их в своем сознании воедино. В У. культуры, таким образом, конституируется мировоззрение, специфичное для того или иного этапа культурной эволюции; У. не только играют – наряду с чувственным опытом – фундаментальную роль в когнитивных процедурах в качестве "полных комплексов ощущений" (Рассел), но и выступают инструментарием чувственно артикулированных мироощущения, мировосприятия, миропредставления и миро-переживания (А. Лавджой). Набор культурных У. достаточно стабилен (мир, изменение, причина, целое и т.п. – как У. объектного ряда; человек, счастье, государство, честь, справедливость и т.п. – как У. субъектного ряда; познание, истина, деятельность и т.п. – как У. субъект-объектного ряда), а их содержание специфицируется в различных традициях, задавая характерные для них системы символизма и дискурсивные практики (Кассирер, Лангер, Делез и др.). (См. также: Категории культуры, Представление). М.А. Можейко

ФАКТ (лат. factum – сделанное) – понятие, имеющее выраженную субъект-объектную природу, фиксирующее реальное событие или результат деятельности (онтологический аспект) и употребляющееся для характеристики особого типа эмпирического знания, которое, с одной стороны, реализует исходные эмпирические обобщения, являясь непосредственным базисом теории или гипотезы (в отдельных случаях и самой теории), а с другой – несет в своем содержании следы семантического воздействия последних (логико-гносеологический аспект). В логике и методологии науки эмпирические Ф. выполняют многообразные функции по отношению к теории: являются основой ее возникновения, играют роль проверки и подтверждения либо опровержения гипотезы (в отдельных случаях и самой теории). Научная теория в саморазвертывании генерирует возможность возникновения новых Ф., описывает и объясняет их, выполняет предсказательную функцию. Таким образом, эмпирические Ф. и теория диалектически взаимосвязаны в процессе развития научного знания. Противопоставление или отождествление их ведет к крайностям фактуализма и теоретизма – противоположным подходам к пониманию роли Ф. в самодвижении научного знания. В последние десятилетия происходит процесс разрушения типа рациональности и теоретичности, сформированных в науке и философии Нового времени, намечается тенденция переосмысления онтологической и гносеологической природы Ф. Ф. в контексте классической рациональности – элемент эмпирического знания, который формируется с помощью ряда сложных познавательных операций. Цель такой деятельности – исключить из исходных данных реального наблюдения и эксперимента субъективные моменты – ошибки наблюдателей, помехи, искажения приборов. Для этого данные наблюдения (т.п.аз. протокольные предложения в терминологии логического позитивизма) подвергаются сравнению, проверке, рациональной обработке для выявления устойчивого, инвариантного содержания. Полученное эмпирическое знание – Ф. – оценивается как объективное и достоверное. Такого рода научно-исследовательская деятельность, воплощая идеалы нововременной рациональности, предполагает возможность только одной объективной истины, одной логики, одного субъекта и (как онтологически данного) единственно возможного бытия. В современном гуманитарном и особенно историческом познании проблема фиксации Ф. в историко-культурной реконструкции разрешается в пользу переосмысления традиционных подходов. Ф. культуры и истории рассматриваются незамкнутыми, открывающими свои разнообразные свойства в общении (а не только в обобщении) с иными историческими и современными событиями и Ф. В естествознании данные тенденции детерминируются синергетикой, осмыслением естественно научного и философского статуса т.наз. антропного принципа и иных подходов, включающих фактор времени, историчность в традиционные объекты естествознания. (См. Ис-торицизм). И.А. Медведева

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ (лат. falsus - ложный и facio - делаю) - научная процедура, имеющая своим результатом установление ложности соответствующей гипотезы посредством эмпирической проверки на соответствие экспериментальным данным или теоретической проверки на соответствие принятым в научном сообществе фундаментальным теориям. Принцип фальсифицируемости (Поппер) выступает критериальным основанием дифференциации науки и философии ("метафизики"). (См. Теория, Гипотеза, Верификация).
Ю.В. Баранчик

ФЕЙЕРАБЕНД (Feyerabend) Пол (Пауль) Карл (1924-1994) - американский философ и методолог науки. Научную карьеру начал в 1951, работая в Англии, с 1958- в ряде северо-американских университетов и в университетских центрах Западной Европы. Основные сочинения: "Против метода. Очерк анархистской теории знания" (1975), "Наука в свободном обществе" (1978), "Проблемы эмпиризма. Философские заметки" (1981) и др. В научном творчестве опирался на идеи критического рационализма (Поппер), исторической школы в философии науки (Кун), испытал влияние марксизма (В. Холличер) и идеологии контркультуры (Франкфуртская школа). В 1970-е Ф. создает концепцию "эпистемологического анархизма". Анархизм в понимании Ф. малопривлекателен в политическом измерении, но незаменим для эпистемологии и философии науки. В русле основных идей постпозитивизма Ф. отрицает существование объективной истины, признание которой расценивает как догматизм. Отвергая как кумулятивность научного знания, так и преемственность в его развитии, Ф. отстаивает научный и мировоззренческий плюрализм, согласно которому развитие науки предстает как хаотическое нагромождение произвольных переворотов, не имеющих каких-либо объективных оснований и рационально не объяснимых. Развитие научного знания, по Ф., предполагает неограниченное приумножение (пролиферацию) конкурирующих теорий, взаимная критика которых стимулирует научное познание, а успех любой из них определяется умением автора-одиночки "организовать" его. Так как наука не является единственной или предпочтительной формой рациональности, то источником альтернативных идей могут быть любые вненаучные формы знания (магия, религиозные концепции, здравый смысл и т.д.). Столь же правомерно, считает Ф., и теоретическое упорство авторов научных концепций, т.е. отказ от альтернатив в познании независимо от критики создаваемых научных теорий. "Поиск обретает несколько направлений, возникают новые типы инструментов, данные наблюдений входят в новые связи с иными теориями, пока не установится идеология, достаточно богатая, чтобы снабдить независимыми аргументами каждый факт... Сегодня мы можем сказать, что Галилей был на верном пути, ибо его напряженные усилия в направлении весьма странной для того времени космологии дали в конце концов все необходимое, чтобы защитить ее от тех, кто готов поверить в теорию, если в ней есть, например, магические заклинания или протокольные предложения, отсылающие к наблюдаемым фактам. Это не исключение, а норма: теории становятся ясными и убедительными только после того, как долгое время несвязанные ее части использовались разным образом. Абсурдное предвосхищение, нарушающее определенный метод, становится неизбежной предпосылкой ясности и эмпирического успеха". Отрицая единые методологические стандарты и нормы научного познания, Ф. приходит также и к методологическому плюрализму. "Может быть успешным любой метод", - постулировал свое кредо Ф. Исходя из факта теоретической нагруженности языка научных наблюдений, он высказывает сомнения в возможности эмпирической проверки научных построений и настаивает на принципиальной несоизмеримости научных теорий (например, общих космологических картин реальности) ввиду невозможности сравнения их с общим эмпирическим базисом. У Ньютона, по мнению Ф., "формы, массы, объемы и временные интервалы - фундаментальные характеристики физических объектов, в то время как в теории относительности формы, массы, объемы и временные интервалы суть связи между физическими объектами и системами координат, которые мы можем менять без какой бы то ни было физической интерференции". (Поппер подчеркивал некорректность такого подхода: несоизмеримость может быть присуща лишь религиозным и философским системам; теории же, предлагающие рациональное решение аналогичных проблем, могут сопоставляться). К тому же, по мнению Ф., поскольку знание идеологически нагружено, постольку борьба альтернативных подходов в науке во многом определяется социальными ориентирами и мировоззренческой позицией исследователей. Ввиду этого, по Ф., каждый исследователь вправе разрабатывать свои концепции, не сообразуясь с какими-либо общепринятыми стандартами и критикой со стороны коллег. Авторитаризм в любой его форме недопустим в научной идеологии. В "свободном обществе", идею которого отстаивал Ф., все традиции равноправны и одинаково вхожи в структуры власти. Свобода - продукт разновекторной активности индивидов, а не дар амбициозных теоретических систем, исповедуемых властью предрержащими. "Релятивизм пугает интеллектуалов, ибо угрожает их социальным привилегиям (так в свое время просветители угрожали привилегиям священников и теологов). Народ, долго тиранизированный интеллектуалами, научился отождествлять релятивизм с культурным и социальным декадансом. Поэтому на релятивизм нападают и фашисты, и марксисты, и рационалисты. Поскольку воспитанные люди не могут сказать, что отвергают идею или образ жизни из-за того, что те им не по нраву (это было бы постыдно), то они ищут "объективные" причины и стремятся дискредитировать отвергаемый пред-мет". Противоречия в развитии науки,

негативные последствия научно-технического прогресса побудили Ф. к призыву отделить науку от государства подобно тому, как это было сделано с религией: избавить общество от духовного диктата науки. Вступая в конфликт с академической философией науки, Ф. выразил новые тенденции в развитии этого исследовательского направления, открыл новые перспективы в решении его внутренних проблем, расширяя предмет и методологический инструментарий современной эпистемологии. Для Ф. характерно обсуждение методологических вопросов в широком социокультурном контексте. В решении конкретных проблем философии науки Ф. воплощает современные тенденции философствования: установку на гносеологический, методологический и мировоззренческий плюрализм, широкую трактовку рациональности, синтез позитивистских и социально-антропологических ориентаций, стремление к культурологическим, герменевтическим и антропологическим методикам анализа знания. Концепция Ф. вносит экологические и гуманистические мотивы в эпистемологию, с нее берет начало новейшее направление в социокультурном анализе знания – антропология знания (Е. Мендельсон, В. Элкана), исходящая из соизмеримости знания и человеческих способностей и потребностей.

А.Л. Грицанов

ФЕМИНИЗМ (лат. femina – женщина) – общее название движения женщин против дискриминации по признаку пола. Речь идет об одной из форм дискриминации – сексизме (англ. sex – пол), которая бытует в культуре наряду с расизмом – дискриминацией по расовому, этническому принципу – и эйджизмом (англ. age – возраст) – дискриминацией по возрасту. Статус человека в обществе определяется участием в экономической и политической жизни, контролем над собственностью и продуктами труда, существующей системой власти. Поэтому по данным параметрам можно проследить зависимое положение женщины в обществе. Достаточно широко распространена профессиональная дискриминация: исключительно горизонтальное профессиональное перемещение, – и сегрегация женщин: формирование "женских" рабочих мест внутри профессий, как правило, непрестижных и малооплачиваемых. Идеи эмансипации женщин не новы. О равенстве полов, их подобии и комплементарности, о необходимости равного воспитания и образования говорил еще Кондорсе. Многие феминистские авторы считают Дидро, утверждающего различие и в то же время взаимодополняемость полов, своим непосредственным предшественником. А Милль в своих работах открыто говорил об эксплуатации обществом репродуктивных функций женщин. Появление первых женщин-феминисток традиционно относят к 18 в. Первым программным манифестом Ф. традиционно считают "Декларацию прав женщины и гражданки" (О. де Чуж, 1972); системное изложение идеи Ф. получают в работе Т. фон Гип-пеля "Об улучшении гражданских прав женщин" (1792). М. Волстонкрафт впервые заговорила о необходимости включения в рационалистическую культуру женского жизненного опыта. Она отмечала пагубность системы женского образования того времени и считала, что достоинства человека должны оцениваться вне зависимости от его половой принадлежности. В женском движении принято выделять два основных этапа. В первый – с середины 19 в. до 60-х 20 в. – женщины боролись за "равенство полов", за равные права, в частности за предоставление им избирательных прав (так называемый "суфражизм"). К 20-м 20 ст. такие права были предоставлены женщинам во многих странах: в Финляндии, Норвегии, Дании, Бельгии, Германии, Польше, Канаде, США и др. Такой успех женского движения на некоторое время приостановил женскую активность в политическом отношении. Пробудилось женское движение в конце 1960-х – начале 1970-х под новым лозунгом – "равенство в различии". Это ознаменовало переход движения к новому этапу в своем развитии. И эпицентром "женского возрождения" стали США, где наблюдалось в этот период активное демократическое движение против различных типов дискриминации. Женское движение приобрело различные формы, став "женским освободительным движением" (Women's liberation). В нем выделились три основных направления феминистской политики: либеральное, радикальное, социалистическое. Либеральный Ф. ориентируется на достижение равенства мужчин и женщин без радикального изменения патриархальной системы, а с переориентацией разделения труда между полами. Отсутствие разделения труда по половому признаку, как предполагается, должно привести к формированию общества анд-рогинного типа (т.е. такого общества, в котором отсутствует указанное разделение труда и не подчеркиваются анатомические признаки и различия индивидов). Радикальный Ф. борется за новый общественный порядок, в котором предполагается обособленное существование женщин от мужчин и от патриархальных структур общества. Главным инструментом подавления женщин через сексуальное рабство и насильственное материнство здесь считается семья. Говоря о Ф. в этой форме, нередко подчеркивают несколько экстравагантную окраску этого движения, зачастую выливающегося в вызывающие и даже шокирующие традиционно настроенную общественность формы выражения протеста. Критике подвергались сами устои общества, определяющие, с точки зрения радикального Ф., неравноправное положение женщин: любовь, семья, замужество, материнство и т.д. С одной стороны, такая форма протеста способствовала пробуждению женского самосознания, а с другой – давала повод обвинить движение в излишней радикальности, в нездоровом пристрастии к власти, в склонности к распущенности и т.п. Социалистический Ф. рассматривает женскую тему с точки зрения классового и расового господства, вместе с уничтожением которых должна быть разрушена и половая дискриминация. Здесь также нередко пропагандируется полная

сексуальная свобода, отказ от материнства, отмена всех социальных различий пола. Последние две формы часто называют неофеминизмом, который пропагандирует идею "женской революции" против "мужского шовинизма" и при этом ссылаются на деятельность таких групп, как "Женщины против насилия над женщинами", "Сердитые женщины", "Красные чулки", "Ведьмы", "Хлеб и розы", "Шуазир" и др. Однако сам факт активизации женского движения способствовал постановке целого ряда серьезных теоретических социально-философских проблем: о природе женщины и специфике женского бытия, о социальной роли женщины и исторических формах семьи, об отношении культуры к женскому жизненному опыту. Одним из результатов стало появление специальных академических исследований на женскую тему (Women's studies), повлекших за собой открытие факультетов университетов, центров и программ, специализирующихся в этой проблематике. Десятилетие 1975-1985 было объявлено ООН "десятилетием женщин". Феминистская мысль сегодня не сложилась как систематическая, логически связанная единой теорией. Она не имеет единого теоретика, идеолога, взгляды которого определили бы всю феминистскую мысль в целом. Так, американская феминистская мысль тяготеет к Миллю, Дьюи, М. Веберу, Куну, Маркузе и Троцкому. А французская - к С. де Бовуар, Лакану, Дерриде. Несмотря на имеющиеся различия, в основе всех этих воззрений лежит общий фундамент, основанный на тех идеях, что культура западного общества - патриархатная по своей природе, маскулинистская (лат. masculine - мужчина, мужской) ориентированная, отмеченная мужской доминантой. Эта доминанта характеризуется апелляцией к рациональности и пренебрежением эмоциональностью и телесностью, культом силы и агрессии, безраздельным господством верховной власти, попранием сферы приватного ради утверждения сферы публичного и политического, насилием над природой и т.п. Социальные роли индивидов здесь неравнозначны. Женщина по сути является носителем и охранителем общечеловеческих моральных ценностей, национальных особенностей (этнографы различают народы по особенностям в приготовлении пищи и воспитании детей - традиционно женских жизненных забот). Но биологическая особенность женщины не подняла, а опустила ее статус. В культуре сложилась такая социальная конструкция, в соответствии с которой подлинно человеческими качествами: свободой, активностью, способностью к созданию нового, - обладают только те существа, которые не выполняют репродуктивную функцию. Женщина здесь - вторичное бытие или вообще небытие. "Человек" в такой культуре отождествляется с "мужчиной", и во всех философских определениях человека как "политического животного" (Аристотель), "политического существа" (Гоббс), "существа, обладающего свободой" (Руссо), "рационального существа" (Кант), "существа, обладающего самодетерминацией свободной воли" (Фихте) и т.п. фигурирует именно мужчина. Женщина была исключена из общественной жизни и считалась носителем противоположных мужским качеств: иррациональности, эмоциональности, чувственности и т.п. Традиционно сущность женщины определялась через ряд негативных характеристик. Это неполноценное и зависимое существо, низшее по сравнению с мужчиной, ограниченное и слабое, весь смысл жизни которого - служить мужчине и быть ему полезной. Тем самым вне сферы сексуальности и материнства жизнь такого существа бессмысленна и имеет второстепенное значение. Даже в домашней сфере ей выпадает исключительно обслуживающая роль. Женщины даже отказываются владеть мыслительными способностями и в статусе гражданина. Сфера принятия решений, наследование и т.п. - прерогатива мужчины. Гегель вообще предлагал не признавать женщин человеческими существами. Такое зависимое положение женщин закрепляется и в религиозной мысли. Женщина - принципиально вторичное существо как сотворенное из ребра Адама. Ева - это Другое Адама, "негатив" человека. Женщина - это "животное, которое лишено твердости и постоянства" (Августин), это "врата ада" (Тертуллиан), это "неудавшийся мужчина" (Фома Аквинский). Причем в христианской культуре женщина приобретает облик амбивалентного существа: Ева (олицетворение зла, ответственная за грехопадение) и Мария (олицетворение непорочности, вечной женственности). В ответ на утверждение мужской доминанты в религии феминистская мысль предлагает создать собственную религию, "женскую спиритуальность". "Спиритуальный Ф." поклоняется Богине (Goddess), которую рассматривает как нетрансцендентное природе начало, внутренний опыт человеческого "Я", в единобытийности богини прослеживается гармония тела и разума, плоти и духа, теории и практики, природы и человека. В области философии феминистская мысль развивается в трех основных направлениях. Это феминистская критика истории философии, ревизия этики и сфера эпистемологии и философии науки. Историко-философский дискурс в Ф. опирается на целый ряд констатаций. Во-первых, это "мужская перспектива" традиционной философии. Во-вторых, человек в философии отождествляется с мужчиной. В-третьих, констатируется, что опыт выдающихся женщин вовсе не учтен и не оценен в культуре. В области этики феминистская мысль сориентирована на критику этики индивидуализма с ее принципами автономии личности, права, свободы, равенства. Подчеркивается, что главный субъект такой этики - мужчина. Став всеобщей, она может привести к отчуждению. Индивидуалистической этике феминистская критика противопоставляет "этику заботы" с ее принципами причастности, ответственности за других и перед другими, ориентацией на мир людей, а не на мир предметов. И если в радикальных версиях эти две этики противопоставляются в виде бинарной оппозиции, по принципу "или - или", то в либерально настроенных работах эти два типа этики рассматриваются как комплементарные, как две составляющие общечеловеческой "этики заботы". В области эпистемологии и философии науки феминистская мысль имеет наиболее

скромные результаты. С одной стороны, в ней отрабатываются новые нетрадиционные подходы к дуализму разного рода, к бинарному видению реальности: духовное – телесное, рациональное – эмоциональное, объективное – субъективное и т.п. Эти оппозиции в культуре существуют как иерархически построенные модальности с явным превосходством в статусе тех из них, которые выражают в культуре мужской интерес: духовное, рациональное, объективное. Новый образ эпистемологии связан с построением недуалистической, неиерархической модели знания. В ней человеческий опыт должен быть взят в целостности своих сторон. При этом ни одна составляющая опыта не должна рассматриваться как низшая. В целом феминистская философия имеет ярко выраженный социоцентристский характер с интересом к проблемам власти, неравенства, справедливости, со стремлением ревизовать сложившиеся социальные стереотипы.

Е.И. Янчук

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУКИ – одно из центральных понятий современной философии науки, обозначающее совокупность философских идей, посредством которых обосновываются фундаментальные онтологические, гносеологические и методологические принципы научного познания. Возникновение представлений об имманентном вхождении философских построений в контекст научного знания в западной философии связано с преодолением свойственного неопозитивистской традиции демаркационистского разделения философии и науки. При этом положение о неотъемлемой представленности метафизической компоненты в основаниях научного поиска становится одной из важнейших тем в рамках современного постпозитивизма. Ф.О.Н. здесь можно соотносить с понятиями "метафизической парадигмы" Куна, "жесткого ядра научно-исследовательской программы" Лакатоса, "исследовательской традиции" Л. Лаудана и др. В отечественной литературе понятие "Ф.О.Н." вводится в работах Степина, где под ними понимаются те философские идеи и принципы, которые обосновывают как идеалы и нормы, так и онтологические постулаты науки. Ф.О.Н. выполняют две основные функции: во-первых, являются средством адаптации научных знаний к более широкому социокультурному контексту; во-вторых, определяют эвристические программы научного познания, ориентируя ученых на новые формы связи между субъектом и объектом, и, соответственно, на открытие новых структур и законов бытия. Степин выделяет три основных исторических типа Ф.О.Н., соотносимых с этапами: 1) классического естествознания (17 – конец 19 в.), признающего суверенность разума в постижении абсолютной объективной истины; 2) формирования неклассического естествознания (конец 19- первая половина 20 в.), обосновавшего принципы релятивизма и дополнительности, связанных с отказом от классического онтологизма и осознанием зависимости научных фактов от конкретных ситуаций и методов их получения; 3) неклассического естествознания современного типа, актуализировавшего роль субъекта, социально-исторические и психологические характеристики которого определяют соответствующие структурно-функциональные и динамические особенности познаваемого объекта. См. также: Наука, Теория.

Е.В. Хомич

ФУНКЦИЯ (лат. *functio* – совершение, исполнение) – 1) деятельность, роль объекта в рамках некоторой системы, ' которой он принадлежит; 2) вид связи между объектами, когда изменение одного из них влечет изменение другого, при этом второй объект также называется Ф. первого. В различных отраслях знания применяются, как правило, оба понятия Ф. Так, в социологии можно говорить, с одной стороны, о Ф. какого-либо социального института (например, семьи) в обществе, а с другой – о некотором социальном явлении как Ф. другого явления (например, о преступности как Ф. экономического положения). В математике понятие Ф. (надлежащим образом формализованное) используется в смысле 2) и является одним из центральных. Особую роль понятие Ф. играет в рамках системного подхода, где оно выступает в тесной связи с понятием структуры; примером может служить структурно-функциональный анализ в социологии.

Н.Н. Леонов

ХОМСКИЙ (ЧОМСКИЙ) (Chomsky) Ноам (р. 1928) – американский лингвист и философ языка, основоположник генеративного направления в лингвистике, автор концепции "порождающей грамматики". В существенно значимых аспектах обогатил гуманитарное знание 20 ст. Без теории ин-натизма Х. затруднительна реконструкция главных параметров философско-логических дискуссий о структуре и принципах функционирования разума. С 1955 преподавал в Массачусетском технологическом институте, профессор этого института. Основные сочинения: "Разум и язык" (русс. изд. – 1972), "Синтаксические структуры" (1957), "Лингвистика Декарта" (1966), "Правила и репрезентации" (1980), "Знание и язык" (1986), "Язык и политика" (1988), "Язык и мысль" (1994) и др. По мнению Х., основополагающая проблема лингвистики как научной дисциплины состоит в отсутствии парадигм, пригодных для систематизации и объяснения избыточного количества неупорядоченных фактов. "Порождающая грамматика" Х. ориентирована не на анализ и

описание некоторых высказываний, а на процедуру логико-математического по сути процесса генерирования всех мыслимых предложений исследуемого языка. Любые по степени сложности фразы, по Х., могут быть, как из блоков, сконструированы из набора элементарных ("ядерных") фраз. При этом, согласно Х., должны учитываться и при необходимости изменяться (в контексте функционирования введенных им организующих понятий - "глубинная структура" и "поверхностная структура") обусловленные правилами любого языка синтаксические связи внутри фраз. По мнению Х., данные процедуры имеют важное значение в случаях анализа двусмысленных фраз (состоящих из одинаковых лексических элементов, но обладающих совпадающими либо различающимися смыслом и значением). "Знать язык, - утверждал Х., - значит уметь приписать семантическую и фонетическую интерпретацию глубинной структуре и выделить связанную с ней поверхностную структуру...". Используя понятия "компетенция" (competence) и "употребление" (performance), Х. полагал, что первое из них (аналогичное языку) включает в себя набор внутренне связанных правил, используемых субъектом речи, которые и позволяют последнему генерировать и характеризовать неограниченное количество предложений. Второе - является собой практическую реализацию первого (аналог слова). Х. (в отличие от понимания данной проблемы Б. Скиннером) придавал наиважнейшее значение той функции языка, которая связана с его неограниченным конструктивным потенциалом при очевидно ограниченном объеме изобразительных и фиксирующих вербальных средств. Особенно ярко это демонстрируют, по мнению Х., дети, проявляющие феноменальные творческие лингвистические возможности (ср. в отечественной традиции: К. Чуковский "От двух до пяти"). Правила языка (по Х., "лингвистические универсалии") мы наследуем как некий интеллектуальный "багаж" вида. Среда лишь способна пагубно воздействовать на эти наши способности и предрасположенности. См. также Язык. А.А.Грицанов

ЦЕННОСТЬ - термин, используемый в философии и социологии для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающий к миру должного, целевого, смысловому основанию, Абсолюту. Ц. задают одну из возможных предельных рамок социокультурной активности человека (любого другого социального субъекта). Им приписывается внеличностный, надличностный, а в ряде случаев и внеисторический характер. Они трактуются как порождаемые культурой и (или) задаваемые трансцендентно содержания, вплетаемые в изменчивое многообразие социальной жизни как ее инварианты, позволяющие: связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее); семиотизировать пространства человеческой жизни, наделяя все элементы в нем аксиологической значимостью; задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывать смыслы. (Франкл трактовал сами Ц. как смыслы и через них (или "напрямую") стратегии жизни, деятельности, поступки, решения и т.д. (в этом отношении их можно рассматривать как механизмы смыслового удержания и укоренения человека в мире). Ц. позволяют протраивать системы ценностных отношений в социуме, конституируют процессы оценивания (вынесения оценок как способов установления значимостей чего-либо для субъектов). Понятие Ц. играет центральную роль при анализе механизмов целеполагания и долженствования как вариантов ценностного причинения (телеологической причинности). В этом отношении Ц., обеспечивая временную преемственность, позволяют разделить мир сущего ("данность" с ее ресурсными ограничениями) и мир должного (независимо от ресурсных ограничений) и структурировать будущее как преодоление наличных условий, как мир ценностнообоснованных целей (не обязательно достижимых, но всегда определяющих вектора изменений и развития как возможный мир (возможные миры). Одновременно Ц. вносят "метафизическое измерение" в мир человеческого бытия - они всегда абсолютны как самодостаточные сущности, как кладущие "пределы" изменчивости, как "последние аргументы", не подлежащие обсуждению и оспариванию, в силу своей безусловности. "Метафизичность" Ц. усиливается, если они при этом трактуются как внеисторические (существующие в пространстве культуры) и (или) трансцендентные, что позволяет полагать систему религиозных отношений. В силу того, что Ц. непосредственно "не даны" и "не пред-ставимы" они воплощаются и реализуются посредством иных универсальных культурных механизмов. Прежде всего - через нормы. В литературе существуют как традиция противопоставления норм и стоящих за ними Ц., так и традиция сближения Ц. и норм, вплоть до их отождествления (прежде всего с "мягкими" дозволяющими нормами с практически снятым императивом; в этом случае их чаще называют норм-мами-ориентациями и противопоставляют нормам-регламен-тациям, иначе - "жестким" т.е. приписываемым или запрещающим нормам с акцентированным императивом). Последняя традиция заметна у Знанецкого, в социологическом функционализме. Фактически с собственно понятием Ц. в социологии (во всяком случае, в "классической") на прикладном уровне, как правило, не работают. С ним без достаточных на то оснований соотносят понятие ценностной ориентации, которое, в свою очередь, конструируют (в конечном счете) из оценок, даваемых индивидами кому-либо или чему-либо. Основная методологическая нагрузка понятия Ц. в теории социологии (опять же традиционно понимаемой) - абсорбировать неформализуемые в основном аппарате теории (например, функционализме) содержания, обнаруживаемые как имманентные в социальных системах, или

служить объяснительным принципом наблюдаемых фактов, противоречащих схеме концепции (например, для объяснения несовпадения реального ролевого поведения с предписываемым). Конструктивность же понятия Ц. в классической социологии связана прежде всего с разработкой типологий Ц. на уровне "идеальных типов", что обеспечивает работу по созданию эмпирических типологий. В этих случаях Ц. определяется как любой предмет, материальный или идеальный, идея или институт, в отношении которых индивиды или группы занимают позицию оценки, приписывая им важную роль в своей жизни и стремление к обладанию которыми ощущают как необходимость (Я. Щепаньский), или как то, к чему стремятся как к цели, или рассматривают как средство достижения цели (Н.З. Чавчавадзе), или как предмет любой природы, обладающий значимостью для субъекта, т.е. способностью удовлетворять его потребности (А.А. Ручка) и т.д. Типологически Ц. разделяются на Ц.-цели, Ц.-средства (инструментальные Ц.), ситуативные Ц.Ц. могут быть: признанными (институционализированными), причем к ним могут как стремиться, так и не стремиться; непризнанными, но действительными; потенциальными. По объекту направленности различают Ц. направленные: на себя, на других, на предмет, на природу, на Бога и т.д. В "неклассической" социологии, начиная с понимающей социологии, проблема Ц. - одна из центральных. На современном этапе ее развития ценностная проблематика связывается прежде всего с анализом разных типов рациональности и их представленности в коммуникативных и дискурсных практиках социальных субъектов. В.Л. Абушенко

ЭКЗЕГЕТИКА (греч. *exegeomai* - истолковываю) - 1) - Раздел фундаментальной (или систематической) теологии, занимающийся истолкованиями текстов откровения. Поскольку в рамках христианского канона исходное Божественное откровение трактуется как данное в слове Священного Писания, постольку тексты последнего выступают центральным предметом Э. Однако, наличие в ее основоположениях тезиса о том, что чем ближе по времени тот или иной автор-толкователь к исходному откровению, тем более адекватна его интерпретация, - делает предметом Э. также и тексты Отцов Церкви. В этой связи, если правомерен тезис о том, что основы Э. были заложены в рамках патристики (Ориген, Григорий Нисский), то столь же правомерно и утверждение о том, что сама патристика выступает, в свою очередь, предметом экзегетической процедуры. Фундаментальной презумпцией применяемой Э. методологии является установка на имманентное истолкование текста, исключающая его историческую, генетическую, символическую, мифологическую, аллегорическую и любую другую внешнюю интерпретацию: статус откровения и сакральная значимость толкуемых текстов задают интенцию на автохтонное воспроизведение их смысла как единственно возможный вариант их восприятия и как центральную задачу Э. Семантико-аксиологический вектор имманентной интерпретации оформляется в культуре еще в рамках мифологической традиции: исходная интерпретационная процедура, будучи отнесенной к сакральному тексту мифа, не допускает ни скепсиса, ни даже вольной трактовки, но требует воспроизведения имманентно заданного смысла содержания. В качестве рефлексивно осмысленного метода истолкования имманентная интерпретация оформляется в античной культуре в качестве герменевтики (греч. *hermenevo* - разъясняю, истолковываю) как способа постижения внутреннего смысла иносказаний (вначале в контексте предсказаний оракула, затем - в контексте поэтических текстов). В эпоху эллинизма герменевтика была понята как инструмент реконструкции имманентного содержания (и тем самым - понимания и истолкования) наследия античной классики (как, например, текстов Гомера в неоплатонизме). Христианство еще более актуализирует этот аспект: слово Божье, переданное в откровении, не может служить поводом для произвольного конструирования смысла или вербальных игр, - оно должно быть понято в его изначальной глубине и святости. Понимание, таким образом, конституируется как центральная процедура экзегетического акта, причем само понимание трактуется в данном случае не как наполнение текста смыслом, позволяющее разночтения и допускающее вариативность способов сделать текст осмысленным, - речь идет о понимании как правильном понимании, т.е. реконструкции исходного смысла (ср. с трактовкой понимания как верного соотношения с ценностью в Баденской школе неокантианства). Исторические формы (этапы эволюции) Э. представлены: - ранней Э., ограничивающейся этимологическим анализом текста (классический вариант - "Этимология" Исидория из Севильи); - зрелой Э., ориентированной уже не на вербальный, но на концептуальный анализ, в рамках которого текст воспринимается как целостность, а центральной задачей выступает реконструкция его смысла, не исчерпывающегося языковой семантикой (классические представители - Василий Великий, Августин Блаженный); - поздней (или спекулятивной) Э., культивирующей жанр интерпретации фактически в качестве предпосылки для оригинального авторского творчества; акценты интерпретационного процесса оказываются расставленными по-иному: трактовка сакрального текста реально перерастает в создание нового произведения - квазитекст как текст о Тексте, а последний в данном случае выступает лишь поводом для свободного творчества, - авторитетным, но не авторитарным. (Известно, что многочисленные средневековые "Суммы" и компендиумы толкований, оформленные по правилам Э. как комментарии к Библии или текстам патристики, объективно являлись новаторскими трактатами в сфере теологии, философии или логики: от глубоко оригинального Иоанна Дунса Скота до канонизированного Фомы Аквинского). Аналогичный эволюционный сценарий

может быть прослежен и применительно к истории протестантской традиции: если исходной парадигмой являлась буквальная интерпретация Священного Писания (Лютер и Кальвин), то в рамках либеральной теологии была эксплицитно предложена нравственно-этическая трактовка библейских текстов (А.В. Ритчл, А. Гарнак, ранний Трельч и др.), а представителями такого направления, как диалектическая теология, уже оформляется радикальная программа "демифологизации библейской керигмы" (Р. Бультман), что в перспективе приводит к развитию в протестантском модернизме деконструктивистской парадигмы (см. Смерть субъекта). Даже в наиболее канонической православной Э. догматическое толкование Священного Писания смягчается до догматически-символического (без допущения, однако, возможности собственно символического его истолкования в языке логического позитивизма, что практикуется в современном протестантизме). 2) – Э. может быть рассмотрена не только в узком смысле – как раздел фундаментальной теологии и соответствующая специальная практика – но и в качестве общекультурного феномена, органически связанного с характерными для соответствующей культуры парадигмальными установками восприятия и понимания текста. Так, расцвет Э. в раннем средневековье, с одной стороны, инспирирован свойственным медиевальной культуре напряженным семиотизмом (усмотрение иносказаний в любой языковой формуле и знамений в любой комбинации событий, образ мира как книги и т.п.), с другой – традиция Э. в своем возвратном влиянии на основания культуры может быть рассмотрена как одна из детерминант разворачивания указанного семиотизма. Позднее столь же органичную детерминационную взаимосвязь амбивалентной направленности можно проследить между Э. и философской герменевтической традицией. Собственно, классические герменевтические работы Шлейермахера, заложившие основы не только программ интерпретации Библии в теологии протестантизма, но и современной философской герменевтики, были созданы на основе и в рамках традиции Э., сохранив установку на имманентное истолкование текста как центральную аксиологическую презумпцию (см. Интерпретация). В этом контексте смягчение экзегетического требования предельной имманентности толкования (Тюбингенская школа, например) задает в культуре вектор развития антиавторитарных стратегий по отношению к тексту в философской герменевтической традиции. Столь же правомерна фиксация и обратного вектора содержательного воздействия философской герменевтики на современную Э., в частности, в контексте католического аджорнаменто (Э. Корет, Пуллахская школа). Заданный в культуре постмодерна импульс на де-центрацию и деконструкцию текста, понятого как семантически открытая ризома, имеют своим эквивалентом в радикальном направлении протестантской теологии программу "реинтерпретации Бога" (П. ван Бурен), фактически альтернативную исходной для Э. традиции интерпретационного имманентизма. Казалось бы, программный плюрализм эпохи постмодерна, не только допускающий, но и предусматривающий полисемантическую как необходимое условие полноценной интерпретации, конституируя современность как "эпоху заката больших нарративов" (по Лиотару), должен был бы означать и закат Э. как общекультурной парадигмальной установки по отношению к тексту. Между тем именно в контексте философии постмодерна оформляется установка, которая во многом возвращает проблематику Э. в фокус значимости. Эта тенденция связана с конституированием коммуникативной программы в современной философии языка (после Апеля): поствитгенштейновская трактовка языковой игры как реализуемой не в языковой индивидуальной практике, но посредством обоюдно значимой коммуникативной процедуры (см. Апель, Языковые игры) предполагает отказ от идеи произвольной центрации текста по усмотрению субъекта и возврат к выработанной в Э. трактовке понимания как реконструкции имманентного смысла. – Возможность коммуникации задается лишь в контексте взаимопонимания, а понимание коммуникативного партнера, в свою очередь, может основываться только на восприятии его текстов (как вербальных, так и невербальных, включая его самого как текст) в качестве подлежащих имманентному истолкованию, – в отличие от характерного для раннего постмодерна конструирования смысла, означавшего бы в субъект-субъектном контексте обрыв коммуникации. Безусловно, такая ситуация в философии постмодерна не означает реанимации Э. в качестве культурной интерпретационной парадигмы, ее универсальной аппликации на любой вербальный (в широком смысле этого слова) контекст, но – с очевидностью – инспирирует актуализацию собственных для Э. аксиологических установок на имманентизм интерпретации и трактовку понимания как реконструкции исходного смысла.

М.А. Можейко

ЭКСПЕРИМЕНТ (лат. *experimentum* – проба, опыт) – метод эмпирического познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях (зачастую специально конструируемых) получают знание относительно связей (чаще всего причинных) между явлениями и объектами или обнаруживают новые свойства объектов или явлений. Э. могут быть натурными и мысленными. Натурный Э. проводится с объектами и в ситуациях самой изучаемой действительности и предполагает, как правило, вмешательство экспериментатора в естественный ход событий. Мысленный Э. предполагает задание условной ситуации, проявляющей интересующие исследователя свойства, и оперирование идеализированными объектами (последние зачастую специально конструируются для этих целей). Промежуточный статус носят модельные Э., проводимые с искусственно созданными моделями (которым могут соответствовать, а могут и не соответствовать какие-либо реальные объекты и

ситуации), но которые предполагают реальное изменение этих моделей. Э. как исследовательско-преобразовательная деятельность может быть рассмотрен как особая форма практики, позволяющая устанавливать (не) соответствие концептов и конструкций познания, теоретически обнаруживаемых связей и отношений – действительности. В так называемых решающих Э. проверке может подвергаться теория в целом. Э. представляет собой наиболее сложный и эффективный метод эмпирического познания, с которым связано становление европейской опытной науки и утверждение доминирования объяснительных моделей в естествознании в целом. Он ведет свое начало от исследований Галилея и основанной после его смерти Флорентийской академии опыта. Теоретически Э. был обоснован впервые в работах Ф. Вэкона, последующая разработка идей которого связана с именем Милля. Монопольное положение Э. было поставлено под сомнение только в 20 в. прежде всего в социогуманитарном знании, а также в связи с феноменологическим, а затем и герменевтическим поворотом в философии и науке, с одной стороны, и тенденцией к предельной формализации (математизации) естествознания – с другой (появление и рост удельного веса математических модельных Э.). Э. предполагает создание искусственных систем (или "обискусствливание" естественных), позволяющих влиять на них путем перегруппировки их элементов, их элиминирования или замены другими. Отслеживая при этом изменения в системе (которые квалифицируются как следствия предпринятых действий), можно раскрыть определенные реальные взаимосвязи между элементами и тем самым выявить новые свойства и закономерности изучаемых явлений. В естествознании изменение условий и контроль за ними осуществляются за счет использования приборов разного уровня сложности (от звонка в опытах Павлова по условным рефлексам вплоть до синхрофазотронов и т.п. устройств). Э. проводится для решения определенных познавательных задач, продиктованных состоянием теории, но и сам порождает новые проблемы, требующие своего разрешения в последующих Э., т.е. является и мощным генератором нового знания. Э. позволяет: 1) изучать явление в "чистом" виде, когда искусственно устраняются побочные (фоновые) факторы; 2) исследовать свойства предмета в искусственно создаваемых экстремальных условиях или вызывать явления, в естественных режимах слабо или вообще не проявляющиеся; 3) планомерно изменять и варьировать различные условия для получения искомого результата; 4) многократно воспроизводить ход процесса в строго фиксируемых и повторяющихся условиях. К Э. обычно обращаются: 1) когда пытаются обнаружить у объекта не известные ранее свойства для продуцирования знания, не вытекающего из наличного (исследовательские Э.); 2) когда необходимо проверить правильность гипотез или каких-либо теоретических построений (проверочные Э.); 3) когда в учебных целях "показывают" какое-либо явление (демонстрационные Э.). Особый тип Э. составляют социальные Э. (в частности Э. в социологии). По сути, каждое человеческое действие, предпринятое для достижения определенного результата, может быть рассмотрено как своего рода Э. По логической структуре Э. делятся на параллельные (когда процедура экспериментирования основана на сравнении двух групп объектов или явлений, одна из которых испытала воздействие экспериментального фактора – экспериментальная группа, а другая нет – контрольная группа) и последовательные (в которых нет контрольной группы, а замеры делаются на одной и той же группе до и после введения экспериментального фактора).

В.Л. Абушенко

ЭКСПЕРТОКРАТИЯ – см. ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ ЭКСПЛИКАЦИЯ (лат. explicatio – разъяснение) – уточнение понятий и утверждений естественного или искусственного языка с целью устранения выявленных в них неясностей и неточностей или (и) сообразно новому объекту исследования. Э. может пониматься как замена одних (неточных, неясных) понятий другими (формально более четким) или только как уточнение исходных понятий через уточнение их места в какой-либо понятийной системе. Тогда она может быть описана через взаимоотношение explicanda (уточняемое, выявляемое, разъясняемое) и экспликата (уточняющее, выявляющее, разъясняющее). Акцент на способах и процедурах продуцирования концептов и конструкций знания позволяет рассматривать как технологии Э. концептуализацию (теоретическая Э.) и операционализацию (эмпирическая Э.), в рамках которых речь идет (в том числе) о концептуальных и операциональных определениях. Однако, в целом речь идет об Э. структур построения знания. В социологии говорят также об Э. (обнаружении, выявлении) латентных переменных; в аналогичном значении можно говорить о эксплицитных и имплицитных формах мысли (подтекстах и контекстах предъявляемых текстов). В этих случаях задачи Э. сводятся к выработке и знанию правил трансформации "скрытого" в "явное". Несколько иной аспект задает задача Э. в рефлексии и (или) методологическом анализе имплицитных оснований ("аксиом", допущений и т.д.) "очевидного" знания.

В.Л. Абушенко

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ (лат. extra – сверх, вне и polio – выправляю, изменяю) – логико-методологическая процедура распространения (переноса) выводов, сделанных относительно какой-либо части объектов или явлений на всю совокупность (множество) данных объектов или явлений, а также на их другую какую-либо часть; распространение выводов, сделанных

на основе настоящих и (или) прошлых состояний явления или процесса на их будущее (предполагаемое) состояние. В математике и статистике – продолжение динамического ряда данных по определенным формулам; соотносится здесь с понятием "интерполяция" (лат. *interpolatio* – изменение, подновление), обозначающим нахождение промежуточных значений по ряду логических или статистических данных. Таким образом, Э. могут подвергаться как качественные так и количественные характеристики, а также некоторые уравнения (сформулированные для одной предметной области они переносятся на иные предметные области). Под Э. может пониматься метод математической гипотезы, чаще же рассматривают иные стратегии Э.: 1) Э. на основе индукции (Э. тенденции); 2) Э. на основе аналогового моделирования; 3) Э. выборочных данных на всю генеральную совокупность при соблюдении требований репрезентативности (по части судят о целом или о другой части, т.е. другой выборке из генеральной совокупности). Особо можно говорить об Э. схем и приемов деятельности в новые практические области (за пределами логико-методологических процедур), об Э. результатов мысленного оперирования знаковыми комплексами в реальные системы действий. Научная Э. предполагает умение правильно оперировать базами Э., т.е. исходным знанием, следование обоснованным правилам переноса, обязательную оценку полученных выводов по избранным критериям. Э. предполагает работу с "неизвестными" на основе известного знания и с "будущим" на основе знания прошлого и настоящего. В этом отношении – она неизбежный прием любого творческого мышления и деятельности. Э. – важнейшее средство диагностических процедур и прогнозирования. Более того, экстраполяция прогнозирования институализировалась в особую область прогнозной работы наряду с поисковым и нормативным прогнозированием (на качественном уровне – это системный классификационный анализ понятий на предмет их упорядочивания и иерархизации; на количественном – это трендовый анализ динамических рядов с целью отыскания основных тенденций).

В.Л. Абушенко

ЭМПИРИЗМ (греч. *empeiria* – опыт) – направление в теории познания, признающее чувственный опыт источником знаний и утверждающее, что все знание основывается на опыте. При этом, другая познавательная способность человека – разум – рассматривается в Э. только как сочетание и перекомпоновка того материала, который дан нам в опыте, а также как способность, в принципе ничего не добавляющая к содержанию нашего знания. В методологическом плане Э. – это принцип, согласно которому жизненная практика, мораль и наука должны базироваться исключительно на соответствующем опыте. В качестве целостной гносеологической концепции Э. сформировался в 17-18 вв. В истории философии Э. выступал как идеалистический (Юм, Беркли, Мах, Авенариус, современный логический Э. и т.д.), признававший единственной реальностью субъективный опыт (ощущения, представления), и как материалистический Э. (Ф. Бэкон, Гоббс, Локк, Кондильяк и др.), считавший, что источником чувственного опыта является объективно существующий мир. Противоположен Э. – рационализм. (См. также: Опыт, Эмпирическое и теоретическое).

Т.Г. Румянцева

ЭМПИРИЧЕСКОЕ и ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ – понятия, посредством которых современная методология науки обозначает гетерогенные системы научного знания и сопряженные типы научно-исследовательской деятельности. Их сложное взаимодействие обуславливает функционирование той или иной научной дисциплины как единого развивающегося целого. Проблема выработки критериев выделения Э. и Т. была поставлена в философии логического позитивизма. Э. и Т. как типы исследовательской деятельности различаются по предмету исследования: Э. исследование ориентируется на непосредственное изучение явлений, теория ориентируется на уровень сущности и объективной закономерности в изучаемом процессе, явлении. Э. исследование в качестве методов использует реальное наблюдение, реальный эксперимент, Э. описание, составление графиков, таблиц и т.д. На Т. уровне применяют методы идеализации, мысленного эксперимента, исторический и логический; методы восхождения от абстрактного к конкретному, аксиоматический, ги-потетико-дедуктивный используются как методы построения теории. Особенности предмета исследования фиксируются в средствах познания: на Э. уровне – приборы, экспериментальные установки и др. материальные средства и Э. язык науки. Э. язык науки сложно организован, включает кроме Э., Т. термины, описывает так называемые Э. объекты – абстракции реальных объектов, но с ограниченным набором признаков. На Т. уровне в качестве средства познания используется исключительно Т. язык, термины которого репрезентируют такие абстрактные объекты, которые являются логическими реконструкциями реальных объектов и их связей, отношений. Результат исследований на Э. и Т. уровнях науки – сложная система Э. и Т. знания. В Э. знании можно выделить непосредственные данные наблюдений и экспериментов и Э. зависимости и обобщения, Э. факты. Проблема необходимости различать данные наблюдения и Э. факты также была осмыслена в философии позитивизма, в частности, в работах Венского кружка. Э. зависимости (Э. закономерности) и Э. факты являются непосредственным базисом теории. В структуру Т. знания входят слои Т. моделей частного характера, абстрактные Т. объекты, а также развитые научные теории, включающие фундаментальные Т. законы в качестве главного

элемента. Например, Т. законы и модели, характеризующие отдельные виды механического движения и теория ньютоновской механики. Э. и Т. уровни научного познания взаимодействуют друг с другом, являясь одновременно относительно самостоятельными блоками научного знания. Исторический подход к взаимодействию Э. и Т. раскрывает диалектичность их взаимосвязи. Э. исследования, обнаруживая новые факты и зависимости, стимулируют развитие Т. познания. В свою очередь, Э. знание является результатом саморазвития предшествующей теории. Формирование Э. базиса теории делает необходимым Т. интерпретацию основных Э. зависимостей и фактов, дальнейшее развитие исходных научных абстракций. Т. деятельность организует Э., предсказывает и вовлекает в круг исследования новые факты. Взаимодействие и единство Э. и Т., тенденция к обособлению Э. и Т. научного аппарата, наличие прямых и обратных связей между ними создают реальную динамику научного знания как целостной самоорганизованной системы. Проблемы структуры, динамики, взаимодействия Э. и Т. активно разрабатывались в философии марксизма, логического позитивизма, постпозитивизма. (См. также: Наука, Опыт, Теория). И.А. Медведева

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ (греч. enkyklios - круг, paedia - образование) - понятие европейской интеллектуальной (философской и педагогической) традиции. Первоначально (в Древней Греции) речь шла о некоем минимуме знаний, который были обязаны освоить свободные юноши для полноценного включения в общественную и экономическую жизнь полиса. Значимость этой идеи состояла в том, что постулировалась возможность и позитивность существования определенного информационного ценза - количественного параметра процесса социализации личности. В средневековой традиции допускалась достижимость аккумуляции всех актуальных для верующего человека знаний в конечном объеме (В. Бовэ). Первая (печатная) философская Э. - "Философская жемчужина" Грегора Рейша, исповедника императора Максимилиана I (ок. 1496) - 12 частей: натурфилософия, логика, психология, этика и 8 других, не собственно философских. Сугубо философская первая - Джованни Баттиста Бернардо "Семинарий или Лексикон в трех томах с индексами по философии Платона, перипатетиков, стоиков" (Венеция, 1582-1585). В 17 в.: "Философский репертуарий" Н. Бурхарди, "Философский лексикон" Р. Гокленгиуса, после которых многие термины стали общеупотребительными в профессиональной среде. Сам термин "Э.", введенный в оборот во второй половине 16 в., обозначал трактат, содержащий целостную совокупность данных общеобразовательного либо специального характера. В историко-философской традиции наиболее известны: 1) Э. Д'Аламбера, Дидро, Руссо, Вольтера, Гольбаха и др. (1751-1788); 2) "Энциклопедия философских наук" Гегеля (1817). В современной трактовке Э. являет собой компендиум устоявшихся и апробированных, легитимированных научным сообществом знаний в определенной области. Быстрый рост популярности в последней трети 20 в. научных дисциплин "маргинального", "пограничного" характера, экспоненциальный рост специальных знаний, развитие компьютерных банков данных снижают значимость самой идеи Э. для ученых-профессионалов, сохраняя при этом ее статус как "моментальной", "сиюминутной" характеристики меры и степени конвенционализма, присущего той или иной области знания. В постмодернизме выступает символическим обозначением текста, организованного как лабиринт или ри-зома - в отличие от структурно одномерного "словаря" (Эко). А.А. Грицанов

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ (греч. episteme - знание, logos - учение) - философско-методологическая дисциплина, в которой исследуется знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие. Традиционно отождествляется с теорией познания. Однако в неклассической философии может быть зафиксирована тенденция к различению Э. и гносеологии, которое основано на исходных категориальных оппозициях. Если гносеология разворачивает свои представления вокруг оппозиции "субъект-объект", то для Э. базовой является оппозиция "объект - знание". Эпистемологи исходят не из "гносеологического субъекта", осуществляющего познание, а скорее из объективных структур самого знания. Основные эпистемологические проблемы: Как устроено знание? Каковы механизмы его объективации и реализации в научно-теоретической и практической деятельности? Какие бывают типы знаний? Каковы общие законы "жизни", изменения и развития знаний? При этом, механизм сознания, участвующий в процессе познания, учитывается опосредовано, через наличие в знании интенциональных связей (номинации, референции, значения и др). Объект при этом может рассматриваться как элемент в структуре самого знания (идеальный объект) или как материальная действительность отнесения знаний (реальность). (Исторически, эпистемологические представления и проблематика возникают раньше гносеологических и складываются уже в античности. Таковы, например, "идеи" Платона и предложенная им референ-ционная концепция "истины", апории Зенона, тропы скептиков, логика Аристотеля. Античные представления о знании имели не столько описательный, сколько проблематизирующий и нормативно-методологический характер. Например, апории Зенона фиксировали факт отнесения противоречивых знаний к одному и тому же объекту и задавали таким образом эпистемологическую проблему. Аристотель пытался снять накопившиеся проблемы за счет

нормировки научных рассуждений и введения общих принципов организации знания. Это позволило в дальнейшем создать образцы систематической организации знания. "Начала" Евклида можно рассматривать не только как продукт обобщения и сведения геометрических знаний, но и как реализацию нормативных эпистемологических концепций Платона и Аристотеля. В средние века критическая и исследовательская составляющие Э. в большой степени сковываются и ограничиваются нормативным характером аристотелевской логики. Яркое выражение средневековой Э. – схоластический спор "номиналистов" и "реалистов". Новые мотивы вносит Возрождение. Пробуждается интерес к опытному знанию, меняется представление о месте и назначении знания в общей картине мира. Николай Кузанский вводит представление о проблемах как "ученом незнании", т.е. знании о незнании, что формирует в перспективе новую эпистемологическую стратегию. С другой стороны, философская рефлексия все больше обращается к субъекту и его познавательным способностям. В этой связи актуализируется введенное фактически уже Петром Абеляром понятие сознания как индивидуальной способности и действительности существования концептов. "Великое усовершенствование наук", провозглашенное Ф. Бэконом и развернувшееся в 17–18 вв., порождает новую формацию знания – новоевропейскую науку. Новая организация знания требовала критической рефлексии и теоретического оформления. Эпистемологические схемы античности и средневековья не могли решить этих задач. На их месте начинает складываться гносеологическая концепция познания, которая переорганизует философско-методологические представления о знании на основе субъект-объектных схем. До 20 в. Э. не имела собственных институциональных форм, а соответствующая ей проблематика развивалась в основном в логике (прежде всего в английской аналитической традиции) и в рамках гносеологии. Однако уже с конца 19 в. эпистемологическая проблематика начинает эмансипироваться от гносеологической. Исследователи (прежде всего логики) стремились уйти от субъективизма и психологизма, порождаемого сенсуалистическими и позитивистскими трактовками субъект-объектных схем. В 20 в. этот процесс приводит к оформлению новых философско-методологических направлений и подходов. Развиваются аналитические, операциональные, нормативные, структурно-функциональные приемы и методы исследования знания. В 1970-х Поппер дал онтологическое обоснование эмансипации Э., выдвинув концепцию "третьего мира" (объективного содержания знания) и "познания без познающего субъекта". Среди факторов, определяющих современное состояние эпистемологических исследований, необходимо отметить следующие: 1) отношение знания и объекта выходит за рамки чисто познавательных ситуаций. Складываются комплексные практики, где помимо познания, необходимо рассматривать функционирование знания в других типах деятельности: инженерии, проектировании, управлении, обучении; 2) классическое отношение "истинности" дополняется (а иногда и замещается) рядом других отношений: "непротиворечивости", "полноты", "интерпретируемости", "реализуемости" и др.; 3) типология знания становится все более разветвленной и дифференцированной: наряду с практико-методологическим, естественно-научным, гуманитарным и инженерно-техническим знанием выделяются более частные его варианты; 4) особым предметом исследования становится семиотическая структура знания; 5) помимо "знания" интенсивно исследуются и другие эпистемологические единицы (например, "языки"); 6) обозначился кризис сциентизма: научное знание перестает рассматриваться как основная форма знания, все больший интерес вызывают когнитивные комплексы, связанные с различными историческими и духовными практиками, выходящими за рамки традиционных представлений о рациональности. А.Ю. Бабайцев

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ – (ethno – народ, metod – методы, logy – 'исследование; буквально – "учение о том, как поступают народы") – радикальное теоретико-методологическое направление в американской социологии, принципиально переинтерпретировавшее на основе феноменологических установок и процедур культурной и социальной антропологии предмет и задачи социологии как научной дисциплины. Среди других источников Э. можно назвать лингвистическую философию Витгенштейна и "диалектический гиперэмпиризм" Гурвича. С одной стороны, Э. конституировалась на основе последовательного критического отвержения классического социологического наследия в силу его натуралистической установки. Основные объекты критики – функционализм в лице Дюркгейма (прежде всего, его классический тезис об отношении к социальным фактам как к вещам) и Парсонса, а также – позитивизм и марксизм. Натурализму противопоставлялась феноменологическая альтернатива (перераставшая у ряда этнометодологов в герменевтическую), которая затем (в свою очередь) радикализировалась. С другой стороны, конституирующую роль для Э. выполняла не менее последовательная критика традиционной методологии, понимаемой как совокупность методов обнаружения неизменных свойств мира "фактов", а также ее гипостазированно рационалистических (приписывание "разумных" мотивов поведению индивида) и априорных (непроблематичное принятие "очевидностей") исходных допущений. Традиционной социологической методологии противопоставлялись подходы и способы работы "полевой" антропологии, предполагавшие непосредственное "включение" в жизнь исследуемых сообществ, которые затем в Э. универсализировались до общесоциальных методов исследовательской работы. Неудивительно, что в 1970-е (пору наибольшего "взлета" Э.) она встретила резкое неприятие со стороны университетской социологии

(дело доходило до запретов на преподавание Э.). Возникновение Э. как самостоятельного направления связывают с выходом сборника статей Г. Гарфинкеля (р. 1917) "Исследования по этнометодологии" (1967). Другим крупнейшим представителем этого направления является А. Сикурел (р. 1928), концепцию которого ряд авторов рассматривает как самостоятельный проект когнитивной социологии, а также Г. Сакс, А. Блум, П. Мак-Хью, Б. Лутар, М. Поллнер и др. Принципиально уходя от вопросов субстанциональной природы общества и не принимая как доминантную проблему условий возникновения социального порядка, Э., вслед за феноменологической социологией, актуализирует в качестве темы первостепенного внимания социологии – мир повседневности, однако делает акцент на проблеме выявления методов того, как люди создают и поддерживают друг у друга предположения о том, что социальный мир действительно носит реальный характер и является миром упорядоченным. Реализация этой целевой дисциплинарной установки потребовала выдвижения Э. семи альтернативных классическим, методологических предположений (Дж. Тэрнер) относительно природы социального мира. Исходное допущение – стремление людей во всех ситуациях взаимодействия достичь видимого согласия относительно "релевантных черт обстановки взаимодействия" (1). Это согласие может базироваться на установках, верованиях, знаниях о природе ситуации взаимодействия (2). Оно предполагает различные практики межличностного взаимодействия и соответствующие им методы конструирования, поддержания и изменения кажущегося согласия, которые могут быть как эксплицитны, так и (большей частью) имплицитны (3). Эти практики и методы обеспечиваются восприятием (постоянно создающимся и разрушающимся) того, что ситуации взаимодействия имеют упорядоченную структуру (4). Видимость согласия есть не только результат соглашения ("конвенции"), но и выражение согласия каждого из участников с "правилами и процедурами" создания и разрушения этого согласия, т.е. видимое согласие предполагает "молчаливое" подразумевание ряда допускаемых всеми условий – правил взаимодействия-общения (5). Каждая ситуация уникальна в своем роде и предполагает собственное определение в согласии, которое не может быть некритически перенесено из какой-либо иной ситуации (6). Каждый раз создавая, вновь утверждая или изменяя правила для определения ситуации, втянутые в нее люди предлагают друг другу кажущийся упорядоченным и связанным мир "вне их", побуждающий их к определенным восприятиям и действиям (7). Таким образом, обнаруживается, что любая ситуация взаимодействия проблемна, что все "очевидности" являются результатом постоянных усилий людей по их поддержанию, т.е. по созданию общего смысла, что каждый раз реально люди имеют дело с переходящими друг в друга ситуациями, по поводу которых люди и могут "договориться". Таким образом социокультурная реальность понимается в Э. как поток неповторимых (уникальных) ситуаций, схватываемых и конституируемых (определяемых) в человеческих практиках, прежде всего мыслительных и коммуникативных, редуцируемых в Э. в большинстве случаев к речевому повседневному общению. Отсюда делается кардинальный для судеб социологии вывод Э. – социальный порядок является не субстанционально "положенным" и не "предзаданным" социокультурными механизмами (ценностями, нормами, институтами и т.д.), а каждый раз конституируемым благодаря способности индивидов постоянно создавать и разрушать совокупность представлений в каждой отдельной ситуации взаимодействия и находить "методологическое" согласие в процедурах понимания, рефлексии и интерпретации в речевом (в пределе) общении по поводу легитимизации этого "социального порядка". Отсюда проистекает предельная радикализация феноменологической ориентации в социологии – с точки зрения Э., речь должна идти не о различении конструкторов первого и второго порядков (вычлененных из мира повседневности и созданных на их основе), а о принципиальном единстве методов "профанов" и "спецов", задающимся общим пониманием пути, который необходимо пройти, чтобы, достигнув согласия, утвердиться в существовании "во вне" реальности. Разница лишь в том, что "специ" (социолог) призван выполнить при этом особую миссию – эксплицитировать имплицитно встроенные в интерпретационные взаимодействия людей общие правила-методы-схемы. Таким образом, непосредственный предмет социологии в Э. задается как исследование процедур интерпретаций и нерелексированных механизмов, делающих возможным понимание в коммуникации, а следовательно и саму эту коммуникацию. Это предельно радикальным образом снимает субъект-объектную проблему (как некритическое основание натуралистической социологии), делает недопустимым разрыв между предметом и языком-объектом, с одной стороны, средствами описания и методами анализа, метаязыком – с другой (полная ревизия традиционной методологии), налагает принципиальный запрет на дистанцирование исследователя в "независимого наблюдателя", в силу принципиальной его включенности в контексты повседневного общения – разговора (окончательная ревизия методического оснащения социологического исследования). Коммуникация, согласно Э., всегда содержит сверхвербальную информацию, т.к. она поддерживается неявным фоновым знанием, "по умолчанию" предполагает подразумеваемые смыслы, объединяющие участников взаимодействия. Задача социолога во многом и выполняема только за счет занятия рефлексивной позиции, позволяющей эксплицитировать имплицитное, выявлять во взаимодействии когнитивные структуры, "переводить" "индексные суждения" в "объективные". Индексные суждения контекстуально и инструментально характеризуют уникальность "предметов", объективные – описывают (эксплицитируют) их общие свойства, "снимая" с них ситуативные характеристики (по аналогии с процедурами типизации в феноменологической социологии). При этом акцент в объективных суждениях делается не на

их значениях, а на мере универсальности в их применении. По сути, вопрос ставится о том, как в ходе коммуникации мы способны представить значения своих индексных суждений в терминах объективных признаков, приписываемых реальности "вне нас", – ведь социальный порядок поддерживается нашей способностью убедить друг друга в его существовании, нашим общим "видением". Несомненным приоритетом обладает, следовательно, "практический разум". Социологам ("теоретикам") самим приходится решать эту же практическую задачу на "своем уровне" – как найти способы описания событий, приемлемые для сообщества ученых, работающих независимо друг от друга (через рефлексию общих элементов описаний). В конкретных этнометодологических исследованиях было, в частности, показано, что содержание решения (судьи, например) существует ранее, чем решение принимается. То же относится к ставимому диагнозу (например, психиатром). Точно так же текст приобретает осмысленность только тогда, когда уже известен "правильный" подход к нему. В дальнейшем разворачиваются лишь процедуры ретроспективного и контекстуального определения этого решения, диагноза, прочтения, выявление оснований, делающих их "правильными". Рефлексия предполагает "знание" исходной точки начала движения (от непроявленного смысла) и предполагаемого конечного продукта (эксплицированного смысла или порядка отношений различных значений). Объективные суждения суть лишь инструмент и метод преодоления уникальности конкретных ситуаций, приписывания им наших значений и смыслов, т.е. унификации и типизации ситуаций и объективизации своих описаний в качестве квазикатегорий. Таким образом, научное знание есть "инобытие" тематизированного и проясненного повседневного опыта (здорового смысла), объективизация и онтологизация индексных суждений, выявление имманентной радикальности обыденной жизни. ("... поддержание впечатления социального порядка есть никогда не прекращающаяся деятельность"). А. Сикурел усилил этот тезис, переинтерпретировав саму деятельность в "активность толкования значений", когда сама попытка стимулировать (например, социологическая практика) или избежать толкования уже сама по себе есть "толковательная" операция на основе "само собой разумеющихся" правил (но не "само собой разумеющихся" субстанционализированных "очевидных" знаний – выпад в сторону феноменологической социологии). Социальность тогда (как продукт взаимодействия) есть следствие, выводимое из отношения между "поверхностными" (нормы повседневной жизни как "данность") и "интерпретационными" ("глубинными") правилами как внутренней структуры первых, так и основанием возможности любых значений, определяющим закономерности возникновения и функционирования последних: "интерпретационные правила нельзя усвоить в воспитании и обучении". Наоборот, они делают возможными и воспитание и обучение. При своей контекстуальности значения не переоткрываются каждый раз заново, а лишь получают новое звучание в конкретике ситуаций, т.е. фактически – они инструменты, используемые разными способами в конкретике "случаев". Задача речевых практик состоит в "переводе" многомерных (объемных) восприятий в одномерность (как основы взаимопонимания) речи. Тогда любые конституирующие социальную реальность взаимодействия есть трансляции – переводы восприятий в словесные описания. Описания событий никогда же не будут совпадать с самими событиями, обрекая людей на необходимость перманентного создания "впечатления социального порядка". Таким образом, Э. окончательно выявила возможности иного способа "социологизирования", постулированного в понимающей социологии и разработанного в феноменологической социологии и социологии знания, как альтернативы классической социологии.

В.Л. Абушенко

ЭТНОС (греч. ethnos – группа, племя, народ) – межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием. Понятие Э., как категории, обобщающей признаки этнических общностей на всех этапах истории человечества, разрабатывалось преимущественно в российской, советской и пост-советской этнографии. Основы теории Э. были заложены в 1920-х гг. Широкогоровым. Он рассматривал Э. как основную форму существования локальных групп человечества, а основными признаками его считал "единство происхождения, обычаев, языка и уклада жизни". В 60-80-е гг. концепция Широкогорова была развита советскими этнографами. Наиболее последовательной ее марксистской интерпретацией стала теория Ю.В. Бромлея. Он предлагал различать этникосы (Э. в узком значении слова) как совокупности людей, объединенных общим языком, культурой и самосознанием, и этносоциальные организмы, ЭСО (Э. в широком значении слова) как Э., сопряженные с территориально-политическими общностями. Последние, по Бромлею, представляют собой самостоятельные макроединицы общественного развития. В зависимости от принадлежности к определенной общественно-экономической формации этносоциальные организмы выступают в форме племени, народности (рабовладельческой или феодальной), нации (буржуазной или социалистической). Значительное место в теории Бромлея занимала детализированная классификация этнических процессов – изменений Э., проинтерпретированная применительно к различным эпохам прогресса человечества. В работах представителей другого теоретического направления А.С. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова Э. был рассмотрен в контексте теории коммуникации. Э. представлялись как ареалы повышенной плотности информации. Особое внимание было обращено на межпоколенную трансляцию информации, обеспечивающую преемственность и стабильность этнической

системы во времени. Стадиальные типы этнических общностей – племена, народности и нации рассматривались как три разных типа информационной плотности. Концепция Арутюнова и Чебоксарова стала наиболее продуктивным в инструментальном и прикладном отношении вариантом теории Э. Последовательно немарксистский подход к феномену Э. отличает работы Гумилева. В них Э. представлены как элементы этносферы – особой биосоциальной реальности, развивающейся по своим уникальным законам. Э., по Гумилеву, может пребывать в "персистентном" (циклическом) и "динамичном" состоянии. Переход в последнее обусловлен своего рода мутациями – пассионарными толчками. По Гумилеву, Э. проходит ряд стадий развития, и, подобно живому организму, умирает. Благодаря откровенному нонконформизму концепция Гумилева приобрела необычайную популярность, особенно за пределами профессиональной аудитории. При всех различиях концепции Э. имеют ряд общих недостатков. Опора на понятия, объем которых сам по себе является предметом дискуссии (язык, культура, территория), делает построение теории и самого определения Э. крайне затрудненным. Понятие Э. отражает в полной степени лишь свойства этнических общностей индустриальной эпохи – наций. По отношению к до-национальным стадиям развития, с характерными для них культурно-лингвистическими вариативностью и внеэтническими формами самосознания, понятие Э. оказалось непродуктивным (например, категория "народность"). В зарубежной социально-культурной антропологии понятие Э. употребляется сравнительно редко, а построение его теории не считается актуальным. Более употребительным является понятие этничность, отражающее принадлежность к определенной нации или этнической группе.

П.В. Терешкович

ЭТНОЦЕНТРИЗМ (греч. ethnos – группа, племя, народ и лат. centrum – средоточие, центр) – свойство индивида, социальных групп и общностей (как носителей этнического самосознания) воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической общности, выступающей в качестве некоего всеобщего эталона или оптимума. Термин "Э." введен У. Самнером (1906) и Гумпловичем (1883). Самнер полагал, что существует резкое различие между отношениями людей внутри этнической группы и межгрупповыми отношениями. Если внутри группы царит солидарность, то в отношениях между группами преобладают подозрительность и вражда. Э. отражает и одновременно воспроизводит единство этнической группы перед лицом внешнего мира. Э. связан с противопоставлением "мы – они", лежащим в основе этнической самоидентификации (реконструирован таким образом в работах В. Поршнева и С. Токарева). Не менее существенна связь Э. с социальными стереотипами, усваиваемыми в ходе социализации и включения в ту или иную социокультурную среду. Важный фактор формирования Э. – национализм (идеологии в целом). Как и этническое самосознание, Э. нельзя рассматривать в отрыве от истории и социально-экономического состояния соответствующих этносов. Межэтнические установки зависят от степени интенсивности и направленности культурных контактов, которые могут быть не только враждебными, но и дружественными.

С.Ю. Солодовников.

ЯЗЫК – сложная развивающаяся семиотическая система, являющаяся специфическим и универсальным средством объективации содержания как индивидуального сознания, так и культурной традиции, обеспечивая возможность его интерсубъективности, процессуального разворачивания в пространственно-временных формах и рефлексивного осмысления Я. выполняет в системе общества такие функции, как 1) экспрессивная; 2) сигнификативная; 3) когнитивная; 4) информационно-трансляционная; 5) коммуникативная. Аналитизм Я. (дискретность смысла его единиц и возможность их комбинаторики по определенным правилам) обеспечивает возможность формирования текстов как сложных знаков с развитой системой модальности, что задает Я. как знаковой системе свойство универсальности в выражении как процес-суальности человеческого сознания и его состояний, так и целостной системы представлений о мире в качестве резуль-тата познания. В качестве многоаспектного феномена Я. выступает предметом изучения различных теоретических дисциплин: лингвистики, логики, семиотики, психологии (психолингвистики), социологии (социолингвистики), культурологии и др. В своей универсальной постановке проблема Я. является исконным предметом философского анализа. Ядром философской проблематики в данной сфере выступают: 1) в рамках традиционной и классической философии Я. – проблема возможности и меры предоставления бытия в Я., проблема онтологического статуса языковых значений ("слова" и "вещи"), проблема соотношения Я. и мышления, проблема функционирования Я. в социокультурном контексте и др.; 2) в рамках неклассической философии Я. – проблема языкового формализма и его интерпретации, проблема языковой структуры, проблема соотношения естественных и искусственных Я., статус Я. в онтологии человеческого существования и др.; 3) а в рамках современной (постмодернистской) философии Я. – проблема текста и интертекстуальности, проблема нарративной языковой референции, проблема означивания языковых игр и др. В соответствии с этим, классический, неклассический и современный периоды в развитии философии Я. могут быть условно обозначены как имеющие своим предметом –

соответственно – языковую семантику, языковую синтактику и языковую прагматику. Традиционная парадигма в философии Я. Ранние варианты философии Я. представлены так называемой философией имени, центральным предметом которой выступает феномен номинации и имя как синкретичный комплекс, заданный нерасчлененностью в архаичной культуре понятия и выражающего его слова. И если древнегреческая традиция в контексте своей общеатомистической ориентации интерпретировала предложение как архитектурно складывающееся из имен (например, феномен дискретности речи в концепции Аристотеля), то древнеиндийская традиция осмысления Я., напротив, трактовала имя как конституированное в результате деструкции предложения как исходной единицы Я. в процедуре рефлексивного грамматического анализа. Тем самым в рамках традиционной культуры обозначаются контуры определяющего классическую концепцию Я. противостояния семантического и синтаксического ее векторов (так наз. "философия имени" и "философия предиката"). Узловой проблемой философии имени выступает проблема соотношения имени и соответствующего ему предмета как фрагмента действительности или – иначе – проблема "установления имен" (др. инд. *namadheya*, греч. *onomatophtike*). Традиционные концепции имени дифференцируются в соответствии с критериальной матрицей, задаваемой базовой для традиционной философии языка дихотомической оппозицией двух альтернативных подходов к трактовке языковой проблематики: онтологического и конвенционального. Первый подход базируется на презумпции онтологической заданности соответствия имени и означаемого им предмета: "образовать имена (вещей) не может всякий, кому вздумается, но (лишь тот), кто видит ум и естество сущего. Итак, имена – по природе" (Прокл о позиции Пифагора). То обстоятельство, что имена даны предметам по природе (*phusei*), означает возможность правильного или неправильного наименования и задает необходимость постижения истинного значения (*etimon*) имени (отсюда – исходно – "этимология"), обеспечивающего постижения сущности предмета (позиция стоиков). В противоположность этому, конвенциональный подход к имени понимает наименование как осуществленное не в соответствии с глубинными автохотонными качествами предмета, но "по установлению, договору" (*vesei*). В рамках такого подхода имя принципиально не субстанциально, не атрибутивно и не имманентно предмету: "по одному комку глины узнается все сделанное из глины, (ибо) видоизменение – лишь имя, основанное на словах; действительное же – глина" (Упани-шады). Такая парадигма истолкования имени не позволяет проникнуть в сущность предмета посредством постижения его "правильного имени", ибо "имена обусловлены сознанием" (ранний буддизм), что в целом снимает проблему правильности имен как таковую, ибо "имена по случаю, а не по природе" (Демокрит). Общим для обеих позиций является понимание наименования как освоения и совпадение образа номатета "демиурга имен" с космоустроителем. При всей своей наивности, альтернатива двух названных подходов к природе имени практически закладывает исходную основу конституированной в рамках современной философии Я. фактически изоморфной альтернативы герменевтической трактовки текста как предполагающего понимание в качестве реконструкции его имманентного смысла и его постструктуралистской интерпретации как децентрированного, конструируемого в акте воспроизведения, допускающего принципиальный плюрализм трактовки и предполагающего деконструкцию как процедуру, в рамках которой понять текст – значит сделать его осмысленным и семантически значимым. В античной философии языка оформляется также интенция синтеза названных позиций: наряду с фигурой номатета в философии Платона присутствует модель структурно-семантического со-ответствия имени и предмета – в когерентном режиме – с одной стороны, и эйдоса-образца – с другой. В рамках средневековой философии проблема имени артикулируется в контексте спора об универсалиях, что задает соответствующую дифференциацию версий ее интерпретации в рамках таких схоластических направлений, как номинализм ("термин, произнесенный или написанный, означает нечто лишь по установлению – *ex institutio*" – Уильям Оккам) и реализм ("познаем не по сущностям, а по именам" – Василий Великий). Однако, при кажущейся изоморфности данной оппозиции античной оппозиции онтологизма и конвенционализма, медие-вальное понимание имени гораздо сложнее и глубже, ибо включает в себя идею фундаментального символизма, задающего понимание имени как конвенции в контексте библейской традиции ("и нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым" – Быт, 2, 20), однако – конвенции, причастной неясным образом к сущности означаемой вещи (в русле тотального семиотизма средневекового христианства). Такая установка задает импульс развитию разветвленной и сложной логико-философской традиции в рамках схоластики: введение терминов "абстрактное" и "конкретное понятие" Иоанном Дунсом Скотом; развитие категориального аппарата логики (см. Схоластика). В новоевропейской традиции философия Я., смыкается с методологией, эволюционирующей в контексте гносеологии (по оценке Локка, вне языковой аналитики "невозможно скольконибудь ясно или последовательно рассуждать о познании"). В контексте эмпирико-сенсуалистичной парадигмы имя рассматривается как результат рационального конструирования на базе данных чувственного опыта ("имя есть слово, произвольно выбранное нами в качестве метки" у Гоббса), что может быть оценено как историческое доминирование кон-венциональной концепции наименования "по установлению" над концепцией номатетики "по природе". Такой подход имеет своим следствием и оформление в философии Я. ориентации на анализ последнего с позиций логико-математического формализма ("Я. можно назвать одним из видов алгебры, или, наоборот, алгебра есть не что иное, как Я." – Д. Гартли) и установки на критику своего рода вербального фетишизма: коль скоро

слова обозначают не объекты, но идеи (десигнаты), то отождествление слов с предметами (денотатами) ведет к ошибкам в познании. Резонирующее взаимодействие этих двух тенденций задает интенцию на создание специального Я. науки, достаточно формализованного и удовлетворяющего требованию десигнативной определенности (концептуальный эскиз такого Я. у Кондорсе, "всеобщая и рациональная грамматика" Пор-Рояля, "алгебра универсальной рациональной семантики" Лейбница), что в далекой перспективе послужило одним из исходных импульсов позитивистской программы очищения языка науки от метафизических суждений. На базе традиционной философской аналитики Я. вырастает как классическая парадигма философии Я., так и теоретическая лингвистика, равно основанные на пре-зумции истолкования Я. как внеположенной объективной реальности, открытой для когнитивного проникновения в рамках субъект-объектной процедуры. Исходной формой этого объективизма выступает лингвистический натурализм. В контексте сравнительно-исторического языкознания оформляется подход к Я. как к организму, проходящему в своем развитии стадии "становления" и "истории развития" и стадию "распада языковых форм", вызванную деформацией Я. со стороны духа (А. Шлейхер); формируется генеалогическая классификация языков (Э. Бенвенист). Младограмматической лингвистической школой (Г. Остхов, К. Бругман, Б. Дельбрюк, Г. Пауль и др.) принцип историцизма ("принцип истории Я." у Пауля) был рассмотрен как основа теоретического языкознания, ориентированного на исследование языкового формализма. В качестве альтернативы лингвистическая школа "Слова и вещи" культивирует фокусировку внимания не на фонетическо-формальном, а на семантико-этимологическом аспекте языковой эволюции, понимаемой как "история слововещей" (Х. Шухардт). Окончательное оформление классической парадигмы в истории языкознания было осуществлено в связи с появлением концепции Соссюра, опубликованной после его смерти учениками (III. Балли и А. Сеше) на основании студенческих конспектов. Соссюром осуществлен системный подход к феномену Я.: "Я. представляет собой целостность сам по себе". А поскольку Я. "является системой", поскольку любое изменение в ней, подобно ходу в шахматной партии, касаясь исходно одного элемента Я. (фигуры), на самом деле в результате своей реализации приводит к изменению "значимостей всех фигур" и "может коренным образом изменить течение всей партии". - Однако, для оценки, понимания и анализа наличного состояния системы Я., по Соссюру, знание ее генезиса является избыточным: "зритель, следивший за всей партией с самого начала, не имеет ни малейшего преимущества перед тем, кто пришел взглянуть на положение партии в критический момент", в силу чего, хотя "вне категории времени языковая реальность не полна, и никакие заключения относительно нее невозможны", тем не менее - "единственный реальный объект лингвистики - это нормальная и регулярная жизнь уже сложившегося Я.". В этой связи, Соссюр дистанцирует "внутреннюю лингвистику" или собственно лингвистику, направленную на анализ имманентной системы языка, и так называемую "внешнюю лингвистику", предметом которой являются внешние по отношению к языковой системе условия ее функционирования (прежде всего, социальный контекст). Важнейшей особенностью системы Я. является семиотический характер ("Я. - это семиологическое явление", "система различных знаков"). Знаки, функционально предназначенные для "выражения идей", абсолютно безразличны по отношению к содержанию последних и являются результатом закрепленной в традиции конвенции. "Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме традиции, и, наоборот он может быть произвольным лишь потому, что опирается на традицию". Языковой знак, по Соссюру, есть единство означающего (план выражения) и означаемого (план содержания). Соссюру принадлежит заслуга дифференциации Я. (langue) и речи (parole), задающих в своем взаимодействии сферу речевой практики (langage). Идеи Соссюра заложили фундамент классической парадигмы исследования Я., представленной такими направлениями в языкознании, как 1) копенгагенская школа с ее программой создания глоссемантики (греч. glosso - говорение) как "имманентной лингвистики" или "алгебры Я." (Л. Ельмслев), исторически восходящей к логико-философским идеям Пор-Рояля и изоморфной идеям "априорной грамматики" Гуссерля и "чистого синтаксиса" Карнапа; 2) пражский лингвистический кружок, развивающий идеи семантических оппозиций в структуре Я. (В. Матезиус, С.Н. Трубецкой, Р. Якобсон); 3) американская школа дескриптивной лингвистики (Л. Блумфилд, З. Харрис, В. Блок, У. Хоккет), исследовавшей речевое поведение с позиций бихевиоризма (дистрибутивный анализ речевого акта в категориях сигнала, стимула и реакции); 4) школа этнолингвистики (Э. Сепир, Г. Пайк, В. ли Уорф), в рамках которой была сформулирована лингвистическая относительности концепция; 5) французская структурно-формальная школа, тесно связанная с идеями философского натурализма и герменевтики и основанная на тезисе "Я. - не калька действительности", - языковые структуры интерпретируются этой школой, прежде всего, как "инструмент", посредством которого осуществляется взаимопонимание среди людей" (А. Мартине); 6) школа социолингвистики (У. Уитни, Дж. Фишман, У. Мейбов), центрированная вокруг проблематики функционирования Я. в социокультурном контексте; 7) школа системно-теоретической лингвистики, ориентированная на семиотический анализ языковых систем, в рамках которого "в своей совокупности Я. представляет собой великое творение, построенное по общему закону, закону когеренции (связанности, coherence, частей и целого...), частные интегральные системы, которые как и любые системы, являются интегрирующими в отношении своих составных частей, обладают собственной целостностью". Таким образом, Я.

представляет собой "системное целое, охватывающее всю протяженность мыслимого и состоящего из систем, каждая из которых относится только к одной конкретной части мыслимого" (Гийом). На базе классической трактовки Я., ориентированной на анализ его объективных параметров, и, в частности, языкового формализма, развиваются такие современные направления исследования, как концепция интерфейса "человек-компьютер", в рамках которой именно Я. обеспечивает "интеллектуальность системы"; "генетическая грамматика" В.А. Ратнера, основанная на рассмотрении белковых цепочек как своего рода биологических "текстов без пробелов"; "полинуклеотидный Я." ("НК-Я.") в геномной биологии М. Ичаса и др. Параллельно разворачиванию традиции классического подхода к Я. в европейской культуре закладываются основы неклассической парадигмы в философии Я., вызванной к жизни рассмотрением последнего не в качестве объективно наличной ставшей реальности, внеположенной познающему сознанию, но – напротив – в качестве творческой процессуальности, определяющей духовное бытие индивида и фактически совпадающей с ним. Первый импульс движения в этом направлении был задан в контексте предромантической философии 18 в., трактовавшей человека как "языковое существо", а Я. – как "форму развития человеческого духа" (Гердер). Важнейшей вехой оформления неклассической трактовки Я. является идея о возможности толкования в качестве Я. любой знаковой системы с заданной интерсубъективной семантикой (от исходной мысли Вундта о "языке жестов" до интегрального базисного тезиса Витгенштейна "мир есть язык"). Основателем неклассической парадигмы истолкования языковых феноменов и основателем философии Я. в собственном смысле этого слова является Гумбольдт. В его трактовке Я. предстает не внешним средством выражения результатов мышления ("ergon"), но "непроизвольным средством" протекания последнего, – процессуальным средством духовного творчества и обретения истины ("energeia"). Я., таким образом, представляет, по Гумбольдту, особый мир, конституированный духом и выступающий в качестве медиатора между духом и предметным миром: языковое опосредование предметности позволяет сделать ее содержанием духа, открывая возможность мышления о мире. В этом контексте строй Я. оказывается содержательной детерминантой мировосприятия и миропонимания ("внутренняя форма" Я. как "формирующий орган мысли"), что позволяет интерпретировать концепцию Гумбольдта как предвосхищение концепции лингвистической относительности. На базе идей Гумбольдта разворачивается широкий веер психологизированных концепций Я. (уже в рамках классической традиции) и собственно психолингвистики: трактовка Я. как "инстинктивного самосознания народа" у Г. Штейнтама, понимание И.А. Бодуэном де Куртэне предмета своего исследования как "действительного Я., существующего в своей непрерывности только психологически", радикализм крайних младограмматиков с их тезисом о том, что "реально Я. существует только в индивидуе", и, следовательно, "на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов" (Г. Пауль). Концепция Гумбольдта положила начало и неклассической парадигме философии Я., задав ее проблемное поле, категориальный аппарат и основные интенции. (Таким образом, можно констатировать, что если применительно к классической традиции трактовки Я. философское осмысление языковых феноменов осуществлялось в контексте общегносеологических философских моделей, но в рамках неклассической традиции философия Я. конституируется в качестве самостоятельной сферы философской проблематики). Становление философии Я. оказывает существенное воздействие не только на структурную организацию, но и на содержание проблемных полей философского знания, охватывая своим влиянием не только гносеологию и методологию, но также и онтологию, понятую как онтология человеческого существования, и антропологию, и др. В этой связи конституирование философии Я. рефлексивно осмыслено в философии как лингвистический поворот философской традиции, задающий интенцию на перевод философских проблем в плоскость Я. и поиск их решения посредством языковой аналитики. Так, логическая семантика Фреге исследует отношения обозначения, раскрывая связь смысла языковых выражений со значением в логическом смысле этого слова. На идее о различии смысла и значения языковых выражений основана философская концепция Витгенштейна, фундированная отказом от традиционного субъект-объектного членения высказываний, понятых в качестве целостных и автономных (ср. с логикой высказываний). Внимание неклассической философии Я. сфокусировано на так наз. проблеме семантического треугольника, т.е. проблеме соотношения имени с десигнатом и денотатом соответствующего понятия. В этой связи логика мышления анализируется Витгенштейном посредством анализа логики Я., а поскольку ареал бытия совпадает с ареалом "метафизического субъекта", поскольку бытие совпадает со сферой вербальной артикуляции: "мы делаем предикатами вещей то, что заложено в наших способах их представления". В работах позднего Витгенштейна осуществляется переориентация от стремления к экспликации и анализу онтологически заданной, базовой априорной структуры Я. на анализ плюральной вариативности его процессуальных актуализаций: значение не исходно, – оно возникает в ситуации контекстных словоупотреблений (номиналистический исток концепции Витгенштейна), организованных по определенным правилам (см. Языковые игры). Если правила построения языковых конструкций, являющиеся результатом конвенции "лингвистического сообщества", описываются Витгенштейном как "поверхностная грамматика", то законы организации языковых игр – как "формы жизни", оцениваемые им в качестве "глубинной грамматики", соотносятся с фундаментальными структурами бытия. И если задачей философии является исследование языковых игр, то сверхзадачей – "языковая терапия", т.е. аналитическое исключение из Я. генерализаций как патологий. Концепция

Витгенштейна – наряду с концептуальным "реализмом здравого смысла" Мура – выступила основанием оформления в неклассической традиции философии лингвистического анализа (аналитической философии или философии обыденного языка) ориентированной – в отличие от философии логического анализа – не на реорганизацию естественного Я. в соответствии с внешними правилами, привнесенными из логики, но – вслед за Витгенштейном – на анализ естественного функционирования слова в ситуативных контекстах с целью терапии неправильных (т.е. генерализующих) словоупотреблений: не реформирование, но формирование языковых систем (своего рода языковых игр). Если кембриджская (или "терапевтическая") школа лингвистической философии в своей ориентации на устранение из Я. обобщений как патологических образований смыкается в своих интенциях с психоанализом (Дж. Уиздом, М. Лазеровиц, Э. Эмброзиус), то оксфордская школа (или "школа обыденного языка") фокусирует внимание на позитивном анализе словоупотреблений, в том числе и аксиологического характера ("психологических высказываний" у Райла и "нравственных" – у Р. Хеара), с близких к номинализму позиций выступая против любых вариантов унификации языковых структур и строя свою концепцию Я. на основе идеалов вариативности и плюрализма: эксплицитная "концепция схемы Я." П. Строссона; теория "речевых актов" в "лингвистической феноменологии" Дж. Остина. Последняя дифференцирует акты речи на локутивные (акт рефлексивного говорения о себе), иллюкутивные (констатирующие, вопросительные и оценочные высказывания, направленные вовне себя) и перлокутивные (побудительные высказывания, направленные на интеллектуальные и эмоциональные миры других персон), задающие в своем взаимодействии речевое поле. В своей строгой формально-логической трактовке концепция Остина была положена в основание иллюкутивной логики Р. Серла. Таким образом, именно в рамках лингвистической философии как особого вектора развертки философской проблематики реализуют себя базовые интенции неклассической парадигмы трактовки Я. В рамках логического позитивизма Венского кружка разрабатываются концепции Я. как фундаментального способа онтологической организации: "быть – значит быть значением связанной переменной" (Куайн). В этом контексте онтологическая проблематика артикулируется как проблема "перевода": знание об объекте может быть объективировано в Я. соответствующей теории T_n , а знание о ней – в Я. теории T_{n+1} , т.д. – однако "радикальный перевод", т.е. перевод на Я. реальности принципиально недостижим в связи с "непрозрачностью" основ и способов референции объектов этой реальности в структурах Я. В этом контексте остро встает проблема интерпретации, а также проблема соотношения означающего и выражающего планов Я. (противопоставление "референциального" и "эмотивного" словоупотребления у К.К. Огдена и И.А. Ричардса). Острая актуализация проблем языкового формализма, а также механизмов осуществления таких процедур, как референция и интерпретация, позволило философии Я. выступить в качестве методологической основы разработки концепции искусственных языков как семиотических систем, каждая из которых с точки зрения теории множеств предстает как семантический универсум и предполагает эксплицитно заданную сферу своей предметной аппликации. Однако, сама философия Я. далека от идеи возможности адекватного моделирования естественного бытия Я. в функционировании знакового формализма: Куайном формулируется идея "стимульного значения" как внеязыковых, привнесенных ситуативными "стимулами" детерминант принятия или не принятия высказывания. Транзитивной по отношению к неклассической и современной (постмодернистской) парадигмам интерпретации Я. является концепция, сформулированная в работах позднего Хайдеггера и основанная на принципиальном отказе от узко-специальной, сугубо семиотической его трактовки. По Хайдеггеру, человек как "пастух бытия" слушает его глубинный зов – призыв абсолютной семантической полноты, жаждущей обрести форму своего выражения. Именно в Я. коренится для человека возможность свершения своего высшего предназначения: Я есть способность человека "сказать бытие", артикулировать в языковых структурах его голос, ибо устами говорящего говорит само бытие, обретающее в Я. сферу своей презентации, – и в этом плане Я. есть "дом бытия". В свете этого "дар речи есть не какая-то одна из человеческих способностей рядом со многими другими. Дар речи отличает человека, только и делая его человеком. Этой чертой очерчено его существо... Сущность человека покоится в Я." (Хайдеггер). Трактовка Я. как проявления активности человеческой сущностной экзистенции и идея наполняемости языковых структур бытием в интеллектуально-волевом человеческом усилии инспирирует современную парадигму философии Я., конституируемую в контексте культуры постмодерна. Проблема Я. в контексте этой философской парадигмы задает принципиально новое видение языковой реальности. Восприняв от классической и неклассической традиций идеи произвольности языкового знака как единства означаемого и означающего (Соссюр), влитости Я. в культурный контекст (Гумбольдт), концепции лингвистической относительности (Э. Сепир и Б. Ли Уорф), плюральности значений естественного языка в концепции языковых игр (Витгенштейн), идеи произвольности выбора правил Я., соотносимых с правилами игры ("принцип терпимости" Карнапа), конституирования смысла языковых выражений в контексте векторного человеческого усилия (Хайдеггер), современная философия Я. генетически восходит к концепции Хомского, создавшего трансформационную (генеративную) модель Я. и дистанцировавшего лингвистическую компетенцию (способность носителя Я. структурировать в соответствии с аксиоматически заданными "правилами грамматики" как "универсальным грамматическим ядром" бесконечное множество высказываний), т.е. потенциальный Я., Я. как возможность – с одной стороны, и языковой перформанс (англ. performance –

исполнение), т.е. применение языковой компетенции в конкретной ситуации говорения, актуальный Я., Я. как действительность. Парадигма постмодерна радикально по-новому артикулирует саму проблему языковой реальности. Прежде всего, текст понимается предельно расширительно: с одной стороны – мир как текст ("словарь" и "энциклопедия" у Эко, "космическая библиотека" у В. Лейча, собственно "текст" у Дерриды). В рамках герменевтической традиции заложена трактовка Я. в связи с проблематикой понимания: по Гадамеру, открытое для понимания бытие и есть Я. Понимание, таким образом, задает как возможность понимающего мироистолкования, так и горизонт герменевтической онтологии. – Постигание смысла бытия оказывается тождественным его языковому конструированию: "система категорий – это система способов конструирования бытия" (Деррида).

Фундаментальным для постмодерна является тезис о соотнесенности Я. с таким феноменом, как власть. Языки, которые "высказываются, развиваются, получают свои характерные черты в свете (под Сенью) Власти", Барт называет энкратическими, языки же, которые "вырабатываются, обретаются, вооружаются вне Власти и (или, против нее) – акратическими. И если энкратический Я. основан на дискретных "фигурах системности", то акратический Я. резко дистанцирован "от доксы (то есть парадоксала)". Однако, в любом случае, власть Я. – это власть смыслообразующая и текстоформирующая (ср. с оценкой Гумбольдтом языковых систем как средств "превращения мира в собственность духа"). Постмодернистская трактовка Я. как порождающего феномена апплицируется на сферу бессознательного, традиционно ускользавшего из-под юрисдикции вербального дискурса; в рамках структурного психоанализа фиксирована языковая форма "бытия бессознательного как речи другого" (Лакан): в бессознательном, по формулировке Лакана, "говорит желание", которое, будучи артикулированным вербально, теряет свою автохтонность, оказываясь не просто подчиненным, но фактически заданным внешними требованиями грамматического строя и правил речевых практик, – вектор "означающих" как объективных форм Я. фактически очерчивает индивидуальную судьбу (Лакан).

Бессознательное, таким образом, предстает как Я., а желание – как текст. В когнитивно-рациональной сфере мы тем более сталкиваемся с языковой тотальностью: "мышление и познание предопределены языковым мироистолкованием", а "всякие рассуждения о Я. вновь и вновь оказываются Я." (Гадамер). Философия конституируется в этом контексте как особая "речевая деятельность" по формулировке претендующих на абсолютную истинность высказываний о мире в целом (Кожев). Задавая принципиально новое (предельно расширительное) видение языковой реальности, философия постмодерна формулирует и принципиально новые стратегии по отношению к тексту. Текст абсолютно свободен, ибо лишен "почтения к целостности (закону)" (Барт), в этой связи он лишен и жесткой структуры, будучи организован как ризома, а также центра, будучи полисемантическим: "функцией этого центра было бы... гарантировать, чтобы организующий принцип системы ограничивал то, что мы можем назвать свободной игрой структуры" (Деррида). В этом отношении классическая трактовка текста, оцененная Дерридой как "онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм", сменяется идеалом "невозможного текста" (Делез) с "бесовской текстурой" (Барт), понятого как "конструкция", коллаж цитат, организованный по такому принципу, как "ирония, ме-таречивая игра" (Эко). Особое значение приобретает в этой системе отсчета феномен контекста как результата взаимодействия текстовых подсистем (см. Контекст) Ж. Женнет вводит классификацию взаимодействия текстов, предполагающую вычленение таких уровней, как 1) интертекстуальность (представленность одного текста в другом в виде цитат, плагиата, иллюзий или намеков); 2) паратекстуальность (как отношение текста к своей части, например, эпиграфу или названию); 3) метатекстуальность (как отнесенность текста к контексту); 4) гипертекстуальность (взаимопародирование текстов); 5) архитекстуальность (как текстовая жанровая связь).

Поскольку "лингвистическая норма" уже перестает быть предметом "безусловной веры в референциальный Я." (Х. Брук-Роуз), поскольку даже пародия, основанная на этой вере, "стала невозможной", в силу чего единственной формой речевого самовыражения остается "пастиш" (ит. *pasticcio* – стилизованная опера-попури) как "изнашивание стилистической маски" (Ф. Джеймисон). В этой системе отсчета невозможна иная стратегия по отношению к тексту, нежели как основанная на отказе от восприятия его в качестве исполненного изначального смысла, что снимает саму проблему так называемого правильного прочтения: смысл должен быть исполнен в языковом перформансе (Хомский), сконструирован в процессе деконструкции (Деррида), построен "при построении собственной субъективности" (Фуко) или выстроен в процессе текстопорождения как "означивания" (Кристева), рожден творческим актом "состоявшегося шизофреника" (Делез и Гваттари) или генерирован в коммуникативном акте (Апель). Иначе говоря, смысл не имеет массы покоя: "текст значит ткань, однако, если до сих пор мы эту ткань неизменно считали завесой, за которой... скрывается смысл", то в рамках постмодерна этот смысл конституируется лишь процессуально – "путем нескончаемого плетения множества нитей" текстовой ткани (Барт). Ото выдвигает на передний план фигуру Читателя как источника смысла. – Смерть субъекта как фундаментальная для постмодерна идея в данном случае оборачивается такой своей стороной, как смерть Автора: "рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора" (Барт). Автор превращается в "скрипто-ра" – не более, – который отнюдь не есть "тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом" (Барт). Центральное место в языковых процессах занимает, таким образом, не письмо, а чтение (см. Мак-Люэн), как место понимания занимает интерпретация: "чтение произведения влечет за

собой акт интерпретации со стороны читателя. Каждый читатель овладевает произведением... и налагает на него определенную схему смысла" (Дж.Х. Миллер). В позднем постмодерне столь же важным источником смысла, как и интерпретация, оказывается коммуникация. Так, Апелъ предлагает "трансцендентально-герменевтическую" трактовку Я., ибо "Я. является трансцендентной величиной.., условием возможности и значимости диалогического взаимопонимания". В этой системе отсчета ситуация диалога, предполагающего взаимопонимание и реализующегося посредством Я., становится фундаментальной для артикуляции полей философской проблематики: роль "языковых значений" выходит далеко за рамки обслуживания когнитивного и прагматического субъект-объектного взаимодействия, - она оказывается конституирующе значимой и "для intersубъективной коммуникации, которая не может быть сведена к языковой передаче информации.., а является одновременно процессом достижения согласия относительно смысла выражений и смысла бытия вещей, представленных в языковых выражениях" (Апелъ). Логицистская модель Я., по Апелю, "исходящая из идеи произвольного обозначения инструментальных представлений, не в состоянии объяснить intersубъективно значимую языковую систему и интрасубъективные правила использования Я., отвлекаясь от коммуникативной практики и психических функций речевого субъекта" (ср. с идеей классического языкознания: "обобщение - вот единственно то, что порождает язык индивида" - Г. Пауль). Между тем, с точки зрения постмодерна, "говорение не относится к сфере Я, но к сфере Мы" (Гадамер), и условием возможности Я. выступает диалог, который "предшествует речи и порождает ее" (Делез и Гваттари), - "встреча является первоначальной и необходимой конъюнктурой значения языка: кто-нибудь, говорящий "Я", направляется к другому человеку" (Левинас). Именно анализ речевых коммуникативных практик конституирует, по Апелю, философию как преодолевавшую "методический солипсизм" (апеллируя к ситуации диалогической коммуникации) и субстанциальный онтологизм (конституируясь как философия Я.). Кроме того, "трансцендентально-герменевтическая трактовка Я... позволяет снять принципиальное различие между классической онтологией и новоевропейской философией сознания, не отказываясь при этом от свойственной последней претензии на критику познания". Собственно, философия, по Апелю, "является рефлексией на "значение" или "смысл" языковых выражений ("анализом Я."), а философ выступает "как критик Я.". Речевая понимающая коммуникация мыслится Апелем в качестве языковых игр, что задает новый вектор квази-языковой аналитики (см. Языковые игры). Именно языковая игра является сферой подлинной реализации не только сущности Я., но и человеческой сущности. - Философия Я., таким образом, предельно расширяет в постмодерне ареал своего интерпретационного потенциала, включая в него и концепцию человека, и концепцию сознания, и концепцию бытия. "Я. является истинным средоточием человеческого бытия, если рассматривать его исключительно в сфере, которую заполняет он один, - в сфере человеческого бытия-друг-с-другом, в сфере взаимопонимания, все крепнущего согласия, которое столь же необходимо для человеческой жизни, как воздух, которым мы дышим" (Гадамер). Именно поэтому "языкознание есть предистория человеческого духа" и именно "в Я. мы обычно так же дома, как и в мире" (Гадамер), ибо сама наша жизнь артикулирован как "разговорное бытие" (Левинас). И как греки "взволнованно и неустанно вслушивались в шелест листьев, в шум ветра, одним словом - в трепет природы, пытались различить разлитую в ней мысль", так и современник, вслушиваясь в "гул языка" (а "гул - это шум исправной работы"), вопрошает "трепещущий в нем смысл", ибо для "современного человека этот Я. и составляет Природу" (Варт). В целом, описанные векторы анализа языковой реальности, конституированные в культуре постмодерна, фактически означают "трансформацию *prima philosophia* в философию Я." (Апелъ). М.А. Можейко

ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ - понятие современной неклассической философии языка, фиксирующее речевые системы коммуникаций, организованные по определенным правилам, нарушение которых означает разрушение Я.И. или выход за их пределы. Понятие Я.И. введено Витгенштейном, являясь одной из важнейших категориальных структур в его поздних произведениях. Я.И. являются наиболее существенной формой презентации языка как в процессе овладения им (обучения языку, осуществляемое посредством включения субъекта в определенные нормативные системы речевых коммуникаций), так и в процессе ставшей языковой динамики (усложнение словоупотреблений в речевых коммуникациях как Я.И.). В концепции Я.И. Витгенштейна получает новое истолкование введенное Э. Шпрангером (1922) понятие "форм жизни": конституирование форм жизни как определенных вариантов социокультурной артикуляции человеческого бытия фундировано именно речевой практикой Я.И., - базовые параметры последних оказываются содержательными детерминантами форм жизни, задавая им такие характеристики, как конвенциональная основа, нормативность правил и др. Вместе с тем, Я.И., переводя речевую (и - соответственно - социокультурную) реальность в игровую плоскость, очерчивают горизонт возможных миров индивидуального и социокультурного опыта как не совпадающих с наличными, ибо, с одной стороны, в выборе правил языка, как и в выборе игры как набора игровых правил, человек ничем извне не ограничен (ср. с "принципом терпимости" Карнапа), а с другой - соблюдение требования интерпретируемости модельной семантики заложено в самой основе конституирующего игру языка. По Витгенштейну, словоупотребление вообще не может быть

неправильным: во-первых, потому, что построение речи подчинено соответствующим конвенциям, обеспечивающим соблюдение правил языковой организации, а во-вторых, потому, что "правильного" (как единственно правильного, правильного в отличие от возможного неправильного) словоупотребления вообще не существует, иначе Я.И. были бы невозможны как таковые. Теория Я.И. Витгенштейна находит свое дальнейшее развитие, с одной стороны, в модальной семантике и эпистемологии, с другой – в философии постмодерна. Так, в игровой модели языка Хинтикки зафиксированная в грамматической структуре предложения ситуация артикулируется как игровая, апплицируясь на таких "игроков", как "Я" и "реальность", – и если первый "игрок" ориентирован на верификацию содержания высказывания, то второй – на его фальсификацию, что задает принципиальную гипотетичность языковых моделей, содержание которых выступает как "возможные миры". В философии постмодерна понятие "Я.И." фиксирует плюральность нарративных практик (см. Нарратив) – в противоположность характерному для "эпохи больших нарративов" жесткому "дискурсу легитимаций", исключающему саму возможность игры как свободы (Лиотар). Игровая аргументация фундирует идею Дерриды о децентрированности текста (аргумент от противного и к игре): ни семантический, ни аксиологический центр текста невозможен, ибо "функцией этого центра было бы... прежде всего гарантировать, чтобы организующий принцип структуры ограничивал то, что мы можем назвать свободной игрой структуры" (Деррида). Идея Я.И. лежит в самой основе постмодернистической концепции Читателя как источника смысла, ибо в процессе чтения "все трое" (т.е. читатель, текст и автор) "являют собою единое и бесконечное поле для игры письма" (Л. Перрон-Муазес). И в целом "формы протекания всякого разговора можно... описать понятием игры", и "основное состояние игры, которое должно быть наполнено ее духом – духом легкости, свободы радости от удачи – и заполнять им играющего, является структурно близким состоянию разговора, в котором язык является истинным" (Гадамер). По Гадамеру, "протекание всякого разговора можно... описать понятием игры", и Я.И. могут реализовывать себя как в коммуникативной сфере ("духовная реальность языка есть реальность Рнеума, духа, который объединяет Я и Ты... В любом разговоре господствует дух открытости и свободного перетекания Я в Ты"), так и в рафинированной сфере интеллектуальной рефлексии ("игра речей и объектов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой, как прекрасно назвал мышление Платон"). – Однако, в любом случае, "очарование игры для играющего сознания заключено в растворении себя самого во взаимосвязи движений, которая обладает собственной динамикой" (Гадамер). В "трансцендентально-герменевтической концепции языка" Апеля Я.И. понимаются как "сплетенные с жизненной практикой прагматические квази-единицы коммуникации и взаимопонимания". Апелем вводится также понятие "трансцендентальных Я.И." как Я.И. идеального (в нормативном смысле) "коммуникативного сообщества": "Эти идеальные Я.И. предвосхищаются каждым, кто следует правилу... как реальная возможность той Я.И., в которую он включен, а это значит – предполагаются как условие возможности и значимости его образа действий как осмысленного". Но если пред-игра относима к Я.И., то с той же степенью правомерности это можно утверждать и о пост-игре: "...философ как критик языка должен отдавать себе отчет в том, что, занимаясь описанием Я.И., он сам осуществляет специфическую Я.И., которая находится в рефлексивном и критическом отношении ко всем возможным Я.И.". В такой системе отсчета intersubjectивность значений языковых выражений обосновывается Апелем не через характерную для философской классики ссылку на абсолют абстрактно-универсального сознания, но посредством апелляции к коммуникативно значимому принципу "критического образования консенсуса", безоговорочно оправданного и неуязвимого в своей операциональности: "познавательное-критическое сомнение никогда не может поставить под вопрос семантико-прагматическую связность уже используемой Я.И." Я.И. принципиально коммуникативна, и в этом отношении предполагает понимание как взаимопонимание: язык как "трансцендентная величина" выступает "условием возможности и значимости диалогического понимания и понимания самого себя". Я.И. есть, прежде всего, intersubjectивная коммуникация, "которая не может быть сведена к языковой передаче информации... а является одновременно процессом достижения согласия". В этом контексте, начиная с трактовки Я.И. Апелем, в позднем постмодерне оформляется вектор, связанный с реабилитацией понимания в идущем от экзегетики классическом герменевтическом смысле этого слова: "говорить – это значит говорить кому-нибудь", и любая речь – даже самая непонятная – "рождается в понимании и для понимания" (Гадамер). Если, пользуясь терминологией Э. Финка, можно сказать, что Витгенштейн понимал под Я.И. игру-game, то Я.И., по Апелю, – это игра-play. И такая трактовка Я.И. как взаимопонимающего диалога предполагает отказ от идеи произвольной "деконструкции" (Деррида), "означивания" как тек-стопорождения (Кристева) и т.п. процедур субъектного наполнения текста смыслом, ибо в рамках коммуникативного акта такой подход означал бы обрыв коммуникации. – Только обоюдная установка на понимание как реконструкцию имманентного смысла любого речевого акта и текста может сделать Я.И. принципиально возможной. Теория Я.И. широко используется в современной философии, применяется в исследованиях по общей семантике (Р. Хаякава) и сценарной социально-психологической "теории конфликта" (А. Рапопорт).

М.А. Можейко

ЯЗЫЧЕСТВО – теологический термин, конституированный в рамках дуальной оппозиции "теизм (в конкретно-историческом приложении – христианство) – нетеизм (соответственно – Я.)", и обозначающий систему нетеистских верований различных народов ("Я." – от "язык" в значении "народ"). Оппозиция "теизм – Я." является асимметричной как во временном, так и в аксиологическом отношении. Теизм противоположен Я. как дотеистским (и в частности – дохристианским) верованиям, что задает отрицательную аксиологию последних, тем более острую, чем более ранний период доминирования христианства над Я. будет рассмотрен; русск. "язык" в данном отношении эквивалентно греч. *barbaros* (варвар) и евр. *gwm* (иноземец), что в данном случае осмысливается как иноверец, нехристианин, придавая термину негативное звучание: укр. эквивалент русск. "Я." – "паганство" (ср., а про ро, англ. *pagán* – язычник). Я. является необходимой стадией становления теизма, эволюция которого предполагает в качестве нулевого цикла трансформацию ранних форм религиозных верований (анимизм, тотемизм, фетишизм) в политеизм – с последующим развитием его в направлении монотеизма (что Фромм трактует в качестве органичного вектора эволюции религиозной веры). Типологические характеристики Я. могут быть представлены следующим образом: 1). Прежде всего, если теизм предполагает трактовку Бога как трансцендентного начала и – соответственно – установку на усмотрение и постижение трансцендентального смысла в мире как "книге творения", то Я., фундированное мифологическим мировоззрением, ориентировано на вчувствование в имманентную мерность бытия (ср. с анаксимандровским истолкованием апейронизации как космической кары за нарушение стихиями меры, гераклитовское "солнце не преступит меры, иначе Эринии, слуги Дике, его настигнут"). 2). Воплощенная в языческих богах мерность космического равновесия делает их выражением гармонии и порядка, однако практически лишает индивидуальной свободы: они оказываются подчинены каждой своей функции в обеспечении космического миропорядка, исполняя свою судьбу так же, как и люди ("такую уж видно мощную выпряла долю Судьба, как его я рождала" – Афродита о сыне в Гомеровских гимнах), – в отличие от теизма, отчетливо артикулирующего трансцендентный статус Бога по отношению к миру, дающий ему абсолютную возможность попирать законы природы (феномен чуда, теургия) и ничем не ограниченную свободу воли (Иоанн Дунс Скот отвергает, например, идею творения мира "по разуму Божьему", ибо необходимость следования рациональной логике ограничивала бы атрибутивность и безграничную свободу воли Божьей). Как замечает раннехристианский критик Я. Лактанций Фирмиан, "то, на что ссылаются стоики в обоснование божественности небесных тел, доказывает как раз обратное... – именно потому, что светила не могут сойти с предустановленных орбит, обнаруживается, что они не боги: будь они богами, можно было бы наблюдать, как они двинутся то туда, то сюда..., ибо их волевые акты свободны". 3). В соответствии со сказанным, основным морально-этическим требованием Я. является соблюдение меры: от бытовой умеренности (есть за обедом более 14 блюд в античной Греции считалось неприличным) до достойного несения своего жребия, не приступая его имманентной меры. Если этика христианства – это этика свободного выбора, то этика Я. – чистой воды исполнительский ригоризм: героем (греч. *εἰρην* этимологически восходит к значению "умерший"); в архаической греческой культуре это слово писалось на могильных плитах) считается исполнивший свою судьбу. 4). Боги Я. представляют собой не столько персоны, сколько персонификации, где личностная компонента образа отходит на второй план по сравнению с компонентой воплощения той или иной стихии (Тетис – моря, Гея – земли, Аполлон – солнца и т.п.) или – позднее – соответствующей хозяйственной функции (Асклепий – врачевания, Артемис – охоты, Гефест – кузнечного дела и т.п.) – в отличие от остро артикулированного в теизме личностного статуса Бога. 5). Языческие боги, не обретая трансцендентного характера, конституируются как антропоморфные (ср. теистский запрет на изображение лика Божьего, в частности – запрет в раннем христианстве на иконографию Троицы). Антропоморфизм языческого пантеона задает богам не только осязаемую телесность (красота Афродиты, хромота Гефеста, девственность Афины, эротический потенциал Зевса), но и индивидуализированные характеры, предполагающие, однако, в качестве интегрально общей характеристики так называемую "зависть богов", являющую собой не что иное, как механизм поддержания космической меры как закономерности: преступление человеком меры мужества, разума или счастья рассматривается богами именно как преступление против высшей ценности – мерности Космоса – и незамедлительно пресекается, зачастую нещадно караясь (Посейдон против Одиссея). 6). В отличие от теизма, фундированного идеей трансцендентного Бога, Я. характеризуется феноменом теофании, т.е. возможности непосредственной явленности богов и их вмешательства в события земной жизни: вовлеченность Олимпа в Троянскую войну у Гомера, мифологические герои как рожденные от бога и смертной и т.п. (ср. с характерной для классического теизма презумпцией принципиальной непостижимости Бога, проявляющего себя в мире теургическим образом – см. Теургия). 7). В отличие от теизма, проблематика веры как интимно сокровенного состояния души не является для Я. центральной и – более того – принципиально значимой: семантическим центром Я. выступает отправление культа, также, в свою очередь, сфокусированного не на творимой душой молитве, но на непосредственных культовых ритуалах (жертвоприношения богам, участие в мистериях и т.п.). 8). Я. предполагает развитую магическую практику (греч. *mageia* – волшебство, чародейство), основанную на приведении в действие не известных человеку, но имманентных Космосу тайных сил, воздействия на пронизывающие мир

сакральные материи (в отличие от ожидания сверхъестественного чуда в теизме); соответственно дар предвидения (в отличие от мессианства христианских пророков) осмыслен как умение услышать голоса стихий: предсказания Пифии, например, связываются с испарениями из расщелины пещеры (ср. с искусом молчания в пифагореизме, призванного дать возможность услышать сквозь суетный шум звучание "гармонии сфер"), а пророческий дар богов мог служить и инструментом наказания (фигура Кассандры). 9). Эмоциональная тональность Я., по преимуществу, мажорна: в отличие от христианства как религии плача, гомерический хохот языческих богов вошел в число общекультурных идиом. По словам Прокла, "мифы говорят, что плачут боги не вечно, смеются же непрерывно, ибо слезы их относятся к попечению о вещах смертных и бранных, и порой есть, а порой нет их, смех же их знаменует целокупную и вечно пребывающую полноту вселенского действия... Смех мы отнесем к роду богов, а слезы - к состоянию людей и животных". В контексте своей исторической эволюции все теистские религии несут в себе следы восходящего к тотемизму языческого зооморфизма (Дух Святой в облике голубя, агнец как символ Христа в христианстве), характерного для Я. фетишизма (кааба в исламе или христианский крест, восходящий в своем генезисе к символике архаических соляных культов). В соотношении Я. и теизма отчетливо проявляется себя закономерность, зафиксированная в свое время еще Тертуллианом: сменяя Я., христианство включает прежних богов в свой пантеон, низводя их до статуса нечистой силы ("мы поклоняемся единому Богу..., относительно других существ, которых вы именуете богами, мы знаем, что они не что иное, как демоны"). Языческие персонажи природных стихий на уровне массового христианского сознания фиксируются в образах "низшей" мифологии (например, бесы); в Люцифере как "светоносном" могут быть усмотрены черты языческого солнечного бога, связанного с ночным и зимним "умиранием", задавшим соотношение с загробным царством, а в негативной семантике - с адом, (ср. Ярилу в белорусской мифологии как персонификацию весны в виде девушки с колосьями в одной руке и человеческой головой - в другой). Многие элементы Я. в снятом виде входят в содержание христианской обрядности: Пасха как Святое Воскресенье Христово переосмысливается в соответствии с архаической семантикой аграрных культур как весеннее пробуждение (воскресение) природы, в структуру обрядности вводится ритуальное поедание окрашенного яйца (красный цвет - цвет крови - использовался в Я. как знак жизни для окрашивания лба раненых, рожениц и новорожденных с целью обратить их к жизни; яйцо выступает в европейском Я. традиционным (см. Орфизм) символом космогенеза; христианский праздник Троицы в православии включает в себя архаические элементы языческого анимизма (культ березы, трав и злаков); Преображение Господне стало отмечаться как типичный для Я. аграрный праздник сбора плодов (Яблочный Спас) и т.п. Персонификации Я. фундируют собою символическую систему европейской культуры, во многом детерминируя метафорику художественной традиции.

М.А. Можейко

ЯКОВЕНКО Борис Валентинович (1884-1949) русский философ, публицист. Учился во Франции - в Сорбонне и Свободном русском университете, затем в Московском университете (1903-1905), а в 1906-1908- в Гейдельберге у Виндельбанда и в Фрейбурге у Риккерта. По возвращению в Россию занимался журналистикой. Член редколлегии журнала "Логос" (с 1911). В 1912 арестован за связь с эсеровской организацией (первый раз арестовывался в 1905-1906), в 1913 уезжает за границу и по 1924 живет в Италии, затем (по приглашению Т.Г. Масарика) переезжает в Чехословакию. В 1929-1934 издавал на немецком языке журнал по проблемам русской философии, литературоведения и культуры "Der russische Gedanke" ("Русская мысль"). С 1935 по 1944 издавал Международную библиотеку по философии". Основные работы - программные статьи в "Логосе": "О логосе" (1911); "Что такое философия. Введение в трансцендентализм" (1911-1912); "Об имманентном трансцендентализме, трансцендентном имманентизме и о дуализме вообще. Второе, более специальное введение в трансцендентализм" (1912-1913); "Путь философского познания" (1914). Ряд статей опубликован в журналах "Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма", "Вопросы философии и психологии" ("К критике теории познания Г. Риккерта", 1908; "Философия Вильгельма Шуппе", 1913; "Вильгельм Виндельбанд", 1916 и др.) и др. изданиях. За границей издал: "Философию большевизма" (1921); "Очерки русской философии" (1922); работы о русской философии на итальянском и чешском языках. Я. последовательно оппонировал религиозной линии в русской философии, защищая философию от воздействия на нее каких-либо внефилософских мотивов. В этом же русле строится критика Бердяева, Булгакова, Флоренского и др. за "национализацию" философии. Много сделал Я. для теоретического осмысления и методологического анализа истории русской философии (особенно в пражский период). Однако известен он прежде всего своей философией трансцендентального плюрализма, или критико-трансцендентального интуитивизма, основные положения которой были сформулированы во время его сотрудничества с журналом "Логос". Философия, по Я., должна исходить из проблем жизни, обнаруживать ее смыслы, постигать сущее во всех его проявлениях. Она обнаруживает себя в качестве трансцендентальной сущности жизни и культуры и осознает себя в своей истории как фиксирование моментов Абсолютного Сущего. Фиксируя различие между собственным бытием вещи и ее данностью в восприятии, философия вводит проблему трансцендентного, фиксируемую как отношение чувственного и сверхчувственного, явления

и сущности, единого и многого и проявляемому в противопоставлении субъекта и объекта. Однако сущее можно истолковать не трансцендентно, не за пределами познания, а имманентно (внутри процессов познания). Философия должна очистить себя от "догматических наличностей" сознания. Это, по Я., можно сделать через ограничение философии, т.е. ее отделение от иных форм проявления сознания (наука, искусство, право, нравственность, религия, политика), по психологическим, гносеологическим и методологическим основаниям (отсюда оппонирование трансцендентализму русского космизма), и через ее освобождение, т.е. "критическое отчисление" субъекта из содержания познания. Последнее позволит преодолеть вносимые субъектом в познавательный процесс предвзятости натурализма, антропоморфизма, психологизма, интенционализма, а также все формы монизма и дуализма. Тем самым философия должна обратиться к чистой мысли как таковой как к основе содержательного состава познания. Это требует преодоления сенсуализма, интеллектуализма и теологизма на основе интуитивизма. Сущность же, усматриваемая чистой мыслью, может быть определена, по Я., как совокупность ценностей и смыслов, которые сознание и душа несут в себе как данное, но принципиально отличное от них и самостоятельное в своем значении. Отсюда философия должна быть противопоставлена всем формам релятивизма и агностицизма. Философское познание имеет две стороны: научно-критическую, обращенную к субъекту, и мистическую, обращенную к самому сущему, обнаруживаемому как система ценностей. Критическо-гносеологический подход к сущему выявляет его как само абсолютное познание. "Подлинное философское постижение есть самоупражнение философской мысли в Сущем и прямое наличествование Сущего". Иррациональность жизни снимается культурой, которая находит свое завершение в философии. Философия же есть самопознание Сущего, исторические этапы постижения которого фиксируются в единстве категорий философии. Отсюда философский плюрализм Я., который проецируется в социум как система демократии. В целом, философия Я. выступает как оригинальный синтез идей Канта, Гегеля, Когена, Риккерта, Гуссерля. В.Л. Абушенко

ЯН и ИНЬ - взаимосопряженные понятия древнекитайской философской школы даосизма, а также китайский символ двойственного распределения сил, включающий активный или мужской принцип (Я.) и пассивный, или женский, принцип (И.). Обладает формой круга, разделенного надвое линией, напоминающей сигму; образованные таким образом две части приобретают динамическую интенцию, которой не бывает, когда деление осуществляется с помощью диаметра. (Светлая половина представляет силу Я., а темная - означает И.; однако, каждая из половин включает в себя кружок - вырезанный из середины противоположной половины, т.е. символизируя тот факт, что каждый из модусов должен содержать в себе зародыш своей противоположности). Предполагалось, что природа и человек порождаются Землей и Небом. В момент начала Бытия прозрачный воздух, эфир, в Пустоте отделяется от Хаоса, трансформируются и порождают Небо; тяжелый и мутный воздух, осаждаясь, образует Землю. Соединение, сцепление мельчайших частиц Неба и Земли осуществляется при помощи Я. и И., взаимодействующих и взаимопреодолевающих друг друга сил, а также начал Зла и Добра, Холода и Тепла, Тьмы и Света. Взаимообусловленность и взаимозависимость Я. и И. описывались в контексте нарастания одного в другом, прохождения стадии предела преобладания одного, затем - другого и обратно. Бесконечный процесс мирового движения, активного бытия выстраивается концентрическими кругами вокруг условного центра мироздания, ассоциирующегося для человека с чувством гармонии, уверенности, покоя. И. (Земля) и Я. (Небо) порождают четыре времени года и все вещи мира (и неодушевленные предметы, и одушевленные существа), выступающие как субстанция "жизненной энергии" ("ци" - кит., "ки" - япон.). Взаимодействие И. и Я. продуцирует пять главных стихий, способных переходить друг в друга: дерево, землю, воду, огонь и металл. Бесконечное небо, обозначаемое бесконечной линией (окружностью); земля, ввиду своей ограниченности в пространстве, описываемая знаком квадрата вкупе с человеком, символом которого выступает треугольник - феномены таинства жизни, проходящей череду метаморфоз ("схватываемых" магическими знаками-символами "гуа") - в центре их классического изображения в виде круговой схемы и помещается "монада" жизни - взаимодополняющие друг друга И. и Я. Они - первооснова всяческих перемен, несущая конструкция "Великого предела" ("Тайцзы") - неизбежного источника. Я. выступает как "внутренняя" жизнь, наступающее, создающее мужское начало; И. - как внешний мир, отступающий, разрушающийся - женская ипостась двуединого основания бытия. Внутренние органы человека и их совокупности (комплексы) подразделяются на Я.- и И.-"подсистемы". Я.-органы подвержены воздействию состояний сознания и неосознаваемых психических импульсов, здоровье организма обуславливается И.-органами. Испуг, тревога, волнение (и прочие Я.-влияния) способны деструктивно влиять на И.-органы. Взаимопревращение, взаимодополнение, взаимообогащение, взаимопоглощение, взаимосозидание всего и вся - Я. и И. - всего, что может быть понято и постигнуто человеком, и того, что лежит за пределами его понимания, - основной закон дао. Теория И. и Я. зародилась в середине 1 тыс. до н.э. В традиции современного сексуально-эротического городского фольклора европейского типа символ И. и Я. приобретает значение, существенно дополняющее эталонные поведенческие модели. Постулируется не только неразрывное единство, взаимная ответственность и необходимость

гармонии любящих людей, - провозглашается высокая ценность готовности влюбленных индивидов к самотрансформациям (не обязательно осознаваемым и рационально мотивируемым) с целью достижения соответствия инициируемым внешней средой спонтанным душевным и телесным метаморфозам своего близкого, а также подлинно человечески смысл и звучание феномена присутствия в "И. - Я." - союзах приобретенных и интериоризированных духовных черт друг друга. А.А. Грицанов, А.И. Мерцалова